

ГОРОД ПУСТЫХ

ПОБЕГ ИЗ
ДОМА
СТРАННЫХ ДЕТЕЙ

РЕНСОМ РИГГЗ

Annotation

Джейкоб знает, что он не такой, как все. Он — один из странных. В компании новых друзей ему предстоит полное смертельных опасностей путешествие по петлям времени. Нужно успеть спасти директрису, мисс Сапсан, которая застряла в облике птицы! Но твари и пустоты идут по пятам...

- [Ренсом Риггз](#)
    - [Странные персонажи:](#)
    - [Обычные персонажи](#)
    - [Часть первая](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
    - [Часть вторая](#)
      -
      - [Глава восьмая](#)
      - [Глава девятая](#)
      - [Глава десятая](#)
      - [Глава одиннадцатая](#)
      - [Глава двенадцатая](#)
      - [Глава тринадцатая](#)
    - [О фотографиях](#)
    - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Ренсом Риггз

Город пустых

Побег из Дома странных детей

Посвящается Тахерен

*И вот в ладье навстречу нам плывет
Старик, поросший древней сединою,
Крича: «О, горе вам, проклятый род!*

*Забудьте небо, встретившись со мною!
В моей ладье готовьтесь переплыть
К извечной тьме, и холоду, и зною.*

*А ты уйди, тебе нельзя тут быть,
Живой душе, средь мертвых!»
Но я не отошел...*

Данте, Ад, песнь III [\[1\]](#)

Странные персонажи:

Джейкоб Портман — наш герой, который видит и чувствует пустоту.

Абрахам Портман (покойный) — дедушка Джейкоба, убитый пустотой.

Эмма Блум — девушка, которая умеет вызывать руками огонь, в прошлом подруга дедушки Джейкоба.

Бронвин Брантли — необычайно сильная девушка.

Миллард Наллингс — невидимый юноша, знаток всего экстраординарного.

Гораций Сомнассон — мальчик, которого посещают пророческие видения и сны.

Оливия Аброхолос Элефанта — девочка, которая легче воздуха.

Енох О'Коннор — мальчик, способный на краткое время оживлять мертвых.

Хью Апистон — мальчик, способный управлять пчелиным роем, обитающим у него в животе.

Фиона Фрауэнфельд — молчаливая девочка, обладающая очень необычной способностью ускорять рост растений.

Клэр Денсмор — девочка с дополнительным ртом на затылке. Самая младшая из странных детей мисс Сапсан.

Алма ЛеФэй Сапсан — имбрина, оборотень, умеет манипулировать

временем, заведует Кэрнхольмской петлей времени. Превратилась в птицу и не может снова стать человеком.

Эсмерельда Зарянка — имбрина, петля времени которой была взломана силами Зла. Похищена тварями.

Обычные персонажи

Франклин Портман— отец Джейкоба, орнитолог-любитель, мечтающий стать писателем.

Марианна Портман— мать Джейкоба, наследница второй по величине сети аптек Флориды.

Рики Пикеринг— единственный нормальный друг Джейкоба.

Доктор Голан (покойный)— тварь, принявшая облик психотерапевта, чтобы обмануть Джейкоба и его родителей. Позднее убита Джейкобом.

Ральф Уолдо Эмерсон (покойный)— эссеист, лектор, поэт.

Часть первая

Глава первая

Мы гребли к выходу из бухты мимо качающихся на волнах лодок с ржавчиной на бортах, мимо колоний молчаливых морских птиц, гнездящихся на остатках затопленных доков, обросших ракушками, мимо рыбаков, опускающих в воду свои сети. Рыбаки смотрели на нас широко раскрытыми глазами, как будто сомневались в том, что перед ними живые люди. Видимо, десять молчаливых детей и птица в трех утлых лодчонках и в самом деле напоминали вынырнувших из воды призраков. Мы так упорно гребли в открытое море, стремясь к выходу из единственной укромной гавани на многие мили вокруг, как будто хотели как можно скорее покинуть не только бухту, но и мир живых людей. Зыбкие очертания угрюмых утесов, подернутых дымкой голубовато-золотистого рассвета, стремительно исчезали вдаль. Где-то перед нами находилась наша цель — скалистый берег континентального Уэльса, но пока он представлял собой лишь мутное чернильное пятно на бесконечно далеком горизонте.

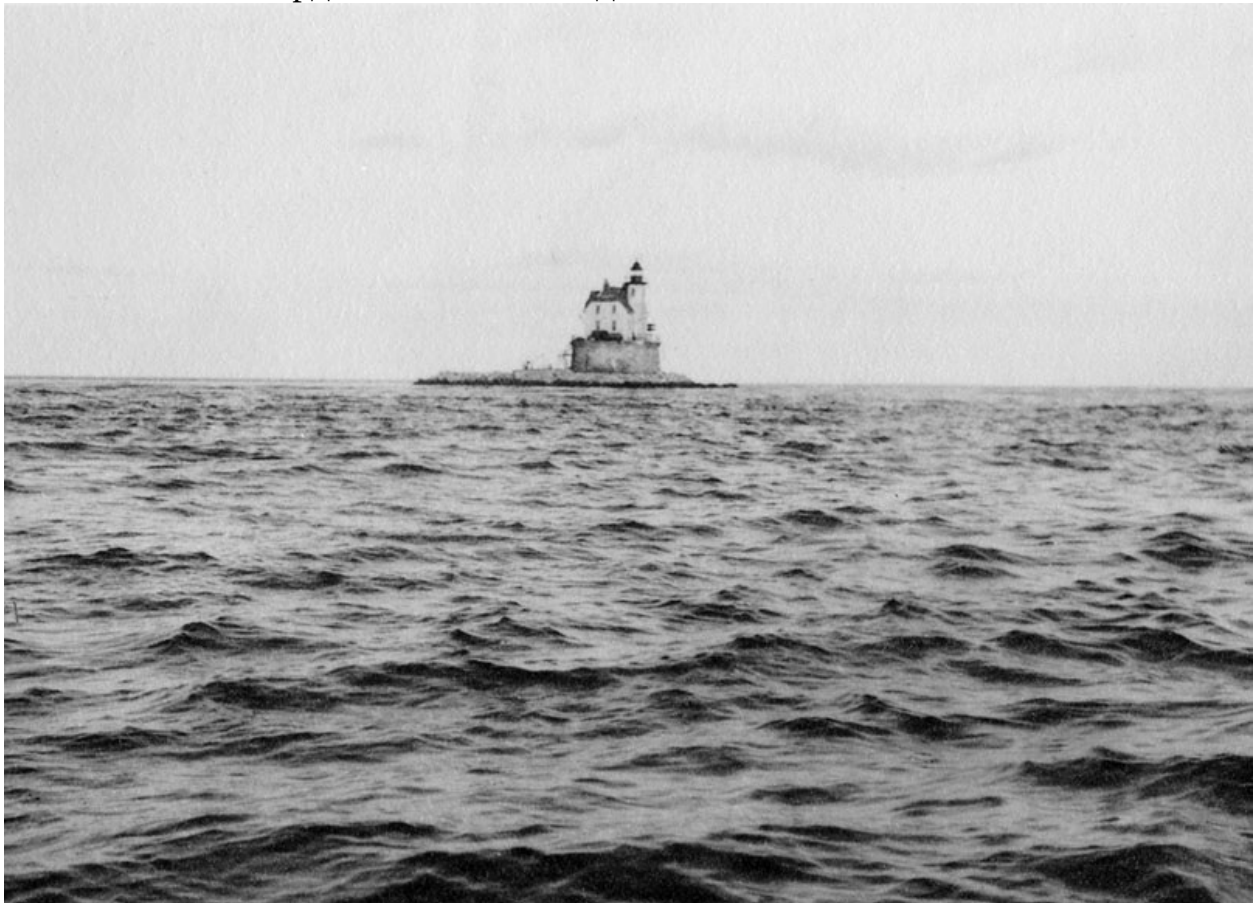
Над волнами возвышался старый маяк. Он сохранял такое невозмутимое спокойствие, как будто точно знал — вчерашние бурные события ему всего лишь пригрезились. Именно здесь, ежесекундно рискуя погибнуть под градом пуль и разрывами бомб, мы чуть было не утонули.

Именно здесь я взял в руки пистолет и нажал на спусковой крючок, хотя мне до сих пор не удавалось осмыслить тот факт, что я убил человека. Именно здесь мы потеряли и снова обрели мисс Сапсан, вырвав ее из стальных челюстей подлодки. К несчастью, мисс Сапсан очень пострадала и нуждалась в помощи, которую мы были не в состоянии ей оказать. И сейчас она тихонько сидела на корме нашей лодки, глядя, как исчезает вдали созданное ею убежище, и с каждым взмахом весел выглядела все более растерянной.

Наконец мы миновали волнорез и оказались в открытом море. Зеркальная гладь бухты тут же сменилась небольшими волнами, которые легко ударяли в борта наших лодок. Где-то высоко в облаках у нас над головой раздался гул самолета, и я перестал грести, запрокинув голову и представив себе, как с такой высоты выглядит наша небольшая флотилия, и этот мир, в котором я решил остаться, и все, что у меня в нем есть, и наши драгоценные странные жизни, заключенные в трех щепках, колышущихся в огромном немигающем глазу моря.

Боже милосердный, сжался над нами!

Наши лодки шли рядом, легко скользя по волнам, и попутное течение быстро несло нас к берегу. Мы гребли по очереди, сменяя друг друга на веслах, чтобы получить хоть небольшую передышку и восстановить силы. Впрочем, сил у меня было столько, что почти час я отказывался уступить кому-либо свое место. Я задумчиво греб, ритмично описывая руками вытянутые эллипсы, как будто подтягивая к себе что-то невидимое и неосязаемое. Хью греб, сидя на скамье напротив, а у него за спиной на носу лодки сидела Эмма, скрывая лицо под широкими полями панамы и уткнувшись в разложенную на коленях карту. Время от времени она отрывалась от карты, чтобы, подняв голову, всмотреться в горизонт. От одного взгляда на ее освещенное солнцем лицо меня переполняла энергия, о существовании которой в собственном теле я и не подозревал.

Мне казалось, я способен грести вечно. Но в какой-то момент Гораций, сидевший в соседней лодке, поинтересовался, какое расстояние отделяет нас от берега. Эмма прищурилась, глядя на остров, затем снова перевела взгляд на карту, что-то измерила пальцами и с сомнением в голосе произнесла:

— Семь километров?

Миллард, который тоже сидел в нашей лодке, что-то прошептал ей на ухо. Эмма нахмурилась, повернула карту боком, нахмурилась еще сильнее и уточнила:

— То есть я хочу сказать... восемь с половиной.

Не успела она договорить, как я ощутил, что силы меня покидают. Все остальные тоже заметно приуныли.

Восемь с половиной километров. Тошнотворное плавание на пароме, который несколько недель назад доставил меня на Кэрнхолм, заняло бы не больше часа. Любая моторная лодка легко преодолела бы это расстояние, ведь оно было на полтора километра меньше, чем дистанция, которую мои далеко не спортивные дядя изредка пробегали во время благотворительных состязаний. Это было лишь немногим больше, чем, если верить утверждениям мамы, она преодолевала на гребном тренажере в своем модном спортзале. Но паром между островом и континентальным Уэльсом пустят не раньше чем через тридцать лет, а гребные тренажеры никто не нагружает людьми и их вещами. Они также не рискуют сбиться с курса, а следовательно, не нуждаются в постоянной его коррекции. Хуже того, участок моря, который мы пытались пересечь, был печально известен

кораблекрушениями. Нас ожидало восемь с половиной километров изменчивых и капризных волн над дном, усеянным обломками судов и костями их экипажей. Кроме того, где-то в этой непостижимой и непроницаемой глубине притаились наши враги.

Те из нас, кого тревожила мысль о тварях, предполагали, что они совсем рядом, затаились где-то под нами и выжидают, укрывшись в немецкой подводной лодке. Если они еще не узнали, что мы бежали с острова, им предстояло выяснить это в самом ближайшем будущем. Они приложили столько усилий, похищая мисс Сапсан, не для того, чтобы сдаться после первой же неудачной попытки. Военные корабли, которые подобно многоножкам ползали по линии горизонта, и британские самолеты, патрулирующие небо у нас над головой, не позволили бы подлодке подняться на поверхность среди бела дня. Однако ночью мы неизбежно оказались бы в их полной власти. Мы понимали, что они снова похитят мисс Сапсан, потопив всех остальных. Единственной нашей надеждой на спасение оставался берег, которого мы должны были достичь до наступления темноты, и поэтому мы продолжали грести из последних сил.

* * *

Мы гребли до судорог в руках и плечах. Мы гребли, несмотря на то что утренний ветерок стих и солнце обрушило на нас весь свой испепеляющий жар. Мы обливались потом, и вдруг я с ужасом осознал, что никто не догадался прихватить с собой воды и что в 1940-м году не существовало солнцезащитных кремов. Кожа на ладонях вздулась, а затем полопалась, и мы поняли, что больше не в состоянии шевелить веслами, но все равно продолжали грести.

— С тебя льет ручьем, — заметила Эмма. — Пусти меня на весла, пока ты окончательно не растаял.

Ее голос вырвал меня из дремоты, в которую я начал погружаться, и я вздрогнул, а затем с благодарностью кивнул и поменялся с ней местами. Впрочем, уже через двадцать минут я потребовал, чтобы она снова уступила мне место. Мне не понравились мысли, которые начали закрадываться в мою голову, пока тело отдыхало. Я представлял себе, как отец просыпается и обнаруживает, что я исчез, покинув наши комнаты в Кэрнхолме. Вот он находит поразительное письмо Эммы. Я как будто наяву видел охватившую его панику. Перед моим внутренним взором, заставляя

меня пережить их снова, мелькали жуткие сцены, свидетелем которых мне пришлось стать. Я чудом умудрился спастись от чудовища, едва не сомкнувшего на мне челюсти, у меня на глазах погиб мой бывший психиатр, а погребенный во льду мертвец на мгновение восстал из потустороннего мира, чтобы прохрипеть что-то мне в ухо своим растерзанным горлом. Поэтому я греб, несмотря на изнеможение, стараясь не думать о том, что моему позвоночнику, вероятно, уже никогда не выпрямиться, и о том, что мои ладони превратились в сплошные кровоточащие ссадины. Я пытался не думать вообще ни о чем, сосредоточившись на веслах, будто налитых свинцом, которые казались мне одновременно пожизненным приговором и спасательным кругом.

В соседней лодке на весла налегала только Бронвин, силы которой казались неистощимыми. Напротив нее сидела Оливия, на чью помощь рассчитывать не приходилось. Попытайся эта крошка потянуть за весла, она взлетела бы в воздух сама, и любой порыв ветра унес бы ее прочь, как воздушного змея. Поэтому Оливия криками подбадривала Бронвин, выполнявшую работу двоих, если не троих-четверых человек, с учетом всех чемоданов и коробок, сваленных в их лодку. В этих чемоданах находилась одежда, еда, карты, книги и множество гораздо менее практичных вещей вроде нескольких банок с маринованными сердцами рептилий в брезентовом мешке Еноха или круглой дверной ручки, взрывом сорванной с двери дома мисс Сапсан. Хью подобрал этот сувенир в траве, когда мы шли к лодкам, и решил, что ему без него никак не обойтись. Горацию удалось спасти из пылающего здания объемистую подушку. Он заявил, что это его счастливая подушка, именно она не подпускает к нему ночные кошмары.

Все остальные предметы были настолько драгоценными, что дети не расставались с ними, даже сидя на веслах. Например, Фиона сжимала коленями горшок с кишачей червями садовой землей. А Миллард разрисовал себе лицо полосами кирпичной пыли, перемешанной с пеплом, зачерпнутым у дома мисс Сапсан, — этот диковатый поступок можно было расценить как часть некоего погребального ритуала. Если все это и казалось странным, я хорошо их понимал. Ведь эти вещи были единственным, что связывало их с родным домом. Они осознавали, что дома больше нет, но при этом не были готовы с ним расстаться.

Целых три часа мы гребли, как рабы на галерах, и за это время остров уменьшился до размеров ладони. С этого расстояния он нисколько не напоминал зловещую, окруженную неприступными утесами крепость, которая открылась моему взгляду лишь несколько недель назад. Теперь он

представлялся хрупким, и мне казалось, что волны способны в любую секунду смыть этот остроконечный осколок гранита с глаз долой.

— Смотрите! — вскакивая на ноги, закричал Енох в соседней лодке. — Он исчезает!

Призрачный туман окутал остров, заслонив его от наших взглядов, и мы опустили весла, грустно глядя на облачко, скрывшее от нас Кэрнхолм.

— Попрощайтесь с нашим островом, — произнесла Эмма, вставая и снимая свою широкополую шляпу. — Возможно, мы его уже никогда не увидим.

— Прощай, остров, — произнес Хью. — Ты был к нам добр.

Гораций опустил весла и замахал руками.

— До свидания, дом! Я буду скучать по твоим комнатам и садам. Но больше всего я буду скучать по своей кровати.

— Пока, петля, — шмыгнув носом, прошептала Оливия. — Спасибо за то, что берегла нас столько лет.

— Сколько счастливых лет, — уточнила Бронвин. — Самых лучших лет моей жизни.

Я тоже мысленно попрощался с островом, с этим местом, изменившим меня раз и навсегда. Именно с ним, а не с кладбищем, на котором похоронили дедушку, для меня теперь были связаны тайна его жизни и все воспоминания о нем. Я приехал на остров в попытке постичь эту тайну, а в итоге обнаружил, что и сам представляю собой загадку. Я надеялся, что сумею понять, кто я, и это, в свою очередь, объяснит все происшедшие и продолжающиеся происходить со мной перемены. Но теперь, когда из моей жизни исчез дедушка, а затем и остров, эта цель показалась мне совершенно недостижимой. Глядя на скрывающийся вдали Кэрнхолм, я ощущал, как последний ключ к разгадке тайны выскальзывает из моих пальцев, погружаясь в темную морскую пучину.

И вот остров исчез за стеной тумана.

Как будто его никогда и не было.

* * *

Вскоре туман поглотил и нас. Он надвигался медленно, но неуклонно. Сначала потускнела и исчезла береговая линия, затем побледнело и превратилось в мутное белое пятно солнце. Еще некоторое время мы пытались грести, но волны то и дело разворачивали лодки, пока мы окончательно не утратили ориентацию в пространстве. Со всех сторон нас

окружала плотная белесая мгла и тишина. Нам оставалось только ждать, потому что плыть дальше смысла не было.

— Мне это не нравится, — подала голос Бронвин. — Если мы будем ждать слишком долго, наступит ночь, и нам придется иметь дело с вещами пострашнее плохой погоды.

И тут, как будто погода услышала слова Бронвин и решила поставить нас на место, она испортилась *по-настоящему*. Подул сильный ветер, и уже через несколько мгновений окружающий мир изменился до неузнаваемости. Море вздыбилось белыми бурунами, волны раскачивали лодки и разбивались об их борта, заливая наши ноги холодной водой. Затем начался дождь, обрушив на нас град безжалостных, как пули, капель. Вскоре нас уже швыряло из стороны в сторону, будто резиновые игрушки в ванне.

— Поворачивайтесь носом в волны! — кричала Бронвин, рассекая веслами воду. — Иначе они вас перевернут!

Но мы настолько выбились из сил, что не смогли бы грести, даже если бы на море царил штиль, не говоря уже о шторме. Все были настолько перепуганы, что не были способны даже дотянуться до весел. Поэтому мы просто изо всех сил вцепились в борта.

Прямо на нас шла стена воды. Мы взлетели на огромную волну, развернувшую лодки почти вертикально. Эмма держалась за меня, а я — за уключину. Позади нас Хью обеими руками вцепился в скамью. На мгновение замерев на гребне, мы устремились вниз. Мой желудок рухнул куда-то в ноги, и мне показалось, что я угодил на какие-то чудовищные русские горки. Все, что не было привязано — карта Эммы, сумка Хью, красный чемодан на колесиках, который я привез из Флориды, — пролетело у нас над головой и исчезло в море.

Времени на то, чтобы расстраиваться из-за утраченных вещей, не было, потому что на мгновение мы потеряли из виду другие лодки. Как только наша выровнялась, мы стали всматриваться в окружающий водоворот, выкрикивая имена наших друзей. Спустя несколько мгновений ужасающей тишины мы услышали их голоса, а затем в тучах водной пыли возникла лодка Еноха. Все четыре пассажира оставались на местах и отчаянно махали нам руками.

— Вы в порядке? — закричал я им.

— Смотрите! — раздался ответный крик. — Туда, смотрите туда!

Я понял, что они не просто нам машут, но пытаются обратить наше внимание на что-то, плавающее в воде метрах в тридцати от нас. Это был корпус перевернутой лодки.

— Это лодка Бронвин и Оливии! — воскликнула Эмма.

Рядом с ржавым, обращенным к небу днищем шлюпки ни одной из девочек видно не было.

— Необходимо подойти ближе! — закричал Хью.

Забыв об усталости, мы схватили весла и принялись грести к перевернутой лодке. Мы громко звали девочек по имени, но наши голоса относил ветром.

Внезапно нас со всех сторон окружила плавающая в воде одежда, которая выпала из чемоданов, и в каждом платье нам чудилась утопающая девочка. Сердце бешено колотилось у меня в груди, и, хотя я промок насквозь и мое тело сотрясала крупная дрожь, холода я не ощущал. Мы встретились с лодкой Еноха возле корпуса перевернутого суденышка и вместе принялись осматривать волны.

— Где они? — застонал Гораций. — О, если мы их потеряли...

— Под лодкой! — крикнула Эмма, показывая на ржавое днище. — Возможно, их накрыла лодка!

Я выхватил из уключины одно из весел и начал колотить им по корпусу лодки.

— Если вы там, выплывайте! — закричал я. — Мы вас спасем!

Отклика не последовало, и я успел подумать, что надежды больше нет. Но вдруг из-под перевернутой лодки донесся ответный стук. Во все стороны полетели щепки, и в образовавшейся дыре появился кулак. Мы вздрогнули от неожиданности.

— Это Бронвин! — закричала Эмма. — Они живы!

Бронвин хватило нескольких ударов, чтобы расширить дыру в корпусе лодки. Я протянул ей весло, и с помощью Хью и Эммы вытащил ее из бурлящей воды. Она перевалилась через борт нашей лодки в то самое мгновение, когда ее поврежденное суденышко исчезло в волнах. Она билась в истерике и, задыхаясь, звала Оливию, которой под корпусом лодки не было. Малышку найти пока не удалось.

— Оливия... надо спасти Оливию, — дрожа и откашливаясь, бормотала Бронвин. Из карманов ее торчали выловленные из воды туфли Оливии. Она вскочила в лодку и показала куда-то в бушующее море. — Вон там! — крикнула она. — Видите?

Я прикрыл глаза от безжалостного дождя, но не увидел ничего, кроме волн и тумана.

— Я ничего не вижу!

— Она там! — настаивала Бронвин. — Веревка!

И тут я увидел, на что она показывала. Это была не барахтающаяся в

воде девочка, а толстый пеньковый канат, один конец которого был погружен в море, а второй исчезал в тумане.

Мы подплыли к канату, и Бронвин начала подтягивать его к себе. Спустя минуту из тумана над нашими головами появилась Оливия, вокруг талии которой и был обмотан второй конец веревки. Она потеряла туфли, когда лодка перевернулась, но к этому моменту Бронвин успела привязать ее к якорному канату, погружившемуся в море вместе с утонувшей шляпкой. В противном случае девчушка уже затерялась бы в облаках.

Оливия обвила руками шею Бронвин и заворковала:

— Ты меня спасла, ты меня спасла!

Они обнялись, а у меня к горлу подступил комок.

— Но опасность еще не миновала, — напомнила нам Бронвин. — Нам по-прежнему предстоит доплыть до берега, и, если мы не хотим угодить в еще худшую переделку, необходимо сделать это до наступления темноты.

* * *

Шторм немного притих, и нас уже не швыряло по волнам. Но мы окончательно выбились из сил, и, даже если бы воцарился полный штиль, нам не удалось бы поднять весла из воды. Мы до сих пор не преодолели и половины пути, но собственные руки казались мне налитыми свинцом, а ладони беспощадно жгло, будто огнем. Кроме этого, от беспрестанной качки меня мучило, и, судя по зеленоватому цвету окружающих меня лиц, в этом я был не одинок.

— Давайте немного отдохнем, — бодрым голосом предложила Эмма. — А пока туман не рассеялся, можем вычерпать из лодок воду...

— Такой туман совершенно непредсказуем, — перебил ее Енох. — Он может не рассеяться и за несколько дней. Через пару-тройку часов стемнеет, и тогда нам останется надеяться только на то, что мы сможем продержаться до утра и твари нас не обнаружат. Всю ночь мы будем совершенно беззащитны.

— К тому же у нас нет воды, — вставил Хью.

— И еды, — добавил Миллард.

Оливия подняла вверх обе руки и произнесла:

— Я знаю, где она!

— Где что? — удивилась Эмма.

— Земля. Я ее видела, когда летала там, наверху.

Оливия объяснила, что поднялась над туманом и совершенно

отчетливо увидела берег.

— Что нам с этого толку? — пробормотал Енох. — С тех пор как мы тебя опустили, нас развернуло не меньше полудюжины раз.

— Тогда отпустите меня наверх еще раз.

— Ты уверена? — забеспокоилась Эмма. — Это опасно. Что, если тебя подхватит ветром или веревка лопнет?

— Отпустите меня наверх, — с каменным лицом повторила Оливия.

— Когда на нее находит такое, спорить бесполезно, — вздохнула Эмма. — Разматывай веревку, Бронвин.

— Ты самая храбрая маленькая девочка из всех, кого я знаю, — сообщила Оливии Бронвин, прежде чем приняться за работу.

Она вытащила якорь из воды и положила его в нашу лодку. Это позволило нам связать между собой две уцелевшие шлюпки, чтобы их снова не разбросали волны. Затем она начала осторожно разматывать веревку, и Оливия поднялась в небо над туманом.

Воцарилась странная тишина. Мы все сидели совершенно неподвижно, запрокинув головы и глядя на уходящую в облака веревку в ожидании знака с неба.

Первым не выдержал Енох.

— Ну что там? — нетерпеливо окликнул он Оливию.

— Я ее вижу! — послышался в ответ голосок, еле слышный за шумом волн. — Она прямо перед нами!

— Меня устраивает! — буркнула Бронвин.

Пока мы все обессиленно сидели на скамьях, обхватив руками пустые животы, она перебралась в переднюю лодку, села на весла и принялась грести, руководствуясь доносящимся сверху голоском Оливии, невидимого ангела, парящего в небе над нашими головами.

— Левее... еще левее... нет, это чересчур!

Вот так мы медленно продвигались к берегу в сопровождении длинных серых щупалец тумана, похожих на призрачные пальцы руки гигантского привидения, пытающейся увлечь нас обратно.

Казалось, остров тоже не хочет с нами расставаться.

Глава вторая

Наша двойная лодка остановилась, заскрежетав днищем по каменистой отмели. Мы выбрались на берег, когда солнце потускнело, скрывшись за плотной завесой туч на горизонте. До наступления темноты оставалось, наверное, не больше часа. Пляж представлял собой каменистую полосу суши, сплошь покрытую грязными лохмотьями морских водорослей, но в моих глазах он был прекрасен — гораздо прекраснее любого из белоснежных песчаных пляжей Флориды. Он был нашим спасением. Что видели, озираясь вокруг, все остальные, я и представить себе не мог. Большинство из них никогда не покидали Кэрнхолм. Их изумлял как незнакомый пейзаж, так и тот факт, что они все еще живы, хотя никто не знал, как этим чудом распорядиться.

Мы брели по берегу на ватных, подгибающихся от усталости ногах. Фиона зачерпнула пригоршню скользкой гальки и сунула камешки в рот, как будто стремясь задействовать все пять органов чувств и с их помощью убедиться в том, что все это не сон. Именно так чувствовал себя первое время и я, очутившись во временной петле мисс Сапсан. Еще никогда я до такой степени не сомневался в том, что мои глаза меня не обманывают. Бронвин со стоном опустилась на камни. Она была так измучена, что у нее не было сил даже говорить. Вокруг нее тут же поднялась суeta. Дети окружили ее и начали благодарить за все, что она для них сделала. Но во всем этом ощущалась какая-то неловкость. Наш долг перед ней был так велик, что слово «спасибо» на его фоне выглядело маленьким и ничтожным. Она попыталась отмахнуться от нашей благодарности, но так устала, что лишь с трудом шевельнула рукой. Тем временем мальчишки сматывали веревку, опуская на землю Оливию.

— Да ты совсем *посинела!* — воскликнула Эмма, когда Оливия вынырнула из тумана.

Она подпрыгнула, спеша сгрести девочку в объятия. Оливия вымокла до нитки и так замерзла, что у нее зуб на зуб не попадал. А у нас не было не то что одеял, но даже клочка сухой одежды, в которую ее можно было бы переодеть. Поэтому Эмма начала водить своими вечно горячими ладонями вокруг тела Оливии и постепенно уняла ее дрожь. Затем она отправила Фиону и Горация собирать щепки и пла́вник для костра. Ожидая их возвращения, мы столпились вокруг лодок, пытаясь определить, что из вещей, захваченных из дома, нам удалось сохранить, но, к своему унынию,

обнаружили, что почти все опустилось на дно моря.

Что у нас осталось, так это одежда, которая была на нас, немного еды в ржавых жестянках и квадратный чемодан Бронвин, размерами напоминающий небольшой танк и, похоже, столь же несокрушимый, а в придачу еще и непотопляемый. Впрочем, он был до неправдоподобия тяжел, и никто, кроме самой Бронвин, не сумел бы даже оторвать его от земли. Мы расстегнули металлические замки в надежде обнаружить что-то полезное, а еще лучше — съедобное. Все, что предстало нашему взгляду, это трехтомный сборник рассказов под названием «Истории о странном и неизведанном», насквозь пропитавшийся морской водой, и красивый коврик для ванной с вышитыми на нем буквами АЛС, инициалами мисс Сапсан.

— О, хвала Создателю! Хоть кто-то прихватил коврик для ванной, — с невозмутимым видом констатировал Енох. — Теперь мы спасены.

Все остальное, включая маленькую карту, которой Эмма воспользовалась, чтобы направить нас в сторону берега, и массивный атлас в кожаном переплете под названием «Карта Дней», предмет особой гордости Милларда, — исчезло. Обнаружив пропажу атласа, Миллард ужасно разволновался.

— Это был один из пяти сохранившихся до наших дней экземпляров, — простонал он. — Ему же цены не было! Не говоря уже о том, что я годами вносил в него свои личные пометки и комментарии!

— По крайней мере, «Истории о странном и неизведанном» все еще с нами, — заметила Клэр, отжимая воду из своих белокурых локонов. — Я ни за что не могу уснуть, пока мне не прочитают вслух одну из этих легенд.

— Что толку от сказок, если мы не можем найти дорогу? — поинтересовался Миллард.

Дорогу куда он собрался искать? — подумал я. Мне вдруг пришло в голову, что мы все очень спешили покинуть остров, но никто и словом не обмолвился о дальнейших планах. Никто не думал о том, что мы станем делать после того, как переплывем пролив, как будто вероятность того, что мы уцелеем, оказавшись посреди моря в крошечных скорлупках лодок, была ничтожно мала и никто не хотел попусту тратить время. Я поднял глаза на Эмму, ожидая, что она меня в очередной раз подбодрит. Но та с мрачным видом смотрела на уходящую вдаль полосу берега. Пересыпанный камнями песок постепенно сменяли низкие дюны, поросшие раскачивающейся на ветру меч-травой. Дальше начинался лес — непроходимая с виду стена зелени простиралась в обоих направлениях насколько хватало взгляда. С помощью нынче утраченной карты Эмма

собиралась привести нас в какой-то портовый город, но, когда на нас обрушился шторм, все, о чем мы могли мечтать, это просто добраться до берега. Никто не мог сказать, насколько мы отклонились от первоначального курса. На этом пустынном берегу не было ни дорог, ни указателей, ни даже тропинок. Нас окружала дикая природа.

Конечно же, на самом деле нам не нужны были ни карты, ни указатели, ни что-либо еще. Мы нуждались только в мисс Сапсан, здоровой, исцелившейся, в той мисс Сапсан, которая наверняка знала бы, куда нам идти и как сделать так, чтобы благополучно туда добраться. Та мисс Сапсан, которая сидела сейчас перед нами на массивном валуне и ерошила перья в попытке обсохнуть, была сломлена, как и ее поврежденное крыло. Я видел, как больно детям видеть ее в таком состоянии. Она заменяла им мать, и именно на нее они привыкли всегда и во всем полагаться. В их маленьком островном мирке она была королевой, но сейчас она не могла ни говорить, ни преобразовывать время, ни даже летать. Они смотрели на нее, страдальчески морщились и отворачивались.

А сама мисс Сапсан не сводила глаз с холодного сизого моря. Глаза ее были черными, суровыми, и в них читалось невыразимое горе.

Я не оправдала вашего доверия, — казалось, говорили они.

* * *

Гораций и Фиона бежали к нам по песку. Ветер трепал волосы Фионы, и они развевались у нее над головой подобно грозовой туче. Гораций обеими руками вцепился в свой цилиндр, пытаясь удержать его на голове. Каким-то образом ему удалось спасти его во время бедствия в море, хотя теперь импозантная шляпа обзавелась вмятиной и напоминала согнутый автомобильный глушитель. Тем не менее он не желал с ней расставаться, поскольку, по его мнению, она была единственным головным убором, подходящим к его грязному и промокшему, но элегантному костюму.

Они возвращались с пустыми руками.

— Дров нигде нет! — сказал Гораций, когда они остановились рядом с нами.

— А в лесувы искали? — спросила Эмма, указывая на темную линию деревьев за дюнами.

— Там слишком страшно, — ответил Гораций. — Мы слышали сову.

— С каких это пор вы боитесь птиц?

Гораций пожал плечами и опустил голову. Но Фиона ткнула его

локтем, и он как будто опомнился.

— Но мы нашли кое-что другое.

— Убежище? — спросила Эмма.

— Дорогу? — спросил Миллард.

— Гуся, которого можно приготовить к ужину? — спросила Клэр.

— Нет, — покачал головой Гораций. — Воздушные шары.

Все растерянно примолкли.

— Какие еще воздушные шары? — наконец нарушила молчание Эмма.

— Большие такие. В небе. Там еще и люди есть.

Лицо Эммы помрачнело.

— Показывайте.

Все вместе мы отправились туда, откуда они пришли. Взбираясь на невысокую насыпь, которая обнаружилась сразу за крутым изгибом берега, я задавался вопросом — как мы могли проворонить нечто столь очевидное, как воздушные шары. Но когда мы преодолели подъем и огляделись, мне все стало ясно. Это были вовсе не яркие каплевидные шары, которые так любят изображать на календарях и рекламных плакатах с призывом: «Нет предела совершенству!» Вместо них я увидел пару миниатюрных цеппелинов. Под брюхом каждого из этих черных яйцевидных мешков висела клетка, в которой сидел пилот. Дирижабли были совсем небольшими и летели очень низко, по плавной зигзагообразной траектории. Шум прибора заглушал тихое жужжание их пропеллеров. Эмма толкнула нас в заросли высокой травы, и мы присели, прячась от глаз пилотов.

— Это охотники за подводными лодками, — произнес Енох, отвечая на вопрос прежде, чем кто-то успел задать его вслух. Миллард был признанным авторитетом, когда речь шла о картах и книгах, но Енох разбирался во всем, что имело отношение к войне и армии. — Врага легче всего вычислить с воздуха, — пояснил он.

— В таком случае почему они летят так низко? — поинтересовался я. — И почему над самым берегом, а не над морем?

— Этого я сказать не могу.

— Ты думаешь, что они могут искать... нас? — робко произнес Гораций.

— Ты имеешь в виду, не твари ли они? — вмешался Хью. — Конечно, нет. Твари на стороне немцев. Ты что, забыл, что они были на той немецкой подлодке?

— Твари объединяются со всеми, с кем выгодно объединяться, — отозвался Миллард. — Нет ни малейших оснований для уверенности, что во время войны они не присоединяются к армиям противоборствующих

сил поочередно.

Я не мог отвести глаз от странных сооружений в небе. Они выглядели совершенно неестественно и походили на механических насекомых, животы которых раздулись от опухолеподобных яиц.

— Мне не нравится, как они летят, — пробормотал Енох, впившись в дирижабли своим цепким взглядом. — Они осматривают берег, а не море.

— И что же они ищут? — спросила Бронвин.

Впрочем, ответ был настолько очевидным и пугающим, что никто не хотел произносить его вслух.

Они искали нас.

Мы лежали в траве, плотно прижавшись друг к другу, и я ощутил, как напряглось тело Эммы.

— Как только я подам команду, бегите, — прошептала она. — Спрячем лодки, а потом спрячемся сами.

Дождавшись того момента, когда дирижабли повернули в сторону, мы высыпали из травы, надеясь, что до нас еще слишком далеко и пилоты нас не заметят. На бегу я думал, как было бы хорошо, если бы туман, преследовавший нас в море, вернулся и укрыл нас от неприятеля. Мне даже пришло в голову, что этот туман, вполне возможно, уже однажды спас нашу компанию. Если бы не он, эти цеппелины засекли бы нас еще несколько часов назад. Только тогда мы сидели бы в лодках и бежать нам было бы некуда. Выходило так, что остров смог еще раз помочь своим странным детям. Прощаясь с ними, он спас им жизнь.

* * *

Мы быстро потащили лодки по берегу, намереваясь спрятать их в небольшой пещере среди скал. Бронвин израсходовала все свои силы без остатка и с трудом шла сама, не говоря уже о том, чтобы нести лодки. Поэтому все остальные взялись за борта постанывающих лодок, то и дело норовящих зарыться носом в песок. Мы едва успели дойти до середины

пляжа, как мисс Сапсан издала предостерегающий крик: из-за дюн вынырнули цеппелины. Адреналин придал нам сил, и мы стремительно преодолели расстояние, отделявшее нас от пещеры, и забросили в нее лодки, как будто доставив их по рельсам. Мисс Сапсан хромала рядом с нами, волоча сломанное крыло по песку.

Скрывшись в пещере, мы упали рядом с перевернутыми лодками, прислонившись к их килям. Нас окружил сырой мрак, в котором эхом разносилось наше частое и тяжелое дыхание.

— Хотя бы они не успели нас заметить! — вслух взмолилась Эмма.

— О птицы! Наши следы! — воскликнул Миллард.

Сдернув с себя куртку, он выскочил наружу, чтобы замести следы, оставленные лодками на песке. Мы проводили взглядом удаляющиеся отпечатки его ног. Никто, кроме Милларда, покинуть пещеру не смог бы, потому что его тут же заметили бы пилоты дирижаблей.

Минуту спустя он ввалился обратно, дрожащий от холода и облепленный песком. На его груди расплывалось красное пятно.

— Они уже близко, — выдохнул он. — Я сделал все, что мог.

— У тебя снова открылось кровотечение! — заволновалась Бронвин. Накануне ночью во время стычки возле маяка Милларда оцарапала пуля. И хотя рана затягивалась с удивительной скоростью, его выздоровление было далеко не полным. — Что ты сделал с повязкой?

— Я ее выбросил. Она была завязана на такой сложный узел, что снять ее быстро было просто невозможно. Невидимый человек должен раздеваться за одну секунду, иначе от его особенности нет никакого толка!

— Вот упрямый осел! — воскликнула Эмма. — От мертвого невидимого человека пользы еще меньше. А теперь замри и помолчи. Будет больно.

Она зажала два пальца левой руки ладонью правой и сосредоточилась. Когда она разжала ладонь, кончики пальцев горели огнем.

Миллард попятился.

— Слушай, Эмма, я бы не хотел...

Эмма прижала пальцы к его раненому плечу. Миллард ахнул. Послышалось тихое шипение, и от его кожи поднялся легкий дымок. Спустя мгновение кровотечение остановилось.

— У меня останется шрам, — заныл Миллард.

— И что? Кто его увидит?

Он засопел, но больше ничего не сказал.

Пропеллеры дирижаблей жужжали все громче и громче — звук отражался от каменных стен пещеры. Я представил себе, как они зависли

прямо над нами и разглядывают наши следы, готовясь к атаке. Эмма прижалась ко мне плечом. Малыши подбежали к Бронвин и зарылись лицами ей в колени. Она обняла их. Несмотря на наши необычные способности, мы чувствовали себя совершенно беззащитными. Мы сидели на полу темной пещеры, ссутулившись и часто моргая, шмыгая носами от холода и надеясь, что враги пролетят мимо.

Наконец гул двигателей начал удаляться. Когда он стих настолько, что мы снова смогли слышать свои голоса, Клэр пробормотала в колени Бронвин:

— Расскажи нам какую-нибудь историю, Вин. Мне страшно, мне все это совершенно не нравится, и я бы лучше послушала сказку.

— Да, расскажи нам что-нибудь, — взмолилась и Оливия. — Что-нибудь из наших «Историй». Я их больше всего люблю.

Бронвин заменяла младшим из странных детей мать даже в большей степени, чем это делала мисс Сапсан. Именно Бронвин поправляла их одеяла перед сном, читала им сказки и целовала в лобики. Ее сильные руки как будто были предназначены для того, чтобы сгребать их всех в теплые объятия, а широкие плечи — для того, чтобы их носить. Но сейчас ей было не до историй, и она прямо об этом сказала.

— Ну почему же, самое время рассказать детям сказку! — иронично протянул Енох. — Только сегодня мы можем обойтись без наших «Историй». Лучше расскажи нам о том, как питомцы мисс Сапсан сумели спастись без карты и еды. И даже пустоты их по пути не съели! Мне не терпится услышать, чем заканчивается *эта* история.

— Если бы мисс Сапсан могла нам это сказать, — шмыгнула носом Клэр. Высвободившись из объятий Бронвин, она подошла к птице, которая сидела на киле одной из перевернутых лодок. — Что нам делать, директриса? — спросила она. — Пожалуйста, превратитесь обратно в человека! Пожалуйста, очнитесь!

Мисс Сапсан начала ворковать и поглаживать здоровым крылом волосы Клэр. К ним присоединилась Оливия, по лицу которой струились слезы.

— Мисс Сапсан, вы нам нужны! Мы не знаем, что нам делать, нам угрожает опасность, и мы очень проголодались. Нам негде жить, и друзей у нас тоже нет. Вы нам *нужны*!

Черные глаза мисс Сапсан заблестели. Она отвернулась, будто защищаясь от просьб детей.

Бронвин опустилась перед девочками на колени.

— Она пока не может вернуться, милые. Но мы ее обязательно

вылечим, я обещаю.

— Но *как?! —* воскликнула Оливия.

Этот возглас эхом отразился от каменных стен.

Эмма встала.

— Я расскажу вам как! — произнесла она, и все взгляды обратились к ней. — Мы просто *пойдем*. — Она произнесла это с такой убежденностью, что у меня даже холодок пополз по спине. — Мы будем идти и идти, пока не дойдем до города.

— А что, если в радиусе пятидесяти километров нет никаких городов? — спросил Енох.

— Значит, мы пройдем пятьдесят один километр. Но я уверена, что нас не могло отнести *так* далеко в сторону.

— А если твари заметят нас с воздуха? — поинтересовался Хью.

— Не заметят. Мы будем осторожны.

— А если они поджидают нас в городе? — спросил Гораций.

— Мы притворимся нормальными. Никто не обратит на нас внимания.

— Мне это никогда не удавалось, — рассмеялся Миллард.

— А тебя они вообще не увидят, Милл. Ты будешь нашим передовым разведчиком. И еще тебе придется снабжать нас всем необходимым.

— Да, я и в самом деле талантливый вор, — с гордостью заявил он. — Настоящий мастер воровского искусства.

— А что потом? — уныло поинтересовался Енох. — Возможно, нам удастся набить животы, может, мы даже найдем себе какой-то теплый угол, но мы все равно будем уязвимы и беззащитны. У нас нет петли... а мисс Сапсан... она все еще...

— Мы найдем какую-нибудь петлю, — успокоила его Эмма. — Существуют различные отметки и знаки, надо только знать, куда смотреть. А если мы их не обнаружим, то найдем кого-нибудь наподобие нас, со странностями, и он покажет нам вход в ближайшую петлю. И в этой петле будет имбрина, и эта имбрина сможет оказать мисс Сапсан необходимую помощь.

Мне еще не приходилось встречаться с такими самоуверенными людьми, как Эмма. Все в ней излучало убежденность в своих силах: приняв решение, она держалась очень прямо, уперто стискивала зубы, и все ее предложения были утвердительными. Это было заразительно, и я так ею восхищался, что с трудом поборол желание поцеловать ее на виду у всех.

Хью закашлялся, и пчелы посыпались у него изо рта, выстроившись в форме вопросительного знака, который дрожал и менял очертания.

— Как ты можешь быть так в этом *уверена?* — спросил он.

— Уверена, и все тут.

Она отряхнула ладони, как будто вопрос был исчерпан.

— Это было очень милое выступление, — произнес Миллард, — и мне не хочется все портить, но, насколько нам известно, мисс Сапсан — единственная из имбрин, кому удалось сбежать из плена. Вспомни, что рассказывала мисс Зарянка. Твари уже много *недель* совершают налеты на петли и похищают имбрин. И это означает, что даже если мы найдем петлю, то не будем знать, на месте ли ее имбрина. Возможно, все петли уже кишат нашими врагами, и это означает, что нам туда путь заказан.

— А вход могут сторожить изголодавшиеся пустоты, — добавил Енох. — И это значит, что нам вообще нельзя туда соваться.

— Нам и незачем туда соваться, — вмешалась Эмма и улыбнулась мне. — Джейкоб предупредит нас заранее.

Я похолодел.

— Я?

— Ты же ощущаешь пустоты на расстоянии, верно? — уточнила Эмма. — Не считая того, что ты их видишь.

— Когда они близко, меня начинает тошнить, — признался я.

— На каком расстоянии это происходит? — спросил Миллард. — Если это всего несколько метров, они вполне могут успеть нас сожрать. Нам нужно, чтобы ты улавливал их присутствие издалека.

— У меня не было возможности проводить испытания, — напомнил им я. — Все это стало для меня полной неожиданностью.

До сих пор я сталкивался только с пуст *о* той, которая служила доктору Голану, — Малтусом, созданием, убившим моего дедушку, а потом едва не погубившим меня в топях Кэрнхолма. Как далеко он находился, когда я впервые ощутил притаившуюся возле моего дома в Инглвуде пуст *о* ту? Этого я не знал.

— Это не имеет значения, твой талант можно развивать, — заявил Миллард. — Странности чем-то напоминают мышцы — чем больше ты ими пользуешься, тем мощнее они становятся.

— Это безумие! — возразил Енох. — Вы и в самом деле готовы сделать ставку на *него*? Да он самый обычный мальчишка, мягкотелый *нормальный* мальчик, который почти ничего не знает о нашем мире!

— Он *ненормальный*! — воскликнула Эмма, поморщившись, как будто слова Еноха были ужасным оскорблением. — Он один из нас!

— Вздор! — заорал Енох. — Капля странной крови в его жилах не делает его моим братом. И уж точно она не делает его моим защитником! Мы не знаем, на что он способен. Скорее всего, он и с пятидесяти метров

не сможет понять, приближается к нему пуст **о** та или у него просто пучит живот!

— Он убилодну из пустот, ты забыл? Проткнул ей глаза ножницами для стрижки овец! Когда ты в последний раз слышал о том, чтобы кто-то из странных людей, да к тому же таких юных, совершил нечто подобное?

— После Эйба такого не было ни разу, — произнес Хью, и при упоминании этого имени дети благоговейно притихли.

— Я слышала, как он убил пуст **о** ту голыми руками, — произнесла Бронвин.

— А я слышал, что он убил пуст **о** ту при помощи вязальной спицы и мотка бечевки, — добавил Гораций. — Вообще-то мне это приснилось, так что я уверен в том, что все так и было.

— Половина этих рассказов — выдумки, и с каждым годом они становятся все фантастичнее, — возразил Енох. — Тот Абрахам Портман, которого я знал, не сделал ровным счетом ничего, чтобы нам помочь.

— Он был великим странным человеком! — воскликнула Бронвин. — Он отважно сражался за наше дело и убил десятки пустот!

— А потом убежал. И пока мы, как беженцы, прятались в том доме, он колесил по Америке, изображая из себя героя!

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — вмешалась Эмма, покраснев от гнева. — Все было не так просто.

Енох пожал плечами.

— Как бы то ни было, все это сейчас не имеет значения. Что бы вы ни думали об Эйбе, этому парню до него далеко.

В этот момент я ненавидел Еноха, хотя и не мог винить его за сомнения. Все остальные так хорошо освоились со своими способностями, что я не понимал, как они могут возлагать на меня такие надежды. Ведь я всего несколько дней назад узнал о собственной необычности и еще ничего не успел о себе понять. И то, чей я внук, действительно не имело значения. Я и сам не знал, как пользоваться своим даром.

— Ты прав, я не мой дедушка, — вмешался я. — Я обычный пацан из Флориды. Мне просто повезло, когда я убил ту пуст **о** ту.

— Не болтай ерунды, — перебила меня Эмма. — Когда-нибудь ты обязательно станешь таким же убийцей пустот, каким был твой дедушка.

— Хочется надеяться, что это случится скоро, — вставил Хью.

— Это твоя судьба, — заявил Гораций, и то, как это прозвучало, заставило меня заподозрить, что он знает нечто, неизвестное мне.

— Но даже если это не так, — добавил Хью, похлопывая меня ладонью по спине, — кроме тебя, у нас ничего нет, дружище.

— Если это так, да поможет нам всем птица, — вздохнул Енох.

У меня голова шла кругом. Мне казалось, что еще немного, и груз их надежд меня попросту раздавит. Я встал, покачиваясь, и на нетвердых ногах направился к выходу из пещеры.

— Мне нужно подышать свежим воздухом, — произнес я, проталкиваясь мимо Еноха.

— Джейкоб, куда ты? — воскликнула Эмма. — Дирижабли!

Но они уже давно улетели.

— Пусть идет, — проворчал Енох. — Может, нам повезет, и он уплывет обратно в Америку.

Дойдя до кромки воды, я попытался взглянуть на себя глазами своих новых друзей, увидеть себя таким, каким видели или хотели видеть меня они. Не тем Джейкобом, который когда-то сломал лодыжку, гоняясь за фургонем с мороженым, или который по требованию отца трижды пытался, но так и не сумел попасть в школьную легкоатлетическую команду, куда принимали всех желающих. Мне предстояло стать Джейкобом Повелителем Теней, научиться чудесным образом трактовать тошнотворные ощущения в животе, стать провидцем и убийцей вполне реальных чудовищ и всего того, что может стоять между жизнью и смертью каждого из нашей дружной компании странных детей.

Мне казалось, я никогда не «дотянусь» до своего деда.

Взобравшись на груды камней у самой кромки воды, я замер, надеясь, что сильный ветер высушит мою сырую одежду. Не обращая внимания на стремительно сгущающиеся сумерки, я смотрел на изменчивую поверхность моря, играющую всеми оттенками серого. На фоне неуклонно темнеющего моря и неба время от времени вдали вспыхивал яркий свет. Это маяк Кэрнхолма слал нам свое последнее «прощай».

Мое внимание начало рассеиваться, и я погрузился в сон наяву.

Я вижу человека. Это мужчина средних лет. Его одежда облеплена грязью, и он медленно бредет по острому, как нож, гребню утеса. Его редкие волосы намокли и прилипли к лицу. Ветер раздувает его тонкий пиджак как парус. Он останавливается, затем ложится, опершись на локти. Он поднимает к глазам бинокль, но направляет его не на окружающие бухту скалы, где гнездятся крачки и буревестники, а ниже, на узкий полумесяц пляжа, куда прибой выбрасывает водоросли, коряги и обломки разбитых лодок. По утверждениям местных жителей, иногда здесь находят утопленников.

Этот человек — мой отец. Он ищет то, чего отчаянно не хочет найти.

Он ищет тело своего сына.

Что-то коснулось моего ботинка, и я, вздрогнув, открыл глаза. Уже почти стемнело, я сидел на камнях, поджав колени к груди, а передо мной стояла Эмма.

— Как ты? — спросила она.

Чтобы ответить на этот вопрос, мне понадобилось бы не меньше часа. В моей душе бушевала добрая сотня конфликтующих друг с другом эмоций. Но я так устал и замерз, что говорить мне не хотелось вовсе, поэтому я ограничился тем, что подергал себя за ворот отсыревшего свитера и сказал:

— Все хорошо, я просто пытаюсь высохнуть.

— Я могу тебе в этом помочь, — откликнулась Эмма, усаживаясь рядом со мной. — Дай мне руку.

Я протянул ей одну руку, и Эмма уложила ее себе на колени. Накрыв ладонями рот, она склонила голову к моему запястью. Затем сделала глубокий вдох и медленно выдохнула сквозь пальцы. Тут же по всей моей руке от ладони до плеча разлился обволакивающий, почти обжигающий, но невообразимо приятный жар.

— Терпимо? — спросила она.

Я напрягся, содрогнувшись всем телом, и кивнул.

— Хорошо.

Она снова выдохнула. Еще одна волна горячего блаженства расплзлась к моему плечу. Между выдохами Эмма говорила:

— Я надеюсь, тебя не слишком задела слова Еноха. Все остальные верят в тебя, Джейкоб. Енох бывает жутким занудой, особенно когда кому-нибудь завидует.

— Я думаю, что он прав, — покачал головой я.

— Да ну, не может быть. Ты это серьезно?

И тут меня прорвало.

— Я понятия не имею, что я делаю, — заговорил я. — Как можно на меня полагаться? Если я и странный, то, наверное, самую малость. Пожалуй, по сравнению с вами я странный только на четверть.

— Так не бывает, — рассмеялась Эмма.

— Но мой дедушка был гораздо более странным, чем я. Иначе и быть не могло. Он был таким сильным...

— Нет, Джейкоб, — прищурившись, произнесла Эмма. — Ты очень на него похож. Разумеется, ты мягче и сентиментальнее, но все, что ты говоришь... Ты вылитый Эйб, когда он впервые у нас появился.

— Честно?

— Ну да. Он тоже был растерян. Он никогда не встречался со странными людьми. Он не понимал своих способностей и не знал, как ими пользоваться. И если честно, мы тоже. Мы ничем не могли ему помочь. То, что ты делаешь, это большая редкость. Невероятная редкость. Но твой дедушка быстро учился.

— Как? — заинтересовался я. — Где?

— На войне. Он был членом тайной группы странных людей, служивших в британской армии. И одновременно сражался с немцами и с пустотами. За то, чем они занимались, медалями не награждают, но для нас они все были героями, а больше всех — твой дедушка. Жертвы, на которые

они шли, отбросили Силы Зла на многие десятилетия назад и спасли жизни множества странных людей.

И все же, — подумал я, — он не смог спасти собственных родителей. Как странно и трагично.

— И вот что я тебе скажу, — продолжала Эмма. — Ты не менее странный, чем он. И такой же смелый.

— Ха, ты просто пытаешься меня утешить.

— Нет, — ответила она, глядя мне в глаза. — Я тебя не утешаю. Ты всему научишься, Джейкоб. Настанет время, когда ты тоже станешь великим истребителем пустот. Более того, ты превзойдешь своего деда.

— Ага, все только и делают, что повторяют это на разные лады. Откуда ты можешь знать?

— Я это чувствую и глубоко в этом убеждена, — ответила Эмма. — Думаю, что иначе и быть не может. Точно так же ты не мог не приехать на Кэрнхолм.

— Я не верю в такие вещи. Судьба. Звезды. Предназначение.

— Я ничего не говорила о предназначении.

— «Иначе и быть не может». Разве это не то же самое? — поинтересовался я. — Предназначение — это что-то из книжек о волшебных мечах. Все это полный вздор. Я здесь, потому что мой дедушка за десять секунд до смерти что-то пробормотал о вашем острове, вот и все. Это была случайность. Я рад, что так получилось, но дед уже бредил. Он с таким же успехом мог пересказать мне список покупок.

— Но он этого *не сделал*, — с нажимом произнесла Эмма.

Я досадливо вздохнул.

— А если мы отправимся на поиски петель, вы положитесь на меня и мою способность спасти вас от чудовищ и в результате окажетесь в западне — это тоже будет предназначением?

Она нахмурилась и вернула мою руку мне на колени.

— Я ничего не говорила о предназначении, — повторила она. — Я верю в то, что, когда речь идет о важных событиях, случайностям места нет и быть не может. Всему есть свои причины. И тому, что ты находишься здесь, тоже. Ты явился сюда не для того, чтобы потерпеть неудачу и погибнуть.

У меня больше не было сил и желания спорить.

— Ладно, — вздохнул я. — Я думаю, что ты ошибаешься, но *очень надеюсь*, что ты права.

Я испытывал стыд за те резкости, которые успел ей наговорить, но ведь мне было холодно и страшно, и потому я невольно начал защищаться.

У меня бывали моменты слабости, когда уверенность в собственных силах сменялась страхом, и в настоящий момент соотношение страха и уверенности было явно не в пользу последней. Я бы оценил его как три к одному. В те моменты, когда меня охватывал ужас, мне казалось, что меня принуждают к тому, на что я не соглашался. Я не вызывался на передовую в той войне, истинных масштабов которой никто из нас еще осознать не успел. В слове «предназначение» мне чудилось принуждение, а ведь, если мне предстояло шагнуть в гущу битвы с легионом кошмарных созданий, я должен был сделать это по доброй воле.

Хотя в каком-то смысле я уже сделал этот выбор, согласившись отплыть с этими странными детьми навстречу неизведанному. И, если начистоту, неправдой было бы сказать, что я сделал это неохотно. На самом деле я чуть ли не с младенческого возраста мечтал о подобных приключениях. В раннем детстве я верил в предназначение, причем верил безоговорочно, всеми фибрами своей крохотной детской души. Слушая необыкновенные рассказы деда, я ощущал его подобно какому-то необычному зуду в груди. *Когда-нибудь его место займу я.* То, что сейчас казалось мне принуждением, тогда было обязательством. Обещанием, которое я давал самому себе. Я всерьез намеревался покинуть свой городишко и вести такую же исполненную невероятных приключений жизнь, какую вел мой дед. Я собирался последовать по стопам дедушки Портмана и подобно ему совершить что-то значительное. Он часто говорил мне: «Ты будешь великим человеком. Очень великим человеком». — «Как ты?» — спрашивал я его. «Лучше», — неизменно звучало в ответ.

Я верил ему тогда и хотел верить сейчас. Но чем больше я о нем узнавал, тем более длинную тень отбрасывал его образ. И тем сложнее мне становилось представить себе, что я когда-либо смогу с ним сравняться. Мне начинало казаться, что даже стремление к этому означает самое настоящее самоубийство. Когда я представлял себе попытки встать на тот путь, которым когда-то шел он, перед моим мысленным взором тут же возникал отец, мой бедный, доведенный до отчаяния отец. И прежде чем я успевал избавиться от мыслей о нем, мне приходил в голову вопрос — как великий человек может так ужасно поступить по отношению к тем, кто его любит.

Я начал дрожать.

— Ты замерз! — воскликнула Эмма. — Позволь, я закончу начатое.

Она взяла мою вторую руку и дыханием согрела ее по всей длине — это было нечто невообразимое. Затем Эмма обвила ею свою шею. Я поднял другую руку, соединив ее с первой, и она тоже обвила меня руками. Наши

лбы соприкоснулись.

Эмма почти шепотом произнесла:

— Я надеюсь, что ты не жалеешь о своем выборе. Я так рада, что ты здесь, с нами. Я не знаю, что бы я делала, если бы ты ушел. Боюсь, что мне было бы очень плохо.

Я подумывал о том, чтобы вернуться. Какое-то мгновение я действительно пытался представить себе, как бы все было, если бы мне каким-то образом удалось вернуться домой.

Но у меня ничего не вышло. Я был не в силах этого представить.

— Я не смог бы уйти, — прошептал я.

— Когда мисс Сапсан снова превратится в человека, она сможет отправить тебя обратно. Если ты захочешь.

Я не имел в виду способы возвращения. Все, что я хотел сказать, это: *Я не смог бы уйти от тебя.* Но произнести эти слова было невозможно. Они отказывались срываться с моих губ. Поэтому я оставил их в себе и просто поцеловал ее.

На этот раз дыхание сбилось у Эммы. Ее ладони взлетели к моим щекам, но замерли на полдороге. От них волнами исходило тепло.

— Прикоснись ко мне, — попросил я.

— Я не хочу тебя обжечь, — отозвалась она.

Но внезапный вихрь искр в моей груди сказал: *Мне все равно,* и я взял ее пальцы и провел ими по своей щеке. Мы оба ахнули. Ее пальцы были горячими, но я не отстранился. Я боялся, что она больше не захочет ко мне прикасаться. А потом наши губы снова встретились, мы долго целовались, и ее необычайное тепло струилось по моему телу.

Мои глаза закрылись, и окружающий мир померк.

Если моему телу было холодно в ночном тумане, я этого не ощущал. Если море ревело в моих ушах, я его не слышал. Если камень, на котором я сидел, был острым и твердым, я этого не заметил. Все за пределами наших объятий утратило смысл.

Вдруг в темноте раздался грохот, но я также не обратил на него внимания, будучи не в силах оторваться от Эммы. Но звук повторился, к нему присоединился ужасающий скрежет металла, и по нам скользнул луч ослепительного света. И закрыться от него уже было невозможно.

Маяк, — подумал я. — Маяк падает в море. Но маяк был крошечной булавочной головкой света вдалеке, а вовсе не слепящей вспышкой, похожей на упавшее в воду солнце. Кроме того, луч маяка устремлялся лишь в одном направлении, а не блуждал из стороны в сторону, обшаривая берег.

Это был вовсе не маяк. Это был прожектор, неуклонно приближающийся к берегу со стороны моря.

Это был прожектор подлодки.

* * *

Последовало мгновение парализующего ужаса, разъединившего мысли с телом. Мои глаза и уши засекли приближение субмарины: металлическое чудовище поднималось на поверхность моря, вода с шумом лилась с его боков, а из открытых люков на верхнюю палубу выскакивали люди. Они что-то кричали и обрушивали на нас снопы света. А затем импульс к действию наконец достиг моих ног, и мы соскользнули с камней, скатившись вниз, и бросились бежать, как будто за нами гнались все чудовища ада.

Прожектор светил нам в спину, и наши дергающиеся тени рассекали пляж жутковатыми десятифутовыми монстрами. Пули засвистели в воздухе и изрешетили песок.

Из громкоговорителей загремел голос:

— ОСТАНОВИТЕСЬ! НЕ БЕГИТЕ!

Мы ворвались в пещеру с криками:

— Они нас догнали, они здесь, вставайте, вставайте!

Но дети слышали шум и были уже на ногах. Все, кроме Бронвин, которая так устала в море, что крепко уснула, прислонившись к стене пещеры, и разбудить ее никак не удавалось. Мы трясли ее и кричали ей в лицо, но она только стонала и отмахивалась от нас неуклюжими взмахами рук. В конце концов нам пришлось обхватить ее за талию и поставить на ноги. Мне почудилось, что мы пытаемся поднять гору кирпичей, но как только стопы Бронвин уперлись в землю, ее воспаленные веки распахнулись, и она встала на ноги сама.

Мы сгребли свои вещи, радуясь тому, что их так мало. Эмма подхватила на руки мисс Сапсан. Все выбежали наружу и ринулись к дюнам. На бегу я слышал плеск воды и видел черные силуэты людей, преодолевающих последние футы до берега. В высоко поднятых над головой руках они держали автоматы.

Миновав редкую рощицу раскачивающихся на ветру деревьев, мы оказались в непроходимом лесу. Нас окутал непроглядный мрак. Луну, которую уже и без того начинали заслонять облака, окончательно скрыли стволы деревьев, и ее бледное зарево было не в состоянии пробиться сквозь

сплетение ветвей. У нас не было времени привыкать к этой темноте или выбирать дорогу. У нас вообще ни на что не было времени, и нам оставалось только бежать, задыхаясь и вытянув руки, спотыкаясь и с трудом уворачиваясь от внезапно вырастающих на нашем пути стволов.

Спустя несколько минут мы остановились и, тяжело дыша, прислушались. Откуда-то сзади до нас по-прежнему доносились голоса. Только теперь к ним добавились и другие звуки. Лай собак.

Мы снова бросились бежать.

Глава третья

Мне показалось, что мы бежали по черному лесу несколько часов. Я не видел ни луны, ни звезд, которые помогли бы нам определить ход времени. Крики людей и лай собак окружали нас, угрожая непонятно откуда — со всех сторон. Чтобы сбить собак со следа, мы вошли в ледяной ручей и шли по нему, пока наши ноги не занемели от холода. Когда мы выскочили на берег, нам показалось, что мы бредем на обрубках ног, и каждый шаг причинял мучительную колющую боль.

Наши силы были на исходе. Кто-то застонал в темноте. Оливия и Клэр не успевали за остальными, и Бронвин подхватила их на руки. Но после этого начала отставать уже она. Наконец, когда Гораций споткнулся о торчащий из-под земли корень и растянулся на земле, моля о передышке, мы все остановились.

— Эй ты, ленивый придурок, хватит валяться! — зашипел на него Енох.

Но сам он тоже задыхался и был вынужден прислониться к стволу, чтобы восстановить дыхание. Сил на то, чтобы ссориться с Горацием, у него явно не осталось.

Впрочем, сил на дальнейшее бегство не осталось ни у кого. Мы дошли до предела и нуждались в отдыхе.

— Смысла бегать кругами в этой темноте все равно нет, — прошептала Эмма. — Мы вполне можем прибежать туда, откуда выбежали.

— Когда рассветет, нам будет легче найти дорогу в этом лесу, — поддержал ее Миллард.

— При условии, что мы доживем до рассвета, — буркнул Енох.

Уже некоторое время накрапывал небольшой дождик. Фиона соорудила для нас укрытие, убедив окружающие деревья соединить над нами нижние ветви. Она поглаживала их кору и что-то нашептывала стволам, пока ветви не переплелись, образовав непроницаемый покров на высоте, достаточной для того, чтобы сидеть под ним. Мы заползли в этот шалаш и легли на землю, прислушиваясь к шороху дождя и отдаленному лаю собак. Где-то в лесу на нас продолжали охотиться вооруженные люди.

Я не сомневался в том, что, оставшись наедине со своими мыслями, каждый из нас задавался вопросом: что случится с нами, если нас поймают.

Клэр начала плакать. Вначале ее всхлипывания были совсем тихими, но постепенно становились все громче, пока оба ее рта не взревели во весь

голос.

— Возьми себя в руки! — шикнул на нее Енох. — Они тебя услышат, и тогда причины плакать появятся у всех нас!

Бронвин подползла к ней и сгребла малышку в медвежьи объятия.

— Прошу тебя, Клэр! Подумай о чем-нибудь хорошем!

— Я пы-пытаюсь! — причитала Клэр.

— Пытайся *лучше*!

Клэр крепко зажмурилась, сделала глубокий вдох и сдерживала дыхание, пока не стала похожей на раздувшийся воздушный шар, готовый лопнуть. Выдохнув, она зашлась в приступе рыданий вперемешку с кашлем, который оказался еще громче недавнего плача.

Енох зажал ладонями ее рты.

— *Ш-ш-ш-ш-ш!* — зашипел он.

— Пра-пра-простите! — икала и всхлипывала Клэр. — Мо-может, если бы мне рассказали сказку... одну из наших «И-историй»...

— Только не это! — запротестовал Миллард. — Я начинаю жалеть, что мы не потеряли эти чертовы книги в море вместе со всем остальным!

Но тут вмешалась мисс Сапсан — насколько она могла это сделать — запрыгнув на сундук Бронвин и постучав по нему клювом. В чемодане, вместе с нашими скудными пожитками, лежали «Истории».

— Я поддерживаю мисс С., — заявил Енох. — Думаю, стоит попробовать. Я готов на все, лишь бы прекратить этот рев!

— Ну хорошо, малышка, — согласилась Бронвин. — Но только одну сказку. И ты должна пообещать, что перестанешь плакать!

— Я о-о-обещаю! — шмыгнула носом Клэр.

Бронвин открыла чемодан и извлекла из него раскисший том «Историй о странном и неизведанном». Эмма подобралась поближе и зажгла крохотный язычок пламени на кончике пальца. Мисс Сапсан, которой, видимо, не терпелось утихомирить Клэр, клювом раскрыла книгу на будто бы первой попавшейся главе. Бронвин начала негромко читать:

— «Много странных лет тому назад в дремучем древнем лесу жили-были животные. Их было очень много, и среди них, как и в любом другом лесу, были кролики, олени и лисы. Но также были среди них и довольно редкие звери, такие как свирепые ходулепаые медведи, двухголовые рыси и говорящие эму-рафы. Эти странные животные были излюбленной мишенью для охотников, которые обожали отстреливать их, развешивать на стенах их шкуры и хвастаться ими перед своими друзьями-охотниками. Но еще больше им нравилось продавать их содержателям зоопарков, которые запирали зверей в клетки и за деньги позволяли глазеть на них всем

желающим. Вам может показаться, что гораздо лучше быть запертым в клетке, чем застреленным и повешенным на стену, но странные создания не могут быть счастливы в неволе. Очень скоро они падают духом и начинают завидовать тем из своих друзей, кто угодил на стену».

— Это грустная история, — зароптала Клэр. — Читай другую.

— Мне она нравится, — заявил Енох. — Хочу еще послушать об убитых животных на стенах.

Не обращая на них внимания, Бронвин продолжала читать:

— «Тогда, как и в незапамятные времена, по земле все еще бродили великаны, хотя их численность сократилась, а размеры неуклонно уменьшались. И так уж вышло, что один из этих великанов жил неподалеку от нашего леса. Он был очень добрым и воспитанным и питался только растениями. Его звали Кутберт. Однажды Кутберт пошел в лес за ягодами и увидел охотника, преследующего эму-рафа. По доброте душевной Кутберт поднял эму-рафа за загривок и, выпрямившись во весь рост и даже привстав на цыпочки, что делал крайне редко, потому что от этого у него хрустели все его старые кости, поставил нашего эму-рафа на вершину горы, где тому больше не угрожала опасность. Этого ему показалось недостаточно, и он растер охотника между пальцами ног.

Слава о доброте Кутберта разнеслась по лесу, и скоро к нему повадились ходить странные животные, осаждавшие его просьбами поднять их на вершину горы подальше от опасности. И Кутберт отвечал им:

— Я спасу вас, мои маленькие братья и сестры. Все, о чем я прошу взамен, это чтобы вы разговаривали со мной и дружили со мной. В мире осталось очень мало великанов, и я часто чувствую себя одиноко.

— Конечно, Кутберт, мы так и сделаем, — отвечали ему странные звери.

Итак, Кутберт каждый день спасал все новых и новых странных зверей, поднимая их на вершину горы, пока там не образовался целый странный зверинец. Животные были счастливы, потому что наконец-то могли жить в мире и покое. Кутберт тоже был счастлив, потому что мог, привстав на цыпочки и опершись подбородком о вершину горы, беседовать со своими новыми друзьями сколько ему вздумается. Но однажды утром к великану явилась ведьма. Кутберт купался в озере в тени горы, когда она заявила:

— Прости, но я должна превратить тебя в камень.

— Зачем тебе это понадобилось? — спросил великан. — Я очень добрый. Я великан-помощник.

И она ему ответила:

— Меня наняла семья раздавленного тобой охотника.

— А-а, — отозвался Кутберт, — а я о нем и забыл.

— Мне очень жаль, — повторила ведьма, взмахнула березовой веткой, и добрый великан начал превращаться в камень.

Кутберт стал очень тяжелым. Таким тяжелым, что стал погружаться в озеро. Он погружался и погружался, пока вода не достигла его подбородка. Его друзья-животные видели все, что происходит. Они пришли в ужас, но решили, что ничем не могут ему помочь.

— Я знаю, что вы не можете меня спасти, — закричал Кутберт своим друзьям, — но вы могли бы прийти и поговорить со мной! Я застрял тут внизу, и мне очень одиноко!

— Но если мы спустимся, охотники нас перестреляют! — крикнули в ответ они.

Кутберт понимал, что они правы, но все равно продолжал умолять их спуститься.

— Поговорите со мной! — кричал он. — Прошу вас, придите и поговорите со мной!

Но они так и не пришли. И он все еще плакал, когда его горло окаменело, как и все остальное тело». Конец истории.

Бронвин закрыла книгу.

Клэр испуганно посмотрела на нее.

— И это *все*?

Енох засмеялся.

— Это все, — ответила Бронвин.

— Это ужасная история, — заявила Клэр. — Расскажи мне другую!

— Какая есть, — ответила Эмма. — А сейчас пора спать.

Клэр надулась, но плакать перестала, так что цель была достигнута.

— Вряд ли завтра нам будет легче, чем сегодня, — заметил Миллард. — Нам необходимо набраться сил.

Мы нащипали пучков пружинистого мха вместо подушек. Прежде чем позволить нам сунуть их себе под головы, Эмма высушила их ладонями. Одеял у нас не было, и, чтобы согреться, мы прижались друг к другу. Бронвин обняла малышей, Фиона переплелась с Хью, из открытого рта которого все время вылетали пчелы, даже ночью охранявшие своего спящего хозяина. Гораций и Енох отвернулись в разные стороны, едва соприкасаясь спинами, — дрожа от холода, они так и не сумели превозмочь гордость, не позволявшую им прижаться друг к другу теснее. Я лежал на спине, а Эмма легла на бок, устроив голову у меня на груди. Она была так близко, что я мог поцеловать ее лоб в любую секунду. И я обязательно

сделал бы это, если бы не убийственная усталость. Эмма была горячее, как электрическое одеяло, и я стремительно провалился в сон, исполненный приятных незапоминающихся сновидений.

Я никогда не запоминаю хорошие сны, зато плохие долго не могу выбросить из головы.

Однако с учетом всех обстоятельств, чудом было уже то, что мне вообще удалось уснуть. Мы были вынуждены спасаться бегством, спать на земле в лесу, где нам со всех сторон грозила смерть, и тем не менее в объятиях Эммы я смог обрести покой.

Наш сон охраняла мисс Сапсан, и ее черные глаза поблескивали в темноте. Травмированная и крохотная, она все равно оставалась нашим опекуном.

Сильно похолодало, и Клэр начала дрожать и кашлять. Бронвин растолкала Эмму и прошептала:

— Мисс Блум, вы нужны этой малышке. Боюсь, что она заболела.

Эмма шепотом извинилась передо мной и, выскользнув из моих объятий, поспешила на помощь Клэр. Я ощутил укол ревности, и мне тут же стало стыдно за то, что я ревную к заболевшему другу. Я лежал в одиночестве, борясь с неоправданным чувством брошенности и глядя куда-то в кромешную тьму. Еще никогда в жизни я не испытывал такой усталости, но уснуть мне больше не удавалось. Вокруг меня ворочались и постанывали дети. Им снились кошмары, но настоящий кошмар ожидал нас по пробуждении. Постепенно мрак начал отступать, как будто кто-то слой за слоем снимал с окружающего мира черную краску, и совершенно незаметно небо окрасилось в нежно-голубой цвет.

* * *

На рассвете мы выползли из своего убежища. Я отряхнул мох с волос и попытался отчистить грязь с брюк, но мне удалось только размазать ее еще сильнее, из-за чего я окончательно уподобился какому-то болотному созданию, изрыгнутому недрами земли. Меня терзал безумный голод. Казалось, мой желудок принялся жевать сам себя. И после гребли, бега и ночевки на земле у меня болело все, что только могло болеть. К счастью, не все было так плохо: за ночь дождь перестал, и воздух начал быстро прогреваться. Кроме того, нам явно удалось оторваться от тварей и их собак. Во всяком случае, пока. Либо их псы перестали лаять, либо находились слишком далеко и мы их не слышали.

Зато мы безнадежно заблудились. Оказалось, что пробираться по этому лесу днем ничуть не легче, чем в темноте. Густые ели разбредались во все стороны и выглядели совершенно одинаково, куда бы мы ни посмотрели. Землю укрывал сплошной ковер из опавших листьев и хвои, он прятал любые следы, которые мы могли оставить накануне. Одним словом, мы проснулись посреди зеленого лабиринта без карты и компаса, а сломанное крыло мисс Сапсан означало, что она не могла повести нас, взлетев над деревьями. Енох предложил поднять над деревьями Оливию, как мы сделали это в тумане на море, но у нас не было веревки, и, если бы она улетела в небо, мы уже никогда не сумели бы ее вернуть.

Клэр была больна и чувствовала себя все хуже. Она лежала, свернувшись калачиком, на коленях Бронвин, и на ее лбу, несмотря на холодную погоду, выступила испарина. Девочка была такой худенькой, что даже сквозь платье я мог бы пересчитать ее ребра.

— Как она? — спросил я.

— У нее жар, — ответила Бронвин, прижимая ладонь к щеке малышки. — Ей нужны лекарства.

— Сначала необходимо найти выход из этого проклятого леса, — заметил Миллард.

— Сначала необходимо поесть, — возразил Енох. — А пока будем есть, обсудим наши возможности.

— Какие возможности? — спросила Эмма. — Мы можем пойти куда захотим. Выбирай, разницы нет никакой.

Мы сидели и жевали в угрюмом молчании. Я никогда не пробовал собачий корм, но уверен, то, что нам досталось, было гораздо хуже — коричневатые кусочки застывшего животного жира из ржавых консервных банок. За неимением ложек мы выуживали их пальцами.

— Я взял с собой пять засоленных куропаток и три банки фуа-гра с корнишонами, — с горечью заметил Гораций, — но уцелело почему-то *это*. — Он зажал нос и уронил желеобразный комок себе в горло, даже не пытаясь его жевать. — Мне кажется, это расплата.

— За что? — поинтересовалась Эмма. — Мы были настоящими ангелочками. Если не все, то почти все.

— Возможно, за грехи прошлых жизней. Я не знаю.

— У странных людей нет прошлых жизней, — вмешался Миллард. — Мы проживаем их все одновременно.

Мы быстро поели, закопали пустые жестянки и огляделись вокруг, решая, куда идти. Но не успели сделать и шагу, как из зарослей кустов выскочил Хью. Вокруг его головы облачком вились встревоженные пчелы,

а сам он тяжело дышал от волнения.

— А *ты* где был? — изумился Енох.

— Я нуждался в уединении, чтобы уделить внимание утреннему... неважно чему, — отозвался Хью, — и я увидел...

— Кто позволил тебе покинуть пределы видимости? — не унимался Енох. — Мы чуть не ушли без тебя!

— Не у тебя ли я должен был спрашивать позволения? — огрызнулся Хью. — Как бы то ни было, я увидел...

— Ты не имеешь права просто так брать и уходить! Ты мог заблудиться!

— Мы *и так* заблудились.

— Ты кретин! Что, если бы ты не нашел обратную дорогу?

— Я оставил за собой дорожку из пчел. Я всегда так делаю...

— Дай же ему наконец *закончить*! — не выдержала Эмма.

— Спасибо, — кивнул ей Хью, а затем обернулся и показал туда, откуда пришел. — Я видел воду. Много воды, вон там, за деревьями.

Эмма помрачнела.

— Мы пытаемся *уйти* от моря, а не вернуться к нему. Наверное, ночью мы шли по кругу.

Хью повел нас туда, откуда пришел. Бронвин несла на плече мисс Сапсан, а на руках бедняжку Клэр. Мы не прошли и ста ярдов, как за деревьями заблестела серая водная гладь.

— О, это слишком ужасно! — застонал Гораций. — Убегая от тварей, мы вернулись прямо к ним в руки!

— Но я не слышу никаких солдат, — возразила Эмма. — Более того, я вообще ничего не слышу. Даже шума океана.

— Да никакой это не океан! — воскликнул Енох и бросился бежать к воде.

Когда мы его догнали, он уже стоял на мокром песке и оглядывался на нас с довольной ухмылкой, в которой явственно читалось: «А что я вам говорил?» Он оказался прав — это было не море. Перед нами раскинулось серое озеро с поросшими лесом берегами. Над идеально гладкой поверхностью воды клубился туман. Но его самой примечательной чертой было нечто, на что я не сразу обратил внимание. После того как Клэр указала на огромную скалу, выступающую из воды совсем неподалеку от нас, я скользнул по ней взглядом. Но и этого оказалось недостаточно. И лишь присмотревшись внимательно, я понял, что этот зловещий темный камень мне что-то напоминает.

— Это великан из истории! — воскликнула Клэр, показывая на

скалу. — Это Кутберт!

Бронвин, по-прежнему несшая ее на руках, погладила малышку по голове.

— Тс-с, милая, у тебя жар.

— Не болтай ерунды, — фыркнул Енох. — Это самая обычная скала.

Но эта скала явно не была обычной. Хотя ветер и дождь несколько сгладили ее черты, она и в самом деле очень походила на великана, который по самую шею погрузился в озеро. Я отчетливо видел его голову, нос, шею и даже кадык. Низкорослые деревья на вершине скалы напоминали всклокоченную шевелюру. Но самым пугающим было положение этой головы. Она была откинута назад, а рот великан открыл в безмолвном крике. Казалось, как и в истории, которую мы слушали накануне вечером, его голова превратилась в камень, призывая на помощь друзей, находящихся на вершине горы.

— Посмотрите туда! — воскликнула Оливия, показывая на скалистое возвышение вдалеке. — Должно быть, это и есть гора Кутберта!

— Великаны существуют на самом деле, — восхищенно прошептала Клэр. — И все, что рассказывается в «Историях», это правда!

— Давайте не будем делать поспешных и нелепых заключений, — предложил Енох. — Вероятно, того, кто написал легенду, прочитанную нами вчера вечером, вдохновил вид скалы, очертаниями похожей на человеческую голову. Или вы считаете, что эта скала и в самом деле когда-то была великаном?

— Ты все всегда высмеиваешь, — возразила Оливия. — А я верю в великанов, даже если ты считаешь их выдумкой.

— «Истории» — это просто истории, и не более того, — проворчал Енох.

— Забавно, — подал голос я, — но именно так я думал о вас, пока с вами не познакомился.

Оливия засмеялась.

— Джейкоб, какой же ты глупый! Ты и в самом деле не верил в то, что мы существуем?

— Конечно. И я продолжал так думать еще некоторое время даже после того, как мы познакомились. Мне казалось, что я просто схожу с ума.

— Существуют великаны или нет, но это удивительное совпадение, — напомнил всем Миллард. — Только вчера вечером мы прочитали этот рассказ и уже наутро набрали на то самое место, которое вдохновило автора. Мне это представляется просто невероятным.

— Я не думаю, что это совпадение, — откликнулась Эмма. — Не забывайте, что мисс Сапсан сама открыла книгу. Должно быть, она выбрала эту легенду с какой-то целью.

Бронвин повернула голову к сидящей на ее плече птице и спросила:

— Мисс С., мы угадали? Что вы хотели нам сказать?

— Это должно что-то означать, — настаивала Эмма.

— Ну конечно, — неожиданно поддержал ее Енох. — Это означает, что мы должны вскарабкаться на ту гору. Возможно, с нее мы увидим, как нам выбраться из этого леса!

— Я хотела сказать, что *история* что-то означает, — покачала головой Эмма. — Чего хотел великан? О чем он постоянно просил?

— Он хотел, чтобы с ним поговорили! — как примерная ученица, отозвалась Оливия.

— Вот именно, — кивнула Эмма. — Поэтому, если он хочет поговорить, давайте выслушаем, что он может нам сказать.

С этими словами она вошла в воду.

Мы растерянно смотрели ей вслед.

— Куда это она? — спросил Миллард.

Мне показалось, что он обращается ко мне, и я пожал плечами и покачал головой.

— За нами гонятся твари! — закричал Енох. — Мы безнадежно заблудились! Что, птицы ради, ты вытворяешь?

— Я веду себя странно! — закричала в ответ Эмма.

Прошлепав через отмель к подножию скалы, она взобралась на

нижнюю челюсть великана и заглянула в его открытый рот.

— Ну и что там? — спросил я. — Что ты там видишь?

— Я не знаю, — последовал ответ. — Но, похоже, тут какой-то тоннель, и он уходит вглубь. Взгляну-ка я на него поближе!

— Ты бы лучше слезла вниз, пока что-нибудь себе не сломала! — закричал Гораций. — Ты заставляешь всех нас тревожиться!

— Тебя все тревожит, — заметил Хью.

Эмма подняла камень и бросила его в глотку великану, внимательно прислушиваясь к звуку падения.

— Я думаю, это может быть... — начала говорить она, но поскользнулась на мелкой гальке, и ее последнее слово мы не расслышали.

К счастью, она успела схватиться за камни, и это спасло ее от падения вниз.

— Осторожно! — закричал я и с бешено бьющимся сердцем бросился ей на помощь. — Держись, я сейчас!

Расплескивая во все стороны воду, я забежал в озеро.

— Это может быть — что?! — крикнул Енох.

— Существует только один способ это узнать! — взволнованно отозвалась Эмма и начала спускаться в рот великана.

— О боже, — прошептал Гораций. — Она собирается...

— Подожди! — снова закричал я, но Эмма уже исчезла в горле Кутберта.

* * *

Вблизи великан оказался еще больше, чем выглядел с берега. Заглянув в его глубокую темную глотку, я готов был поклясться, что слышу его дыхание. Сложив ладони вокруг рта, я громко позвал Эмму, но в ответ услышал лишь эхо собственного голоса. Все остальные уже тоже вошли в воду, но дожидаться их я не мог, опасаясь, что Эмма попала в беду и нуждается в помощи. Поэтому я стиснул зубы, опустил ноги в темноту и разжал пальцы.

Падал я очень долго. Не меньше секунды. Затем раздался плеск, и я угодил в воду, такую холодную, что я непроизвольно ахнул, ощущая, как все мои мышцы свело судорогой. Мне пришлось напомнить себе, что если я не буду барахтаться, то попросту пойду на дно. Я находился в темной узкой пещере, заполненной водой. Дороги назад, то есть вверх по длинному и гладкому горлу великана, не было. Оглядевшись, я не увидел ни веревки,

ни лестницы, ни даже выступов в каменных стенах пещеры. Я снова позвал Эмму, но ее нигде не было.

О боже, — подумал я, — она утонула!

Но тут что-то защекотало мои руки, и поверхность воды вокруг меня покрылась пузырьками. Мгновение спустя рядом со мной, тяжело дыша, вынырнула Эмма.

Освещение было очень тусклым, но мне показалось, что с ней все в порядке.

— Чего ты ждешь? — спросила она, хлопая по воде ладонью, как будто приглашая меня нырнуть вместе с ней. — Пошли!

— Ты сошла с ума? — поинтересовался я. — Мы угодили в ловушку!

— Никакая это не ловушка! — заявила она.

Сверху донесся голос Бронвин:

— Э-ге-гей! Я вас слышу! Что там у вас?

— Я думаю, это вход в петлю! — крикнула в ответ Эмма. — Скажи всем, пусть прыгают. Не бойтесь, мы с Джейкобом встретим вас на другой стороне!

Затем она схватила меня за руку, и, все еще не понимая, что происходит, я сделал глубокий вдох и позволил ей увлечь себя под воду. Энергично работая ногами, мы подплыли к отверстию размером со взрослого человека, сквозь которое виднелся дневной свет. Она втолкнула меня внутрь и двинулась за мной. Мы проплыли по тоннелю футов десять длиной и оказались в озере. Над нашими головами виднелась волнистая поверхность воды, а еще выше — голубое небо. По мере того как мы поднимались, вода становилась заметно теплее. Хватая ртами воздух, мы вынырнули, и я тут же ощутил, что погода изменилась. Теперь было жарко и душно, а раннее утро сменилось знойным полднем. Изменилась и глубина озера. Теперь вода доходила великану до самого подбородка.

— Вот видишь? — улыбнулась Эмма. — Это уже совсем другое время.

Вот так мы и оказались в петле, покинув тихое утро 1940-го года ради жаркого полудня в каком-то другом, более раннем году, хотя понять, какой именно это был год, здесь, посреди леса, вдали от цивилизации, не представлялось возможным.

Остальные дети по очереди выныривали из озера вокруг нас. Увидев, как изменился мир, они приходили к своим собственным заключениям.

— Вы понимаете, что это означает? — визжал Миллард. Разбрызгивая воду, он плавал кругами, задыхаясь от волнения. — Это означает, что в «Историях» скрыто тайное знание.

— Выходит, не такие уж они и бесполезные? — съязвила Оливия.

— О, как же мне не терпится их изучить и сделать свои пометки! — отозвался Миллард, потирая ладони.

— Не вздумай писать что-нибудь в моей книге, Миллард Наллингс! — угрожающе произнесла Бронвин.

— Но что это за петля? — хотел знать Хью. — Кто, по-вашему, здесь живет?

— Разумеется, животные, друзья Кутберта, — откликнулась Оливия.

Енох закатил глаза, но удержался и не объявил вслух: *Это всего лишь легенда!* Возможно, этот скептик уже сомневался.

— У каждой петли есть имбрина, — заявила Эмма. — Это правило касается даже загадочных петель из волшебных сказок. Поэтому нам нужно ее найти.

— Отличная идея, — согласился Миллард. — Где будем искать?

— Единственное место, которое упоминается в истории, не считая озера, это вон та гора, — произнесла Эмма, показывая на вздымающиеся за деревьями утесы. — Кто готов карабкаться на скалы?

Мы все устали и проголодались, но обнаружение петли придало нам сил. Оставив каменного великана позади, мы снова вошли в лес, направляясь к подножию горы. Вскоре мы набрали на хорошо утоптанную извилистую тропинку и начали подниматься наверх, пробираясь между зарослями косматых елей. Местами тропа становилась такой крутой, что нам приходилось взбираться на четвереньках, хватаясь за что попало, чтобы продолжать движение вперед.

— Я надеюсь, что в конце этого пути нас ждет что-нибудь чудесное, — бормотал Гораций, утирая пот со лба. — Джентльменам не пристало потеть!

Тропа сузилась, теперь это был узкий карниз, по одну сторону которого вздымалась отвесная каменная стена, а по другую разверзалась пропасть. Далеко внизу раскинулся зеленый ковер из верхушек деревьев.

— Прижимайтесь к стене, — предостерегла всех Эмма. — Падать очень высоко.

Одного взгляда вниз оказалось достаточно, чтобы у меня закружилась голова. Внезапно мне показалось, что у меня жуткая боязнь высоты, от которой все внутренности завязались в тугой узел. Все мои силы и внимание теперь уходили только на то, чтобы просто переставлять ноги.

Эмма коснулась моей руки.

— С тобой все в порядке? — шепотом поинтересовалась она. — Ты очень бледен.

Я солгал, заверив ее, что со мной все отлично. Моего притворства

хватило на три изгиба тропы. К этому моменту мое сердце безудержно колотилось, а колени дрожали так сильно, что мне пришлось опуститься на землю, прямо посреди узкой тропы, заставив остановиться всех, кто шел за мной.

— О боже, — прошептал Хью. — Джейкоб ломается.

— Я не понимаю, что со мной, — пробормотал я.

Я никогда не боялся высоты, но сейчас не решался взглянуть вниз даже краем глаза, потому что у меня в животе тут же все переворачивалось.

Мне в голову закралось жуткое подозрение: что, если меня мучает не страх высоты, но ощущение приближающихся пустот?

Однако это было невозможно, потому что мы находились внутри петли, куда пустоты доступа не имели. И тем не менее, чем пристальнее я прислушивался к ощущению у меня в животе, тем больше убеждался в том, что меня тревожит не сам обрыв, а нечто, скрывающееся внизу.

Я должен был в этом убедиться.

Дети взволнованно гудели, наперебой спрашивая меня, что случилось, в порядке ли я. Я отключился от их голосов, стал на четвереньки и подполз к краю тропы. Чем ближе я подбирался к обрыву, тем болезненнее становились ощущения в животе. Казалось, кто-то изнутри раздирает мои кишки в клочья. Когда до края оставалось несколько дюймов, я лег на живот, обхватил пальцами каменный козырек и, подтянувшись вперед, заглянул в пропасть.

Моим глазам потребовалось одно мгновение, чтобы засечь пустоту. Вначале я увидел лишь какое-то мерцание над шершавым гранитным склоном. Больше всего это походило на волны воздуха над горячим капотом автомобиля. Какое-то едва заметное искажение действительности.

Именно так воспринимали их обычные люди. Да и странные тоже. Одним словом, все, кто не был наделен такими способностями, как я.

Да, я вдруг ощутил, что мои странные способности включаются и набирают силу. Бурлящее ощущение в животе свернулось в узел и сосредоточилось в одной точке острой боли. А потом эта боль каким-то непостижимым образом обрела *направление*, вытянувшись из точки в линию. Эта линия подобно стрелке компаса устремилась по диагонали к переменчивому пятну в сотне ярдов ниже козырька и чуть левее того места, где я лежал. Дрожащее мерцание на глазах сливалось в плотную черную массу. В моем поле зрения возникло прильнувшее к склону горы гуманоидное существо из щупалец и теней.

И тут оно осознало, что я его вижу, и все его ужасное тело напряглось. Скорчившись на уступе скалы, оно распахнуло свой жуткий рот и

испустило оглушительный вопль.

Моим друзьям незачем было объяснять, что я вижу. Этого звука было достаточно.

— *Пуст о та!*— закричал кто-то из них, зря растрачивая время на констатацию очевидного.

— *Бежим!*— подхватили остальные.

Я отполз от края, и меня тут же подхватили и поставили на ноги. Мы бросились бежать всей толпой, но не вниз по склону, а наверх, углубляясь в неведомое, вместо того чтобы вернуться на равнину, к выходу из петли. Впрочем, возвращаться было поздно. Я почувствовал, как пуст *о* та оттолкнулась от валуна и карабкается по склону. Но она не гналась за нами, а напротив, удалялась, рассчитывая отрезать нам путь в случае, если мы попытаемся пробежать мимо, спускаясь с горы. Таким образом, позади нас теперь поджидала западня.

Для меня это были совершенно незнакомые ощущения. Прежде я воспринимал пустот только глазами, но теперь я чувствовал внутри себя что-то, похожее на стрелку компаса. Сейчас она показывала назад, и я как будто воочию видел жуткое существо, карабкающееся по едва ли не отвесной стене. Казалось, увидев пуст *о* ту, я взглядом прицепил на нее нечто вроде приводного радиомаяка. Зато мой внезапно возникший страх высоты исчез.

Мы обогнули скалу, и перед нами выросла гладкая гранитная стена не менее пятидесяти футов в высоту. Тропа закончилась, и, куда бы мы ни обернулись, со всех сторон нас окружала пропасть. На стене не было ни лестницы, ни выступов, за которые можно было бы цепляться руками или опираться ногами. Мы отчаянно искали какой-то другой способ подняться наверх — тайный проход в скале, дверь или тоннель, но ничего этого не было. Дороги дальше не существовало. Был путь наверх, но подняться мы смогли бы либо на воздушном шаре, либо на ладони мифического великана-помощника.

Нас охватила паника. Мисс Сапсан пронзительно закричала. Клэр плакала. А Гораций причитал:

— Это конец! Мы все умрем!

Остальные предпринимали последние отчаянные попытки спастись. Фиона водила ладонями по стене в поисках трещин, в которые могла набиться земля, позволившая бы ей вырастить лиану или что-то еще, с помощью чего мы вскарабкались бы наверх. Хью подбежал к краю площадки и посмотрел вниз.

— Мы могли бы спрыгнуть, если бы только у нас был парашют!

— Я могу быть парашютом! — воскликнула Оливия. — Возьмитесь за мои ноги!

Но до дна пропасти было очень далеко, и вся долина заросла темным опасным лесом. Бронвин решила, что будет лучше послать Оливию вверх, а не вниз. Продолжая держать на одной руке вялую из-за высокой температуры Клэр, она подвела Оливию к скале.

— Дай мне свои туфли! — скомандовала она. — Бери Клэр и мисс С. и как можно скорее поднимай их наверх!

— Я не знаю, хватит ли у меня сил! — испугалась Оливия.

— Ты должна попытаться, маленькая птичка! Никто, кроме тебя, спасти их не сможет!

Опустившись на колени, она поставила Клэр на ноги, и больная девочка, покачиваясь, шагнула в объятия Оливии. Та крепко прижала ее к себе и сбросила свои свинцовые туфли. Как только дети начали подниматься, Бронвин пересадила мисс Сапсан со своего плеча на макушку Оливии. Под этим весом девочка поднималась очень медленно. И только когда мисс Сапсан начала хлопать здоровым крылом и тянуть Оливию вверх за волосы, девочка вскрикнула, задергала ногами, и вся троица взмыла в воздух.

Пуст о та почти добралась до тропы. Я был в этом так уверен, как будто видел ее собственными глазами. Тем временем мы обшаривали площадку, на которой очутились, в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. Но в нашем распоряжении были только мелкие камни.

— Ямогу быть оружием, — заявила Эмма.

Она хлопнула в ладоши и развела руки в стороны. Между ее ладонями мгновенно возник ревуший огненный шар.

— Не забывайте и о моих пчелах! — не отставал от нее Хью, открывая рот и выпуская наружу жужжащих насекомых. — Если их раздражить, они становятся свирепыми и опасными.

Енох, который имел обыкновение веселиться в самые неподходящие моменты, покатился со смеху.

— И что ты собираешься делать с пуст о той? — поинтересовался он. — Заопыляешь ее до смерти?

Не обращая на него внимания, Хью обернулся ко мне.

— Джейкоб, ты будешь нашими глазами. Только скажи нам, где эта скотина, и мои пчелы закусуют ее так, что у нее мозги вытекут!

Мой компас боли сообщил мне, что скотина уже на тропе. Источаемый ею яд распространялся так быстро, заполняя меня всего, что это могло

означать только одно — она приближается.

— Пуст **о** та может появиться в любую секунду, — сообщил я друзьям, показывая на скрывающуюся за поворотом тропу, по которой мы сюда прибежали. — Приготовьтесь.

Если бы не адреналин, меня бы уже парализовало от боли.

Мы заняли оборонительную позицию. Кое-кто присел на корточки с поднятыми, как у боксеров, кулаками, другие напоминали спринтеров, согнувшихся на старте в ожидании выстрела судьи. Впрочем, бежать нам было некуда.

— Кто бы мог подумать, что нас всех постигнет такой жалкий конец! — произнес Гораций. — «В валлийской глубинке их настигла и сожрала пуст **о** та...»

— Я думал, что они не могут пробираться в петли, — пробормотал Енох. — Как она сюда попала?

— Видимо, это следующий эволюционный виток, — предположил Миллард.

— Кому какое дело до того, как это произошло! — прикрикнула на них Эмма. — Она здесь, и она голодна!

Вдруг сверху до нас донесся еле слышный голос:

— Эй вы, там, внизу, осторожно!

Запрокинув голову, я увидел лицо Оливии, мелькающее над козырьком скалы. Мгновение спустя сверху начало падать что-то наподобие мотка длинной веревки. Веревка размоталась и натянулась, а на самом ее конце обнаружилась, шлепаясь на камни, сеть.

— Скорее! — снова раздался голос Оливии. — Тут есть рычаг. Хватайтесь за сеть, и я подниму ее наверх.

Мы подбежали к сети, но она была совсем крошечной. В ней не хватило бы места и для двух человек. На уровне глаз к веревке была приколата фотография человека внутри сети (этой самой сети). Он подобрал под себя ноги и висел над землей на фоне обрывистой скалы (этой самой скалы). На обороте фотографии мы прочитали сообщение:

ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ В ЗВЕРИНЕЦ: ЗАБИРАЙТЕСЬ ВНУТРЬ!

ОГРАНИЧЕНИЕ ПО ВЕСУ: НЕ БОЛЬШЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА НА ПОЕЗДКУ.

Это хитроумное приспособление представляло собой нечто вроде примитивного подъемника и предназначалось только для одного человека, но никак не восьми сразу! Однако времени использовать его как полагается у нас не было. Мы ввалились туда все одновременно, высунув руки и ноги

в ячейки сети и ухватившись за веревку над нашими головами.

— Поднимай! — завопил я.

Пуст **о** та была уже совсем близко, и все мое тело пронзала невыносимая боль.

Несколько секунд, которые показались нам бесконечностью, сетка висела неподвижно. Пуст **о** та выскочила из-за поворота. Она бежала на своих чудовищных языках, между которыми бесполезно болтались атрофированные человеческие конечности. Тут раздался визг металла о металл, веревка натянулась, и мы взлетели в воздух.

Пуст **о** та ринулась к нам. Она мчалась, распахнув челюсти, будто

хотела втянуть нас всех в пасть, подобно тому, как кит заглатывает планктон. Мы не успели подняться и наполовину, как она оказалась под нами, посмотрела наверх и присела, напоминая сжатую пружину.

— Она сейчас прыгнет! — закричал я. — Втягивайте ноги!

Пуст **о** та уперлась языками в землю и взмыла вверх. Мы поднимались довольно быстро, и мне показалось, что она промахнулась. Но в наивысшей точке прыжка один из ее языков обвился вокруг щиколотки Эммы.

Девушка закричала и начала пинать щупальце второй ногой. Сеть дернулась и остановилась. Видимо, подъемное устройство наверху было слишком слабым и не могло поднять нас всех и пуст **о** ту в придачу.

— Отцепите ее от меня! — кричала Эмма. — Отцепите, отцепите, отцепите!

Я тоже попытался пнуть щупальце каблуком, но язык пуст **о** ты оказался прочным, как стальной канат, а его кончик покрывали сотни извивающихся присосок. Поэтому любой, кто попытался бы оторвать его от ноги Эммы, неизбежно прилип бы к нему сам. И тут мерзкое существо начало подтягиваться к нам. Его челюсти неумолимо приближались, и мы уже ощущали могильный смрад, исходящий из его пасти.

Эмма крикнула, чтобы ее кто-нибудь подержал, и одной рукой я схватил ее сзади за платье. Бронвин и вовсе выпустила сеть из рук и, держась только ногами, обеими руками обхватила талию Эммы. Та тоже разжала пальцы, и теперь от падения ее спасали только наши с Бронвин усилия. Сейчас руки Эммы были свободны, и она, наклонившись, обхватила ими мерзкий язык.

Пуст **о** та заверещала. Присоски на языке поникли. Раздалось шипение, и над ними поднялись клубы черного смрадного дыма. Эмма стиснула щупальце еще сильнее, закрыла глаза и взвыла. Но это был скорее боевой клич, чем крик боли. И наконец раненое щупальце разжалось и соскользнуло со щиколотки Эммы. На какое-то сюрреалистическое мгновение оказалось, что уже не пуст **о** та держит Эмму, а Эмма пуст **о** ту. Существо корчилось и визжало под нами, и нас окутывал едкий дым от горящей плоти. Наконец мы не выдержали и начали умолять девушку *отпустить* его. Глаза Эммы снова распахнулись, и, как будто только сейчас вспомнив, где находится, она разжала ладони.

Пуст **о** та полетела вниз, отчаянно хватая щупальцами воздух. Удерживающее нас натяжение веревки внезапно исчезло, и мы пулей помчались вверх, прочь от врага. Взлетев над краем скалы, мы грудой

рухнули на ее вершину. Там нас уже ожидали Оливия, Клэр и мисс Сапсан. Пока мы выпутывались из сети, одновременно откатываясь от края утеса, Оливия хлопала в ладоши, мисс Сапсан пронзительно кричала и махала здоровым крылом, а лежавшая на земле Клэр приподняла головку и слабо улыбнулась.

Нас всех шатало, и мы уже во второй раз за эти два дня не могли поверить в то, что нам снова удалось выжить.

— Ты уже дважды спасла наши головы, пташка, — обратилась Бронвин к Оливии. — Что касается вас, мисс Блум, я знала, что вы смелая, но такого не ожидала!

Эмма отмахнулась от похвалы.

— Кто-то из нас должен был победить. У меня не было выбора.

— Поверить не могу, что ты к этому *прикоснулась!* — содрогнулся Гораций.

Эмма вытерла ладони о платье, затем понюхала их и поморщилась.

— Я надеюсь, этот запах скоро уйдет. Эта гадость воняла, как мусорка!

— Как твоя нога? — спросил я. — Болит?

Она встала на колени и опустила носок. Щиколотку опоясывал широкий вздувшийся красный рубец.

— Могло быть хуже, — произнесла она, осторожно касаясь поврежденной кожи.

Но когда она снова выпрямилась и наступила на ногу, я заметил, что она поморщилась.

— Хорош помощник, — проворчал Енох, искоса глядя на меня. — «Бегите»! — закричал внук убийцы пустот!

— Если бы дедушка смог убежать от пуст *о* ты, которая его убила, он до сих пор был бы жив, — возразил я. — Это хороший совет.

Откуда-то из-под скалы, на которую мы только что взлетели, раздался глухой удар. Во мне опять заворочалось Ощущение. Я подошел к краю и посмотрел вниз. Пуст *о* та была жива. Она подобралась к основанию скалы и своими языками выдалбливала углубления в граните.

— Скверная новость, — произнес я. — Падение ее не прикончило.

Через секунду рядом со мной стояла Эмма.

— Что она делает?

Эта мерзость сунула одно из щупалец в свежее отверстие, подтянулась и начала выдалбливать следующую опору для ноги, а если точнее, для языка.

— Она пытается взобраться на нашу скалу, — произнес я. — Бог ты мой, она совсем как Терминатор.

— Как кто?

Я чуть было не начал объяснять, но покачал головой. В любом случае это было нелепое сравнение. Пуст **о** та была намного страшнее и, вероятнее всего, опаснее любого киномонстра.

— Мы должны ее остановить! — воскликнула Оливия.

— А еще лучше сбежать! — предложил Гораций.

— Попрошу всех больше никуда не бегать! — заявил Енох. — Предлагаю, в конце концов, прикончить эту гадость.

— Давай прикончим, — согласилась Эмма. — Как мы это сделаем?

— У кого-нибудь есть котел с кипящим маслом? — поинтересовался Енох.

— Может, это подойдет? — раздался голос Бронвин.

Обернувшись, я увидел, что она держит над головой огромный валун.

— Может, и подойдет, — кивнул я. — Как у тебя с меткостью? Сможешь уронить его четко туда, куда я укажу?

— Я очень постараюсь, — отозвалась Бронвин и, пошатываясь, двинулась к краю обрыва, с трудом удерживая валун на вытянутых перед собой руках.

Мы остановились на краю, глядя вниз.

— Чуть дальше, — произнес я, подталкивая ее влево.

Но не успел я подать сигнал, как пуст **о** та перепрыгнула с одной выемки на другую, и теперь Бронвин тоже предстояло передвинуться.

Отвратительное существо долбило гранит все быстрее. Теперь оно превратилось в подвижную мишень. Хуже того — других валунов поблизости не было. Если бы Бронвин промахнулась, второго шанса у нас бы не было.

Я вынудил себя смотреть на пуст **о** ту, игнорируя почти непреодолимое желание отвернуться. На несколько головокружительных секунд голоса моих друзей стихли, и я слышал лишь, как стучит кровь у меня в ушах и сердце колотится, пытаясь вырваться из груди. Мои мысли перенеслись к мерзкому созданию, убившему моего деда. Я вспомнил, как оно стояло над его растерзанным телом, а затем трусливо бросилось в чащу. В глазах у меня рябило, а руки дрожали. Я попытался успокоиться.

Это твое предназначение, — сказал себе я. — *Ты был создан для того, чтобы убивать таких чудовищ.*

Я шепотом твердил себе эти слова, как заклинание.

— Джейкоб, быстрее, пожалуйста, — вторглась в мои мысли Бронвин.

Существо сделало ложный выпад влево, а затем прыгнуло вправо. Я не хотел действовать наугад и лишиться единственного шанса убить пуст **о** ту.

Я должен был *знать*. И каким-то образом я чувствовал, что я это могу.

Я встал на колени так близко к краю утеса, что Эмма схватила меня сзади за ремень, чтобы не позволить свалиться в пропасть. Сосредоточившись на пуст *о* те, я твердил свое заклинание: *создан, чтобы убить тебя, создан, чтобы убить*. И хотя в данный момент чудовище никуда не перемещалось, выдалбливая очередное углубление в стене, я ощутил, что стрелка компаса у меня в животе еле заметно дрогнула вправо.

Это было похоже на предчувствие.

Бронвин уже дрожала под весом валуна.

— Еще немного, и я его уроню, — прошептала она.

Я решил довериться интуиции. Хотя мой компас и указывал на абсолютно пустое место, я крикнул Бронвин, чтобы она бросила камень именно туда. Она повернулась вправо и со стоном облегчения выпустила валун из рук.

Спустя мгновение после того, как она это сделала, пуст *о* та метнулась вправо, именно туда, куда и была устремлена стрелка компаса. Она подняла голову и, увидев летящий в нее обломок скалы, приготовилась к новому прыжку, но времени у нее не осталось. Валун обрушился на голову мерзкого существа и смел его тело со стены. С оглушительным грохотом камень и пуст *о* та вместе рухнули на землю. Из-под валуна выскочили в разные стороны, задрожали и обмякли щупальца-языки. Хлынула черная кровь, окружая камень смрадной лужей вязкой жидкости.

— Прямое попадание! — завопил я.

Дети запрыгали и с радостными возгласами захлопали в ладоши.

— Она убита, она убита, — пела Оливия, — ужасной пуст *о* ты больше нет!

Бронвин обняла меня обеими руками. Эмма целовала меня в макушку. Гораций тряс мою руку, а Хью хлопал меня по спине. Меня поздравил даже Енох.

— Хорошая работа, — неохотно признал он. — Только не вздумай зазнаваться.

Я должен был быть вне себя от радости, но не чувствовал почти ничего. Вибрирующая боль Ощущения стихала, и все мое тело охватило странное оцепенение. Эмма видела, что я истощен. Она очень осторожно взяла меня под руку и повела от края скалы, поддерживая так, чтобы никто этого не заметил.

— Этот бросок не был сделан наудачу, — прошептала она мне на ухо. — Я не ошиблась в тебе, Джейкоб Портман.

Тропа, оканчиваясь у подножия стены, снова начиналась здесь, наверху, проходила вдоль хребта и скрывалась за перевалом.

— Объявление на веревке гласило: *Путь в зверинец*, — произнес Гораций. — Как вы считаете, эта тропа ведет именно туда?

— Это тебе снятся сны о будущем, — заметил Енох. — Может, ты нам скажешь, куда она ведет?

— Что такое *зверинец*? — спросила Оливия.

— Это место, где обитают животные, — пояснила Эмма. — Что-то вроде зоопарка.

Оливия радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

— Это друзья Кутберта! Из рассказа! О, мне не терпится с ними познакомиться. Как ты думаешь, имбрина тоже там живет?

— В данных обстоятельствах, — заметил Миллард, — было бы лучше не строить никаких предположений.

Мы зашагали дальше. У меня все еще кружилась голова после стычки с пуст о той. Похоже, мои способности действительно продолжали развиваться, как и предрекал Миллард. Чем больше я ими пользовался, тем мощнее они становились, совсем как мышцы. Стоило пуст о те попасть в поле моего зрения, я ее тут же видел, а если я определенным образом сосредоточивал на ней свое внимание, мне удавалось предсказать ее следующее действие, хотя ощущал я это интуитивно, каким-то шестым чувством. Впрочем, на этом пути не существовало никаких предостерегающих знаков, и каждый неверный шаг был чреват смертельно опасными последствиями, как для меня, так и для тех, кто на меня положился. Я опасался, что все остальные уверуют в мою непогрешимость. Еще больше я опасался того, что в нее уверую я сам. И я знал, что как только возмню о себе слишком много, как только пустоты перестанут вселять в меня животный ужас, произойдет непоправимое.

Наверное, то, что соотношение между ужасом и уверенностью в собственных силах составляло у меня сейчас приблизительно десять к одному, было даже к лучшему. Я сунул руки в карманы, чтобы скрыть от остальных, как сильно они дрожат.

— Смотрите! — вдруг воскликнула Бронвин, остановившись как вкопанная. — Дом в облаках!

Прямо перед нами вдалеке виднелся дом, который, казалось, парит на облачной гряде. Мы продолжали подниматься и вскоре оказались на

перевале. Облака расступились, и мы смогли рассмотреть этот необычный дом. Он оказался очень маленьким и возвышался не на облаке, а на очень высокой башне, сложенной исключительно из железнодорожных шпал прямо посреди поросшего травой плато. Это было одно из самых странных сооружений, которые я когда-либо видел. Вокруг него по плато были разбросаны хижинки, а вдалеке виднелся лесок, но мы на все это даже не смотрели. Все наше внимание было приковано к башне.

— Что это такое? — прошептал я.

— Сторожевая башня? — предположила Эмма.

— Место для взлета самолетов? — высказался Хью.

Но никаких самолетов тут не было, как и малейших признаков взлетно-посадочной полосы.

— Возможно, отсюда запускают цеппелины? — пробормотал Миллард.

Я вспомнил старый документальный фильм о злополучном приземлении дирижабля «Гинденбург» на некую вышку, сооружение, очень похожее на то, что возвышалось перед нами, и похолодел от ужаса. Что, если здесь базируются дирижабли, охотившиеся за нами на пляже, и мы ненароком угодили прямо в логово тварей?

— Это может быть домом имбрины, — заявила Оливия. — Почему вы все сразу думаете о худшем?

— Я уверен в том, что Оливия права, — поддержал девочку Хью. — Не вижу здесь ничего страшного или опасного.

Ответом ему стало жуткое нечеловеческое ворчание, которое, похоже, исходило из теней, сгустившихся вокруг основания башни.

— А *это* что было? — ахнула Эмма. — Еще одна пуст **о** та?

— Я так не думаю, — отозвался я, все еще чувствуя, как медленно угасает во мне Ощущение.

— Я не знаю и знать не хочу, — пяťясь назад, пробормотал Гораций.

Но выбора у нас не было, потому что некто явно хотел с нами познакомиться. Рычание раздалось снова, и я ощутил, как мои руки покрываются пупырышками. Мгновение спустя между двумя нижними шпалами показалась лохматая морда. Она рычала на нас, как бешеная собака, и из ее клыкастой пасти свисали шнурки слюны.

— Что, во имя Предков, *это* такое?

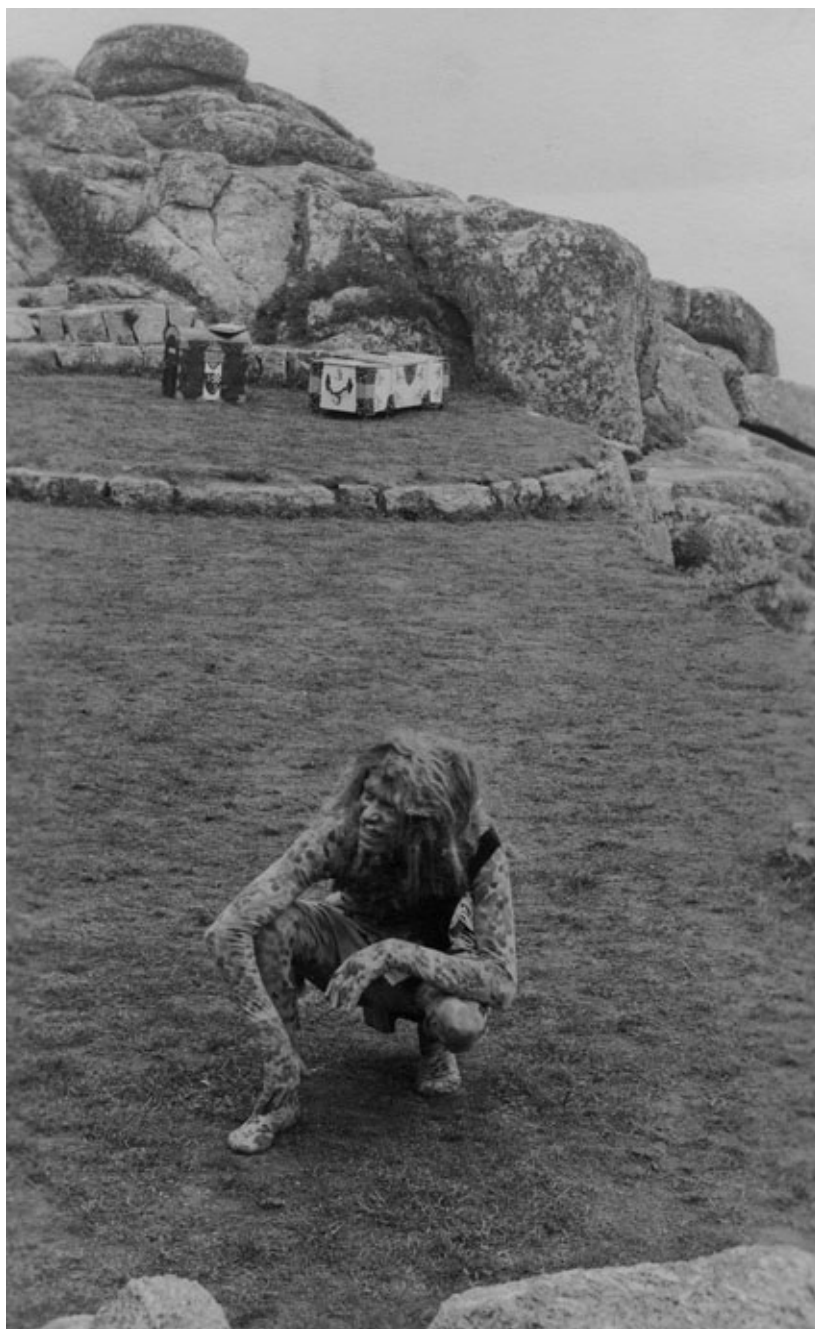
— Превосходная была идея — влезть в эту петлю! — проворчал Енох. — Именно то, чего нам не хватало.

Клыкастое существо, чем бы оно ни было, протиснулось между шпалами и выбралось на солнце. Присев на корточки, оно оскалилось в такой плотоядной кривой ухмылке, как будто представило себе, как будет лакомиться нашими мозгами. Было совершенно непонятно, кто перед нами — человек или животное. У существа было облаченное в лохмотья человеческое тело, но держалось оно как обезьяна. Сгорбленная фигура также напоминала наших далеких предков. У него были желтые зубы и глаза, бледная кожа, покрытая темными пятнами, а длинные волосы представляли собой всклокоченную, свалывшуюся массу.

— Кто-нибудь, сделайте так, чтобы оно умерло! — взмолился Гораций. — Или по крайней мере так, чтобы оно на меня не смотрело!

Бронвин опустила Клэр на землю и приняла боевую стойку. Эмма тоже подняла руки, готовая вызвать огонь. Но, судя по всему, она так разволновалась, что все, что ей удалось — это тонкая струйка дыма. Человекообразное существо подобралось, оскалилось и пустилось бежать со скоростью спринтера, преодолевающего дистанцию на Олимпийских играх. Впрочем, бежало оно не к нам, а *вокруг* нас, ныряя за камни и снова выскакивая из-за них все с тем же жутковатым оскалом на лице. Оно играло с нами подобно кошке, которая играет со своей жертвой перед тем, как ее убить.

Мне показалось, оно собирается совершить очередной забег — на этот раз *на нас*— как вдруг позади раздался чей-то голос, скомандовавший: «Сидеть и вести себя смирно!» И существо послушалось, опустилось на корточки и вывалило язык в осоловелой ухмылке.

Мы обернулись и увидели, что к нам неторопливо трусит собака. Я поднял глаза, надеясь увидеть того, кто произнес эти слова, но позади пса никого не было. Тут псина открыла пасть и произнесла:

— Не обращайтесь на Гранта внимания, он совершенно не умеет себя вести! Он всего лишь пытается вас поблагодарить. Та пуст **о** та нам

чрезвычайно надоела.

Мне показалось, что собака обращается ко мне, но я был так удивлен, что утратил дар речи. Мало того, что она говорила почти человеческим голосом и к тому же обладала благородным британским произношением, — из ее щекастой пасти свисала трубка, а глаза были скрыты за круглыми зелеными очками.

— О господи, — неверно истолковав мое молчание, продолжала собака, — надеюсь, вы не *слишком* обиделись. Грант очень добродушный, и его нельзя воспринимать всерьез. Он воспитывался в буквальном смысле слова в хлеву. Что касается меня, то я вырос в большом поместье, где был седьмым щенком седьмого щенка в блистательной династии охотничьих собак. — Он поклонился, насколько это способна сделать собака, — почти уткнувшись носом в землю. — Эддисон Мак-Генри собственной скромной персоной к вашим услугам, господа.

— Это слишком затейливое имя для собаки, — буркнул Енох, на которого, похоже, появление говорящего животного не произвело ни малейшего впечатления.

Эддисон посмотрел на Еноха поверх очков и пробормотал:

— Позвольте поинтересоваться, с кем имею честь?

— Енох О'Коннор, — гордо заявил тот, слегка выпятив грудь.

— Это слишком затейливое имя для чумазого толстощекого мальчишки, — парировал Эддисон и тут же поднялся на задние лапы, почти сравнявшись ростом с Енохом. — Да, я собака, но не обычная, а странная. С какой стати мне носить обычную собачью кличку? Мой бывший хозяин звал меня Бокси, и меня это возмущало. Тем самым он оскорблял мое достоинство! Поэтому я укусил его за лицо и принял его имя, Эддисон, которое гораздо лучше соответствует животному, наделенному такими достоинствами, как я. Это случилось незадолго до того, как меня обнаружила и привезла сюда мисс Королек.

Лица моих друзей прояснились при упоминании имени имбрины, и на них засветилась надежда.

— Вас привезла сюда мисс Королек? — удивилась Оливия. — А как же великан Кутберт?

— Кто? — удивился Эддисон и тут же покачал головой. — Ах да, история. Вынужден вас разочаровать, это всего лишь история, не более того, написанная много лет назад под впечатлением от этой занятой скалы внизу и странного зверинца мисс Королек.

— Что я вам говорил? — пробормотал Енох.

— А где сейчас мисс Королек? — поинтересовалась Эмма. — Нам

необходимо с ней побеседовать!

Эддисон посмотрел на дом на вершине башни и произнес:

— Это ее резиденция, но в настоящий момент ее нет дома. Она упорхнула несколько дней назад на помощь к своим сестрам-имбринам в Лондоне. Началась война, понимаете ли... Я полагаю, вы уже в курсе? Это объясняло бы, почему вы опустились до того, чтобы путешествовать подобно беженцам.

— Нашу петлю взломали, — ответила Эмма. — А потом все наши вещи утонули в море.

— Мы едва и сами не утонули, — добавил Миллард.

При звуке голоса Милларда собака вздрогнула.

— Невидимка! Вот это сюрприз. И американец в придачу. — Пес кивнул в мою сторону. — Какая странная компания даже для странного мира. — Он снова опустился на все четыре лапы и обернулся в сторону башни. — Пойдемте, я представлю вас остальным. Знакомство с вами приведет их в восторг. Бедняжки, после всех этих скитаний вы, наверное, умираете с голоду. Думаю, питательный корм вам не повредит!

— А еще нам нужны лекарства, — вмешалась в разговор Бронвин, опускаясь на колени, чтобы поднять на руки Клэр. — Эта малышка очень больна!

— Мы сделаем для нее все, что можем, — ответил пес. — Мы бесконечно вам обязаны за устранение затруднений, которые создавала нам эта пуст о та. Как я уже сказал, ее присутствие было *чрезвычайно*обременительным.

— Что, по его мнению, нам не повредит? — с запозданием прошептала Оливия.

— Питание, провизия, продовольствие! — отозвался пес. — Вы будете тут жить, как короли.

— Но я не люблю собачий корм, — пожаловалась Оливия.

Эддисон расхохотался на удивление человеческим смехом.

— Я тоже, мисс.

Глава четвертая

Эддисон горделиво шел на четырех лапах, высоко вздернув свою курносую морду, зато человекообразное существо по имени Грант носилось вокруг, напоминая психически больного щенка. Из зарослей травы и разбросанных по плато хижин выглядывали лица самых разных размеров и очертаний, большинство из которых были покрыты шерстью. Когда мы оказались посреди плато, Эддисон поднялся на задние лапы и провозгласил:

— Не бойтесь, друзья! Выходите и поприветствуйте детей, которые расправились с нашим незванным гостем!

Странные животные начали по одному выходить из укрытий и вскоре образовали целую процессию. По мере того как они приближались, Эддисон представлял их нам. Взглянув на первое существо, я подумал, что его сшили из верхней части жирафа и нижней — осла. При этом у него были только две задние ноги, на которых оно и вышагивало странной неуклюжей походкой.

— Это Дердра, — представил нам зверя Эддисон. — Она эму-раф. Это животное, которое немного напоминает осла и жирафа вместе взятых, только с меньшим количеством ног и вздорным характером. И она совершенно не умеет проигрывать в карты, — шепотом добавил он. — Никогда не играйте в карты с эму-рафами.

— До свидания! — произнесла Дердра, раздвигая в улыбке свои толстые лошадиные губы и обнажая крупные выпирающие зубы. — Какой ужасный день! Чрезвычайно неприятно с вами познакомиться! — Она тут же расхохоталась, причем ее смех напоминал одновременно ржание лошади и рев осла, и добавила: — Я пошутила!

— Дердра считает себя весьма остроумной, — пояснил Эддисон.

— Если вы похожи на осла и жирафа, — подала голос Оливия, — почему вас не называли ослорафом?

Дердра нахмурилась и ответила:

— Потому что это звучало бы просто ужасно! Вы не находите, что слово эму-раф произносится очень легко?

Затем она высунула язык — толстый, розовый и фута три в длину — и его кончиком сдвинула тиару Оливии ей на затылок. Оливия взвизгнула и, хихикая, спряталась за спину Бронвин.

— Здесь все животные разговаривают? — спросил я.

— Только мы с Дердрой, — ответил Эддисон. — К счастью, — добавил он. — Куры и так галдят целый день, хотя не способны произнести ни слова!

Не успел он это сказать, как из черного обгоревшего курятника выскочила стая кудахчущих кур и ринулась к нам.

— Ага, а вот и девочки! — воскликнул Эддисон.

— Что случилось с их курятником? — спросила Эмма.

— Стоит нам его отремонтировать, как они тут же его сжигают, — вздохнул пес. — Столько хлопот! — Эддисон обернулся и кивнул в сторону приближающихся кур. — Возможно, будет лучше немного поосторониться. Когда они перевозбуждаются...

БА-БАХ! Звук, напоминающий взрыв динамитной шашки, заставил нас всех вздрогнуть от неожиданности. Немногие уцелевшие доски курятника раскололись на мелкие щепки и разлетелись в стороны.

— ...их яйца взрываются, — закончил Эддисон.

Когда дым немного развеялся, мы увидели, что куры, целые и невредимые, продолжают бежать к нам в небольшом облачке белых перьев, похожих на огромные хлопья снега. Казалось, взрыв нисколько их не беспокоил.

От изумления у Еноха отвисла челюсть.

— Вы хотите мне сказать, что эти куры несут *взрывающиеся яйца*?! — воскликнул он.

— Только когда они перевозмущаются, — уточнил Эддисон. — По большей части их яйца совершенно безопасны... и необычайно вкусны! Но именно те из них, которые взрываются, заработали им довольно несправедливое прозвище — армагеддоновы куры.

— Держитесь от нас подальше! — закричала Эмма, когда куры были уже совсем близко. — Мы не хотим взлететь на воздух!

Эддисон расхохотался.

— Уверяю вас, это милые и совершенно безвредные птички. И они не несутся нигде, кроме своего курятника. — Куры радостно закудахтали, топчась у нас под ногами. — Вот видите? — улыбнулся пес. — Вы им нравитесь!

— Это какой-то сумасшедший дом! — заявил Гораций.

— Нет, голубок, — засмеялась Дердра. — Это зверинец.

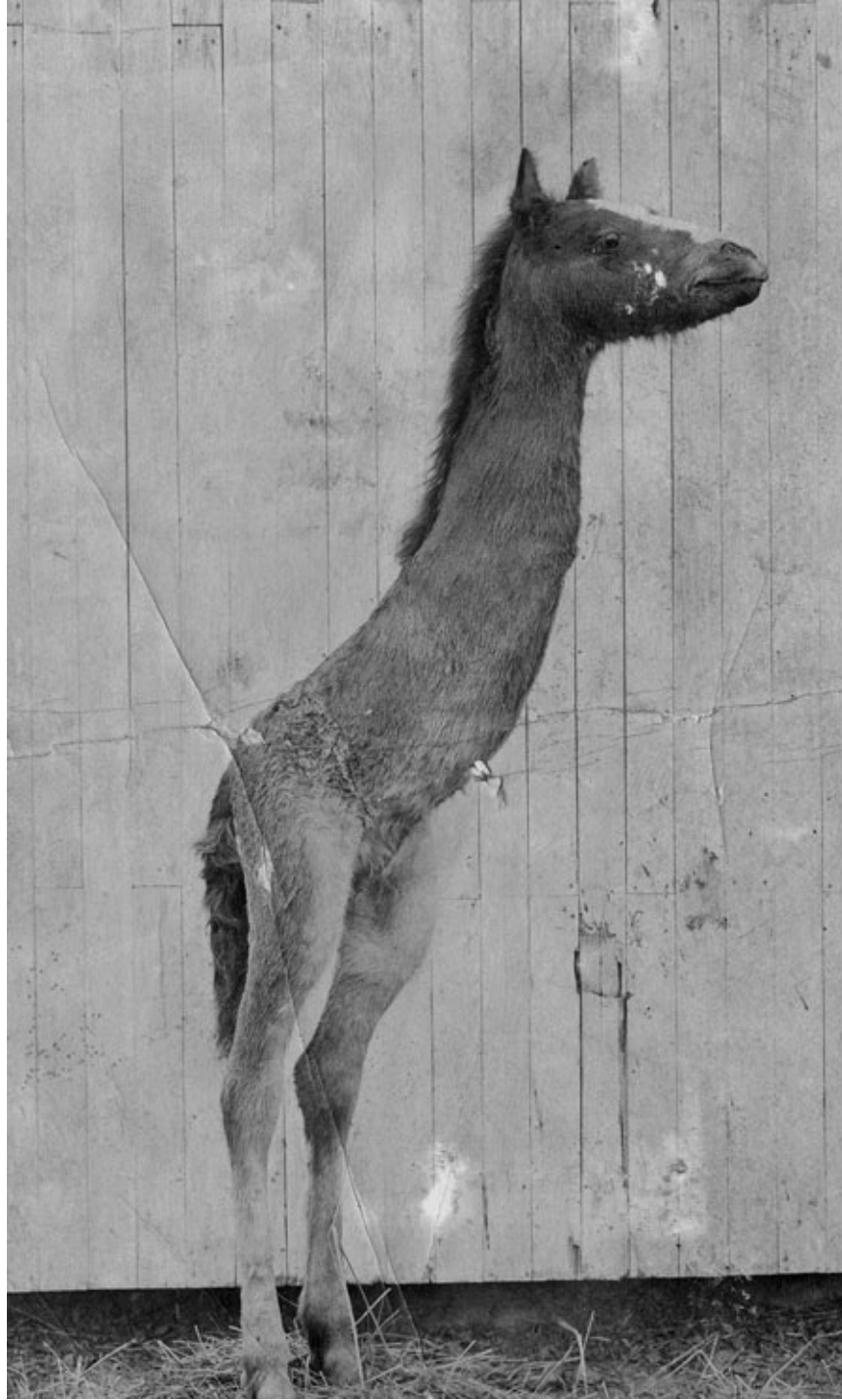
Затем Эддисон представил нас животным, чьи странности в глаза не бросались. Среди них была сова, которая молчаливо и пристально рассматривала нас, сидя на ветке дерева; стайка мышей, которые то появлялись в поле нашего зрения, то расплывались, теряя четкость

очертаний. Казалось, добрую половину своего времени они проводят в какой-то иной реальности. Еще тут была коза с очень длинными рогами и глубокими черными глазами, сирота из стада странных коз, которые некогда бродили по окружающим гору лесам.

Когда все звери наконец столпились вокруг нас, Эддисон закричал:

— Трижды поприветствуем убийц пуст *о* ты!

Дердра взревела, коза затопала, сова заухала, куры закудахтали, а Грант что-то промычал. Пока все это происходило, Бронвин и Эмма то и дело переглядывались, Бронвин косилась на свое пальто, под которым пряталась мисс Сапсан, и поднимала брови, безмолвно спрашивая у Эммы: *Пора?*и Эмма в ответ качала головой: *Рано.*

Бронвин уложила Клэр на траву в тени дерева. Та взмокла и дрожала всем телом, то теряя сознание, то снова приходя в себя.

— Я видел, как мисс Королек готовит особый эликсир от жара, — произнес Эддисон. — Отвратительный на вкус, но помогает.

— Моя мама варила мне куриный бульон, — сообщил ему я.

Куры испуганно закудахтали, а Эддисон метнул в меня злобный взгляд.

— Он пошутил! — сквозь зубы процедил пес. — Это шутка, очень глупая шутка, ха-ха! Такого блюда как куриный бульон не существует!

С помощью Гранта Эддисон принялся готовить эликсир. Вскоре они вернулись с миской чего-то очень похожего на грязную воду, оставшуюся после мытья посуды. Когда Клэр выпила все до последней капли и уснула, животные устроили для нас небольшой пир. Они принесли несколько корзин свежее выпеченного хлеба, а еще яблочный компот и сваренные вкрутую яйца — из тех, которые не взрываются. Поскольку никаких столовых приборов и тарелок у них не было, все это вручили нам прямо в руки. Я даже не осознавал, насколько проголодался, пока не уплел три яйца

и буханку хлеба за пять минут.

Покончив с едой, я рыгнул, вытер губы и поднял голову. Животные нетерпеливо наблюдали за нами, и при этом их лица были такими смысленными, что мне стало не по себе. Меня охватило непреодолимое ощущение, что я сплю.

Миллард ел, сидя на земле рядом со мной. Я обернулся к нему и поинтересовался:

— Ты когда-нибудь раньше слышал о странных животных?

— Только в рассказах для детей, — ответил он с полным ртом хлеба. — И это очень странно, что именно один из таких рассказов привел нас к ним.

И только Оливию все окружающее, похоже, нисколько не смущало. Возможно, потому, что она была еще очень маленькой (во всяком случае, с виду) и для нее граница между сказками и реальной жизнью оставалась нечеткой и размытой.

— Где все остальные животные? — спросила она у Эддисона. — В истории про Кутберта были ходулепаые медведи и двухголовые рыси.

И вдруг вся их радость куда-то улетучилась. Грант спрятал свое большое лицо в ладонях, а Дердра жалобно не то заржала, не то застонала.

— Не спрашивай, не спрашивай, — пробормотала она, понутив свою причудливую голову на длинной шее.

Но было слишком поздно.

— Эти дети нам помогли, — сказал Эддисон. — Они заслужили право выслушать нашу грустную историю, если она их интересует.

— Если вы не против ее рассказать, — откликнулась Эмма.

— Я люблю грустные истории, — закивал головой Енох. — Особенно такие, в которых драконы съедают принцесс, а в конце все умирают.

Эддисон откашлялся.

— В нашем случае скорее принцесса съела дракона, — произнес он. — Последние годы выдались очень тяжелыми для таких, как мы. А до этого мы пережили несколько тяжелых столетий. — Пес расхаживал взад-вперед, своей манерой держаться и своими интонациями все больше напоминая проповедника. — В незапамятные времена в мире было полно странных животных. В те далекие дни на земле жило больше странных животных, чем странных людей. Каких только зверей тут не было: киты, которые летали, как птицы, черви размером с дом, собаки вдвое умнее меня, если в это можно поверить. У некоторых были собственные королевства, и правили этими королевствами тоже звери. — В глазах пса промелькнула едва заметная искра, как будто он был достаточно стар, чтобы помнить тот

мир. Затем он глубоко вздохнул, и его глаза снова потухли. Но он продолжал: — То, что вы видите, это лишь ничтожная часть тех животных, но это все, что осталось. Нас постигло почти полное вымирание. Кто-нибудь из вас знает, что случилось со странными животными, некогда населявшими этот мир?

Мы молча жевали, потому что, к своему стыду, ничего об этом не слышали.

— Ну хорошо, — произнес он, — пойдете со мной, и я вам покажу.

Он затрусил по залитой солнцем равнине, покинув тень деревьев, но, пройдя несколько шагов, остановился и обернулся, ожидая, что мы последуем за ним.

— Прошу тебя, Эдди, — вмешалась эму-раф. — Не сейчас — наши гости едят!

— Они сами спросили, и я им рассказываю то, о чем они хотели знать, — отозвался Эддисон. — За эти несколько минут их хлеб никуда не убежит!

Мы нехотя отложили еду и пошли за собакой. Фиона осталась под деревьями присматривать за спящей Клэр, а Грант и эму-раф припустили за нами. Вместе мы пересекли плато и вошли в лесок на противоположном его конце. Между деревьями вилась дорожка, посыпанная гравием, и, хрустя камнями, мы дошли до небольшой поляны. Перед тем как выйти на нее, Эддисон произнес:

— Позвольте мне представить вам самых изумительных странных животных, когда-либо существовавших на нашей планете!

Деревья расступились, и нашим глазам предстало небольшое кладбище с аккуратными рядами белых надгробных плит.

— *О нет*, — раздался голос Бронвин.

Эддисон щелкнул языком, и Грант поспешно выбежал вперед и сунул мне в руки небольшую книжицу. Это был фотоальбом, открытый на изображении собаки, запряженной в небольшую повозку подобно мулу или лошади.

— Она попала в рабство в бродячий цирк, — продолжал Эддисон. — Ее, как самое обычное тягловое животное, заставили катать толстых избалованных детей и даже хлестали стеком! — Его глаза гневно горели. — К тому времени как ее спасла мисс Королек, Помпи была на краю гибели от тоски. После переезда сюда она прожила всего несколько недель, после чего ее похоронили здесь.

Я передал альбом по кругу. Каждый, кто смотрел на фото, вздыхал, качал головой и что-то с горечью бормотал себе под нос.

Эддисон подошел к другой могиле.

— Еще более величественным созданием была Ка'аб Магда, — снова заговорил он. — У нее было восемнадцать рогов, и она кочевала по петлям Внешней Монголии. Она вселяла ужас в сердца всех, кто ее видел! Когда она бежала, земля содрогалась под ее копытами! Утверждают, что она даже совершила переход через Альпы вместе с армией Ганнибала в 218 году до Рождества Христова. Но несколько лет назад ее застрелил охотник.

Грант показал нам фотографию пожилой женщины, которая выглядела так, будто только что вернулась с сафари из Африки, поскольку сидела на причудливом стуле, сделанном из рогов какого-то животного.

— Я не понимаю, — удивленно произнесла Эмма, всматриваясь в фото. — Где Ка'аб Магда?

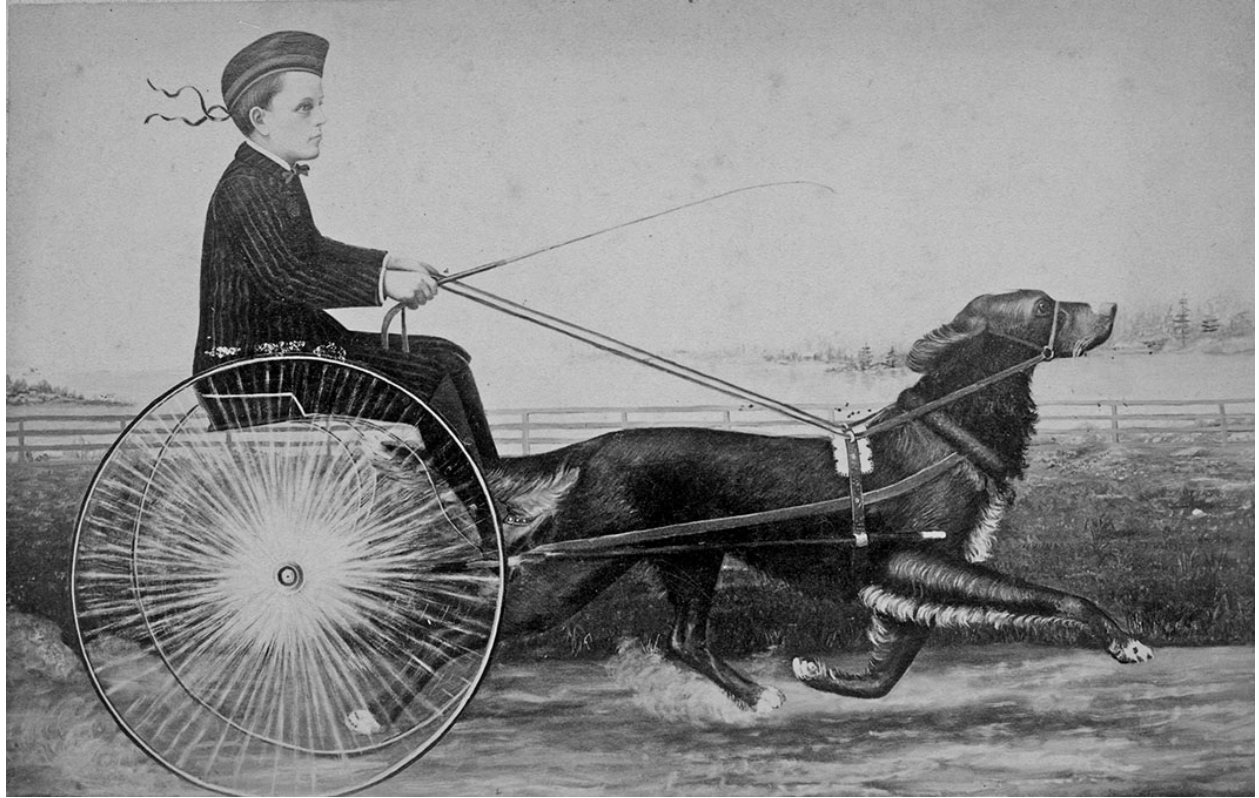
— Под этой дамой, — ответил Эддисон. — Охотник сделал из ее рогов стул.

Эмма едва не выронила альбом.

— Как это мерзко!

— Если это она, — произнес Енох, постукивая пальцем по фото, — то что похоронено в этой могиле?

— Стул, — сообщил ему Эддисон. — Такой вот грустный конец необычайно странной жизни.

— Это кладбище изобилует такими же трагическими историями, как история Магды, — продолжал говорить Эддисон. — Мисс Королек задумывала этот зверинец как ковчег, но он постепенно превратился в могильник.

— Как и все наши петли, — кивнул Енох. — Такова судьба всех странных существ. Этот эксперимент потерпел неудачу.

— «Это место вымирает, — так часто вздыхала мисс Королек. — Эддисон заговорил на тон выше, потому что теперь он имитировал голос

имбрины. — А я всего лишь зритель этих продолжительных похорон!»

Глаза Эддисона увлажнились при упоминании имбрины, но тут же высохли и засверкали.

— Она очень любила театральные жесты.

— Пожалуйста, не говори о нашей имбринах в прошедшем времени, — одернула его Дердра.

— Любит, — поправился он. — Простите. *Любит*.

— Они охотились на вас, — произнесла Эмма дрожащим от волнения голосом. — Делали из вас чучела и отправляли в зоопарки.

— Совсем как охотники из рассказа о Кутберте, — вставила Оливия.

— Да, — согласился Эддисон, — кое-какие знания легче всего распространять посредством мифов.

— Но на самом деле Кутберта не было, — наконец догадалась Оливия. — Вас спасал вовсе не великан. Это была всего лишь птица.

— Это совершенно *особенная* птица, — уточнила Дердра.

— Вы о ней волнуетесь, — кивнул я.

— Конечно, волнуемся, — подтвердил Эддисон. — Насколько мне известно, мисс Королек — единственная имбрина, которую не сумели захватить твари. Когда она узнала, что ее похищенных сестер отправили в Лондон, она улетела к ним на помощь, ни на секунду не озаботившись своей собственной безопасностью.

— И нашей тоже, — прошептала Дердра.

— Лондон? — переспросила Эмма. — Вы уверены, что похищенных имбрин свозят именно туда?

— Абсолютно уверены, — ответила собака. — У мисс Королек в этом городе есть шпионы. Это стая странных голубей, которые за всем следят и сразу докладывают ей. Недавно к нам прилетело несколько птиц. Они были вне себя от тревоги. Из достоверных источников им стало известно, что имбрин поместили (и они все еще находятся там) в петлях наказания.

Несколько человек ахнуло, но я понятия не имел, о чем говорит собака.

— Что такое петля наказания? — спросил я.

— Эти петли были созданы для содержания плененных тварей, закоренелых преступников и опасных безумцев, — пояснил Миллард. — Они в корне отличаются от тех петель, которые мы знаем. Это ужасные, ужасные места.

— Теперь имбрин там стерегут твари и, вне всякого сомнения, их пустоты, — со вздохом закончил Эддисон.

— Бог ты мой! — воскликнул Гораций. — В таком случае это еще хуже, чем мы предполагали!

— Ты шутишь? — фыркнул Енох. — Это *именно* того, чего я боялся!

— Какое бы гнусное злодеяние ни задумали твари, — произнес Эддисон, — совершенно ясно, что для того, чтобы его осуществить, им нужны все имбрины. Пока в их лапы не угодила только мисс Королек... храбрая и безрассудная мисс Королек... но кто знает, как долго она продержится!

Тут он прижал уши и, опустив голову, заскулил, как делают некоторые собаки во время грозы.

* * *

Мы вернулись под наше раскидистое дерево и закончили свой обед. Когда мы набили животы так, что не могли уже протолкнуть в себя ни единого кусочка, Бронвин обернулась к Эддисону и произнесла:

— А знаете ли, мистер Пес, все не так плохо, как вы думаете.

Затем она перевела взгляд на Эмму и подняла брови. И на этот раз Эмма кивнула.

— Вы так считаете? — отозвался Эддисон.

— Я уверена. А если точнее, у меня тут есть кое-что, способное вас подбодрить.

— Я очень сильно в этом сомневаюсь, — пробормотал пес, но оторвал голову от передних лап, чтобы взглянуть, что собирается показать ему девочка.

Бронвин распахнула пальто и воскликнула:

— Я хочу представить вам предпоследнюю из оставшихся на свободе имбрин, мисс Алму Сапсан!

Птица вытянула шею и заморгала, ослепленная ярким солнцем.

Теперь наступила очередь зверей демонстрировать свое изумление. Дердра ахнула, Грант взвизгнул и захлопал в мохнатые ладоши, а куры замахали своими бесполезными крыльями.

— Но мы слышали, что вашу петлю захватили! — произнес Эддисон. — А вашу имбрину похитили!

— Так и было, — гордо ответила Эмма. — Но мы выкрали ее обратно.

— В таком случае, — произнес Эддисон, кланяясь мисс Сапсан, — мне необычайно приятно с вами познакомиться, мадам. Я к вашим услугам. Если вам понадобится место для превращения, я с радостью провожу вас в жилище мисс Королек.

— Она *не может* превратиться, — произнесла Бронвин.

— Что это означает? — удивился Эддисон. — Она стесняется?

— Нет, — покачала головой Бронвин. — Она застряла в теле птицы.

Эддисон даже трубку из пасти выронил.

— О нет, — прошептал он. — Вы уверены?

— Она такая уже два дня, — ответила Эмма. — Я думаю, если бы она могла измениться, то уже сделала бы это.

Эддисон стряхнул очки с морды и озабоченно присмотрелся к птице.

— Можно я ее осмотрю? — спросил он.

— Он настоящий доктор Дулиттл, — закивала эму-раф. — Эдди всех нас лечит.

Бронвин вынула мисс Сапсан из-под пальто и посадила птицу на землю.

— Только осторожно, у нее крыло сломано, — заметила она.

— Конечно, — закивал Эддисон.

Он начал с того, что медленно обошел птицу вокруг, осматривая ее со всех сторон. Затем обнюхал ее голову и крылья своим большим мокрым носом.

— Расскажите мне, что с ней случилось, — попросил он. — А также когда и как. Расскажите мне все, ничего не упуская.

Эмма изложила ему всю историю с самого начала: то, как Голан похитил мисс Сапсан, как она едва не утонула в океане в клетке, как мы спасли ее с подводной лодки, управляемой тварями. Животные восхищенно слушали. Когда мы закончили, пес несколько мгновений собирался с мыслями, а затем провозгласил свой диагноз:

— Ее отравили. Я в этом уверен. Она обработана препаратом, который удерживает ее в теле птицы.

— Как? — воскликнула Эмма. — Откуда вы знаете?

— Похищать и перевозить имбрин в их человеческом облике очень опасно, потому что они способны проделывать свои штучки по остановке времени. Но когда они превращаются в птиц, их возможности весьма ограничены. В таком виде ваша директриса не занимает много места, ее легко спрятать... одним словом, она представляет совсем незначительную угрозу. — Он перевел взгляд на мисс Сапсан. — Та тварь, которая вас похитила, чем-то опрыскивала вас? — поинтересовался он. — Какой-нибудь жидкостью или газом?

Мисс Сапсан зашевелила головой. Казалось, она кивала, отвечая на вопрос Эддисона.

Бронвин ахнула.

— О, мисс, как это ужасно. Мы не знали.

Я ощутил укол вины. Это я привел тварей на остров. Это *из-за меня* мисс Сапсан попала в беду. *Из-за меня* странные дети потеряли свой дом. Во всяком случае, в этом была и моя вина. Чувство вины за происшедшее комком стояло у меня в горле.

— Но ведь она выздоровеет? — спросил я. — Она вернется?

— Ее крыло заживет, — кивнул Эддисон. — Но для того, чтобы снова стать человеком, ей понадобится помощь.

— Какая помощь ей нужна? — спросила Эмма. — Вы можете ее оказать?

— Ей способна помочь только другая имбрина. И у нее очень мало времени.

Я напрягся. Это было что-то новое.

— Что вы имеете в виду? — спросила Эмма.

— Мне очень жаль, но я вынужден вас огорчить. Два дня в теле птицы — это для имбрины очень долго. Чем больше времени она проведет в теле птицы, тем больше человеческого начала может быть утрачено. Уйдет все — ее память, ее слова, все, что делало ее тем человеком, которым она была, пока наконец она не перестанет быть имбриной. Она станет самой обычной птицей. Навсегда.

Передо мной возникло видение — мисс Сапсан, распластанная на операционном столе. Она не дышит, а вокруг суетятся врачи. И с каждой секундой повреждения, нанесенные ее мозгу, становятся все серьезнее и необратимее.

— Сколько? — спросил Миллард. — Сколько у нее времени?

Эддисон прищурился и покачал головой.

— Два дня, если у нее хватит сил.

Раздались возгласы ужаса, мы все побледнели.

— Вы уверены? — спросила Эмма. — Вы абсолютно в этом уверены?

— На моих глазах такое уже происходило. — Эддисон подбежал к маленькой сове, сидевшей на ветке поблизости. — Это Оливия, она была молодой имбриной, которая в процессе подготовки получила серьезную травму. Ее привезли к нам только через пять дней. Мы с мисс Королек сделали все, что могли, чтобы ее вернуть, но было слишком поздно. Это произошло десять лет назад. С тех пор она такая.

Сова молча смотрела на нас. В ней не осталось ничего от человека, это было видно по ее равнодушным глазам.

Эмма встала. Казалось, она хочет что-то сказать, чтобы подбодрить нас, какой-то зажигательной речью вывести из оцепенения, но, похоже, не могла подобрать слов. Подавив рыдания, она побрела прочь.

Я ее окликнул, но она не обернулась. Остальные просто смотрели ей вслед, потрясенные ужасной новостью, а также слабостью и нерешительностью, которые проявила Эмма. Она так долго держалась перед лицом всех этих ужасных испытаний, что мы привыкли принимать это как само собой разумеющееся, но оказалось, что и у нее есть свой предел. Она была странной девушкой, но помимо этого она была человеком.

— Вы бы сбегали за ней, мистер Джейкоб, — обратилась ко мне Бронвин. — Нам не стоит здесь надолго задерживаться.

* * *

Когда я догнал Эмму, она стояла на краю плато, глядя на пейзаж внизу. Покатые зеленые холмы плавно переходили в долину. Она слышала мои шаги, но не обернулась.

Я топтался рядом с ней, не зная, как ее утешить.

— Я знаю, что тебе страшно, и... и три дня — это очень мало, но...

— *Двадня*, — перебила она меня. — *Два дня в лучшем случае*. — Ее губы дрожали. — И это еще не самое худшее.

— Что может быть хуже? — возразил я.

Я видел, что она борется с подступающими слезами, но внезапно Эмма сломалась. Опустившись на землю, она разрыдалась. Я встал рядом с ней на колени и обхватил ее обеими руками.

— Прости, — произнесла она и трижды повторила это слово срывающимся голосом, в котором слышалось отчаяние. — Тебе лучше было уйти. Я не должна была позволять тебе остаться. Но я была эгоисткой... ужасной эгоисткой!

— Не говори так, — произнес я. — Я здесь... я здесь, и я никуда не уйду.

Мне показалось, что от этих слов она расплакалась еще сильнее. Я прижался губами к ее лбу и целовал ее, пока не почувствовал, что буря стихает. Она уже не рыдала, а тоненько всхлипывала.

— Пожалуйста, поговори со мной, — попросил я. — Скажи мне, что случилось.

Прошло несколько минут, и она выпрямилась, вытерла глаза и попыталась взять себя в руки.

— Я надеялась, что мне никогда не придется об этом говорить, — произнесла она, — что это не будет иметь значения. Ты помнишь, в ту ночь,

когда ты решил остаться с нами, я сказала, что тебе, возможно, уже никогда не удастся вернуться домой?

— Конечно, помню.

— Я только сейчас поняла, что это действительно так. Боюсь, что я обрекла тебя, Джейкоб, мой милый друг, на короткую жизнь в умирающем мире. — Она судорожно вздохнула и продолжила: — Ты прибыл к нам через петлю мисс Сапсан, и это означает, что только она или ее петля может отправить тебя обратно. Но ее петли уже нет... или скоро не будет... И это означает, что твой путь домой может лежать только через мисс Сапсан. И если она больше никогда не станет человеком...

У меня пересохло в горле, и я с трудом сглотнул.

— Значит, я останусь в прошлом.

— Да. И единственным способом вернуться в то время, которое ты считаешь своим, будет просто дожидаться его — день за днем, год за годом.

Семьдесят лет. К тому времени мои родители и все, кого я когда-либо знал и любил, умрут, да и меня все будут считать давно умершим. Разумеется, если нам удастся вынести все невзгоды, которые выпали на нашу долю, через несколько десятилетий родятся мои мама и папа, и я смогу их разыскать. Но какой в этом будет смысл? Они будут детьми и совершенно чужими мне людьми.

Я спрашивал себя, когда мои оставшиеся дома родители из настоящего утратят надежду найти меня живым? Как они объяснят себе мое исчезновение? Подумают, что я убежал? Сошел с ума? Бросился с утеса в море?

Справят ли они по мне погребальную службу? Может, они купят мне гроб? Напишут мое имя на надгробной плите?

Я стану загадкой, которую они так и не смогут разгадать. И это будет рана, которая никогда не затянется.

— Прости, — снова заговорила Эмма. — Если бы я знала, что мисс Сапсан находится в таком тяжелом состоянии, клянусь, я ни за что не попросила бы тебя остаться. Для всех остальных настоящее не означает ровным счетом ничего. Если мы задержимся в нем хоть на какое-то время, оно нас убьет! Но ты совсем другое дело — у тебя все еще есть семья, жизнь...

— Нет! — закричал я и с силой хлопнул по земле ладонью, отказываясь жалеть себя, отгоняя зародившиеся в голове тоскливые мысли. — Всего этого у меня больше нет. Я выбрал *это*.

Эмма накрыла мою руку ладонью и тихо произнесла:

— Если то, что говорят животные, правда, и все наши имбрины были

похищены, то здесь скоро не будет даже этого. — Она набрала в ладонь немного пыли и развеяла ее по ветру. — Если у нас не будет имбрин, все петли скоро рухнут. Твари используют имбрин, чтобы повторить свой проклятый эксперимент, и 1908 год повторится. Возможно, у них снова ничего не получится, и тогда весь мир превратится в один дымящийся кратер. Но в случае успеха они станут бессмертными. Ты только представь себе — нами до скончания века будут править чудовища. В любом случае мы очень скоро вымерем... и станем еще большей редкостью, чем странные животные! А я втащила в эту безнадежную ситуацию еще и *тебя*. Ради чего?

— На все есть свои причины, — ответил я.

Я сам не поверил в то, что эти слова сорвались с моих губ, но, едва успев их произнести, я понял, что это правда, подобно колоколу прогремевшая в моих ушах.

Я оказался в прошлом не случайно. Мне предстояло не просто кем-то здесь *быть*, но также что-то *сделать*. И уж точно я не должен был бежать или скрываться, хотя пока мне страшно было и подумать о том, что придется навсегда отказаться от такой привычной повседневной жизни.

— Я думала, что ты не веришь в предназначение, — произнесла Эмма, смерив меня скептическим взглядом.

А я и не верил... или верил, но не совсем... Я не знал, как объяснить ей, во *что* же я все-таки верю. Я вспомнил истории, которые рассказывал мне дед. Они были наполнены чудесами и приключениями, но в них ощущалось и нечто гораздо более глубокое. Это было ощущение непреходящей благодарности. В детстве я увлеченно слушал рассказы дедушки Портмана, который, не жалея красок, описывал волшебный остров и странных детей, наделенных удивительными способностями. Но, по сути, все его истории были посвящены мисс Сапсан и тому, как она помогла ему в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался. В Уэльс мой дедушка приехал маленьким испуганным мальчиком, который не знал языка и спасался от двух видов чудовищ. Одни в конце концов убили всю его семью, а вторые были карикатурно уродливы и как будто вышли из его самых жутких ночных кошмаров. И эти последние были невидимы для всех, кроме него. Мисс Сапсан дала ему дом, спрятав от всех опасностей. Она помогла ему узнать, кто же он такой на самом деле. Она спасла ему жизнь и тем самым позволила родиться моему отцу, а затем и мне. Мои родители зачали и вырастили меня. Они отдали мне всю свою любовь, и я перед ними в долгу. Но я вообще никогда не родился бы, если бы не всеобъемлющая доброта и бескорыстная забота мисс Сапсан о моем

дедушке. Я начинал думать, что оказался здесь для того, чтобы вернуть наш общий должок — мой, моего отца и моего деда.

Я попытался объяснить Эмме свои чувства.

— Дело не в предназначении, — начал я. — Я просто считаю, что в мире существует равновесие, и иногда в нашу жизнь вмешиваются силы, которых нам не понять, и что-то бросают на чашу весов, чтобы качнуть их в нужную сторону. Мисс Сапсан спасла моего деда, и теперь я здесь, чтобы спасти ее.

Эмма прищурилась и медленно кивнула. Я не мог понять, соглашается ли она со мной или подыскивает слова, чтобы сообщить мне, что я окончательно сошел с ума.

А затем она меня обняла.

Мне больше ничего не надо было объяснять. Она поняла.

Она тоже была обязана своей жизнью мисс Сапсан.

— У нас есть три дня, — заговорил я. — Мы отправимся в Лондон, освободим одну из имбрин и вылечим мисс Сапсан. Еще не все потеряно. Эмма, мы спасем ее или погибнем.

Я произнес это так смело и решительно, что на мгновение даже усомнился, что эти слова действительно принадлежат мне.

Неожиданно Эмма рассмеялась, как будто я сказал что-то смешное, а потом на секунду отвернулась. Когда она снова посмотрела на меня, ее глаза сверкали решимостью. К ней стремительно возвращалась привычная уверенность в собственных силах.

— Иногда мне трудно понять, ты умалишенный или просто какое-то чудо, — произнесла она. — Но я начинаю склоняться к мнению, что скорее последнее.

Она снова меня обняла, и мы долго сидели рядом. Ее голова лежала у меня на плече, а теплое дыхание щекотало шею. Внезапно меня охватило непреодолимое желание заполнить все эти небольшие промежутки между нашими телами и слиться с ней в единое целое. Но тут она отстранилась и поцеловала меня в лоб. Она уже шагала обратно, возвращаясь к остальным, а я никак не мог справиться с головокружением. Я никогда еще не испытывал ничего подобного. В моем сердце возник и стремительно раскручивался вихрь, и от этого у меня голова шла кругом. И чем дальше она уходила, тем стремительнее становилось вращение. Казалось, у меня в сердце разматывается катушка с намотанным на нее невидимым шнуром. Этот шнур соединял меня с Эммой и натягивался все сильнее по мере ее удаления от меня. Казалось, отойди она еще немного — шнур лопнет и убьет меня.

Я не знал, что означает эта странная сладостная боль. Возможно, это любовь?

* * *

Остальные — как дети, так и животные — в ожидании нашего возвращения сбились в кучу в тени дерева. Мы с Эммой направились к ним. Мне захотелось взять ее за руку, и я чуть было не сделал это, но вовремя остановился. Я уже привык к тому, что Енох неизменно косится на меня с изрядной долей недоверия, но сейчас его подозрительность распространилась на нас обоих. Мы с Эммой быстро превращались в обособленную от всех остальных пару со своими секретами и обещаниями.

Бронвин встала нам навстречу.

— Мисс Эмма, вы в порядке?

— Да, да, — быстро ответила Эмма. — Мне просто что-то попало в глаз, вот и все. А теперь собирайтесь. Мы должны немедленно отправиться в Лондон и позаботиться о том, чтобы мисс Сапсан снова стала самой собой!

— Мы просто в восторге от того, что ты с нами согласна, — закатив глаза, ответил Енох. — Мы пришли к этому выводу еще несколько минут назад, пока вы там шептались.

Эмма покраснела, но не поддавалась на провокацию. Сейчас были дела поважнее, чем мелочное выяснение отношений. Впереди нас ожидало трудное путешествие и неизведанные опасности.

— Я уверена, вы все понимаете, — заговорила Эмма, — что, как ни крути, у этого плана много минусов и надежды на успех у нас почти нет.

Она принялась пояснять все предстоящие нам трудности. До Лондона было очень далеко... не то что в современном мире, где при помощи GPS мы могли бы проложить себе путь до ближайшей железнодорожной станции, сесть на экспресс и в считанные часы домчаться до центра Лондона. В 1940-м году Британию сотрясала война, и Лондон находился бесконечно далеко. Как автомобильные, так и железные дороги, скорее всего, были забиты беженцами, или разбомблены, или заняты колоннами военного транспорта... В общем, дорога требовала времени, которого у мисс Сапсан не было. Хуже того, на нас была объявлена охота, которая теперь, с пленением всех остальных имбрин, только ожесточилась.

— Забудьте и думать об этом путешествии! — заявил Эддисон. — Его трудности должны беспокоить вас меньше всего! Возможно, вы не вполне

понимаете, в каких условиях содержатся похищенные имбрины. — Он так четко проговаривал каждый слог, как будто считал нас тугоухими. — Разве вы не читали о петлях наказания в своих странных учебниках истории?

— Конечно, читали, — ответила Эмма.

— В таком случае вам должно быть известно, что попытка проникнуть в них равняется самоубийству. Все до единой они представляют собой смертельные ловушки, поскольку заключают в себе самые кровавые эпизоды истории Лондона — Великий пожар 1666 года, кровопролитная битва с викингами, явившимися под его стены в 842-м году, разгар эпидемии ужасной смертоносной чумы... По понятным причинам они не издают временных карт этих мест. Так что, если только кто-то из вас лично не изучил эти потайные уголки странного мира...

— Я много лет изучал темные и неприятные петли, — подал голос Миллард. — У меня хобби такое...

— Молодчина! — перебил его Эддисон. — В таком случае я полагаю, вы сумеете пробраться и мимо толпы пустот, охраняющих входы в эти петли!

Внезапно оказалось, что все взгляды устремлены в мою сторону. Я с трудом сглотнул, вздернул подбородок и ответил:

— Вообще-то мы располагаем такой возможностью.

— Уж я на это надеюсь, — пробормотал Енох.

И тут заговорила Бронвин:

— Я верю в тебя, Джейкоб. Я знаю тебя совсем недолго, но я чувствую твое сердце и знаю, что оно сильное и верное. Это сердце странного человека, и я тебе верю.

Она наклонилась ко мне и одной рукой обняла меня за плечи. Я почувствовал, как у меня сжалось горло.

— Спасибо, — ответил я, ощущая себя слабым и недостойным ее большого чувства.

Пес прищелкнул языком.

— Безумие. У этих детей совершенно отсутствует инстинкт самосохранения. Просто непонятно, почему вы до сих пор живы.

Эмма встала перед Эддисоном и попыталась его урезонить.

— Благодарю вас за то, что вы просветили нас, поделившись своим мнением, — произнесла она и обернулась к странным детям. — Но довольно мрачных пророчеств. Я должна спросить у всех остальных: кто возражает против того, что мы предлагаем? Я не хочу, чтобы кто-нибудь отправлялся в Лондон только потому, что на него было оказано давление.

Медленно и робко руку поднял Гораций.

— Если Лондон — это то самое место, где собрались все твари, то, отправившись туда, мы угодим прямиком к ним в руки. Вы считаете, что это хорошая идея?

— Это гениальная идея, — раздраженно заметил Енох. — Твари убеждены, что странные дети — это кроткие и слабые создания. Им и в голову не придет, что мы можем напасть на *них*.

— А что, если мы потерпим неудачу? — спросил Гораций. — Мы лично доставим мисс Сапсан прямо к ним домой!

— Мы не можем этого утверждать, — возразил Хью. — Того, что Лондон — это их дом.

Енох фыркнул.

— Только приукрашивать не надо, — произнес он. — Если они взломали тюремные петли и используют их для содержания наших имбрин, то могу поклясться собственным мягким местом, что они контролируют весь город! Лондон наверняка кишит ими, попомните мое слово. В противном случае твари никогда не стали бы искать нас на нашем маленьком уютном Кэрнхолме. Это основная военная стратегия. В бою никто не начинает целиться в мизинец на ноге врага. Ему первым делом пронзают сердце!

— Умоляю тебя, — простонал Гораций. — Хватит разговоров о взломанных петлях и пронзенных сердцах. Ты пугаешь малышей!

— Мне не страшно! — заявила Оливия.

Гораций съежился.

— Трус, — пробормотал кто-то из детей.

— Не смейте! — резко произнесла Эмма. — Если кто-то боится, в этом нет ничего дурного. Это означает, что он очень серьезно относится к нашему очень серьезному предложению. Потому что да, это путешествие будет опасным. Да, шансы на успех ничтожно малы. И даже если нам удастся добраться до Лондона, нет никаких гарантий, что мы сумеем найти имбрин, не говоря уже о том, чтобы спасти хоть одну из них. Вероятность того, что мы окончим свои дни в тюремной камере тварей или растворимся в желудке одной из пустот, весьма высока. Это всем понятно?

Дети, угрюмо сдвинув брови, закивали.

— Енох, я ничего не приукрашиваю?

Тот покачал головой.

— Если мы предпримем эту попытку, — продолжала Эмма, — мисс Сапсан может погибнуть. Это бесспорно. Но если мы *непопытаемся*, если мы *непойдем* туда, то мы потеряем ее *вне всяких сомнений*, да и твари нас, пожалуй, все равно поймают! А теперь, с учетом всего, что я сказала,

любой, кто не уверен в своих силах, может остаться здесь. — Она имела в виду Горация, и мы все это понимали. Гораций стоял, наклонив голову и уткнувшись взглядом в землю. — Ты можешь остаться здесь, где тебе ничто не будет угрожать, — обратилась к нему Эмма. — Мы придем за тобой, когда все будет позади. В этом нет ничего постыдного.

— Мой левый желудочек! — воскликнул Гораций. — Если я отсижусь здесь, я сгорю от стыда.

Даже Клэр отказалась оставаться.

— Я прожила восемьдесят очаровательно скучных лет, — заявила девочка, приподнимаясь на локте в тени дерева. — Остаться здесь, когда все остальные отправятся на поиски приключений? Ни за что на свете!

Но когда она попыталась встать, то обнаружила, что это ей не под силу, и снова легла, кашляя и задыхаясь. Хотя «помои», которые она выпила, немного сбили температуру, путешествие в Лондон явно было выше ее возможностей. Причем не только сегодня, но также завтра или послезавтра. Если бы мы стали ждать ее выздоровления, то ни за что не успели бы помочь мисс Сапсан. Кроме того, кто-то должен был остаться с Клэр и ухаживать за ней во время болезни.

Эмма спросила, кто готов это сделать. Руку тут же подняла Оливия, но Бронвин заявила, мол, и думать об этом забудь, ты еще слишком маленькая. Бронвин хотела было вызваться сама, но тут же передумала. Она пояснила, что разрывается между желанием опекать Клэр и чувством долга перед мисс Сапсан.

Енох ткнул локтем Горация.

— Что с тобой? — поддразнил он. — Великолепный повод остаться! Пользуйся!

— Я хочуприключений, я действительно о них мечтаю, — защищался Гораций. — Но мне также хотелось бы отпраздновать свой сто пятый день рождения, если только это возможно. Пообещайте мне, что мы не будем пытаться спасти весь мир.

— Мы всего лишь хотим спасти мисс Сапсан, — ответила Эмма. — Но насчет дня рождения не могу дать никаких гарантий.

Горация это, похоже, устроило.

— Еще кто-нибудь? — поинтересовалась Эмма, обводя взглядом группу столпившихся перед ней детей.

— Все в порядке, — успокоила ее Клэр. — Я и сама справлюсь.

— Об этом не может быть и речи, — отмахнулась Эмма. — Странные люди своих в беде не оставляют.

Рука Фионы нерешительно поднялась вверх. Все это время она

молчала, и я почти забыл, что она сидит среди нас.

— Фи, это невозможно! — воскликнул Хью.

На его лице читалась обида, как будто, вызвавшись остаться в петле, она отвергла его. Она подняла на него свои большие грустные глаза, но руку не опустила.

— Спасибо, Фиона, — кивнула Эмма. — Если нам повезет, то уже через несколько дней мы к вам вернемся.

— С птичьей помощью, — произнесла Бронвин.

— С птичьей помощью, — эхом отозвались все остальные.

* * *

День уже клонился к вечеру. Через час в петле странных животных наступила бы полная темнота и спускаться с горы было бы опасно. Мы начали собираться в путь, и животные щедро снабдили нас запасами свежей еды и свитерами, связанными из шерсти странных овец. Дердра клялась, что эти свитера обладают каким-то странным свойством, хотя она так и не смогла вспомнить, каким именно.

— Кажется, они неуязвимы для огня... а может, для воды... Ах да, они не тонут в воде, как маленькие пушистые спасательные жилеты... Или, возможно... О, я не знаю... Как бы то ни было, они теплые!

Мы поблагодарили Дердру и сложили свитера в чемодан Бронвин. Затем к нам подбежал Грант, протягивая какой-то бумажный сверток, перевязанный бечевкой.

— Это подарок от кур, — заговорщически подмигнув, пояснила Дердра. — Смотрите не уроните его.

Кто-то более осторожный, чем я, подумал бы дважды, прежде чем брать в дорогу взрывчатые вещества. Но нам угрожала опасность, а пес и эму-раф клялись и божились, что если мы будем обращаться с яйцами осторожно, они ни за что не взорвутся. Поэтому мы тщательно упаковали их в чемодан, обернув свитерами. По крайней мере, теперь нам было что противопоставить людям с оружием, которые могли встретиться нам в пути.

Итак, мы были почти готовы, не считая одной мелочи: покинув петлю, мы по-прежнему не знали бы, в каком направлении двигаться.

— Я могу показать вам дорогу из леса, — предложил Эддисон. — Встретимся на вершине башни мисс Королек.

Площадка наверху была такой маленькой, что одновременно там могли

поместиться только два человека. Поэтому туда отправились мы с Эммой, взбираясь по шпалам как по перекладинам гигантской лестницы. Грант с Эддисоном под мышкой вскарабкался наверх по-обезьяньи ловко.

От вида, который открылся перед нами, захватывало дух. На востоке вдаль уходили покрытые лесом склоны холмов, постепенно переходящие в бескрайнюю равнину. На западе виднелся океан, по волнам которого скользило выдавшее виды судно, оснащенное сложной системой парусов; оно медленно приближалось к берегу. Я так и не спросил у животных, какой у них в петле год — 1492 или, может быть, 1750? Хотя им, наверное, это было безразлично. Это место было надежно укрыто от мира людей, а значит, время здесь не имело никакого значения.

— Вам туда, — произнес Эддисон, ткнув трубкой на север, в направлении дороги, едва виднеющейся за деревьями и похожей на проведенную по лесу тонкую карандашную линию. — По этой дороге вы дойдете до города, в котором имеется, во всяком случае, в ваше время, железнодорожный вокзал. Ваша среда путешествий между петлями, кажется, 1940 год?

— Точно, — подтвердила Эмма.

Хотя я весьма смутно понимал, о чем они говорят, я никогда не боялся задавать глупые вопросы.

— Почему мы не можем выйти в этот год? — спросил я. — Мы могли бы добраться до Лондона и в это время.

— Вам пришлось бы путешествовать в конном экипаже, — ответил Эддисон. — Это занимает несколько дней... и, по моему опыту, заставляет изрядно понервничать. Боюсь, у вас нет свободного времени на такую сомнительную роскошь. — Он обернулся и толкнул носом дверь, ведущую в маленькую хижину на вершине башни. — Прошу вас, — пригласил он. — Я хотел бы показать вам кое-что еще.

Вслед за Эддисоном мы вошли в крохотную хижину, скромная обстановка которой состояла из кровати, шкафа и стола со сдвижной крышкой и не шла ни в какое сравнение с комфортабельным жилищем мисс Сапсан. Телескоп на высокой треноге «смотрел» в окно. Это был наблюдательный пункт мисс Королек, откуда она осматривала окрестности и наблюдала за отлетами и возвращениями своих голубей-шпионов.

Эддисон подошел к столу.

— На тот случай, если вам не удастся найти дорогу, — произнес он, — здесь лежит карта леса.

Эмма открыла ящик стола и увидела карту — старый пожелтевший рулон бумаги. Под картой лежал помятый фотографический снимок,

запечатлевший женщину в черной, расшитой пайетками шали, с седыми волосами, зачесанными в высокую эффектную прическу. Она стояла рядом с курицей. На первый взгляд фото было очень неудачным, сделанным в тот момент, когда женщина отвернулась и моргнула. И все же, в снимке было что-то очень точное — волосы и платье женщины удивительным образом перекликались с пестрыми, черно-белыми перьями курицы, при этом они с птицей смотрели в противоположные стороны, что будто бы подразумевало странную связь, каким-то непостижимым образом возникшую между птицей и человеком. Казалось, они говорят без слов, обращаясь к мыслям друг друга.

Это, вне всякого сомнения, была мисс Королек.

При виде фотографии Эддисон, казалось, поморщился. Я видел, что он очень обеспокоен судьбой имбрины, хотя и пытается это скрыть.

— Не хочу, чтобы вы восприняли это как дополнение к своим самоубийственным намерениям, — произнес он, — но если ваш безумный план осуществится... и, случись вам где-то повстречать мисс Королек... возможно, вас не затруднит... то есть я хотел сказать, если вас не затруднит...

— Мы отправим ее домой, — поспешила успокоить его Эмма, а затем почесала пса за ухом.

Будь на его месте любая другая собака, это выглядело бы совершенно естественным, но по отношению к говорящему псу показалось мне

странным.

— Благослови вас Пес, — ответил Эддисон.

Я тоже попытался его погладить, но он встал на задние лапы и произнес:

— Прошу прощения, сэр, но не соблаговолите ли вы держать свои руки при себе!

— Простите, — пробормотал я.

Воцарилось неловкое молчание, во время которого стало ясно, что нам пора.

Спустившись с башни, мы присоединились к нашим друзьям и попрощались с Клэр и Фионой.

Клэр уже лежала не на траве, а на одеяле и подушке, которые ей предоставили животные. Она, подобно принцессе, принимала нас, расположившись на своей импровизированной постели, а мы по очереди опускались перед ней на колени.

— Пообещай, что вернешься, — потребовала она у меня, когда подошла моя очередь. — И пообещай, что спасешь мисс Сапсан.

— Я сделаю все от меня зависящее, — кивнул я.

— Этого мало! — сурово произнесла она.

— Я вернусь, — уточнил я. — Обещаю.

— И спасешь мисс Сапсан!

— И спасу мисс Сапсан, — повторил я, хотя мне самому это обещание показалось пустым.

Чем более уверенным я пытался выглядеть, тем меньше уверенности ощущал на самом деле.

— Хорошо, — кивнула она. — Мне было ужасно приятно познакомиться с тобой, Джейкоб, и я рада, что ты остался с нами.

— Я тоже рад, — ответил я и быстро встал, потому что ее сияющее личико в обрамлении белокурых локонов было таким серьезным и искренним, что у меня сжалось сердце.

Она безоговорочно верила всему, что мы ей говорили: что ей и Фионе будет хорошо здесь, среди этих странных животных, в петле, покинутой создавшей ее имбриной; что мы за ними вернемся. Я всем сердцем надеялся, что мы делаем эти заявления не только для того, чтобы убедить в осуществимости своей невероятной затеи самих себя.

Хью с Фионой стояли немного поодаль. Они держались за руки и касались друг друга лбами, прощаясь на свой собственный безмолвный лад. Мы все уже попрощались с Клэр и были готовы тронуться в путь, но никто не решался их потревожить, поэтому мы просто стояли и смотрели.

Фиона отстранилась от Хью и, вытряхнув несколько семян из буйной копны своих волос, вырастила огромный розовый куст, увенчанный красными бутонами, на том месте, где они оба стояли. Пчелы Хью ринулись его опылять, и, пока они этим занимались (казалось, девушка сделала это только для того, чтобы на мгновение уединиться со своим другом), Фиона обняла Хью и что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул и что-то шепнул в ответ. Когда они наконец обернулись и увидели, что все на них смотрят, Фиона покраснела, а Хью направился к нам небрежной походкой, сунув руки в карманы. Пчелы роем летели за ним.

— Пошли, спектакль окончен, — проворчал он.

Уже смеркалось, когда мы начали спуск с горы. Звери провожали нас до отвесной стены.

— Вы с нами не пойдете? — спросила у них Оливия.

Эму-раф по имени Дердра фыркнула:

— Там, снаружи, нам не протянуть и пяти минут. Вам, может, и удастся сойти за нормальных. Но одного взгляда на *меня*... — Она покрутила своим двуногим телом. — Меня в мгновение ока пристрелят и сделают чучело.

Пес подошел к Эмме и произнес:

— Я хотел бы попросить вас еще об одном одолжении...

— Вы были так добры к нам, — ответила она. — Просите все, что хотите.

— Вы не могли бы оказать любезность и зажечь мне трубку? У нас тут нет спичек. Я уже много лет не курил по-настоящему.

Эмма уважила просьбу, прикоснувшись горящим пальцем к чаше его трубки.

Пес с наслаждением затянулся и произнес:

— Я желаю вам удачи, странные дети.

Глава пятая

Мы висели, вцепившись в сеть подобно стае обезьян. Шкив скрипел, веревка трещала и раскачивалась, рывками опуская нас вниз. Кучей упав на землю, мы долго выпутывались из сети. Несколько раз мне казалось, что я свободен, и я вставал — только для того, чтобы с глухим стуком снова рухнуть, растянувшись во весь рост. Мертвая пуст *о* та лежала всего в нескольких футах от нас. Ее щупальца подобно лучам морской звезды распластались во все стороны, выглядывая из-под раздавившего ее валуна. Мне было даже малость неловко смотреть на это страшное существо, позволившее уничтожить себя таким слабым созданиям, как мы. Я подумал, что вряд ли нам так повезет в следующий раз, если он нам представится.

Мы на цыпочках обошли смрадный труп пуст *о* ты и со всех ног пустились вниз по опасной тропе, развив такую скорость, какую только позволяли ее неожиданные повороты и ухабы, а также взрывоопасный груз Бронвин. Спустившись вниз, мы увидели на пружинистом мху собственные следы, уводящие в лесную чащу. Мы вышли на берег озера, когда солнце окончательно скрылось за деревьями и в воздухе с писком закружили летучие мыши. Они, казалось, пытались предостеречь нас от опасностей грядущей ночи, сопровождая нас всю дорогу до самого великана. Прошлепав по мелководью, мы вскарабкались в его каменный рот, снова спустились в горло-колодец и нырнули в подземный тоннель, служивший выходом из петли. Несмотря на яркий солнечный день в сентябре сорокового года, вода в озере была ощутимо холоднее.

Дети по очереди выныривали вокруг меня и тут же с визгом закрывали уши руками, защищаясь от давления на перепонки, всегда сопровождающего стремительную смену времени.

— Это похоже на взлет самолета, — охнул я, двигая челюстями в попытке избавиться от неприятного ощущения.

— Я никогда не летал на самолете, — отозвался Гораций, стряхивая воду с полей шляпы.

— Еще так бывает, когда несешься по шоссе и кто-то открывает окно машины, — добавил я.

— Что такое шоссе? — спросила Оливия.

— Брось, неважно.

— Тс-с, — прошептала Эмма. — Слышите?

Издали доносился собачий лай. Похоже, собаки находились действительно очень далеко, но в густом лесу звук способен перемещаться самым причудливым образом, и расстояния могут быть обманчивы.

— Мы должны двигаться очень быстро, — произнесла Эмма. — Пока я не позволю, не разговаривать и не издавать никаких иных звуков, причем это касается и вас, директриса!

— Я швырну взрывающееся яйцо в первую же собаку, которая окажется поблизости, — заявил Хью. — Будут знать, как гоняться за странными людьми.

— Не вздумай, — предостерегла его Бронвин. — Стоит неосторожно обойтись с одним яйцом, и они могут взорваться все!

Мы вышли из озера и снова начали пробираться через лес. Миллард вел нас, используя мятую карту мисс Королек. Через полчаса мы вышли на грунтовую дорогу, которую нам показал Эддисон с верхней площадки башни. Мы стояли и озирались вокруг, пока Миллард изучал карту, поворачивая ее боком и пытаясь разглядеть крошечные обозначения на ней. Я сунул руку в карман джинсов и нащупал телефон, по старой привычке рассчитывая открыть свою собственную карту, но обнаружил лишь черный прямоугольник с погасшим экраном. Помимо того что телефон намок и разрядился, от ближайшей сотовой вышки его отделяло не меньше пятидесяти лет. Он был единственной из моих вещей, уцелевшей во время шторма, но в этом времени он был совершенно чуждой и бесполезной вещью, и я зашвырнул его в чашу. Не прошло и тридцати секунд, как мне стало его жаль, и я бросился его разыскивать. По какой-то неведомой причине я был не готов с ним расстаться и с облегчением сунул его обратно в карман.

Миллард сложил карту и провозгласил, что нам необходимо поворачивать налево и что до города не меньше пяти или шести часов ходьбы.

— Если мы хотим прийти туда засветло, нам лучше поторопиться.

Прошло совсем немного времени, и Бронвин заметила облачко пыли, поднимающееся над дорогой позади нас. До него было далеко, но оно явно приближалось.

— Кто-то сюда едет, — сообщила она нам. — Что будем делать?

Миллард снял пальто и швырнул его в высокую придорожную траву, мгновенно став невидимкой.

— Я посоветовал бы вам исчезнуть, — заметил он, — насколько вы способны это сделать.

Отбежав в сторону от дороги, мы присели за густыми кустами.

Облачко пыли росло, и вскоре послышался стук деревянных колес и топот копыт. Оказалось, что это вереница фургонов. Когда они с громким скрипом вынырнули из пыли и поравнялись с нами, я услышал возглас Горация и увидел широкую улыбку Оливии. Это были не серые практичные повозки, которые я видел на Кэрнхолме. Эти запряженные длинногривыми лошадьми фургоны скорее напоминали бродячий цирк, поскольку были раскрашены во все цвета радуги и могли похвастаться причудливой резьбой деревянных крыш и дверец. Обращали на себя внимание также разноцветные шарфы мужчин и яркие бусы женщин. Вспомнив, как Эмма рассказывала мне о бродячих ярмарках, с которыми ездили странные дети вместе с мисс Сапсан, я обернулся к ней и шепотом поинтересовался:

— Они странные?

— Это цыгане, — ответила она.

— Это хорошая или плохая новость?

Она прищурилась и покачала головой.

— Пока неизвестно.

Я почти не сомневался, что знаю, о чем она думает. До города, в который мы направлялись, было еще очень далеко, а эти фургоны двигались гораздо быстрее нас. Твари и их собаки продолжали охотиться на нас, и эта дополнительная скорость могла нас спасти. Но мы не знали, кто эти цыгане и можно ли им доверять.

Эмма покосилась на меня.

— Как ты думаешь, стоит ли попросить их, чтобы они нас подвезли?

Я посмотрел на фургоны и снова перевел взгляд на Эмму. Потом подумал, как будут чувствовать себя мои ноги после шестичасовой прогулки в туфлях, которые до сих пор не высохли.

— Конечно стоит, — кивнул я.

Махнув рукой остальным, Эмма указала на последний фургон и пальцами продемонстрировала, что надо бежать за ним. Он был сделан как маленький домик, с окошками с обеих сторон. Позади домика была площадка, похожая на крыльцо, достаточно просторная, чтобы вместить нас всех, если мы тесно прижмемся друг к другу. Фургон ехал быстро, но догнать его было бы нетрудно. Поэтому, как только он миновал нас и возница уже не мог видеть нашу банду, мы выскочили из кустов и бросились вдогонку. Эмма вскочила на площадку первой и начала помогать остальным. Мы по очереди взобрались и уселись на заднем «крыльце» фургона, стараясь вести себя тихо, чтобы нас не услышал возница.

Таким образом мы ехали довольно долго, пока головы у нас не начали

гудеть от грохота колес, а одежда не покрылась толстым слоем пыли. Яркое полуденное солнце постепенно клонилось к западу и уже скрылось за верхушками деревьев, которые, подобно стенам огромного зеленого каньона, вздымались по обе стороны дороги. Я беспрестанно всматривался в окружающие нас заросли, опасаясь, что в любой момент из них могут выскочить твари со своими собаками. Но на протяжении нескольких часов мы не повстречали никого, ни одного путника. Создавалось впечатление, что мы явились в страну, покинутую всеми жителями.

Время от времени вереница повозок останавливалась и мы замирали, затаив дыхание, готовые бежать или отбиваться. Мы отправляли Милларда на разведку, и он, прокравшись вдоль всего каравана, возвращался с сообщением о том, что цыгане просто разминают ноги или подковыывают лошадь, после чего мы снова трогались в путь. Постепенно я перестал волноваться относительно того, что случится, если нас обнаружат. Цыгане выглядели очень уставшими и совершенно безобидными. Мы сойдем за обычных детей и попытаемся их разжалобить, представившись бездомными сиротами. *У вас не найдется для нас кусочка хлеба?* — спросим у них мы. Если нам повезет, они накормят нас обедом и отвезут на станцию.

Прошло совсем немного времени, и моя теория подверглась испытанию практикой. Фургоны резко съехали с дороги и остановились на небольшой поляне. Не успела осесть пыль, как наш фургон обогнул здоровенный цыган в кепке. Его губы с черной гусеницей усов под носом были угрюмо стиснуты, и их опущенные вниз углы явно не предвещали ничего хорошего.

Бронвин спрятала мисс Сапсан за пазуху, а Эмма спрыгнула на землю и пустила в ход все свое актерское мастерство, пытаясь выдать себя за несчастную сироту.

— Сэр, будьте милосердны! В наш дом попала бомба, и наши родители погибли. Мы заблудились и...

— Заткни глотку! — рявкнул цыган. — Слезайте оттуда, быстро!

Это была не просьба, а команда, тем более убедительная, что в руке мужчина держал декоративный, однако внушительный нож.

Мы переглянулись, не зная, следует ли нам оказать ему сопротивление и сбежать, рискуя выдать свою тайну, либо еще немного поиграть в нормальных детей и посмотреть, что он будет делать. Но тут появилось еще несколько десятков человек. Они высыпали из своих фургонов и обступили нас плотным кольцом. Многие тоже сжимали ножи. Мы были окружены, и наши шансы на бегство резко сократились. Из-под кепки грозного цыгана

торчали сидящие волосы, а глаза смотрели цепко и настороженно. Его темная плотная одежда, казалось, была создана для того, чтобы скрывать дорожную пыль. Женщины были одеты в яркие развевающиеся платья, и их длинные волосы были подвязаны платками. Из-за спин взрослых выглядывали дети. Я попытался соотнести с этими людьми все, что до сих пор знал о цыганах. Интересно, они в самом деле собираются порубить нас на кусочки, или мы имеем дело с их врожденной угрюмостью.

Я покосился на Эмму, пытаюсь понять, как мне себя вести. Она стояла, прижав руки к груди, а не протянув их вперед, как делала всегда, когда вызывала пламя. Если она не собирается с ними воевать, то я тоже не буду этого делать.

Я слез с повозки, как и велел цыган — подняв руки над головой. Гораций и Хью сделали то же самое. Остальные последовали нашему примеру, и только Милларду удалось незаметно улизнуть. Я знал, что он никуда не уйдет, а будет околачиваться где-нибудь поблизости, подслушивая, подсматривая, выжидая.

Цыган в кепке, которого я про себя определил как главного здесь, засыпал нас вопросами:

— Кто вы? Откуда? Где ваши взрослые?

— Мы с запада, — спокойно ответила Эмма. — С небольшого острова неподалеку от побережья Уэльса. Как я уже сказала, мы сироты. Наши дома были уничтожены бомбами во время воздушного налета, и нам пришлось бежать. Мы выбрались с острова на лодке и гребли до самого берега. Мы чуть не утонули. — Эмма попыталась выдавить из себя слезы. — У нас ничего не осталось, — шмыгнула она носом. — Мы несколько дней не могли выйти из леса и бродили по чаще, пытаюсь найти что-нибудь съедобное. Вся наша одежда — это то, что надето на нас. Когда мы увидели, как проезжают мимо ваши повозки, мы побоялись попадаться вам на глаза. Мы только хотели доехать до города...

Мужчина разглядывал ее, хмурясь все сильнее.

— Почему вам пришлось покинуть остров после того, как ваш дом разбомбили? И почему вы побежали в лес, вместо того чтобы идти вдоль берега?

— У нас не было выбора, — подал голос Енох. — За нами была погоня.

Эмма бросила в его сторону предостерегающий взгляд, который, казалось, говорил: *Не суйся, дай мне закончить.*

— Кто за вами гнался? — поинтересовался цыган.

— Плохие люди, — ответила Эмма.

— Вооруженные люди, — добавил Гораций. — Они были одеты в военную форму, хотя на самом деле никакие они не солдаты.

Вперед шагнула женщина в ярко-желтом платке.

— Если за ними гонятся немцы, то это может создать нам лишние проблемы. Прогони их, Бехир.

— Или привяжи их к деревьям и оставь здесь, — добавил поджарого вида мужчина.

— Нет! — воскликнула Оливия. — Нам необходимо поскорее добраться до Лондона. Мы не имеем права опоздать!

Цыган приподнял бровь.

— Куда опоздать? — поинтересовался он. Разжалобить нам его явно не удалось, но мы пробудили его любопытство. — Мы ничего не станем с вами делать, пока не узнаем, кто вы такие, — добавил он, — и чего вы ст о ите.

* * *

Десять мужчин, держа наготове длинные ножи, подвели нас к плоской повозке, на которой была установлена клетка футов двадцать на десять. Еще издавек я понял, что это сооружение с толстыми железными прутьями предназначается для животных.

— Вы ведь нас здесь не запрете? — спросила Оливия.

— Запрет. Только до тех пор, пока не выясним, что с вами делать дальше, — отозвался цыган в кепке.

— Прошу вас, не надо! — снова взмолилась Оливия. — Мы очень спешим в Лондон!

— Это еще зачем?

— Один из нас болен, — пояснила Эмма, многозначительно глядя на Хью. — Ему необходим врач!

— Чтобы попасть к врачу, незачем ехать в Лондон, — вмешался один из цыган. — Джебайя врач, верно, Джебайя?

Вперед шагнул мужчина со щеками, покрытыми засохшими струпьями ссадин.

— Кто тут болен?

— Ему нужен специалист! — возразила Эмма. — У него очень редкое заболевание. Жалящий кашель.

Хью поднес руку к горлу, как будто оно у него сильно болело, и кашлянул. Из его рта вылетела пчела. В толпе цыган послышались

возгласы изумления. Какая-то маленькая девочка спрятала лицо в юбках матери.

— Это какой-то фокус! — заявил так называемый доктор.

— Довольно, — провозгласил вожак. — Живо в клетку!

Они подтолкнули нас к ведущей в клетку доске. Мы столпились у повозки. Никто не хотел подниматься первым.

— Мы не можем позволить им сделать это! — прошептал Хью.

— Чего ты ждешь? — прошипел Енох Эмме. — Сожги их!

Эмма покачала головой и прошептала в ответ:

— Их слишком много.

Она первой поднялась на повозку и вошла в клетку. Та была очень низкой, а на ее полу лежало дурно пахнущее сено. Когда внутри оказался последний из нас, вожак захлопнул дверь и запер ее за нами, сунув ключ в карман.

— Никто не должен к ним приближаться! — заорал он так, чтобы слышали все. — Это могут быть колдуны или того хуже.

— Вы угадали, — сквозь решетку сообщил им Енох. — Немедленно нас освободите, или мы превратим ваших детей в страшилищ!

Вожак захохотал и сошел на землю. Тем временем остальные цыгане отошли подальше и начали располагаться лагерем, устанавливая шатры и разводя костры. Мы в полном отчаянии опустили на сено.

— Осторожно, — предостерег нас Гораций, — тут повсюду навоз!

— Да какая разница, Гораций? — махнула рукой Эмма. — Кому есть дело до того, чистая у тебя одежда или грязная?

— Мне есть дело, — ответил Гораций.

Эмма закрыла лицо руками. Я сел рядом с ней, но как ни пытался подобрать слова, способные ее подбодрить, у меня ничего не вышло.

Бронвин приоткрыла полу пальто, чтобы позволить мисс Сапсан подышать свежим воздухом. Енох опустился на колени перед птицей и наклонил голову, как будто к чему-то прислушиваясь.

— Вы это слышите? — спросил он.

— Что? — не поняла Бронвин.

— Звук жизни, которая капля за каплей покидает мисс Сапсан! Эмма, ты должна была сжечь физиономии этих цыган, пока у тебя была такая возможность!

— Мы были окружены! — отозвалась Эмма. — Началась бы драка, и кто-то обязательно пострадал бы или даже погиб. Я не могла пойти на такой риск.

— Поэтому ты решила рискнуть жизнью мисс Сапсан! — заявил Енох.

— Оставь ее в покое, — вмешалась Бронвин. — Решать за всех очень трудно. Мы же не можем устраивать голосование всякий раз, когда необходимо делать выбор.

— В таком случае, может, вы позволите *мн*ерешать за всех? — предложил Енох.

Хью фыркнул.

— Если бы за главного у нас был *ты*, то нас бы уже не было на свете.

— Послушайте, все это сейчас не имеет значения, — перебил их я. — Нам необходимо освободиться из этой клетки и добраться наконец до города. Сейчас мы намного ближе к нему, чем были бы, если б не прокатились на повозке. Так что незачем плакать по молоку, которое еще даже не пролилось. Нам всего лишь надо составить план побега.

Мы принялись размышлять, и у нас родилось множество идей, хотя привести в исполнение хоть одну из них не представлялось возможным.

— Может, Эмма сумеет прожечь этот пол? — предложила Бронвин. — Он деревянный.

Эмма расчистила от сена участок пола и постучала по доскам.

— Он слишком толстый, — с удрученным видом ответила она.

— Вин, ты можешь разогнуть эти прутья? — спросил я.

— Может, и смогу, — отозвалась она, — но только когда рядом не будет этих цыган. Иначе они увидят и тут же прибегут со своими ножами.

— Мы должны ускользнуть незаметно, а не с боем, — согласилась Эмма.

Тут откуда-то из-за прутьев донесся шепот:

— Вы совсем обо мне забыли?

— Миллард! — воскликнула Оливия, от возбуждения едва не вылетев из туфель. — Где ты был?

— Изучал обстановку. И ждал, пока уляжется волнение.

— Как думаешь, тебе удастся выкрасть ключ? — спросила Эмма и подергала запертую на замок дверь клетки. — Я видела, как вожак положил его себе в карман.

— Мелкие кражи, особенно из карманов, это моя специализация, — заверил нас Миллард.

* * *

Прошло несколько минут. Потом полчаса. Потом час. Хью мерял шагами клетку, и вокруг его головы возбужденно кружила пчела.

— Почему так долго? — ворчал он.

— Если он не вернется в ближайшее время, я начну швырять яйца, — заявил Енох.

— Если ты это сделаешь, мы все погибнем, — ответила Эмма. — Мы для них легкая мишень. Как только дым развеется, с нас заживо сдерут шкуру.

Поэтому мы продолжали сидеть и ждать, одновременно наблюдая за цыганами. Те, в свою очередь, наблюдали за нами. Каждая последующая минута казалась нам очередным гвоздем в крышку гроба мисс Сапсан. Я поймал себя на том, что не свожу с нее глаз, как будто, пристально наблюдая, я был способен заметить происходящие в ней изменения и увидеть, как медленно угасает в ее глазах огонек человеческой личности. Но она выглядела так же, как и всегда, разве что вела себя спокойнее, задремав в сене рядом с Бронвин. Перышки на ее груди ритмично вздымались и опадали в такт дыханию. Казалось, она не осознает опасности ситуации, в которой мы оказались, или нависшей над ее головой угрозы. Возможно, тот факт, что в такой момент она может спать, уже свидетельствует о происходящих в ней переменах, спрашивал я себя. Прежняя мисс Сапсан была бы вне себя от беспокойства.

Затем мысли снова вернулись к моим родителям, как всегда, когда я хоть немного ослаблял над ними контроль. Я пытался представить их себе такими, какими видел в последний раз. Передо мной всплывали отдельные черты: короткая щетина, которую отец отрастил за несколько дней пребывания на острове; обручальное кольцо на маминой руке, которое она безотчетно крутила, когда отец принимался пространно рассуждать о чем-либо, что ее не интересовало; цепкий взгляд отца, которым он беспрестанно обшаривал горизонт в поисках гнездовий.

Сейчас его глаза наверняка искали меня.

Сгущались сумерки, и лагерь начинал оживать. Цыгане переговаривались и смеялись. Затем компания детишек взяла старенькие рожки и скрипки и начала наигрывать какую-то мелодию, а взрослые пустились в пляс. В перерыве между плясками один из музыкантов, невысокий чернявый мальчонка, подкрался к нашей клетке с бутылкой в руках.

— Это для больного, — прошептал он, тревожно озираясь по сторонам.

— Для кого? — переспросил я, и он кивнул в сторону Хью, который, как по команде, скорчился в спазмах кашля.

Мальчик сунул бутылку сквозь прутья. Я открутил крышку и

осторожно понюхал содержимое. Мне в нос, едва не свалив меня с ног, ударил запах чего-то похожего на смесь скипидара и компоста.

— *Что*это? — спросил я.

— Это действует, больше я ничего не знаю. — Он снова оглянулся. — Ну вот, я что-то для вас сделал. Теперь за вами долг. Так что скажите мне, какое преступление вы совершили? Вы, наверное, воры? — Понизив голос, он добавил: — Может, вы кого-то убили?

— О чем он говорит? — не выдержала Бронвин.

Никого мы не убивали, — едва не вырвалось у меня. Но тут перед моими глазами возникло воспоминание: тело Голана, медленно падающее на острые скалы. И я промолчал.

Однако Эмма произнесла это вместо меня:

— Никого мы не убивали!

— Но должны же вы были хоть *что-то*сделать, — возразил малец. — Иначе почему за вас объявили награду?

— Награду? — вскинул голову Енох.

— Ну да. За вас обещают целую кучу денег.

— *Кто*?

Парнишка пожал плечами.

— Вы собираетесь нас выдать? — спросила Оливия.

Мальчик поджал губы.

— Этого я не знаю. Старшие это обсуждают. Хотя, я слышал, они не очень доверяют людям, которые вас ищут. Но деньги есть деньги, и им не нравится то, что вы отказались отвечать на их вопросы.

— Там, откуда мы приехали, — надменно заявила Эмма, — никто не начинает допрашивать людей, которые обращаются за помощью.

— И в клетку их тоже не сажают! — добавила Оливия.

В эту секунду посреди табора раздался оглушительный грохот. Цыганчонок потерял равновесие и свалился с повозки в траву. Мы дружно пригнулись, потому что в воздух над огнем, разлетаясь во все стороны, взмыли кастрюли и сковородки. Цыганка, которая присматривала за костром, с воплями бросилась бежать. На ней горело платье, и она, наверное, добежала бы до океана, если бы кто-то не схватил ведро с водой и не вылил на нее, потушив огонь.

Мгновение спустя мы услышали шаги поднимающегося на повозку невидимки.

— Вот что случается, когда пытаешься приготовить омлет из яиц странных кур! — смеясь, произнес запыхавшийся Миллард.

— Так это твоя работа? — поинтересовался Гораций.

— Все было так тихо и спокойно... такая обстановка совершенно не располагает к обшариванию карманов! Вот я и подсунул одно из наших яиц в общую кучу, *et voilà!* — В воздухе перед нами как будто материализовался ключ. — Трудно обратить внимание на то, что к тебе в карман запустили руку, когда твой ужин только что взорвался прямо тебе в лицо.

— Слишком долго ты с ними возился, — буркнул Енох. — А теперь выпусти нас отсюда!

Но не успел Миллард вставить ключ в замок, как цыганчонок вскочил и завопил:

— На помощь! Они пытаются сбежать!

Мальчишка подслушал наш разговор, но в таборе царила такая суматоха, что никто не обратил на него внимания.

Миллард повернул ключ в замке. Дверь не открылась.

— О, проклятье! — выругался он. — Я, кажется, стащил не тот ключ.

— А-а-а! — голосил парень, тыча пальцем туда, откуда доносился голос Милларда. — *Привидение!*

— Я бы очень попросил заткнуть ему рот, — проворчал Енох.

Бронвин уважила его просьбу. Она сунула руку сквозь прутья клетки, дотянулась до мальчика и, схватив его за руку, оторвала от земли и прижала к клетке.

— Помоги-и-ите! — вопил он. — У них м-м-м-ф-ф-ф...

Бронвин закрыла ему ладонью рот, но было слишком поздно.

— Галби! — закричала одна из цыганок. — Эй вы, дикари, немедленно его отпустите!

Внезапно оказалось, что мы, сами того не желая, взяли заложника. Цыгане бросились к нам, на ходу выхватывая длинные ножи, лезвия которых устрашающе сверкали в последних отсветах угасающего дня.

— Что ты делаешь? — воскликнул Миллард. — Отпусти мальчика, пока они нас не убили!

— Нет, не отпускай! — запретила Эмма и тут же закричала цыганам: — Освободите нас или мальчик умрет!

Цыгане окружили нас, выкрикивая угрозы.

— Если вы причините ему хоть малейший вред, — орал вожак, — я задушу вас всех голыми руками!

— Не подходи! — крикнула в ответ Эмма. — Просто выпустите нас, и мы никому не причиним вреда.

Один из мужчин рванулся к клетке, и Эмма инстинктивно вскинула руки, между которыми вспыхнул ревущий огненный шар.

Толпа ахнула, а цыган резко остановился.

— Вы своего добились, — прошипел Енох. — Теперь они точно повесят нас за колдовство!

— Я сожгу первого же, кто попытается к нам приблизиться! — закричала Эмма, раздвигая ладони и тем самым увеличивая огненный шар. — Ну же, ребята, давайте покажем им, с кем они связались!

Подошло время устроить им представление, которое открыла Бронвин. Одной рукой она подняла мальчишку еще выше, отчего его ноги затрепыхались в воздухе, а второй схватила один из прутьев крыши и начала его сгибать. Хью высунул лицо между прутьями и выпустил из открытого рта разозленных пчел. Затем Миллард, который отбежал от клетки, после того как его присутствие заметил мальчишка, закричал из-за спин цыган:

— Если вы считаете, что вам по силам потягаться с ними, то вы еще не встретились со мной!

С этими словами он подбросил в воздух яйцо. Описав дугу над их головами, яйцо упало на ближайшую поляну и взорвалось, взметнув землю до самых верхушек деревьев.

Когда дым развеялся, все долго стояли, замерев и не решаясь двинуться с места. Сперва я подумал, что наша демонстрация так напугала цыган, что их парализовал ужас. Но когда звон у меня в ушах стих, я понял, что они к чему-то прислушиваются. Я тоже прислушался.

С темнеющей дороги донесся шум двигателя. За деревьями мелькнул свет фар. Мы вместе с цыганами наблюдали за тем, как автомобиль поворачивает на дорогу, ведущую к нашей поляне, притормаживает и снова набирает скорость. К табору приближался крытый брезентом военный грузовик. Изнутри слышались резкие голоса и лай собак, которые уже охрипли, но, снова уловив наш запах, были уже не в состоянии остановиться.

Это были те самые твари, которые охотились на нас у побережья. Вот они нас и настигли, пойманных в клетку и совершенно беспомощных.

Эмма хлопнула в ладоши, потушив огонь. Бронвин выпустила мальчишку, и он бросился наутек. Цыгане уже спешили к кибиткам или в лес. Прошло несколько мгновений, и мы остались одни. Казалось, о нас все позабыли.

Вожак цыган подошел к нам.

— Откройте клетку! — взмолилась Эмма.

— Спрячьтесь под сено и замрите! Не издавайте ни звука! — скомандовал цыган, не обращая внимания на ее слова. — И никаких

фокусов, если не хотите уехать с ними.

Времени на вопросы уже не было. Последним, что мы увидели, были двое цыган, которые подбежали к нам с куском брезента в руках. Они набросили брезент на клетку, и для нас мгновенно наступила ночь.

* * *

Снаружи загрохотали сапоги. Шаги были такими тяжелыми, как будто твари пытались за что-то наказать землю у себя под ногами. Мы послушались цыгана и зарылись в вонючее сено.

Я слышал, как совсем рядом кто-то из тварей беседует с вожакom.

— На этой дороге сегодня заметили группу детей, — говорила тварь странным обезличенным голосом, в котором не было и следа немецкого акцента, но который не принадлежал и англичанину. — За их поимку объявлена награда.

— Мы никого не встретили за целый день, сэр, — ответил цыган.

— Не позволяйте их невинным лицам вас обмануть. Они предатели. Шпионили в пользу Германии. Наказание за укрывательство шпионов...

— Мы никого не укрываем, — ворчливо перебил его цыган. — Можете сами убедиться.

— Именно это я и сделаю, — ответила тварь. — И если мы их здесь найдем, я вырежу твой язык и скормлю его собакам.

Тварь ушла, гроыхая сапогами.

— *Не вздумайте. Даже. Дышать,* — прошипел нам цыган, и его шаги тоже удалились.

То, что он выгораживал нас, удивляло, особенно с учетом того, что эти твари могли сделать с его людьми. Возможно, это объяснялось гордостью или каким-то глубоко укоренившимся презрением к властям. А что, если цыганам просто хочется убить нас своими руками? Я невольно поежился.

Мы слышали, что твари уже разбрелись по всему табору, переворачивая вещи, распахивая двери кибиток, расталкивая людей. Заплакал ребенок, и тут же раздался разгневанный голос какого-то мужчины, но звук удара оборвал этот протест. Нам оставалось только лежать и слушать, как страдают люди, и это казалось мне худшей из пыток, несмотря на то что всего несколько минут назад эти же люди были готовы разорвать нас на части.

Боковым зрением я заметил, что Хью приподнялся и подполз к чемодану Бронвин. Сунув пальцы под защелку, он попытался открыть

крышку, но Бронвин его остановила.

— Что ты делаешь? — одними губами спросила она.

— Мы должны добраться до них, пока они не добрались до нас!

Эмма выбралась из-под сена, приподнявшись на локтях, и подкатилась к ним. Я тоже подполз ближе, чтобы послушать, о чем они будут говорить.

— Это безумие, — покачала головой Эмма. — Если мы начнем бросать яйца, нас просто расстреляют.

— Что ты предлагаешь? — поинтересовался Хью. — Ты считаешь, что мы должны лежать здесь, пока нас не найдут?

Мы сгрудились вокруг чемодана, шепотом обсуждая создавшееся положение.

— Подождем, пока они откроют дверь, — предложил Енох. — Тогда я брошу одно яйцо сквозь прутья позади нас. Это отвлечет внимание тварей и позволит Бронвин проломить череп тому, кто войдет сюда первым, а остальные тем временем разбегутся. Бросаемся врассыпную, а затем разворачиваемся и швыряем яйца в центральный костер табора. Все в радиусе тридцати метров обратятся в воспоминания.

— Черт возьми! — прошептал Хью. — Мне нравится этот план.

— Но в лагере есть дети! — возразила Бронвин.

Енох закатил глаза.

— Давайте будем беспокоиться о том, как бы кого не зашибить, и предоставим тварям и их собакам отличную возможность переловить нас всех по одному. Но если в наши планы входит добраться до Лондона или просто пережить сегодняшний вечер, я бы не советовал вам этого делать.

Хью похлопал Бронвин по руке, которой она накрыла защелку замка.

— Открывай, — попросил он. — Раздай нам яйца.

Бронвин колебалась.

— Не могу, — покачала головой она. — Я не могу убивать детей, которые не причинили нам никакого вреда.

— Но у нас нет выбора, — прошептал Хью.

— Выбор есть всегда, — не уступала Бронвин.

Тут мы услышали рычание собаки. Оно раздавалось совсем близко, у нижнего края клетки, и мы притихли. Мгновение спустя кто-то посветил фонариком на скрывавший нас брезент.

— Снимите брезент! — раздался чей-то голос.

Судя по всему, это был проводник собаки.

Собака залаяла, пытаясь просунуть нос под брезент и сквозь прутья клетки.

— Все сюда! — закричал кинолог. — Тут что-то есть!

Мы все смотрели на Бронвин.

— Пожалуйста, — произнес Хью. — Позволь нам хотя бы защититься.

— Другого пути нет, — кивнул Енох.

Бронвин вздохнула и сняла ладонь с защелки. Хью с благодарностью кивнул и открыл крышку чемодана. Яйца были аккуратно уложены между свитерами, и мы все взяли по одному. Все, кроме Бронвин. А потом мы встали, глядя в сторону двери и готовясь к неизбежному.

Судя по топоту сапог, к нам бежали люди. Я пытался подготовиться к тому, что нам предстояло сделать. *Беги, — говорил я себе. — Беги и не оглядывайся, а потом бросай яйцо.*

Но неужели я действительно мог это сделать, зная, что погибнут невинные люди? Даже ради спасения собственной жизни... Что, если просто бросить яйцо в траву и ринуться в лес?

Кто-то схватил край брезента и резко рванул на себя. Брезент заскользил с клетки, но неожиданно остановился, не успев упасть вниз и обнаружить наше присутствие.

— Что с тобой такое? — услышал я голос собачьего проводника.

— На твоём месте я бы держался подальше от этой клетки, — ответил ему голос цыгана.

У нас над головами уже виднелась половина неба с мерцающими сквозь ветви дубов звездами.

— Да ну? Это почему же? — поинтересовался проводник.

— Старину Кровопийцу уже несколько дней не кормили, — ответил цыган. — Обычно люди ему не по вкусу, но, проголодавшись, он становится менее переборчив!

И тут раздался звук, от которого у меня захватило дух. Это был рев гигантского медведя. В это было невозможно поверить, но он раздавался внутри клетки, как будто медведь находился среди нас. Я услышал изумленный возглас кинолога, и он, волоча за собой скулящего от испуга пса, с грохотом заспешил вниз по доскам, ведущим от клетки на землю.

Я и представить себе не мог, как медведь мог попасть в клетку, но точно знал, что от него надо держаться как можно дальше. Прижавшись к прутьям, я увидел Оливию, сунувшую крохотный кулачок себе в рот в попытке заглушить вопль ужаса.

Снаружи другие солдаты смеялись над проводником собаки.

— Идиот! — рявкнул он, скрывая неловкость. — Только цыгане способны держать такого зверя посреди табора!

Наконец я собрался с духом и оглянулся. Никакого медведя в клетке не было. Но откуда этот жуткий рев?

Солдаты продолжали обыскивать табор и к нашей клетке больше не подходили. Несколько минут спустя мы услышали, как они снова запрыгивают в кузов грузовика. Завелся двигатель, и они наконец уехали.

Брезентовое полотнище соскользнуло с клетки. Все цыгане собрались вокруг нас. Я держал яйцо в дрожащей руке, задаваясь вопросом, придется мне его бросать или нет.

Вперед шагнул вожак.

— Вы в порядке? — спросил он. — Простите, если это вас испугало.

— Мы живы, — настороженно ответила Эмма, — но где же медведь?

— Вы тут не одни с необычными способностями, — отозвался молодой человек, стоявший с краю толпы.

И он тут же принялся то реветь, как медведь, то подвывать, как дикая кошка. Незаметными поворотами головы он так перебрасывал звуки из одного места в другое, что казалось, звери окружили нас со всех сторон. Справившись с потрясением, мы разразились аплодисментами.

— Кажется, ты говорила, что они не странные, — прошептал я Эмме на ухо.

— Таким фокусам можно обучить кого угодно, — отозвалась она.

— Прошу прощения, — снова заговорил цыганский вожак, — я, кажется, не представился. Меня зовут Бехир Бехаманатов. А вы наши почетные гости. — Он низко поклонился. — Почему вы не сказали нам, что вы *syndrigasti*?

Мы даже рты открыли от удивления. Он произнес древнее название странных людей, которому нас научила мисс Сапсан.

— Мы уже где-то встречались? — спросила Бронвин.

— Откуда вы знаете это слово? — спросила Эмма.

Бехир улыбнулся.

— Если вы воспользуетесь нашим гостеприимством, я вам все объясню.

С этими словами он снова поклонился и подошел к клетке, чтобы ее отпереть.

* * *

Мы сидели рядом с цыганами на красивых, домотканых коврах и в мерцающем свете двух костров беседовали и ели рагу. Я бросил ложку, которую вручили нам хозяева, и, позабыв о правилах поведения за столом, жадно хлебал прямо из деревянной миски. Жирный и невероятно вкусный

бульон приятно согревал мои внутренности и струйкой стекал по подбородку. Бехир расхаживал между нами, следя за тем, чтобы каждому было удобно и чтобы нас накормили и напоили досыта. Он беспрестанно извинялся за состояние нашей одежды, теперь покрытой клочками грязного сена из клетки. После того как мы продемонстрировали цыганам свои необычные способности, он полностью изменил свое отношение к нам. Всего за несколько минут мы превратились из узников в почетных гостей.

— Мне очень жаль, что мы обращались с вами не слишком вежливо, — произнес он, опускаясь на подушки между кострами. — Когда речь идет о безопасности моих людей, я стараюсь предпринимать все возможные меры предосторожности. Сейчас по дорогам бродит много подозрительных людей. Эти люди выдают себя не за тех, кем являются на самом деле. Если бы вы сразу сказали, что вы *syndrigasti*...

— Нас научили никогда и никому об этом не говорить, — ответила Эмма.

— *Никогда*, — подтвердила Оливия.

— Кто бы вас этому ни научил, он поступил очень мудро, — кивнул Бехир.

— Откуда вы о нас знаете? — спросила Эмма. — Вы говорите на древнем языке?

— Я знаю всего несколько слов, — ответил Бехир, не сводя глаз с костра, в пламени которого на вертеле обжаривался кусок мяса. — У нашего народа с вашим давнее взаимопонимание. Мы мало чем отличаемся друг от друга. Мы тоже вечные изгои и странники — души, оттесненные к границам этого мира. — Он отщипнул с вертела кусок мяса и принялся задумчиво его жевать. — Мы в своем роде союзники. На протяжении столетий цыгане время от времени принимали к себе и воспитывали ваших детей.

— И мы вам за это благодарны, — ответила Эмма, — и за ваше гостеприимство тоже. Мы не хотели бы вас обидеть, но, к сожалению, нам придется сейчас же покинуть вас. Нам очень важно как можно скорее добраться до Лондона. Мы должны спешить на поезд.

— Чтобы вылечить вашего больного друга? — спросил Бехир и, приподняв брови, посмотрел на Хью, который уже давно перестал притворяться и теперь самозабвенно уплетал рагу. Пчелы радостно кружили вокруг его головы.

— Вроде того, — кивнула Эмма.

Бехир понимал, что мы что-то скрываем, но оказался достаточно тактичным и не стал настаивать на том, чтобы мы поделились с ним

своими секретами.

— Сегодня ночью поездов уже не будет, — сообщил он, — но мы встанем на рассвете и отвезем вас на станцию к первому утреннему поезду. Это вас устроит?

— Нам придется с этим смириться, — ответила Эмма, обеспокоенно наморщив лоб.

Хотя мы и сэкономили время, прокатившись на повозке, вместо того чтобы идти пешком, мисс Сапсан все же потеряла целый день. Теперь у нее в лучшем случае оставалось два дня. Но зато сейчас мы согрелись, насытились, и нам ничего не угрожало.

Мы быстро подружились с цыганами. Все стремились загладить неприятные подробности нашего знакомства. Бронвин попыталась извиниться перед мальчиком, которого взяла в заложники, но он только отмахнулся от ее извинений. Цыгане безжалостно нас закармливали — мою миску наполняли снова и снова, невзирая на мои попытки отказаться от добавки. Когда мисс Сапсан выбралась из-за пазухи Бронвин и громким криком напомнила о том, что у нее тоже есть аппетит, цыгане накормили и ее. Они подбрасывали в воздух кусочки сырого мяса и радовались, когда она подпрыгивала, чтобы поймать их на лету.

— Она хочет есть! — смеялась Оливия, хлопая в ладоши при виде того, как птица разрывает когтями свиную ножку.

— Ну что, ты рад теперь, что мы их не взорвали? — шепотом поинтересовалась Бронвин у Еноха.

— О, *пожалуй*, — откликнулся тот.

Цыганский оркестр заиграл очередную песню. Мы ели и плясали. Я убедил Эмму потанцевать со мной у костра. И хотя обычно стесняюсь делать это на людях, в этот раз я дал себе волю. Наши ноги взлетали, а руки хлопали в такт музыке. На несколько лучезарных мгновений мы забылись в этом танце. Мне удалось забыть о том, какой опасности мы подвергаемся, о том, как совсем недавно мы едва не угодили в руки тварям и в пасть пустоте, готовой обглодать наши кости и выплюнуть их в пропасть. В этот момент я был очень благодарен этим цыганам и животной части собственного мозга с ее бесхитростностью. Горячего ужина, хорошей песни и улыбки дорогого мне человека оказалось достаточно, чтобы отвлечь меня от всего этого мрака, пусть и ненадолго. Затем песня окончилась, и мы вернулись на свое место. В воцарившейся тишине я ощутил, как меняется настроение. Эмма посмотрела на Бехира и спросила:

— Можно вас кое о чем спросить?

— Конечно, — отозвался он.

— Почему вы рисковали ради нас жизнями?

Он отмахнулся.

— Вы сделали бы то же самое.

— Я не уверена, что мы поступили бы подобным образом, — не согласилась с ним Эмма. — Я просто хочу понять. Это потому, что мы оказались странными?

— Да, — просто ответил он.

Он отвернулся и долго смотрел на деревья, обступившие поляну, на отсветы пламени на их стволах и на черноту леса за ними. Затем он произнес:

— Хотите познакомиться с моим сыном?

— Конечно, — отозвалась Эмма.

Она встала, и ее примеру последовали я и еще несколько человек.

Бехир поднял руку.

— Боюсь, что он очень застенчив. Только ты, — произнес он, показывая на Эмму, — и ты, — он указал на меня, — и еще тот, которого слышно, но не видно.

— Ого! — восхитился Миллард. — А я так старался вести себя незаметно!

Енох снова опустил на траву.

— Почему меня всегда отовсюду прогоняют? От меня воняет?

В круге света, образованном ярким костром, возникла цыганка в развевающемся красном платье.

— Пока их не будет, я погадаю вам по руке и предскажу будущее, — предложила она и обернулась к Горацию. — Возможно, когда-нибудь ты вскарабкаешься на Килиманджаро! — Она посмотрела на Бронвин: — А ты выйдешь замуж за богатого и красивого мужчину!

— Всю жизнь мечтала, — фыркнула Бронвин.

— Будущее — это моя специальность, мадам, — заявил Гораций. — Позвольте, я покажу вам, как это делается!

Мы с Эммой и Миллардом покинули их и вслед за Бехиром направились в дальний конец табора. Мы подошли к простой с виду кибитке, и Бехир поднялся по короткой лесенке, чтобы постучать в дверь.

— Ради, — тихо позвал он, — прошу тебя, выйди к нам. К тебе пришли гости.

Дверь приотворилась, и из-за нее выглянула женщина.

— Он боится, — произнесла она. — Отказывается вставать со стула.

Она окинула нас внимательным взглядом, а затем открыла дверь шире и жестом пригласила войти. Поднявшись по лестнице, мы нырнули в

тесную, но уютную комнатку — гостиную, спальню и кухню одновременно. Возле узкого окна стояла кровать, а напротив расположились стол со стулом и небольшая печка, труба которой выходила через потолок наружу. Тут было все необходимое, чтобы месяцами путешествовать, не завися ни от кого и ни от чего.

На единственном стуле в этой комнате сидел мальчик. В руке он держал трубу, на которой играл сегодня вечером в составе детского цыганского оркестра. Это был сын Бехира, а женщина, судя по всему, была женой вожака.

— Сними ботинки, Ради, — попросила она.

Мальчик продолжал пристально смотреть в пол.

— Это обязательно? — спросил он.

— Да, — мягко ответил Бехир.

Мальчик стянул сначала один ботинок, затем другой. Какое-то мгновение я сам не понимал, на что смотрю. В ботинках не оказалось ничего. Казалось, у мальчика нет ступней. И тем не менее, чтобы разуться, ему пришлось прилагать усилия. Это означало, что в них было *нечто*.

— Встань, — снова обратился к сыну Бехир, и мальчик неохотно соскользнул на край сиденья и поднялся на ноги. Казалось, он парит в воздухе, потому что штанины замерли в нескольких дюймах над полом.

— Он начал исчезать несколько месяцев назад, — пояснила женщина. — Сначала только пальцы ног. Потом пятки. Наконец и все остальное... обе ступни. Я пыталась поить его разными настойками и бальзамами, но ничего не помогало.

Значит, у него все же есть ступни, — подумал я, — *только невидимые.*

— Мы не знаем, что делать, — продолжил рассказ жены Бехир. — Но я подумал, что, может быть, среди вас есть целитель...

— Исцелить это невозможно, — сообщил ему Миллард, и при звуке голоса, раздавшегося из ниоткуда, мальчик вскинул голову. — Мы с ним похожи. Со мной все было точно так же, когда я был маленьким. Я не родился невидимым, это происходило постепенно.

— Кто это говорит? — спросил мальчик.

Миллард взял платок, лежавший на краю кровати, и обернул им лицо, обнаружив форму своего носа, лба и рта.

— Это я, — сообщил он, подходя к мальчику. — Не бойся.

Все остальные наблюдали за тем, как Ради поднял руку и коснулся щеки Милларда, затем его лба и волос (мне и в голову не приходило представлять себе, какие у Милларда волосы). Ради даже подергал их

прядь, как будто желая удостовериться в том, что они настоящие.

— Ты здесь, — произнес мальчик, и в его глазах вспыхнуло удивление, к которому примешивалось восхищение. — Ты действительно здесь!

— Ты тоже никуда не исчезнешь, даже если все перестанут тебя видеть, — успокоил его Миллард. — Вот увидишь. Это не больно.

Мальчик улыбнулся, и при виде его улыбки у женщины подкосились ноги. Чтобы не упасть, она оперлась на руку Бехира.

— Благослови тебя Господь, — едва сдерживая слезы, сказала она Милларду. — Благослови тебя Господь.

Миллард сел на пол у исчезнувших ног Ради.

— Тебе незачем этого бояться, мой мальчик. Как только ты привыкнешь к своей невидимости, я уверен, она даже начнет тебе нравиться. В ней действительно множество преимуществ...

Он начал их перечислять, а Бехир подошел к двери и кивнул нам с Эммой.

— Оставим их наедине, — предложил он. — Я уверен, что им есть о чем поговорить.

Мы оставили Милларда с мальчиком и его матерью. Вернувшись к костру, мы увидели, что почти все, и странные дети, и цыгане, столпились вокруг Горация. Он стоял на пне перед ошеломленной предсказательницей, закрыв глаза и положив ладонь ей на лоб. Казалось, он описывает собственное сновидение.

— ...и внук твоего внука будет пилотировать гигантский корабль, который подобно омнибусу станет курсировать между Землей и Луной. А на Луне у него будет маленький домик, и он испытает затруднения с выплатами по закладной, и ему придется сдавать комнаты. И поселится у него прекрасная женщина, которую он полюбит всем сердцем. Это будет

лунная любовь, которая отличается от земной из-за разницы гравитации...

Мы наблюдали за ними, стоя на краю толпы.

— Он это всерьез? — спросил я у Эммы.

— Вполне возможно, — отозвалась она. — Хотя, может быть, он просто развлекается за ее счет.

— Почему он не может предсказать будущее *нам*?

Эмма пожала плечами.

— Мы никак не можем использовать способности Горация. Он выдает предсказания до конца жизни кому угодно, но только не нам. Похоже, что чем больше он кого-то любит, тем меньше способен увидеть. Его видение затуманивается эмоциями.

— Да, это касается всех нас, — раздался чей-то голос, и, обернувшись, мы увидели Еноха. — И с учетом этого, дорогая Эмма, я надеюсь, что ты не слишком отвлекаешь этого американца. Очень сложно заметить приближение пуст *о* ты, когда у тебя в ухе постоянно скользит язык юной леди.

— Не говори гадостей! — поморщилась Эмма.

— Я не смог бы проигнорировать это Ощущение, даже если бы захотел, — ответил я, хотя мне очень хотелось проигнорировать неприятное осознание: Енох ревнует Эмму ко мне.

— Расскажите мне о вашем секретном свидании, — продолжал Енох. — Цыгане и в самом деле защитили нас из-за непонятной старинной дружбы, о которой никто из нас никогда не слышал?

— У вожака и его жены странный сын, — ответила Эмма. — Они надеялись, что мы сможем ему помочь.

— Это безумие! — воскликнул Енох. — Эти солдаты могли изрубить их на куски. Они согласны были погибнуть ради одного мальчишки? Вот вам и затуманенное видение! Я думал, они хотят оставить нас у себя из-за наших способностей или как минимум продать нас на аукционе... Вечно я переоцениваю людей.

— О, пойдی разыщи себе мертвую зверушку и поиграй с ней, — устало отмахнулась от него Эмма.

— Мне никогда не понять девяносто девять процентов человечества, — произнес Енох и ушел, качая головой.

— Иногда мне кажется, что этот парень наполовину машина, — вздохнула Эмма. — Плоть снаружи, металл изнутри.

Я засмеялся, хотя и сам сомневался в том, правильно ли поступил Бехир, так рискуя ради своего сына. Впрочем, если Бехир похож на безумца, то я тем более сошел с ума. Я тоже пожертвовал всем ради

девушки. Несмотря на все мое любопытство, несмотря на мой долг перед дедом и наш общий долг перед мисс Сапсан, я находился здесь по одной-единственной причине — со дня первой встречи с Эммой я знал, что хочу быть частью любого мира, в котором будет находиться она. Это свидетельствовало о моем безумии? Или мое сердце оказалось слишком доступным?

Возможно, мне не помешало бы иметь немного металла внутри, — думал я. Где бы я сейчас находился, если бы мое сердце было защищено броней?

Ответ на этот вопрос был прост — я был бы дома и с помощью лекарств вводил себя в состояние остолбенелости. Глушил бы переживания видеоиграми. Ходил бы на работу в «Смарт-Эйд». И день за днем моя душа медленно умирала бы от сожалений.

Ты трус. Ты слабый и жалкий мальчишка. Ты выбросил свой единственный шанс на помойку.

Но я этого не сделал. Потянувшись к Эмме, я рискнул всем, что у меня было. И каждый день я продолжал рисковать тем немногим, что у меня осталось. И тем самым я погрузился в мир, которого когда-то и представить себе не мог. И в этом мире я жил среди удивительных людей и совершал сумасшедшие поступки, выживая в невообразимых условиях. И все это потому, что я позволил себе иметь чувства к одной странной девушке.

Несмотря на все угрожавшие нам опасности и несмотря на тот факт, что этот странный новый мир начал рассыпаться, едва я его обнаружил, я не переставал радоваться тому, что очутился здесь. Мне с трудом верилось в то, что осуществление моей мечты совпало с воплощением моих самых жутких кошмаров.

— Что случилось? — спросила Эмма. — Почему ты так на меня смотришь?

— Я хотел тебя поблагодарить, — ответил я.

Она наморщила нос и прищурилась, как будто я сказал что-то смешное.

— Поблагодарить за что? — спросила она.

— Ты придаешь мне сил, о существовании которых я и не догадывался, — ответил я. — Благодаря тебе я становлюсь лучше.

Она покраснела.

— Я не знаю, что сказать.

Эмма, лучезарная душа, — хотел сказать я, — мне нужен твой огонь, тот, который горит в твоём сердце.

— Тебе незачем что-нибудь говорить, — покачал головой я.

И тут меня охватило непреодолимое желание поцеловать ее, что я и сделал.

* * *

Хотя мы смертельно устали, цыгане находились в приподнятом настроении и, похоже, собирались праздновать всю ночь. После нескольких чашек чего-то горячего, сладкого и явно кофеиносодержащего, а также нескольких песен, мы решили, что тоже этого хотим. Они были прирожденными рассказчиками и изумительными певцами. С присущим им глубинным обаянием они обращались с нами так, будто мы приходились им давно утраченными и неожиданно обретенными горячо любимыми родственниками. Мы полночи рассказывали друг другу всевозможные истории. Молодой парень, имитировавший рев медведя, оказался еще и чревовещателем, причем таким искусным, что его куклы казались живыми. Похоже, он увлекся Эммой, и все его представление было посвящено ей. Он не сводил с нее глаз и улыбался, но она делала вид, что не замечает его внимания и весь вечер не выпускала мою руку из своей.

Позже они рассказали нам, как во время Первой мировой войны британская армия забрала у них всех лошадей и на какое-то время они остались без тягловой силы. Они оказались в очень затруднительном положении, будучи не в силах даже покинуть лес, кстати, этот самый лес. Но однажды в их табор забрело стадо длиннорогих коз. С виду эти животные были дикими, но не отказались принимать пищу из рук человека. Кому-то пришла в голову идея запрячь коз в фургон, и они оказались почти такими же сильными, как и отнятые у них лошади. Это позволило цыганам сняться с места и до конца войны странствовать в кибитках, запряженных этими на удивление сильными козами. Козы прославили их на весь Уэльс, где их знали как Козий народ. В качестве доказательства они пустили по кругу фотографию дяди Бехира на запятках кибитки, запряженной козой. Нам незачем было объяснять, что речь идет об исчезнувшем стаде странных коз, о которых говорил Эддисон. После войны армия вернула цыганам их лошадей, и козы, в которых больше не было необходимости, снова ушли в лес.

Наконец костры догорели. Цыгане постелили нам прямо на земле и на мелодичном иностранном языке спели колыбельную. Глядя в черное небо, я снова почувствовал себя ребенком. Чревовещатель подошел, чтобы пожелать Эмме спокойной ночи. Она его прогнала, но он успел вручить ей

визитную карточку. На обороте был написан адрес в Кардиффе, где он забирал свои письма всякий раз, когда цыгане бывали в этом городе, что случалось раз в несколько месяцев. На лицевой стороне была его фотография с куклами и короткая записка для Эммы. Она показала записку мне и хихикнула, но у меня парнишка вызвал только искреннее сочувствие. Он, так же как и я, был виноват лишь в том, что она ему нравилась.

Я свернулся калачиком рядом с Эммой на опушке леса. Мы уже начинали дремать, как вдруг рядом послышались шаги. Открыв глаза, я никого не увидел. Это снова вернулся Миллард, проведя вечер в разговорах с цыганчиком.

— Он хочет уехать с нами, — произнес Миллард.

— Кто? — сонно пробормотала Эмма. — Куда?

— Мальчик. С нами.

— И что ты ему сказал?

— Я сказал ему, что это неудачная идея. Но я не сказал «нет».

— Ты же знаешь, что мы не можем больше никого брать, — ответила Эмма. — Он будет нас задерживать.

— Я знаю, знаю, — откликнулся Миллард. — Но он исчезает очень быстро, и ему страшно. Очень скоро он будет полностью невидим. Он

боится, что когда-нибудь отстанет от табора, а цыгане этого даже не заметят, и он будет обречен вечно скитаться в лесу среди волков и пауков.

Эмма застонала и повернулась на бок лицом к Милларду. Она понимала, что он все равно не оставит нас в покое, пока мы не решим, как быть с мальчиком.

— Я знаю, что это его очень огорчит, — произнесла она. — Но это действительно невозможно. Прости, Милл.

— Что ж, спасибо за прямоту, — угрюмо ответил Миллард. — Я так ему и скажу.

Он встал и ушел, бесшумно ступая по густой траве.

Эмма тяжело вздохнула. Некоторое время она беспокойно ворочалась с боку на бок.

— Ты поступила правильно, — прошептал я. — Очень трудно быть человеком, от которого все ожидают окончательных решений.

Она промолчала, но перестала ворочаться, положив голову мне на плечо. Постепенно мы уснули, убаюканные шепотом ветвей, раскачиваемых ветром, и шумным дыханием лошадей.

* * *

Сон мой был некрепким и беспокойным. Я провел ночь, как и весь предыдущий день, спасаясь от стаи кошмарных собак. К утру я окончательно выбился из сил. Мои ноги и руки были ватными, а голова тяжелой. Возможно, я чувствовал бы себя лучше, если бы вообще не ложился спать.

Бехир разбудил нас на рассвете.

— Подъем, *syndrigasti!* — кричал он, раздавая ломти черствого как камень хлеба. — Выспитесь на том свете!

Енох громко постучал своим куском хлеба по камню.

— С таким завтраком мы можем оказаться там довольно быстро!

Бехир с улыбкой взъерошил волосы Еноха.

— Не ворчи! Где твое хорошее настроение?

— В стирке, — ответил Енох, с головой укрываясь одеялом.

Бехир дал нам десять минут на то, чтобы мы подготовились к отъезду. Он собирался исполнить свое обещание и доставить нас в город к первому утреннему поезду. Я вскочил, добрел до ведра с водой и плеснул на лицо, после чего почистил пальцем зубы. О, как же мне не хватало моей зубной щетки. Я также истосковался по зубной нити, дезодоранту с ароматом

океанского бриза и был готов на многое ради возможности заглянуть в один из магазинчиков «Смарт-Эйд».

Королевство за смену белья!— мелькнула мысль.

Пока я пальцами вычесывал из волос клочки сена и вгрызался в кусок несъедобного хлеба, цыгане и их дети наблюдали за нами с таким грустным видом, как будто знали, что ночное веселье стало последним аккордом нашего благополучия и, покинув табор, мы отправимся на смерть. Я попытался подбодрить одного из них.

— Все хорошо, — улыбнулся я маленькому мальчику, который, казалось, едва не плакал. — У нас все будет хорошо.

Он посмотрел на меня своими огромными встревоженными глазами, как будто я был говорящим привидением.

Цыгане взнуздали восемь лошадей — по одной для каждого из нас.

Лошади должны были доставить нас в город гораздо быстрее, чем кибитка. Но мне было очень страшно.

Я был, наверное, единственным относительно богатым ребенком Америки, который никогда не сидел на лошади. Так случилось не потому, что я не считал лошадей прекрасными величественными созданиями, лучшими из животных и так далее и тому подобное. Просто я не верил, что животные мечтают о том, чтобы люди взгромождались им на спину и ездили на них верхом. Кроме того, лошади были очень большими и мускулистыми и имели крупные зубы. Они смотрели на меня так, будто знали, что я их боюсь, и надеялись, что им представится возможность ударить меня копытом по голове. Не говоря уже о том, что у лошадей не было поясов безопасности или каких-либо других систем фиксации. Зато лошади могли двигаться почти так же быстро, как автомобили, при этом трясло их пассажиров гораздо сильнее. Поэтому подобные занятия представлялись мне весьма нежелательными.

Разумеется, ничего такого вслух я произносить не стал. Я просто стиснул зубы, отчаянно надеясь на то, что мне удастся уцелеть и умереть позже гораздо более интересным способом, чем от падения с лошади.

Буквально с первых возгласов «но!» лошади пустились в галоп. Я и думать забыл о чувстве собственного достоинства и мертвой хваткой вцепился в парня, позади которого меня усадили. Он стегнул коня так быстро, что я не успел даже помахать на прощанье собравшимся провожать нас цыганам. Впрочем, это было даже к лучшему, поскольку прощаться я никогда не умел, а в последнее время моя жизнь превратилась в нескончаемую череду расставаний. *Прощайте, прощайте, прощайте*, — стучало у меня в висках.

Мы скакали и скакали. Я изо всех сил сжимал бедрами лошадь, отчего мои мышцы быстро занемели. Бехир скакал впереди, а в седле позади него сидел его странный сын. Мальчик ехал с прямой спиной, опустив руки, и уверенной осанкой являл удивительный контраст со своим обликом прошлой ночью. Среди цыган он находился в своей среде, и бояться ему тут было нечего. Мы ему были не нужны.

Постепенно мы перешли на рысь, и я набрался смелости, чтобы отклеить лицо от спины наездника и окинуть взглядом пейзаж. Лес уже сменился полями. Мы спускались в долину, посреди которой раскинулся город, с этой возвышенности казавшийся крошечной почтовой маркой в окружении бескрайних зеленых просторов. С севера к нему приближалось длинное пушистое многоточие — дымное дыхание поезда.

Бехир остановился, немного не доехав до городских ворот.

— Дальше мы не поедem, — произнес он. — В городах нас недолюбливают. Незачем, чтобы вас видели в нашем обществе.

Мне трудно было представить, кому мешают эти добрые и искренние люди. С другой стороны, такие же предрассудки заставили отстраниться от общества и странных людей. Таковы были законы этого грустного мира.

Мы спешили. Я стоял позади всех, надеясь, что никто не заметит, как у меня дрожат ноги. Мы уже собирались уходить, как вдруг сын Бехира спрыгнул с отцовской лошади с криком:

— Подождите! Возьмите меня с собой!

— Я думала, ты с ним поговоришь, — обратилась Эмма к Милларду.

— Я *поговорил*, — откликнулся тот.

Мальчик вытащил из седельной сумки небольшую котомку и перебросил ее через плечо. Он был полностью готов отправиться в путь.

— Я умею готовить, — заявил он, — и рубить дрова. А еще ездить верхом и вязать всевозможные узлы!

— Выдайте ему значок отличия, — буркнул Енох.

— Боюсь, что это невозможно, — ласково произнесла Эмма.

— Но я такой, как вы, и с каждым днем становлюсь все более странным! — Мальчик начал расстегивать брюки. — Посмотрите, что со мной происходит!

Прежде, чем кто-то успел ему помешать, брюки упали к его лодыжкам. Девочки ахнули и отвернулись. Хью закричал:

— Эй ты, чокнутый лунатик, немедленно надень штаны!

Но видеть там было нечего. Все его тело ниже пояса уже было невидимым. Нездоровое любопытство вынудило меня покоситься на нижнюю часть его видимой половины, где отчетливо виднелись его внутренности.

— Посмотрите... это все исчезло всего за одну ночь, — растерянно произнес Ради. — Скоро меня вообще не будет видно!

Цыгане глазели на него, разинув рты и перешептываясь. Даже их лошади обеспокоенно шарахнулись от бестелесного ребенка.

— Ничего себе! — прошептал Енох. — От него осталась половина.

— Бедняжка! — воскликнула Бронвин. — Может, пусть останется с нами?

— Мы не бродячий цирк, к которому может примкнуть каждый, кому вздумается, — проворчал Енох. — Перед нами стоит опасная задача по спасению нашей имбрины, и у нас нет возможности нянчиться с бестолковым новичком!

На широко раскрытые глаза мальчика навернулись слезы. Котомка

соскользнула с его плеча, упав на дорогу.

Эмма отвела Еноха в сторону.

— Это было чересчур резко, — упрекнула она его. — Немедленно извинись.

— И не подумаю. Мы понапрасну тратим свое драгоценное время, которого у нас и так нет.

— Эти люди нас спасли!

— Нас *не понадобилось* бы спасать, если бы они не запихнули нас в эту расчудесную клетку!

Отчаявшись переубедить Еноха, Эмма обернулась к мальчику-цыганенку.

— В других обстоятельствах мы приняли бы тебя с распростертыми объятиями. Но сейчас дела обстоят так, что всему нашему миру и образу жизни грозит опасность. Мы все рискуем полностью исчезнуть с лица земли. Так что пойми, пожалуйста, — сейчас не время.

— Это нечестно, — угрюмо ответил мальчик. — Почему я не начал исчезать раньше? Почему это начало происходить именно *сейчас*?

— Способности каждого странного человека проявляются в разное время, — пояснил Миллард. — Одни узнают истину о себе еще в раннем детстве, другие ни о чем не подозревают до самой старости. Я когда-то слышал о человеке, который обнаружил, что способен силой мысли поднимать в воздух предметы, только в возрасте девяности двух лет.

— Я была легче воздуха уже в момент рождения, — гордо объявила Оливия. — Я выскочила из мамы и тут же взлетела к потолку! Если бы не пуповина, я, наверное, вылетела бы в окно и умчалась вместе с облаками. Говорят, доктор от потрясения упал в обморок!

— Ты до сих пор способна шокировать кого угодно, милая, — произнесла Бронвин, ободряюще похлопав девчушку по спине.

Миллард, видимый благодаря пальто и ботинкам на ногах, подошел к мальчонке.

— Что обо всем этом думает твой отец? — спросил он.

— Конечно же, мы не хотим с ним расставаться, — отозвался Бехир. — Но как мы будем заботиться о своем сыне, если не сможем его *видеть*? Он хочет уехать, и я не уверен, что с нами ему будет лучше, чем среди своих.

— Вы его любите? — спросил Миллард. — Он вас любит?

Бехир нахмурился. Традиционное воспитание не позволяло ему вслух говорить о чувствах. Но, немного помявшись, он все же проворчал:

— Конечно, он мой сын.

— В таком случае свои для него *вы*, — заявил Миллард. — Вашему сыну место среди вас, а не среди нас.

Бехиру не хотелось проявлять эмоции на глазах у своих людей, но после слов Милларда его глаза заблестели, а на скулах заиграли желваки. Он кивнул, перевел взгляд на сына и произнес:

— Значит, возвращаешься. Бери свой мешок и поехали. К нашему приезду мать приготовит чай.

— Хорошо, папа, — отозвался мальчик со смешанным чувством досады и облегчения в голосе.

— Все будет хорошо, — заверил паренька Миллард. — Даже лучше, чем хорошо. И когда все это закончится, я тебя разыщу. В мире много таких, как мы, и когда-нибудь мы с тобой их найдем.

— Обещаешь? — спросил мальчик, и в его глазах засветилась надежда.

— Обещаю, — твердо произнес Миллард.

Мальчик кивнул и взобрался на лошадь позади отца, а мы развернулись и миновали ворота города.

Глава шестая

Город назывался Коул. Не Коултаун и не Коулвилль. Просто Коул. Уголь был здесь повсюду — лежал угловатыми кучами у задних дверей домов, струился клубами маслянистого дыма из труб, пятнами покрывал комбинезоны шагающих на работу мужчин. Мы сбились в тесную группу и заспешили на станцию.

— Идем очень быстро, — инструктировала Эмма. — Никаких разговоров. Смотрим в землю.

Мы все твердо усвоили правило, предписывающее всячески избегать зрительного контакта с нормальными людьми. Взгляды способствовали завязыванию беседы, беседа порождала вопросы, а странным детям было трудно отвечать на вопросы нормальных взрослых таким образом, чтобы это не порождало еще больше вопросов. Разумеется, если что-то и могло вызвать вопросы, так это группа грязных детей, путешествующая без сопровождения взрослых в военное время. Особенное внимание должна была привлечь к нам крупная хищная птица, сидящая на плече одной из девочек. Тем не менее, похоже, горожанам не было до нас никакого дела. Они бродили по узким улочкам Коула, скользя по нам равнодушными взглядами, и своими ссутуленными фигурами напоминали увядшие цветы. У них явно хватало проблем и без нас.

Железнодорожная станция оказалась такой маленькой, что я задался вопросом, останавливаются ли здесь вообще поезда. Посреди открытой платформы торчала крохотная будочка билетной кассы, единственное крытое сооружение на всю станцию. Внутри дремал, сидя на стуле, мужчина в сползших на кончик носа очках с толстенными стеклами. Эмма резко постучала в окошко, отчего клерк, вздрогнув, проснулся.

— Восемь билетов до Лондона! — заявила она. — Нам необходимо быть там уже сегодня днем.

Клерк уставился на нас сквозь мутноватое стекло. Сняв очки, он тщательно их протер и снова водрузил на нос, чтобы убедиться, что зрение его не подводит. Вне всякого сомнения, вид у нас был весьма «привлекательный»: забрызганная грязью одежда, торчащие во все стороны нечесанные волосы. Рискну предположить, что и запах от нас исходил соответствующий.

— Мне очень жаль, — ответил клерк, — но все билеты проданы.

Я огляделся. Не считая нескольких дремлющих на скамейках человек,

станция была пуста.

— Что за вздор! — заявила Эмма. — Немедленно продайте нам билеты или я пожалуюсь на вас железнодорожным властям за дискриминацию детей!

На ее месте я вел бы себя более сдержанно, но Эмму чванство и самодовольство мелких бюрократов выводили из себя.

— Даже если бы такое положение в законодательстве действительно существовало, — возразил кассир, презрительно вздергивая нос, — оно бы уж точно не имело ни малейшего отношения к *вам*. Если вы не в курсе, сейчас идет война, и по стране Ее Величества необходимо перевозить грузы поважнее каких-то там детей и животных... — он смерил суровым взглядом мисс Сапсан, — ...которых запрещено заносить в поезд в любом случае!

Поезд вполз на станцию с громким шипением и остановился у платформы, визжа тормозными колодками. Кондуктор высунул голову в одно из окон и закричал:

— Восемь тридцать до Лондона, посадка!

Люди, спавшие на скамейках, встали и зашаркали к поезду.

К кассе подошел какой-то мужчина в сером костюме. Отодвинув нас в сторону, он сунул клерку деньги, получил билет и заспешил к поезду.

— Вы сказали, что билетов нет! — принялась возмущаться Эмма, громко стуча по стеклу окошка. — Вы не имеете права так поступать!

— Этот джентльмен купил билет в вагон *первого класса*, — объяснил клерк. — А теперь прочь, маленькие назойливые попрошайки! Отправляйтесь обшаривать карманы в другом месте!

Тут к окошку шагнул Гораций.

— Попрошайки по определению не располагают большими суммами денег, — произнес он и, сунув руку в карман, извлек из него толстую пачку банкнот. — Если вы продаете билеты только в первый класс, значит, там мы и поедем!

Клерк подскочил на стуле, уставившись на стопку денег на стойке. Мы тоже смотрели на них, открыв рты и пытаясь понять, где раздобыл их Гораций. Пересчитав банкноты, клерк произнес:

— Да тут достаточно, чтобы выкупить места во всем вагоне!

— Значит, давайте нам весь вагон! — заявил Гораций. — Таким образом, вы сможете не беспокоиться о карманах других пассажиров.

Клерк покраснел и, заикаясь, произнес:

— Д-да, сэр... простите, сэр... надеюсь, что вы расцените все, что я сказал ранее, как шутку...

— Просто дайте нам эти чертовы билеты, чтобы мы могли сесть в поезд!

— Сию секунду, сэр!

Клерк подвинул к нам пачку билетов в вагон первого класса.

— Приятного путешествия! — произнес он. — И, пожалуйста, не говорите никому, что это я вам сказал, но на вашем месте я бы спрятал эту птицу подальше с глаз. Кондукторам она не понравится даже в первом классе.

Мы зашагали по платформе, сжимая в руках билеты. Гораций раздулся от гордости и напоминал павлина.

— Где ты взял столько денег? — спросила Эмма.

— Я спас их из комода мисс Сапсан перед тем, как наш дом загорелся, — ответил Гораций. — А потом пришел для них специальный карман к костюму.

— Гораций, ты гений! — сообщила ему Бронвин.

— Если бы он был настоящим гением, он бы не отдал все наши деньги до единого пенса, — фыркнул Енох. — Ты считаешь, что нам и в самом деле нужен *весьвагон*?

— Нет, — ответил Гораций. — Но было так приятно поставить этого типа в дурацкое положение, разве нет?

— Не могу не согласиться, — буркнул Енох.

— Это потому, что истинное назначение денег — манипулировать людьми и заставлять их чувствовать, что они хуже тебя.

— Я не вполне в этом уверена, — покачала головой Эмма.

— Да шучу я, шучу, — успокоил ее Гораций. — Конечно же, они нужны для того, чтобы покупать одежду.

Мы уже хотели войти в вагон, как вдруг нас остановил кондуктор.

— Покажите мне свои билеты! — потребовал он и уже протянул руку к пачке билетов, которые подал ему Гораций, как вдруг заметил, что Бронвин что-то запихивает себе за пазуху. — Что у вас там? — подозрительно нахмурился он.

— Вы это о чем? — Бронвин пыталась говорить как можно непринужденнее, одновременно запахнув полу пальто над извивающимся живым комочком внутри.

— О том, что у тебя под пальто! — ответил кондуктор. — Не надо играть со мной в игры, девочка.

— Это, э-э-э... — Бронвин попыталась что-то быстро придумать, но у нее ничего не вышло. — Птица?

Эмма опустила голову. Енох накрыл глаза ладонью и застонал.

— Никаких животных в поезде! — рявкнул кондуктор.

— Но вы не понимаете, — начала оправдываться Бронвин. — Она у меня с детства... и нам *очень* нужно сесть в этот поезд... и мы *так* многозаплатили за билеты!

— Правила есть правила! — заявил кондуктор, и по его голосу мы поняли, что его терпение на пределе. — *Не надосо* мной играть!

Эмма, просияв, вскинула голову.

— Игрушка! — произнесла она.

— Простите? — изумился кондуктор.

— Сэр, это *не настоящая* птица. Мы ни за что не стали бы так грубо нарушать правила, сэр. Видите ли, это любимая игрушка моей сестры, и она думает, что вы хотите ее забрать. — Она умоляюще стиснула перед собой руки. — Вы же не отнимете у ребенка любимую игрушку, сэр?

Кондуктор с сомнением смерил Бронвин взглядом.

— Мне кажется, что для игрушек эта девица великовата.

Эмма наклонилась к нему и прошептала:

— Понимаете, она немного *задержалась в развитии*...

Это заставило Бронвин нахмуриться, но выбора у нее не было, приходилось подыгрывать Эмме. Кондуктор шагнул к ней.

— Ну, тогда давай посмотрим на эту игрушку.

Момент истины. Бронвин распахнула пальто, и мы затаили дыхание. Она сунула руку за пазуху и медленно извлекла мисс Сапсан. Когда я увидел птицу, на какое-то жуткое мгновение мне почудилось, что она мертва. Мисс Сапсан застыла и лежала на ладони Бронвин с закрытыми глазами, а ее лапки скрючились и неподвижно торчали из-под брюшка. Но я тут же понял, что она тоже нам подыгрывает.

— Видите? — сказала Бронвин. — Птичка не настоящая. Это чучело.

— Она двигалась! Я видел! — запротестовал кондуктор.

— Это... э-э-э... заводная модель, — нашлась Бронвин. — Смотрите.

Она опустилась на колени и положила мисс Сапсан на землю. Сунув руку ей под крыло, она сделала вид, что заводит игрушку. Мгновение спустя глаза мисс Сапсан распахнулись, и она начала ковылять по земле, механически вертя головой и выбрасывая лапы вперед, как будто ею действительно управляла заведенная пружина. Наконец она, дернувшись, остановилась и упала на бок, неподвижная, как деревяшка. Это представление поистине заслуживало «Оскара».

Во всяком случае кондуктора это почти (хотя и не вполне) убедило.

— Ну что ж, — протянул он, — если это игрушка, надеюсь, вы согласитесь убрать ее в свой сундучок для игрушек. — Он кивнул на

чемодан, который Бронвин поставила на платформу.

Бронвин заколебалась.

— Это не...

— Да, конечно, без проблем, — заявила Эмма, расстегивая защелки чемодана. — Сейчас же убери ее, сестра!

— А вдруг там нет воздуха? — зашипела на Эмму Бронвин.

— Мы просверлим в боку чемодана дырки! — зашипела в ответ та.

Бронвин подняла мисс Сапсан и осторожно положила ее в чемодан.

— Мне очень жаль, мэм, простите меня, — прошептала она, опуская крышку и застегивая защелки.

Наконец-то кондуктор взял у нас билеты.

— Первый класс! — удивленно произнес он. — Ваш вагон вон там, впереди. — Он показал в дальний конец платформы. — Вам надо поспешить!

— И это он нам об этом говорит! — простонала Эмма, и мы пустились бежать по платформе.

Выпустив столб пара и издав металлический стон, поезд потащился рядом с нами. Пока он только полз, но с каждым оборотом его колеса набирали скорость и он двигался все быстрее.

Мы поравнялись с вагоном первого класса. Бронвин первой запрыгнула в открытую дверь. Она поставила чемодан в проход и протянула руку, чтобы помочь Оливии.

Вдруг у нас за спиной раздался громкий крик:

— Остановитесь! Немедленно покиньте поезд!

Кричал явно не кондуктор. Этот голос был более низким и гораздо более властным.

— Птицей клянусь, — пробормотал Енох, — если еще *хоть кто-нибудь* попытается помешать нам сесть в этот поезд...

Прогремел выстрел, и от неожиданности мои колени подкосились. Я споткнулся в дверном проеме и выскочил обратно на платформу.

— Я сказал, *остановитесь!* — снова взревел голос.

Оглянувшись через плечо, я увидел солдата в форме. Он стоял на платформе, согнув колени и прицелившись в нас из винтовки. Раздался грохот, и еще две пули просвистели над нашими головами. Пока он всего лишь пытался убедить нас в серьезности своих намерений.

— Выйдите из поезда и станьте на колени! — потребовал он, шагая к нам.

Я подумывал о побеге, но, заметив белые, лишенные зрачков глаза солдата, передумал. Перед нами была тварь, и я знал, что она может не

задумываясь застрелить любого из нас. Самым лучшим было не давать ей повода.

Бронвин и Оливия, видимо, считали так же, потому что они выпрыгнули из поезда и опустились на колени рядом с нами.

Чуть-чуть, — думал я, — мы не успели совсем чуть-чуть.

Поезд покинул станцию без нас, а вместе с ним растаяли вдали и наши надежды на спасение мисс Сапсан.

А вместе с надеждами нас покинула *и сама мисс Сапсан*. От этой мысли у меня все оборвалось внутри. Бронвин оставила чемодан в поезде! Меня как будто подбросило, и я вскочил, чтобы догнать поезд... В нескольких дюймах от моего лица возникло дуло винтовки, и я ощутил, как силы покидают мое тело.

— Больше. Ни. Шагу, — произнес солдат.

Я снова опустился на землю.

* * *

Мы стояли на коленях, подняв руки. Наши сердца бешено колотились. Солдат ходил вокруг нашей небольшой группы, держа палец на спусковом крючке и продолжая целиться в нас. После доктора Голана это была первая тварь, к которой мне удалось так хорошо присмотреться. Она была одета в стандартную форму британской армии — рубашку хаки, заправленную в шерстяные брюки, черные ботинки и каску. Впрочем, все это сидело на солдате как-то неловко — брюки были перекручены, а каска съехала далеко на затылок. Казалось, он надел маскарадный костюм и еще не успел к нему привыкнуть. Мне также показалось, что он чем-то обеспокоен. Он постоянно крутил головой, то вправо, то влево, пытаясь оценить степень опасности, которую мы собой представляем. Нас было значительно больше, и, хотя мы были всего лишь компанией безоружных детей, за последние несколько дней нам удалось убить одну тварь и две пуст о ты. Он нас боялся, и это пугало меня больше всего. Страх делал тварь непредсказуемой.

Он вытащил из-за пояса рацию и что-то произнес в нее. Раздался треск эфира, а затем, мгновение спустя, прозвучал совершенно отчетливый ответ. Их переговоры были закодированы, и я не понял ни слова.

Он приказал нам встать. Мы поднялись на ноги.

— Куда мы идем? — робко поинтересовалась Оливия.

— На прогулку, — ответил он. — На очень милую и приятную

прогулку.

Его четкое произношение с плоскими гласными сообщило мне, что на самом деле он приезжий и лишь имитирует британский акцент, что дается ему не очень хорошо. Твари считались искусными притворщиками, но эта явно не блистала.

— Не отставать, — произнес он, по очереди смерив нас взглядом. — Не бежать. У меня в магазине пятнадцать патронов. Этого хватит, чтобы сделать в каждом из вас по две дырки. И не думай, что я не вижу твой пиджак, невидимый юноша. Если ты заставишь меня гоняться за тобой, я отрежу тебе большие пальцы на сувениры.

— Да, сэр, — отозвался Миллард.

— Никаких разговоров! — взревел солдат. — А теперь шагом *марш!*

Мы прошли мимо опустевшей уже кассы, дошли до конца платформы и, покинув станцию, оказались на улице. Хотя совсем недавно мы не вызывали у обитателей Коула ни малейшего интереса, сейчас, при виде шеренги детей в сопровождении вооруженного солдата, они как по команде поворачивали головы, провожая нас взглядами. Солдат вел нас тесной группой, подгоняя окриками, если кто-то отбивался в сторону. Я шел последним и слышал, как у меня за спиной при каждом шаге бряцает его оружие. Мы шли туда, откуда пришли, то есть прямо к выходу из города.

Я успел придумать дюжину планов побега. Мы могли разбежаться. Но нет, он успел бы пристрелить как минимум нескольких человек. Что, если кто-то сделает вид, что ему плохо, и упадет в обморок прямо посреди улицы, а остальные начнут спотыкаться, и в суматохе... Но нет, он был слишком дисциплинирован, чтобы поддаться на такое. Одному из нас необходимо было подобраться достаточно близко, чтобы отнять у него винтовку.

Ближе всех к нему был я. *Что, если я замедлю шаги, подожду, пока он со мной поравняется, а затем брошусь на него...* Но кого я пытался обмануть? Я не был героем. Мне было так страшно, что я с трудом дышал. Как бы то ни было, он шел в добрых десяти ярдах позади, и ствол винтовки смотрел прямо мне в спину. Он пристрелил бы меня раньше, чем я успел бы обернуться, после чего оставил бы истекать кровью на дороге. Так что подобные действия можно было бы расценить как проявление тупости, но никак не героизма.

Откуда-то сзади к нам подлетел джип. Он не стал останавливаться, а только замедлил скорость, подстраиваясь под наш темп. В нем сидело еще два солдата. Оба были в зеркальных очках, но я отлично знал, что за ними скрывается. Тварь на пассажирском сиденье кивнула той, которая взяла нас

в плен, и подняла руку в приветственном жесте, мол, *отличная работа!* Затем она уставилась на нас и с этого момента уже не сводила глаз с нашей компании, не переставая сжимать в руках винтовку.

Теперь у нас был конвой, и одна вооруженная винтовкой тварь обернулась тремя. Любые надежды на спасение рухнули.

Мы шли и шли, хрустя подошвами по усыпанной гравием дороге. Рядом, подобно дешевой газонокосилке, громко гудел джип. Город остался позади, и по обе стороны обсаженной деревьями дороги завиднелась ферма и ее бурые голые поля. Солдаты до сих пор не обменялись ни словом. В них было что-то от роботов, как будто из их голов вынули весь мозг, заменив его мотками проводов. Твари считались очень одаренными, но эти парни напоминали мне тупые беспилотники. Тут я действительно услышал гул возле самого уха и, обернувшись, увидел... пчелу. Она облетела мою голову и исчезла.

Хью, — подумал я, — *он что-то задумал.* Я поискал его глазами в нашей шеренге, беспокоясь о том, что его затея может привести к стрельбе и нашей гибели, но Хью так и не увидел.

Я быстро сосчитал товарищей. *Один-два-три-четыре-пять-шесть.* Передо мной шла Эмма, затем Енох, Гораций, Оливия, Миллард и Бронвин.

Где же Хью?

Я чуть не подпрыгнул, осознав, что Хью действительно здесь нет. Это означало, что его не задержали вместе с нами. Он все еще был на свободе! Возможно, воспользовавшись суматохой на станции, он спрятался между поездом и платформой или сумел незамеченным вскочить в поезд? Нельзя было исключать и возможность того, что он шел сейчас за нами. Мне очень хотелось оглянуться и осмотреть дорогу позади нас, но я опасался, что, если моя догадка окажется верна, я тем самым его выдам.

Впрочем, я надеялся, что его там нет, потому что это могло бы означать, что он сейчас находится с мисс Сапсан. В противном случае как мы сможем ее найти? И что, если в чемодане, в котором она оказалась заперта, нет щелей и воздух закончится? И как вообще в 1940-м году поступали с подозрительно забытым багажом?

От волнения я раскраснелся, и у меня пересохло в горле. В моем мозгу теснилась, сражаясь за мое внимание, добрая сотня сценариев, один страшнее другого.

— Вернись в шеренгу! — раздался окрик за спиной, и я понял, что тварь обращается ко мне.

В своем перевозбужденном состоянии я не заметил, как отошел

слишком далеко от центра дороги. Я поспешил вернуться на свое место позади Эммы, которая бросила на меня умоляющий взгляд: *Не зли его, пожалуйста!*— и пообещал себе, что буду держать себя в руках.

Мы шли в гнетущем молчании, и тревога гудела в наших телах подобно току высокого напряжения. Эмма на ходу сжимала и разжимала кулаки, Енох тряс головой и что-то бормотал себе под нос, Оливия ступала неуверенно и часто спотыкалась. Казалось, что в любую секунду кто-то из нас может решиться на отчаянный поступок, и в воздухе засвистят пули.

Тут я услышал испуганный возглас Бронвин и поднял глаза, чтобы стать свидетелем реализации жуткого сценария, придумать который я еще не успел. Перед нами лежали три массивных тела — одно на дороге, а еще два — в примыкающем к ней поле, за мелкой сточной канавой. Сначала я принял их за кучи черной земли, потому что мои глаза отказывались видеть, что они представляют собой на самом деле.

Но мы подходили все ближе, и я уже не мог внушать себе, что они являются чем-то другим, а не мертвыми лошадьми, лежащими прямо на дороге.

Оливия закричала. Бронвин инстинктивно рванулась ее утешать.

— Не смотри, птишка!

Солдат выстрелил в воздух. Мы упали на землю и накрыли головы руками.

— Еще одна такая выходка, и вы окажетесь в канаве рядом с ними! — крикнул солдат.

Пока мы поднимались на ноги, Эмма наклонилась ко мне и буквально выдохнула слово «цыгане», кивнув на ближайшую к нам лошадь. Я понял, что она имеет в виду. Это были лошади цыган. Я тоже узнал одну из них — молодую кобылу в белых чулках на задних ногах. Именно на ней я приехал в город меньше часа назад.

Мне показалось, что меня сейчас стошнит.

Я сразу понял, что здесь произошло, как будто у меня в голове кто-то включил кинофильм. Это была работа тварей. Тех самых тварей, которые вчера вечером совершили налет на табор. Цыгане столкнулись с ними на дороге, после того как оставили нас на окраине города. Произошла стычка, затем началась погоня. Твари подстрелили лошадей прямо под цыганами.

Я знал, что твари убивают людей — мисс Королек говорила, что они уничтожают странных детей. Но жестокость, с которой были убиты эти животные, казалось, превзошла даже это зло. Час назад они были полны жизни, в их глазах светился ум, а тела играли мышцами и излучали тепло. Теперь, из-за проникновения в них нескольких кусочков металла, они

превратились в кучи холодного мяса. Этих гордых сильных животных застрелили и оставили на дороге, как мусор.

Я содрогнулся от ужаса, и в моей крови вскипел гнев. Мне также было стыдно, что я относился к лошадям так прохладно. Какой же я избалованный и неблагодарный мерзавец.

Соберись, — напомнил себе я. — Соберись!

Я спрашивал себя, где теперь находятся Бехир и его люди. Где его сын? Все, что я понимал, так это то, что твари собираются нас перестрелять. В этом я нисколько не сомневался. Эти самозванцы в солдатской форме сами были всего лишь животными, еще более чудовищными, чем подконтрольные им пустоты. Твари имели мозг, а значит, могли рассуждать. Но они использовали эту творческую возможность для разрушения мира. Для того чтобы превращать живые существа в трупы. И все ради чего? Ради того, чтобы *они сами* могли прожить чуть дольше? Чтобы заручиться еще большей властью над окружающим миром и обитающими в нем существами, до которых им не было дела.

Мне было безумно жаль бессмысленно убитых лошадей.

Но теперь они собирались пустить в расход нас. Они явно вели нас в поле, с тем чтобы допросить, а затем выбросить наши тела в канаву. И если Хью оказался достаточно глуп, чтобы пойти за нами... если пчела, летающая взад-вперед вдоль нашей вереницы, указывала на то, что он близко, его ожидало то же самое.

«Господи, спаси!» — взмолился я.

* * *

Мертвые лошади остались далеко позади, когда солдаты приказали нам свернуть на узкую проселочную дорогу, почти тропу всего лишь в несколько футов шириной. Солдатам, сопровождавшим нас на джипе, пришлось припарковать машину и конвоировать нас дальше пешком. Теперь один шел впереди, а два позади. По обе стороны от нас бушевали заросли трав и цветов, над которыми поднимался неумолчный гул насекомых.

Это было очень красивое место для смерти.

Спустя какое-то время вдалеке завиднелась хижина под соломенной крышей, стоявшая на краю поля. *Вот здесь они это и сделают,* — подумал я. — *Здесь они нас и убьют.*

Когда мы подошли ближе, открылась дверь, и из хижины вышел военный. Он был одет иначе, чем наши конвоиры. Вместо каски у него на голове красовалась офицерская фуражка с черным козырьком, и вместо винтовки он был вооружен револьвером, в данный момент находившимся в кобуре.

Этот явно был здесь за старшего.

Он стоял посреди тропы, наблюдая за нашим приближением с ослепительной белозубой улыбкой.

— Наконец-то мы встретились! — воскликнул он. — Вы заставили нас побегать, но я не сомневался в том, что в конце концов мы вас поймаем. Это был всего лишь вопрос времени!

У него было пухлое мальчишеское лицо и редкие волосы, такие светлые, почти белые. Казалось, его распирает какое-то странное перевозбуждение. Но, глядя на него, я видел перед собой омерзительное чудовище. *Животное. Убийца.*

— Входите, входите, — нараспев произнес офицер, открывая дверь хижины. — Вас уже ждут друзья.

Солдаты втокнули нас внутрь, но я успел заметить на рубашке главного ярлык с фамилией: УАЙТ. Как цвет.

Мистер Уайт. «Может, это шутка такая?» — подумал я. Все в нем казалось фальшивым, а больше всего это имя. [\[2\]](#)

Нас затолкали в угол хижины, единственная комната которой, напрочь лишенная мебели, оказалась заполненной народом. Бехир и его люди сидели на полу, прислонившись спинами к стене. Было видно, что с ними обошлись ужасно. Их тела были покрыты кровоподтеками и ранами, и они горбились, как люди, признавшие свое поражение. Но кое-кого, включая сына Бехира, здесь не хватало. Пленных охраняли два солдата, что означало, что весь конвой, включая мистера Уайта и тех тварей, которые доставили нас сюда, составляет шесть человек.

Бехир встретился со мной взглядом и мрачно кивнул. Его щеки были покрыты фиолетовыми кровоподтеками.

— *Простите,* — одними губами произнес он.

Мистер Уайт заметил, что мы переглядываемся, и подскочил к Бехиру.

— Ага! Вы узнаете этих детей?

— Нет, — ответил Бехир, глядя в пол.

— Нет? — Мистер Уайт притворился изумленным. — Но вы извиняетесь перед этим юношей. Вы должны его знать, если только у вас нет привычки извиняться перед незнакомцами.

— Это не те, кого вы ищете, — произнес Бехир.

— А я считаю иначе, — заявил мистер Уайт. — Я уверен, что это *именно* те дети, которых мы уже давно ищем. Более того, я уверен, что прошлую ночь они провели в вашем таборе.

— Я вам уже сказал, что вижу их впервые.

Мистер Уайт поцокал языком, как строгая школьная училка.

— Цыган, ты помнишь, что я пообещал сделать, если узнаю, что ты

мне лжешь? — Он вытащил из-за пояса нож и прижал его к щеке Бехира. — Вот именно. Я пообещал вырезать твой лживый язык и скормить его своей собаке. А я всегда исполняю обещания.

Бехир встретился взглядом с остекленевшими глазами мистера Уайта. Он не моргая в упор смотрел на него. Секунды тянулись невыносимо долго. Я не сводил глаз с ножа. Наконец мистер Уайт криво улыбнулся и выпрямился.

— Но, — бодрым голосом заявил он, — всему свое время. — Он обернулся к солдатам, которые привели нас сюда. — У кого из вас птица?

Солдаты переглянулись. Сначала покачал головой один, затем второй.

— Мы ее не видели, — ответил тот из них, который взял нас в плен на станции.

Улыбка сползла с лица мистера Уайта. Он встал на колени рядом с Бехиром.

— Ты говорил мне, что у них была птица, — прошипел он.

Бехир пожал плечами.

— У птиц есть крылья. Они прилетают и улетают.

Мистер Уайт быстро присел и ткнул Бехира ножом в бедро. Хладнокровно и молниеносно вонзил лезвие в ногу цыгана и тут же выхватил его. Бехир взвыл от неожиданности и боли и упал на бок, прижимая ладонь к ране, из которой уже хлестала кровь.

Гораций потерял сознание и по стене соскользнул на пол. Оливия ахнула и закрыла глаза.

— Ты солгал мне уже дважды, — произнес мистер Уайт, вытирая лезвие ножа носовым платком.

Все остальные стиснули зубы и прикусили языки, но я видел, что Эмма уже замышляет месть. Она сцепила руки за спиной и начала незаметно их разогревать.

Мистер Уайт бросил платок на пол, сунул кинжал обратно в ножны и, поднявшись на ноги, обернулся к нам. Он почти улыбался, а его глаза были широко раскрыты.

— Где ваша птица? — ровным голосом поинтересовался он, вопросительно приподняв брови.

Чем дружелюбнее он держался, тем сильнее тряслись у меня поджилки.

— Она улетела, — горько отозвалась Эмма. — Все было именно так, как сказал вам этот человек.

Лучше бы она ничего не говорила. Теперь я боялся, что он изберет объектом мести именно ее.

Мистер Уайт шагнул к Эмме и произнес:

— У нее было повреждено крыло. Еще вчера она была у вас. Она не могла улететь. — Он откашлялся. — Я повторяю свой вопрос.

— Она умерла, — вмешался я, — и мы бросили ее в реку.

Я надеялся, что мне удастся переключить его внимание на себя, и он забудет о том, что Эмма вообще раскрывала рот.

Мистер Уайт вздохнул. Его правая рука скользнула по кобуре пистолета, задержалась на рукояти ножа и наконец опустилась на медную пряжку ремня. Он понизил голос, как будто то, что он собирался произнести, предназначалось только для моих ушей.

— Я понял, в чем наша проблема. Вы считаете, что честностью со мной ничего не добиться и мы убьем вас в любом случае, что бы вы ни говорили. Вам следует знать, что это не так. Тем не менее честности ради я должен сообщить вам следующее: не следовало заставлять нас преследовать вас. Это было ошибкой. Все было бы гораздо проще, а теперь все очень *разгневаны*. Посудите сами, вы отняли у нас столько бесценного времени.

Он ткнул пальцем в сторону солдат.

— Видите этих людей? Им очень хочется причинить вам боль. Но я способен взглянуть на ситуацию с вашей точки зрения. Я прекрасно понимаю, почему вы убегали. Мы действительно очень страшные. Наша первая встреча на борту моей подводной лодки, к сожалению, оказалась совершенно недружелюбной. Более того, ваши имбрины десятилетиями отравляли вас лживой информацией о нас. Поэтому в вашем бегстве не было ничего удивительного или неожиданного. В свете всего вышесказанного я готов сделать для вас то, что мне самому кажется очень выгодным предложением. Если вы не хотите, чтобы мы делали вам больно, вы немедленно отведете нас к птице. В благодарность мы отправим вас в очень комфортабельное заведение, где за вами будут хорошо ухаживать. Вас будут каждый день кормить, у каждого будет собственная постель... Одним словом, ограничения будут минимальными, особенно по сравнению с этой дурацкой петлей, в которой вы все эти годы прятались.

Мистер Уайт посмотрел на своих людей и захохотал.

— Вы можете себе представить, что они провели последние семьдесят лет — я не ошибся? — на крохотном острове, снова и снова проживая один и тот же день? Ничего худшего я и представить себе не могу. Какой лагерь с этим сравнится? Было бы гораздо умнее сотрудничать с нами! — Он пожал плечами и снова обернулся к нам. — Но вами овладела гордость, адская гордость. Подумать только, ведь все эти годы мы могли бы вместе работать

на общее благо!

— Работать вместе с вами? — уточнила Эмма. — Вы на нас охотились! Подсылали к нам чудовищ, которые должны были нас убивать!

О, черт, — думал я. — Помолчи, прошу тебя.

Мистер Белая Тварь смотрел на нас с деланой грустью.

— Чудовищ? — спросил он. — Как обидно! Ведь вы говорите обо мне, знаете ли! Обо мне и обо всех моих людях до того, как мы эволюционировали. Но я попытаюсь не принимать ваших оскорблений близко к сердцу. Подростки редко бывают привлекательными, независимо от вида. — Он громко захлопал в ладоши, заставив меня вздрогнуть. — Ну а теперь за дело!

Он медленно обвел нас ледяным взглядом, как будто в поисках того из нас, кого будет легко сломать. Кто проявит слабость? Кто расскажет ему, где находится мисс Сапсан?

Наконец он сосредоточил все свое внимание на Горации. Тот уже пришел в себя, но продолжал дрожать, скорчившись на полу. Мистер Уайт решительно шагнул к нему. От звука его шагов Гораций съежился еще больше.

— Встань, мальчик.

Гораций не шелохнулся.

— Кто-нибудь, поднимите его, живо.

Солдат грубо дернул Горация за руку. Паренек сгорбился перед мистером Уайтом, уткнувшись взглядом в пол.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Го-го-Гораций...

— Что ж, Гораций, ты кажешься мне человеком, не лишенным здравого смысла. Так что именно *тебя* предоставлю право выбора...

Гораций робко приподнял голову.

— Выбора?..

Мистер Уайт снова извлек кинжал и ткнул им в сторону цыган.

— Ты выберешь, кого из этих людей я убью первым. Разумеется, если ты не захочешь сказать мне, где находится ваша имбрина. В этом случае никто не умрет.

Гораций плотно зажмурил глаза, как будто пытаясь просто исчезнуть.

— Или же, — продолжал мистер Уайт, — если ты сам никого не захочешь выбрать, я с удовольствием выберу кого-то для *тебя*. Тебя это больше устроит?

— Нет!

— Тогда *скажи мне!* — взревел мистер Уайт, оскалив сверкающие

белые зубы.

— Ничего не говорите им, *syndrigasti!* — закричал Бехир.

Один из солдат ударил его ногой в живот, и цыган, застонав, умолк.

Мистер Уайт протянул руку и схватил Горация за подбородок, пытаясь заставить его посмотреть прямо в его ужасные пустые глаза.

— Ты ведь скажешь мне, верно? Ты мне скажешь, а я не причиню тебе вреда.

— Да, — пробормотал Гораций, не открывая глаз.

— *Что*да?

Гораций судорожно вздохнул.

— Да, я вам скажу.

— Не смей! — закричала Эмма.

О боже, — подумал я. — Он ее выдаст. Он слишком слаб. Надо было оставить его в зверинце.

— Ш-ш-ш, — прошипел ему в ухо мистер Уайт. — Не слушай их. А теперь продолжай, сынок. Скажи мне, где эта птица?

— Она в ящике, — ответил Гораций.

Мистер Уайт сдвинул брови.

— В ящике? В каком ящике?

— В том же ящике, в котором была всегда, — упорствовал Гораций.

Офицер затряс Горация за нижнюю челюсть и заорал:

— В каком ящике?!

Гораций попытался что-то сказать, но тут же закрыл рот. Он судорожно сглотнул и выпрямился. Затем, широко открыв глаза, он пристально посмотрел в глаза твари.

— В ящике для панталон вашей матушки, — отчетливо произнес он и плюнул прямо в лицо мистеру Уайту.

Тот ударил Горация в висок рукоятью своего кинжала. Оливия закричала, а все остальные вздрогнули, как будто их тоже ударили. Гораций рухнул на пол, как мешок с картошкой. Из его карманов посыпалась мелочь и билеты.

— Что это? — спросил мистер Уайт, наклоняясь и всматриваясь в билеты.

— Я поймал их, когда они садились на поезд, — ответил арестовавший нас солдат.

— Почему ты говоришь мне об этом *сейчас*?

— Я думал... — Солдат замялся.

— Да ладно, — отмахнулся мистер Уайт. — Перехватить его. Немедленно.

— Сэр?

Мистер Белый посмотрел на билет, а затем на часы.

— Этот поезд долго стоит в Портмадоге. Если постараться, его можно нагнать. Прочеси весь состав, начиная с первого класса.

Солдат отдал ему честь и выскочил наружу.

Мистер Уайт обернулся к оставшимся в его распоряжении солдатам.

— Общайте всех остальных, — приказал он им. — Может, у них еще что-то интересное найдется. Будут сопротивляться, стреляйте.

Два солдата с винтовками прицелились в нас, а третий приступил к обыску. У большинства из нас в карманах не было вообще ничего, не считая крошек и катышков, но у Бронвин он нашел расческу, вырезанную из слоновой кости.

— Отдайте, пожалуйста, — взмолилась она, — это расческа моей мамы!

Но он только расхохотался и ответил:

— Почему же она не научила тебя ею пользоваться, мужеподобная девушка?

У Еноха обнаружился пакетик кладбищенской земли, который солдат открыл, понюхал и с отвращением отшвырнул в сторону. У меня в кармане он нашел мой разряженный сотовый телефон. Эмма увидела, как тот с громким стуком упал на пол, и пристально посмотрела на меня, явно удивляясь тому, что я его еще не выбросил. Гораций неподвижно лежал на полу, но понять, в самом ли деле он потерял сознание или притворяется, было невозможно. Затем наступила очередь Эммы. Не успел солдат к ней приблизиться, как она зарычала, продолжая держать руки за спиной:

— Прикоснись ко мне хоть одним пальцем, и я сожгу тебе всю руку!

— Пожалуйста, побереги свой огонь на потом! — воскликнул он и расхохотался: — Прости, сама напросилась.

— Я не шучу, — предостерегла его Эмма и показала ему ладони.

Они светились, как угли, и, стоя в трех футах от нее, я чувствовал исходящий от них жар.

Солдат попятился.

— Ого, какая горячая! — воскликнул он. — Люблю темпераментных женщин. Но только попробуй меня обжечь, и Кларк зашпаклюет твоими мозгами стену.

Солдат, на которого он кивнул, прижал ствол винтовки к голове Эммы. Девушка зажмурилась, часто и поверхностно дыша. Затем она опустила руки и снова спрятала их за спину. Ее буквально трясло от гнева.

Меня тоже.

— А теперь осторожно, — предостерег ее солдат. — Никаких резких движений.

Я стиснул кулаки, глядя, как он скользит ладонями вверх и вниз по ее ногам, а затем сует пальцы за вырез ее платья. Все это он проделывал нарочито медленно и с омерзительной похотливой усмешкой. Еще никогда в жизни я так остро не осознавал свою беспомощность. Даже в звериной клетке я чувствовал себя лучше.

— У нее ничего нет! — заорал я. — Оставь ее в покое!

На меня не обратили ни малейшего внимания.

— Она мне нравится, — произнес солдат, оборачиваясь к мистеру Уайту. — Думаю, ее надо немного придержать... в научных целях.

Мистер Уайт поморщился.

— Ты отвратительный тип, капрал. Но я согласен с тобой, это удивительная девушка. Я о тебе слышал, — обратился он к Эмме. — Я бы все отдал за возможность иметь такие способности, как у тебя. Жаль, что мы не можем закупорить твои руки в бутылку...

Мистер Уайт странно улыбнулся и снова перевел взгляд на солдата.

— Заканчивай, — приказал он. — У нас мало времени.

— С удовольствием, — отозвался солдат и выпрямился, одновременно проводя ладонями по груди Эммы.

То, что случилось вслед за этим, происходило как будто в замедленной съемке. Я увидел, что этот мерзкий развратник собирается наклониться и поцеловать Эмму. Я также видел, что сложенные за спиной руки девушки уже охвачены пламенем. Я понимал, к чему это приведет: как только его губы приблизятся к ее рту, она расплавит его лицо ладонями, не заботясь о риске получить пулю в голову. Для Эммы наступил переломный момент.

Для меня тоже.

Я напрягся, подготовившись к драке. Я был убежден в том, что наступили последние мгновения нашей жизни, но намеревался прожить их на своих собственных условиях. Я решил, что если нам суждено умереть, то мы непременно прихватим с собой и несколько тварей.

Солдат обнял Эмму за талию. Ей в лоб продолжало упираться дуло винтовки. Она в ответ налегла на него головой, как будто провоцируя солдата на выстрел. Ее сложенные за спиной руки начали раздвигаться, а раскаленные добела пальцы были обведены по контуру языками пламени.

Ну, началось...

Вдруг — БА-БАХ!

Выстрел прозвучал так резко и неожиданно, что на мгновение у меня потемнело в глазах. Когда ко мне вернулось зрение, я увидел, что Эмма

продолжает стоять, и ее голова по-прежнему цела. Винтовка, несколько минут назад смотревшая ей в лоб, теперь опущена, а солдат, который намеревался ее поцеловать, отстранился и развернулся к окну.

Выстрел раздался снаружи.

Все нервные окончания в моем теле занемели, звеня адреналином.

— Что это было? — воскликнул мистер Уайт, бросаясь к окну.

Через его плечо я увидел солдата, которому было поручено перехватить поезд. Но он все еще стоял неподалеку от хижины по пояс в цветах. Его спина была обращена к нам, и он целился куда-то вдаль.

Мистер Уайт сунул руку сквозь решетку, которой было забрано окно, и распахнул раму.

— Ты в кого стреляешь, черт тебя подери? — заорал он. — И почему ты еще здесь?

Солдат не двинулся с места. Он молчал. Над полем стоял гул насекомых, и несколько секунд мы только этот гул и слышали.

— Капрал Браун! — взревел Уайт.

Солдат медленно повернулся. Было видно, что он едва держится на ногах. Винтовка выскользнула у него из рук и упала в траву. Он сделал несколько неверных шагов вперед.

Мистер Уайт выхватил из кобуры револьвер и прицелился в Брауна.

— Скажи что-нибудь, черт возьми!

Браун открыл рот и попытался заговорить. Но вместо голоса из его рта раздался странный жужжащий звук. Он эхом откликнулся у него в животе, имитируя гул, разносящийся над всем полем.

Это жужжали пчелы. Сотни, тысячи пчел. А затем появились и они сами. Сначала всего несколько насекомых выползло на его приоткрытые губы. А затем его телом как будто завладела какая-то неподконтрольная ему сила: плечи ушли назад, грудь выпятилась вперед, а челюсти широко распахнулись. Из его настежь открытого рта ударил такой невероятно плотный поток пчел, что, казалось, это какой-то упругий предмет. У него в горле будто разматывался толстый и бесконечно длинный шланг насекомых.

Мистер Уайт в ужасе и растерянности попятился от окна.

За окном в поле Браун рухнул на землю, окруженный тучами жалящих насекомых. Когда его тело упало, оказалось, что за его спиной стоит другой человек.

Это был мальчик.

Хью.

Он стоял, вызывающе глядя в окно. Насекомые роились вокруг него

огромной вращающейся сферой. Ими было заполнено все поле. Тут были медоносные пчелы и шершни, осы и журчалки, а также множество других жалящих насекомых, которых я никогда в жизни не видел. И все эти насекомые подчинялись Хью.

Мистер Уайт поднял револьвер и начал стрелять. Он опустошил весь барабан.

Хью опустился на землю, исчезнув в траве. Я не знал, упал ли он или просто присел. Тут к окну подбежали еще три солдата.

— Пожалуйста, не убивайте его! — крикнула Бронвин.

Не обращая на нее внимания, они изрешетили поле пулями, оглушив нас грохотом стрельбы.

И тут пчелы появились в комнате. Их было не больше дюжины, но они были разъярены.

— Закройте окно! — взвизгнул Уайт, отчаянно размахивая руками.

Один из солдат захлопнул раму. Твари начали гоняться за влетевшими в комнату насекомыми, пытаясь их прищелкнуть. Пока они этим занимались, снаружи продолжали собираться пчелы. Они повисли на окне огромным шевелящимся одеялом. Их было так много, что, к тому времени как мистер Уайт и его люди покончили с пчелами внутри, те, которые остались снаружи, уже почти полностью заслонили собой солнце.

Солдаты сбились в кучу посреди комнаты спиной к спине, оцетинившись винтовками, как дикобраз иглами. В хижине было жарко и темно. Жутковато странный гул миллиона обезумевших пчел эхом отдавался у нас в ушах.

— Заставьте их отступить! — закричал мистер Уайт срывающимся голосом, в котором звенело отчаяние.

Как будто это мог сделать кто-то, кроме Хью... если он все еще был жив.

— Я сделаю вам другое предложение, — подал голос Бехир. Он поднялся на ноги, подтягиваясь на решетке окна. Его силуэт четко вырисовывался на фоне темного стекла. — Опустите оружие, или я открою окно.

Мистер Уайт резко развернулся к нему.

— Даже цыган не способен на такой идиотский поступок.

— Вы слишком хорошо о нас думаете, — отозвался Бехир, берясь за ручку окна. Солдаты подняли винтовки.

— Давайте, — произнес Бехир, — стреляйте.

— Не делайте этого, вы разобьете стекло! — закричал мистер Уайт. — Схватить его!

Солдаты отшвырнули винтовки и бросились на Бехира, но он уже ударил кулаком по стеклу.

От этого удара все окно вылетело наружу. В комнату хлынули пчелы, и в хижине воцарился хаос — крики, стрельба, толкотня. Впрочем, все это заглушал рев насекомых, который, казалось, заполнил не только мои уши, но и вторгся во все поры моего тела.

Солдаты, отпихивая друг друга, рвались к двери. Справа от меня Бронвин толкнула Оливию на пол и накрыла ее своим телом.

— Ложись! — закричала Эмма, и мы упали рядом.

Пчелы ползали по коже и запутывались у меня в волосах. Я ожидал смерти. Пчелы покрывали все открытые участки моего тела, и, если бы им вздумалось меня жалить, у моей нервной системы не было бы ни малейших шансов выдержать эту яростную атаку.

Кто-то распахнул дверь, и в хижину ворвался свет. Чьи-то ботинки загрохотали по полу. Не меньше дюжины ботинок.

Стало очень тихо. Я медленно поднял голову.

Пчелы исчезли. Солдаты тоже.

И тут снаружи донесся хор перепуганных голосов. Я вскочил на ноги и ринулся к разбитому окну, возле которого уже толпились цыгане и мои товарищи.

Сначала я вообще не увидел солдат. В пятидесяти футах от дома вращался огромный шар из насекомых. Он был таким плотным, что казался почти черным. Вопли доносились изнутри этого шара.

Постепенно крики стихли. Когда все закончилось, туча пчел начала редеть, обнаруживая нашим взглядам тела мистера Уайта и его людей. Они тесной группой лежали в поле. Казалось, они умерли. Возможно, так и было.

Уже через двадцать секунд их маленькие убийцы снова разлетелись по всему полю, и чудовищный гул затих. В их отсутствие вокруг воцарилось странное буколическое спокойствие, как будто в этот самый обычный летний день не произошло ничего особенного.

Эмма сосчитала на пальцах тела солдат.

— Шестеро, — подвела она итог. — Это все. С ними покончено.

Я обнял ее обеими руками, дрожа от благодарности и изумления.

— Кто из вас пострадал? — спросила Бронвин, лихорадочно озираясь вокруг.

Последние несколько мгновений были сплошным безумием — бесчисленные пчелы и стрельба в темноте. Мы начали осматривать себя в поисках пулевых ранений. Гораций был оглушен, но находился в сознании, только по его виску стекала струйка крови. Резаная рана на бедре Бехира оказалась довольно глубокой, но не представляла собой особой опасности. Все остальные были перепуганы, но целы. Каким-то чудом ни у кого из нас не оказалось пчелиных укусов.

— Когда вы разбили окно, — обернулся я к Бехиру, — откуда вы знали, что пчелы не нападут на нас?

— Я этого не знал, — покачал головой он. — К счастью, способности вашего друга очень сильны.

Нашего друга...

Эмма резко отстранилась от меня.

— О боже! — воскликнула она. — Хью!

В суматохе мы совершенно забыли о нем. А он, наверное, уже истекал

кровью, лежа где-то в высокой траве. Мы рванулись к двери, но в это мгновение он преградил нам путь, появившись в дверном проеме. Одежда Хью была грязной и покрытой зелеными пятнами от травы, но сам он улыбался.

— Хью! — воскликнула Оливия, бросаясь к нему. — Ты жив!

— Конечно жив! — радостно подтвердил он. — А у вас все целы?

— Благодаря тебе — да! — сообщила ему Бронвин. — Гип-гип ура!

— Хью, ты спас нас в последний момент! — сообщил ему Гораций.

— Где я представляю собой смертельную опасность, так это посреди цветущего поля, — кивнул Хью, наслаждаясь всеобщим вниманием.

— Приношу извинения за все те случаи, когда я насмеялся над твоими способностями, — произнес Енох. — Не так уж они и бесполезны.

— И в придачу, — добавил Миллард, — я хотел бы похвалить Хью за то, что он все сделал так своевременно. Я серьезно... Если бы ты появился на несколько секунд позже...

Хью рассказал, что на станции ему удалось ускользнуть, как я и думал, спрятавшись между поездом и платформой. Он послал одну из своих пчел за нами, что позволило ему держаться на почтительном расстоянии.

— После этого мне оставалось только подобрать подходящий момент для атаки, — гордо заявил он, как будто был уверен в победе с того момента, когда решил нас спасти.

— А если бы ты не оказался совершенно случайно посреди поля, битком набитого пчелами? — поинтересовался Енох.

Хью сунул руку в карман и поднял вверх яйцо странных кур, которое он осторожно сжимал двумя пальцами.

— План Б, — заявил Хью.

Бехир, хромая, подошел к Хью и пожал ему руку.

— Мы обязаны вам своими жизнями, молодой человек, — произнес он.

— А где ваш странный сын? — спросил у него Миллард.

— К счастью, ему удалось бежать вместе с двумя моими людьми. Сегодня мы потеряли трех изумительных животных, но все люди остались живы. — Бехир поклонился Хью, и на мгновение мне почудилось, что он хочет поцеловать ему руку. — Вы должны позволить нам отблагодарить вас.

Хью покраснел.

— Не стоит, уверяю вас...

— К тому же у нас нет времени, — заявила Эмма, выталкивая Хью за дверь. — Мы должны успеть на поезд!

Те из нас, кто только сейчас понял, что мисс Сапсан с нами больше нет, побледнели.

— Мы возьмем их джип, — заявил Миллард. — Если нам повезет и если эта тварь не ошибалась, мы сможем перехватить поезд во время стоянки в Портмадоге.

— Я знаю короткую дорогу, — предложил Бехир и принялся носком ботинка рисовать на земле простую карту.

Мы поблагодарили цыган.

— Простите, — обратился я к Бехиру. — Мне очень жаль, что мы доставили вам столько проблем.

В ответ он только громко расхохотался и махнул рукой, предлагая нам поскорее отправиться в путь.

— Мы еще встретимся, *syndrigasti*, — заявил он. — Я в этом уверен!

Мы втиснулись в джип тварей. Восемь детей в автомобиле, рассчитанном на троих, напоминали сельдей в банке. Я сел за руль, будучи единственным из всей компании, кому приходилось водить машину, но долго не мог понять, как эта чертова штуковина заводится. Наконец выяснилось, что вместо ключа в ней используется кнопка на полу, но встала проблема переключения скоростей. Я водил машину с ручной коробкой передач всего несколько раз, и при этом на пассажирском сиденье неизменно сидел отец, руководивший всеми моими действиями. Несмотря ни на что, спустя пару минут мы тронулись с места. Пусть несколько неуверенно, но все же мы начали продвигаться к своей цели.

Выжимая педаль газа, я ехал так быстро, как только соглашался двигаться перегруженный джип. Тем временем Миллард выкрикивал указания относительно маршрута, а все остальные пытались не вывалиться на дорогу. Двадцать минут спустя мы въехали в Портмадог и, мчась по главной улице к станции, услышали свисток паровоза. Визжа тормозами, мы остановились у вокзала и выскочили из джипа. Я даже не успел заглушить двигатель. Мы промчались по платформе со скоростью гепарда, преследующего газель, и запрыгнули в последний вагон, когда поезд уже тронулся с места.

Мы стояли, согнувшись пополам и пытаясь отдышаться, а остальные пассажиры пытались скрыть свое изумление и любопытство. Могу себе представить, в какой шок их повергло внезапное появление толпы потных, грязных и встрепанных детей.

— Мы его догнали, — пыхтела Эмма. — Неужели мы его догнали!

— Неужели я вел машину с ручной коробкой? — вторил ей я.

Появился кондуктор.

— Вы вернулись, — досадливо произнес он. — Надеюсь, билеты до сих пор при вас?

Гораций выудил из кармана пачку билетов.

— Пройдите в свой вагон, — пригласил нас кондуктор.

— Наш чемодан! — воскликнула Бронвин, вцепившись в его локоть. — Он все еще здесь?

— Я попытался отнести его в камеру забытых вещей, — сообщил ей кондуктор, высвобождая руку. — У меня не вышло даже сдвинуть его с места.

Мы переходили из вагона в вагон, пока не добрались до первого класса, где увидели чемодан Бронвин на том же месте, куда она его поставила. Она бросилась к нему и, расстегнув защелки, распахнула крышку.

Мисс Сапсан внутри не было.

У меня едва не остановилось сердце.

— Моя птица! — закричала Бронвин. — Где моя птица?!

— Успокойтесь, она здесь, — произнес кондуктор, показывая куда-то вверх.

Мисс Сапсан крепко спала, сидя на багажной полке.

От облегчения Бронвин едва не упала в обморок. Чтобы удержаться на ногах, она прислонилась к стене.

— Как она туда попала?

Проводник приподнял бровь.

— Эта игрушка совсем как живая. — Он повернулся и пошел к двери, но вдруг остановился и поинтересовался: — Вы не подскажете, где такую купить? Моей дочке она бы очень понравилась.

— Боюсь, что таких больше нет, — ответила Бронвин.

Сняв мисс Сапсан с полки, она прижала ее к груди.

* * *

После всего, через что нам пришлось пройти в последние несколько дней, не говоря уже о последних часах, роскошь вагона первого класса с его мягкими плюшевыми диванами, обеденным столом и большими панорамными окнами стала настоящим потрясением. Он напоминал гостиную в богатом доме, и он был в нашем полном распоряжении.

Мы по очереди умылись в обшитой деревянными панелями ванной комнате, а затем взяли за меню.

— Заказывайте все, что хотите, — заявил Енох, снимая трубку телефона, закрепленного на подлокотнике откидывающегося кресла.

— Алло, у вас есть паштет из гусиной печени? Несите весь. Да, да, все, что у вас есть. И поджаренный хлеб.

Никто не говорил о том, что с нами произошло. Потрясение было слишком велико, и нам хотелось прийти в себя и хотя бы на время обо всем забыть. Нам нужно было еще сделать так много, и впереди нас наверняка ждали новые опасности.

Мы расположились на диванах, предвкушая приятное путешествие. За окнами мелькали последние приземистые домики Портмадога. За окружающими город холмами серой громадой вздымалась гора мисс Королек. Постепенно мои спутники разговорились, но я сидел, приклеившись к окну, не в силах оторваться от созерцания 1940-го года в его полноте и неизбежности. До сих пор он занимал в моем сознании территорию крохотного острова, которую я мог в любой момент покинуть по своему желанию. Для этого было достаточно пройти через темное чрево Кэрнхолмской пещеры. Но с тех пор как я покинул остров, этот год превратился в мир, в целый мир заболоченных лесов, окутанных дымом городов и долин, рассеченных серебристыми реками. Все люди и вещи в этом мире казались мне старыми, хотя по существу таковыми не являлись. Они напоминали декорации и актеров в каком-то историческом фильме, тщательно срежиссированном, но тем не менее лишенном определенного сюжета. Все это мелькало сейчас за окном поезда, как фантастический и бесконечный сон.

Я засыпал и просыпался, засыпал и просыпался. Ритмичный стук колес гипнотизировал меня, погружая в дремотное состояние, в котором было очень легко забыть о том, что в этом мире я не просто пассивный наблюдатель, а окно — не киноэкран. Все, что находилось за окном, было не менее реальным, чем то, что окружало меня в вагоне. Медленно, но верно я припоминал, как стал частью этого мира. Мой дедушка, остров, странные дети... Хорошенькая девушка с серыми глазами, которая сидела рядом со мной, накрыв ладонью мои пальцы.

— Я действительно здесь? — спросил я у нее.

— Спи, Джейкоб, — ответила она.

— Ты думаешь, что все будет хорошо?

Она поцеловала меня в кончик носа.

— Спи.

Глава седьмая

Кошмарные сны из переходящих друг в друга видений. Обрывки ужасов последних дней: стальной глаз дула пистолета, упирающегося мне чуть ли не в лоб, дорога, заваленная мертвыми лошадьми, языки пуст о ты, устремившиеся ко мне над бездной, жуткая ухмылка твари с пустыми глазами.

А потом я вернулся домой, но я — привидение. Я плыву по своей улице и через входную дверь всплываю в свой дом. За кухонным столом спит сидя мой отец. Он прижимает к груди телефонную трубку.

Я не умер, — говорю ему я. Но мои слова совершенно беззвучны.

На краю своей кровати сидит моя мать в ночной сорочке. Она безжизненно смотрит в окно на бесцветный полдень. Ее лицо осунулось, а глаза опухли от слез. Я протягиваю руку, чтобы коснуться ее плеча, но рука проходит сквозь ее тело.

И вот я стою на своих собственных похоронах. Лежа в могиле, я смотрю вверх, на прямоугольник серого неба.

Три моих дяди смотрят на меня сверху вниз. Их толстые шеи выпирают над накрахмаленными белыми воротничками.

Дядя Лес: Какая жалость. Верно?

Дядя Джек: Сейчас тебя должны волновать чувства Фрэнка и Марианны.

Дядя Лес: Ну да. Что подумают люди?

Дядя Бобби: Они подумают, что у парня были не все дома. И будут правы.

Дядя Джек: Честно говоря, я всегда это знал. То, что он рано или поздно отколет что-нибудь в этом роде. Что-то в нем такое было. Совсем чуть-чуть...

Дядя Бобби: Чуть-чуть он был не в себе.

Дядя Лес: Это у него по отцовской линии, не от нас.

Дядя Джек: И все-таки это ужасно.

Дядя Бобби: Ну да.

Дядя Джек: ...

Дядя Лес: ...

Дядя Бобби: Перекусим?

Дядья уходят. Их место занимает Рики, зеленые волосы которого по этому поводу тщательно поставлены дыбом.

Братишка. Раз уж ты умер, можно я возьму себе твой велик?

Я пытаюсь крикнуть: Я не умер!

Я просто очень далеко.

Простите.

Но слова эхом возвращаются ко мне, запертые в ловушке моей собственной головы.

Священник смотрит на меня. Это Голан. Он одет в сутану и держит в руках Библию. Он ухмыляется.

Мы ждем тебя, Джейкоб.

На меня сыплется земля.

Мы ждем.

* * *

Внезапно я проснулся и резко выпрямился, ощущая, как у меня все пересохло во рту. Эмма сидела рядом, положив руки мне на плечи.

— Джейкоб! Слава Богу... Ты нас напугал!

— Правда?

— Тебе снился кошмар, — ответил Миллард. Он сидел напротив нас — пустой костюм, который кто-то усадил на диван. — И ты разговаривал во сне.

— Правда?

Эмма промокнула пот с моего лба одной из предоставляемых в вагонах первого класса салфеток. (Настоящая ткань!)

— Правда, — подтвердила она. — Но это была сплошная тарабарщина. Я не поняла ни слова.

Я смущенно огляделся вокруг, но, похоже, этого больше никто не заметил. Все остальные разбрелись по вагону. Одни дремали, другие грезили, уставившись в окно, некоторые играли в карты.

Я искренне надеялся, что не схожу с ума.

— Тебе часто снятся кошмары? — спросил Миллард. — Тебе стоило бы рассказать о них Горацию. Он умеет выискивать в снах всякие скрытые значения.

Эмма потерла мое плечо.

— С тобой точно все в порядке?

— Да, все хорошо, — отозвался я и, поскольку не люблю, когда вокруг меня суетятся, сменил тему разговора. У Милларда на коленях была открыта наша книга — «Истории о странном и неизведанном» — и я

поинтересовался: — Решил почитать?

— Позаниматься, — поправил меня он. — Подумать только! Когда-то я считал это сказками для детей! Но на самом деле они на удивление сложны, я бы даже сказал, хитроумны в способах сокрытия тайной информации о странном мире. Думаю, у меня уйдут годы на то, чтобы все их расшифровать.

— Но какой с этого теперь толк? — спросила Эмма. — Какая польза от петель, если в них способны прорываться пустоты? Даже самые засекреченные из них со временем будут взломаны.

— Возможно, им удалось взломать только одну петлю? — с надеждой поинтересовался я. — Возможно, пуст **о** та в петле мисс Королек была с отклонениями?

— Странная пуст **о** та! — воскликнул Миллард. — Это забавная идея, но нет. Это не было случайностью. Я уверен, что эти «усиленные» пустоты являются неотъемлемой частью плана нападения на наши петли.

— Но как? — спросила Эмма. — Что такого изменилось в пустотах, что позволяет им теперь проникать в петли?

— Я много об этом думал, — произнес Миллард. — Мы мало что знаем о пустотах, поскольку у нас не было возможности изучить их поведение в контролируемом окружении. Но считается, что им, подобно нормальным людям, недостает чего-то, чем обладаем мы с тобой и все остальные в этом вагоне. Это некая неотъемлемая особенность, позволяющая нам взаимодействовать с петлями, соединяться с ними и становиться их частью.

— Что-то вроде ключа, — кивнул я.

— Что-то в этом роде, — согласился Миллард. — Существует мнение, что, подобно крови или спинномозговой жидкости, наша странность имеет вполне физические характеристики. Находятся и такие, кто считает, что она находится внутри нас, но является неосязаемой. Некая вторая душа.

— Ух ты, — оживился я.

Мне понравилась идея о том, что странности — это не изъян или недостаток, а напротив, дополнительные свойства. Это не нам недоставало чего-то присущего нормальным людям. Это они были лишены наших особенных качеств. То есть природа вовсе не обделила нас, а напротив, наделила с избытком.

— Терпеть не могу всю эту ерунду, — заявила Эмма. — От этой идеи о том, что вторую душу можно поймать и посадить в банку, у меня по спине мороз ползет.

— Тем не менее это пытаются сделать на протяжении многих лет, —

сообщил ей Миллард. — Ты помнишь, Эмма, что тебе сказала эта тварь? Жаль, что я не могу укупорить в бутылку то, что у тебя есть... или что-то в этом роде.

Эмма содрогнулась.

— Не напоминай.

— Существует теория, которая гласит, что если суть наших отличий от других людей можно было бы выделить и каким-то образом словить... в бутылку, как он сказал, или, что более вероятно, в чашку Петри, то, возможно, эту самую суть можно было бы передавать от одного человека к другому. Если бы это оказалось возможным, представьте себе черный рынок странных душ, который возник бы среди непереборчивых богатеев? Такие особенности, как твоя искра или сила Бронвин, продавались бы тому, кто подороже заплатит!

— Это отвратительно, — передернувшись, сообщил ему я.

— Большинство странных людей разделяет твоё мнение, — хмыкнул Миллард. — Именно поэтому подобные исследования были запрещены ещё много лет назад.

— Как будто твари когда-то соблюдали законы, — пожала плечами Эмма.

— Но мне эта идея вообще кажется безумной, — произнес я. — Мне кажется, что она все равно не сработала бы, верно?

— Я тоже так думал, — снова пожал плечами Миллард. — Во всяком случае, до сегодняшнего дня. Сейчас я уже начинаю сомневаться.

— Из-за пуст *o* ты в петле зверинца?

— Вот именно. До вчерашнего дня я вообще не был уверен, что верю во «вторую душу». По-моему, существует только один убедительный аргумент в пользу её существования. Когда пуст *o* та поглощает достаточное количество странных людей, она перевоплощается в совершенно другое существо и становится способна блуждать по петлям.

— Она становится тварью, — вспомнил я.

— Вот именно, — кивнул Миллард. — Но только в том случае, если она проглотила *странного* человека. Сколько бы нормальных людей она ни сожрала, это никогда не превратит её в тварь. А значит, у нас есть кое-что, чего не хватает нормальным людям.

— Но та пуст *o* та в зверинце не стала тварью, — заметила Эмма. — Она стала пуст *o* той, способной проникать в петли.

— Что наводит меня на мысль о том, что твари уже начали переделывать природу, — кивнул Миллард. — Посредством переноса странных душ.

— Я не хочу и думать об этом, — заявила Эмма. — Давайте поговорим о чем-то другом. Пожалуйста!

— Но где они могут заполучить эти души? — спросил я. — И каким образом?

— Все, с меня хватит! Я буду сидеть где-нибудь в другом месте.

Эмма вскочила и ушла в другой конец вагона.

Мы с Миллардом какое-то время молчали. У меня перед глазами продолжала стоять картинка, на которой я лежал, пристегнутый к столу, а кучка злодеев-врачей стояла, склонившись надо мной в попытке изъять у меня душу. Как они собирались это делать? Иглой? Ножом?

Чтобы избавиться от этих ужасающих мыслей, я снова попытался сменить тему разговора.

— Как так вообще получилось, что мы стали странными? — спросил я.

— Наверняка этого не знает никто, — ответил Миллард. — Впрочем, существуют легенды.

— Например?

— Некоторые считают, что мы произошли от горстки странных людей, живших на земле в незапамятные времена, — произнес он. — Они были очень могущественными... и огромными, как тот каменный великан, которого мы видели в озере.

— Почему же мы теперь такие маленькие, — не унимался я, — если раньше были гигантами?

— Легенда гласит, что с годами, по мере того как нас становилось больше, наше могущество ослабевало. Становясь слабее, мы уменьшались и в размерах.

— Во все это довольно сложно поверить, — покачал я головой. — Я чувствую себя приблизительно таким же могущественным, как муравей.

— На самом деле относительно своего размера муравьи очень сильные.

— Ты понимаешь, о чем я. Что на самом деле интересно, так это почему я. Я никогда не хотел быть странным. Кто решил это за меня?

Это был риторический вопрос, и я не ожидал получить на него ответ. Но Миллард все равно мне ответил.

— Цитируя знаменитого странного человека, скажу: «В основе любой загадки природы лежит другая загадка».

— Кто это сказал?

— Мы знаем его как Перплексуса Аномалуса. Скорее всего, это вымышленное имя, под которым скрывался великий философ и мыслитель.

Перплексус также был картографом. Около тысячи лет назад он нарисовал самое первое издание Карты Дней.

Я усмехнулся.

— Иногда ты вещаешь совсем как учитель. Тебе об этом кто-нибудь говорил?

— Говорят все время, — отозвался Миллард. — Мне хотелось бы попробовать себя в роли учителя. Если бы только я не родился вот таким...

— Ты стал бы отличным учителем.

— Спасибо, — ответил Миллард и притих. В воцарившейся тишине я чувствовал, как он мечтает о том, чему не суждено было сбыться. Спустя какое-то время он снова заговорил: — Не подумай, что мне не нравится быть невидимым. Нравится. Джейкоб, я действительно доволен тем, что я странный. Это сама суть того, что я из себя представляю. Но бывают дни, когда мне очень хочется выключить эту свою странность.

— Я понимаю, о чем ты, — ответил ему я.

Но, разумеется, ничего я не понимал. Моя странность создавала мне определенные затруднения, но, по крайней мере, она не изгоняла меня из общества.

Дверь в наше купе открылась. Миллард быстро накинул капюшон, чтобы скрыть лицо, или точнее, явное его отсутствие.

В дверях стояла молодая женщина. Она была одета в униформу и держала коробку с товарами.

— Сигареты? — предложила она. — Шоколад?

— Спасибо, не надо, — ответил я.

Она посмотрела на меня.

— Вы американец?

— Боюсь, что да.

Она наградила меня сочувственной улыбкой.

— Надеюсь, ваша поездка будет приятной. Вы выбрали не самое лучшее время для посещения Британии.

Я засмеялся.

— Да, я в курсе.

Она вышла. Миллард немного повернулся, чтобы проводить ее взглядом.

— Хорошенькая, — отрешенным голосом прокомментировал он.

Мне пришло в голову, что он уже много лет не видел девушек, не считая тех немногих, что жили на Кэрнхолме. Но в любом случае у такого, как он, не было ни единого шанса завязать отношения с нормальной девушкой.

— Не смотри на меня так, — прервал он ход моих мыслей.
Я и не догадывался, что смотрю на него каким-то особенным образом.
— Как?
— Как будто ты за меня переживаешь.
— Я не переживаю, — возразил я.
Но это было неправдой.

Миллард встал с дивана, снял пальто и исчез. После этого я еще долго его не видел.

* * *

Часы тянулись медленно, и дети занимали их тем, что рассказывали друг другу истории. В основном это были истории о знаменитых странных людях и о мисс Сапсан в те волнующие первые дни существования ее петли. Постепенно они переключились на свои собственные истории. Некоторые из них я уже слышал — например, историю о том, как Енох воскрешал мертвецов в похоронном бюро своего отца, или как Бронвин в нежном десятилетнем возрасте совершенно нечаянно сломала шею своему отчиму-дебоширу. Но некоторых рассказов я еще не слышал. Потому как, несмотря на то что эти дети были довольно старыми, в воспоминания они ударялись редко.

Гораций начал видеть свои сны, когда ему было всего шесть лет. Но только два года спустя он осознал, что они пророческие или что-то в этом роде. Однажды ночью он увидел сон о катастрофе «Луизитании», а на следующий день услышал сообщение о гибели судна в выпуске новостей по радио. Хью с юного возраста любил мед больше любой другой еды, а когда ему было пять лет, он начал поедать и соты, причем так жадно, что, впервые проглотив пчелу, даже не заметил этого, пока не почувствовал, как она жужжит у него в желудке.

— Мне показалось, что она совершенно ничего не имеет против того, чтобы там пожить, — сообщил Хью, — поэтому я просто пожал плечами и продолжил есть соты с медом. Очень скоро во мне поселился целый рой.

Когда пчелам необходимо было заняться опылением, он разыскивал для них цветущее поле. Именно так он и нашел Фиону, которая спала среди цветов.

Хью поведал нам и ее историю. Фиона была беженкой из Ирландии. Во время голода 1840-го года она выращивала еду для жителей своей деревни, пока ее не обвинили в колдовстве и не выгнали. Все это Хью

сумел выяснить из тонкого, невербального общения с Фионой, которая, по его словам, не говорила не потому, что не могла, но потому, что «то, чему она стала свидетелем во время голода, было настолько ужасно, что похитило ее голос».

Настала очередь Эммы, которая не проявила ни малейшего желания рассказывать свою историю.

— Но почему? — заныла Оливия. — Эмма, расскажи нам, как и когда ты узнала, что ты странная.

— Это все было так давно, что уже не имеет никакого значения, — отмахнулась Эмма. — А нам сейчас важнее думать о будущем, а не о прошлом.

— Кто-то ведет себя, как вредина, — проворчала Оливия.

Эмма встала и снова ушла в дальний конец вагона, где ее никто не мог побеспокоить. Я выждал пару минут, чтобы у нее не возникло ощущения, что ее преследуют, а потом подошел и сел рядом с ней. При виде меня она закрылась газетой и сделала вид, что читает.

— Потому, что я не хочу об этом говорить, вот почему! — произнесла она из-за газеты.

— Я ни о чем тебя не спрашивал.

— Я знаю, но ты собирался это сделать, так что я избавила тебя от этой необходимости.

— Чтобы все было по-честному, я сначала расскажу тебе кое-что о себе.

Это ее заинтриговало, и над краем газеты показались ее глаза.

— Разве есть что-то, чего я о тебе не знаю?

— Ха, ты вообще ничего обо мне не знаешь, — ответил я.

— Ну хорошо, тогда сообщи мне три факта, которых я о тебе не знаю. Но только мрачные тайны, пожалуйста. Я тебя слушаю.

Я принялся ломать голову в поисках любопытных фактов о себе, но сумел вспомнить только те, рассказывать о которых мне было стыдно.

— Вот тебе первый факт. Когда я был маленьким, я очень болезненно реагировал на насилие по телевизору. Я не понимал, что все это не настоящее. Даже если это был всего лишь мультфильм о том, как мышь бьет кота, я пугался и начинал плакать.

Ее газета снова поползла вниз.

— Бедняжка! — протянула она. — Зато теперь ты пронзаешь глаза отвратительных монстров!

— Второй факт, — продолжал я. — Я родился на Хэллоуин, и, пока мне не исполнилось восемь лет, родители убеждали меня в том, что

конфеты, которыми меня угощали люди, когда я стучал им в дверь, на самом деле являются подарками на день рождения.

— Гм-м-м, — ответила Эмма, опуская газету еще ниже. — Этот секрет трудно назвать темным и мрачным. Но ты продолжай.

— Третий факт. Когда мы с тобой познакомились, я был убежден, что ты перережешь мне горло. Но как бы страшно мне ни было, тихий внутренний голос шептал: *Если это лицо станет последним, что ты увидишь в этой жизни, по крайней мере, оно красивое.*

Она уронила газету на колени.

— Джейкоб, это... — Она посмотрела на пол, затем в окно, после чего снова перевела взгляд на меня. — Как это мило с твоей стороны.

— Это правда, — кивнул я и скользнул ладонью по сиденью, накрыв ее пальцы. — Ну хорошо, теперь твоя очередь.

— Пойми, я ничего не пытаюсь от тебя скрыть. Просто эти заплесневелые истории заставляют меня снова ощутить себя десятилетней девочкой, которую никто в мире не любит. Это ощущение никогда меня не покидает, сколько бы волшебных летних дней ни отделяло меня от тех событий.

Спустя столько лет ее обида все еще была свежа. Она слышалась в ее голосе и светилась в ее глазах.

— Я хочу тебя узнать, — настаивал я. — Кто ты, откуда ты. Вот и все.

Она смущенно заерзала на диване.

— Я никогда не рассказывала тебе о своих родителях?

— Все, что мне известно, я узнал от Голана той ночью в леднике. Он сказал, что тебя отдали артистам бродячего цирка.

— Это было не совсем так. — Она сползла вниз по сиденью, а ее голос понизился до шепота. — Думаю, что тебе лучше узнать правду, чем верить всяким слухам и домыслам. Так что слушай.

Мои способности начали проявляться, когда мне было десять лет. Я постоянно поджигала свою постель во сне, пока родители не забрали у меня все простыни и не заставили спать на голой металлической кровати в голой комнате, где не осталось ни одного воспламеняющегося предмета. Они считали меня пироманьяком и лгуньей. И то, что сама я ни разу не обожглась, убеждало их в собственной правоте. Но я *не могла* обжечься, хотя тогда и сама этого не знала. Мне было десять лет, и я вообще ничего ни о чем не знала! Это очень страшно, когда тебе десять лет и у тебя проявляются способности, которых ты не понимаешь. Хотя подобный страх испытывают практически все странные дети, потому что лишь немногие из нас рождаются у странных родителей.

— Могу себе представить, — кивнул я.

— Вот и представь себе, что еще вчера я была простой, как рисовый пудинг, а сегодня вдруг ощутила странный зуд в ладонях. Они покраснели и распухли. И стали горячими... такими горячими, что я прибежала в продуктовую лавку и погрузила руки в корыто с мороженой треской! Когда рыба начала оттаивать и дурно пахнуть, лавочник меня прогнал и потребовал, чтобы моя мама заплатила за все, что я испортила. К этому времени мои ладони горели. Ото льда мне стало еще хуже! В конце концов они загорелись, и я полностью уверилась в том, что сошла с ума.

— А что подумали твои родители?

— Моя мать была очень суеверным человеком. Она решила, что я демон, явившийся в мир посредством ее лона, выбежала из дома и больше не вернулась. Старик подошел к решению проблемы иначе. Он избил меня и запер в моей комнате. Когда я попыталась прожечь дверь и сбежать, он привязал меня к кровати асбестовыми простынями. Я была связана много дней подряд. Изредка он лично меня кормил, потому что боялся развязать. И слава богу, потому что, стоило бы ему сделать это, я сожгла бы его до костей.

— Жаль, что ты этого не сделала, — кивнул я.

— Спасибо, Джейк. Но это ничем бы мне не помогло. Мои родители ужасные люди. Но если бы это было не так и я осталась бы с ними еще ненадолго, меня, вне всякого сомнения, разыскали бы пустоты. Я обязана жизнью двум людям — своей младшей сестре Джулии, которая однажды ночью меня освободила, что позволило мне сбежать из дома, и мисс Сапсан, которая нашла меня месяц спустя в бродячем цирке, где я работала огнеглотателем. — Эмма грустно улыбнулась. — Своим днем рождения я считаю день встречи с ней. Это была встреча с моей настоящей мамой.

У меня потеплело в груди. Слушая Эмму, я ощутил, что больше не одинок в своей растерянности. Эта девушка стала мне гораздо ближе, а кроме того, я узнал, что всем странным людям приходится пройти через период мучительной неуверенности. На долю всех странных людей выпало много испытаний. Но между нами было одно кричаще очевидное различие — мои родители все еще меня любили, и, несмотря на все существующие между нами проблемы, я тоже их по-своему любил. Мысль о том, что сейчас я причиняю им страдания, глухой болью отдавалась в груди.

Я пытался определить, чем я им обязан, сравнивая свои обязательства перед ними с чувством долга перед мисс Сапсан и дедушкой и мучительно-сладким чувством, которое я испытывал к Эмме и которое становилось крепче от каждого взгляда на нее. Чаша весов неизменно склонялась не в

пользу родителей. Но я понимал, что если мне удастся уцелеть, все равно придется отвечать за принятое решение и за всю боль, которую я причинил близким людям.

Если...

Если. Это слово всегда возвращало меня в настоящее, потому что это *если* очень сильно зависело от того, сумею ли я сохранить голову на плечах. Когда я отвлекался, моя чувствительность ослабевала. Это *если* требовало моего полного присутствия и участия в *настоящем*.

Как бы ни пугало меня это *если*, оно позволяло мне не тронуться умом.

Мы приближались к Лондону. Деревушки сменились городками, которые в свою очередь сменились беспрестанной чередой предместий. Никто не знал, что ждет нас там, какие новые ужасы предстоит нам преодолеть.

Мой взгляд упал на заголовок в газете на коленях Эммы:

ВОЗДУШНЫЕ НАЛЕТЫ СОТРЯСАЮТ СТОЛИЦУ. СОТНИ
ЖЕРТВ.

Я закрыл глаза и попытался избавиться от всех мыслей до единой.

Часть вторая

Если бы кто-то наблюдал за этим поездом, который с шипением вполз на вокзал и, выпустив облако пара, остановился у перрона, он не заметил бы в нем ничего странного. Самые обычные кондукторы и носильщики сражались с задвижками и распахивали двери вагонов. Самые обычные люди, мужчины и женщины, некоторые из них в военной форме, высыпали на платформу и исчезали в бурлящей толпе. Не привлекала к себе внимания и компания из восьми детей, которые настороженно вышли из вагона первого класса и замерли, удивленно моргая в тусклом освещении вокзала, оглушенные обрушившимся на них шумом и чадом.

В другой день к любой группе таких растерянных и одиноких с виду детей, как эти, обязательно подошел бы кто-нибудь из равнодушных взрослых и поинтересовался бы, все ли у них в порядке, не нуждаются ли они в помощи и где их родители. Но сегодня платформа изобиловала сотнями детей, и все они выглядели растерянными и одинокими. Поэтому никто не обратил внимания на маленькую девочку с рассыпавшимися по плечам каштановыми волосами и в застегнутых на пуговицы ботинках, как и на тот факт, что эти ботинки не вполне касались платформы. Никто не заметил круглолицего паренька в кепке и пчелу, которая вылетела из его рта, окунулась в прокопченный дымом воздух и поспешно нырнула обратно.

Ничей взгляд не задержался на пареньке с темными кругами под глазами и глиняном человечке, который выглянул из кармана его рубашки и тут же был затолкан обратно. А также на мальчике, изысканно одетом в облепленный грязью, но хорошо сшитый костюм и раздавленный цилиндр, мальчике с осунувшимся и измученным от недосыпа лицом. Он так боялся собственных снов, что уже несколько дней не ложился спать.

Равнодушные взгляды прохожих лишь мельком скользили по крупной девочке в пальто и простом платье, девочке, сложенной, как кирпичная стена, и прижимающей к груди чемодан почти такой же огромный, как и она сама. Никто из окружающих людей и догадаться не мог о том, насколько тяжел этот чемодан, что в нем лежит, а также почему одна его стенка испещрена крохотными отверстиями. Ускользнул от их внимания и юноша, чьи шарф и куртка с капюшоном полностью скрывали от взглядов его кожу, несмотря на то что сентябрь только начался и было еще довольно тепло.

Был с ними и американский мальчик совершенно обычной внешности, тем более не заслуживающей чьего-либо внимания. Его нормальность была настолько очевидной, что прохожие его не замечали, несмотря на то что он внимательно разглядывал толпу, приподнявшись на цыпочки и вращая головой, как часовой на посту. Рядом с ним стояла девочка, она стиснула ладони, чтобы скрыть язычок пламени, упорно выбивавшийся из-под ногтя ее мизинца, что иногда случалось, когда ее что-то удручало. Она попыталась потрясти пальцем, как делают люди, туша спичку, а затем подула на него. Это не помогло, и она сунула его в рот, выпустив из носа струйку дыма. Но это тоже осталось незамеченным.

Одним словом, никто не стал присматриваться к детям из вагона первого класса этого утреннего поезда достаточно внимательно, чтобы заметить в них хоть что-нибудь странное. Впрочем, это было даже к лучшему.

Глава восьмая

Эмма ткнула меня локтем.

— Ну что?

— Мне нужна еще минута, — ответил я.

Бронвин поставила чемодан на платформу, и теперь я стоял на нем, возвышаясь над толпой и обшаривая взглядом подвижное море лиц. Длинная платформа кишела детьми. Они выстроились в шеренги, которые извивались, как амебы под микроскопом, скрываясь в заволакивающей вокзал дымке. Черным поездам, шипящим по обе стороны платформы, явно не терпелось заглотнуть всех этих испуганных детишек.

Я чувствовал спиной взгляды друзей, пристально наблюдавших за мной. Они считали, что я должен знать, не притаились ли в этой бескрайней людской массе охотящиеся на нас чудовища. Они считали, что для распознавания их присутствия мне достаточно просто оглядеться и прислушаться к смутному ощущению в животе. Обычно приближение пусто-ты сопровождалось мучительной тошнотой, но в таком гигантском пространстве предостережение могло прозвучать тихо и мимолетно, оставшись незамеченным.

— Твари знают о том, что мы идем к ним?

Бронвин произнесла это очень тихо, из опасения привлечь внимание нормальных людей или, хуже того, тварей. В городе у них повсюду были уши, во всяком случае, так нам всегда внушали.

— Мы убили всех тварей, которые могли знать о наших намерениях, — гордо заявил Хью. — А если точнее, то их убил я.

— Что означает только то, что теперь нас будут искать еще старательнее, — отозвался Миллард. — И теперь им уже мало отобрать у нас птицу. Теперь им нужно отомстить.

— Именно поэтому нам нельзя здесь задерживаться, — вмешалась Эмма, хлопая меня по ноге. — Ты скоро?

Мое внимание рассеялось, и я потерял место в толпе, до которого успел дойти. Пришлось начать сначала.

— Еще одну минуту, — попросил я.

Лично меня больше беспокоила возможность встречи с пустотами. Я убил уже двух, и каждая встреча с ними едва не стоила мне жизни. До сих пор оставаться в живых мне позволяло везение, но это не могло продолжаться бесконечно долго. Удача могла в любую минуту мне

изменить. Поэтому я твердо решил не подпустить к себе больше ни одну пуст *о* ту. Я должен был делать все от меня зависящее, чтобы издали замечать их приближение и полностью исключать возможность столкновения. Разумеется, бегство, в отличие от драки, славы мне не прибавило бы, но я не искал славы. Я просто хотел выжить.

Настоящая опасность заключалась не в заполнивших платформу фигурах людей, но в тенях между ними, в темноте по краям перрона. Именно на них я сосредоточил свое внимание. Я впервые таким образом забрасывал свое восприятие в толпу, и мне показалось, что я отделяюсь от тела. Я ощупывал самые дальние уголки в поисках опасности и думал о том, что всего несколько дней назад это было бы мне не по силам. Моя способность управлять восприятием, как прожектором, явилась для меня полной неожиданностью.

Я задавался вопросом, что еще мне предстоит узнать о самом себе.

— Все в порядке, — произнес я, спрыгивая с чемодана. — Пустот здесь нет.

— Это я и сам мог тебе сказать, — пробурчал Енох. — Если бы они здесь были, они уже давно съели бы нас!

Эмма отвела меня в сторону.

— Чтобы дать нам шанс на победу, ты должен делать это быстрее.

Это было все равно что требовать от человека, который только что научился плавать, выступления на Олимпийских играх.

— Я делаю все, что могу, — ответил я.

Эмма кивнула.

— Я знаю. — Она обернулась к остальным и щелкнула пальцами, привлекая их внимание. — Пойдемте вон к тому телефону-автомату, — предложила она, показывая на высокую красную будку на другой стороне платформы — та едва виднелась за мечущейся вокруг толпой.

— Кому будем звонить? — поинтересовался Хью.

— Странная собака сказала, что все лондонские петли взломаны, а имбрины похищены, — пояснила Эмма. — Но мы же не можем поверить ей на слово, как ты считаешь?

— Во временную петлю можно *позвонить*? — ошарашенно спросил я. — По *телефону*?

Миллард пояснил, что Совет имбрин поддерживал телефонную связь, хотя пользоваться ею можно было только в пределах города.

— Она устроена хитро, с учетом всех временных перепадов, — усмехнулся он. — То, что мы живем во временных петлях, не означает, что мы застряли в каменном веке!

Эмма взяла меня за руку и велела всем остальным сделать то же самое.
— Сейчас нам жизненно важно держаться вместе, — напомнила она. — Лондон огромен, и здесь нет бюро находок для странных детей.

Взявшись за руки, мы начали пробираться сквозь толпу. Наша извивающаяся шеренга слегка приподнималась по центру, где, напоминая астронавта, шагающего по лунной поверхности, парила Оливия.

— Ты похудела? — спросила ее Бронвин. — Тебе нужны туфли потяжелее, птичка.

— Я становлюсь легче, если плотно не поем, — пояснила Оливия.

— Ты считаешь, что поела недостаточно плотно? Мы только что налопались от пуза!

— Только не я, — возразила Оливия. — У них не оказалось пирогов с мясом.

— Для беженки ты ужасно переборчива, — проворчал Енох. — Как бы то ни было, поскольку Гораций спустил все наши деньги, чтобы поесть, нам необходимо вначале украсть еду или найти имбрину, которая нам что-нибудь приготовит.

— Деньги у нас еще есть, — возразил Гораций, звеня монетами в кармане. — Хотя на пироги с мясом их не хватит. Но мы могли бы позволить себе картошку в мундирах.

— Если я съем еще одну картошку в мундире, я сама превращусь в картошку, — заныла Оливия.

— Милая, это невозможно, — заметила Бронвин.

— Почему? Мисс Сапсан может превращаться в птицу!

Мальчик, мимо которого мы в этот момент проходили, обернулся и изумленно уставился на нас. Бронвин возмущенно шикнула на Оливию. Правила строго запрещали упоминать о наших тайнах в присутствии нормальных людей, даже если то, о чем шла речь, звучало так фантастично, что в это никто не поверил бы.

Мы протолкались сквозь еще одну группу детей и оказались рядом с телефонной будкой. В нее могли поместиться только три человека, поэтому внутрь вошли Эмма, Миллард и Гораций, а все остальные столпились у двери. Эмма сняла трубку, а Гораций извлек из кармана последние несколько монет. Миллард принялся листать увесистую телефонную книгу, болтавшуюся на толстом шнуре.

— Вы шутите? — спросил я, заглядывая в будку. — В телефонном справочнике есть номера имбрин?

— Здесь указаны вымышленные адреса, — ответил Миллард. — Кроме того, соединения не будет, если не просвистеть правильный код. —

Он вырвал листок и подал его Эмме. — Попробуй вот этот. Миллисент Дрозд.

Гораций опустил монету в щель автомата, и Эмма набрала номер. Затем Миллард взял трубку и, просвистев в нее птичью трель, снова передал Эмме. Несколько мгновений она прислушивалась, а затем нахмурилась.

— Просто идут гудки. Никто не снимает трубку.

— Ничего! — успокоил ее Миллард. — Тут еще много номеров. Сейчас я найду другой...

Толпа обтекала нас, но где-то впереди проход, видимо, был слишком узким, и люди были вынуждены остановиться. Платформа была уже забита народом. Со всех сторон нас окружали нормальные дети. Они болтали, кричали, толкались, а рядом с Оливией стояла и горько плакала девочка с косичками и распухшими от слез глазами. В одной руке она держала потертый картонный чемодан, а в другой одеяло. К ее блузке была приколата табличка, на которой крупными печатными буквами и цифрами было написано:

115-201

Лондон — Шеффилд

Оливия наблюдала за девочкой, пока ее собственные глаза не заблестели от слез. Наконец она не выдержала и спросила, что случилось. Девочка отвернулась, сделав вид, что не слышит.

Оливия намека не поняла и повторила свой вопрос.

— Ты плачешь, потому что тебя продали? — уточнила она, показывая на табличку на блузке девочки. — Это твоя цена?

Девочка попыталась убежать, но со всех сторон ее окружала стена из тел.

— Я бы тебя купила и освободила, — продолжала Оливия, — но боюсь, что мы потратили все свои деньги на билеты. У нас даже на пироги не хватает, не то что на рабыню. Мне очень жаль.

Девочка развернулась к Оливии.

— Никто меня не продает! — заявила она, топая ногой.

— Ты уверена?

— Да! — закричала девочка и в приступе отчаяния сорвала табличку с блузки. — Я просто не хочу уезжать и жить в какой-то дурацкой деревне, вот и все.

— Я тоже не хотела уезжать из дома, — ответила Оливия, — но нам

пришлось это сделать, потому что в него попала бомба.

Лицо девочки смягчилось.

— В мой тоже. — Она поставила чемодан и протянула Оливии руку. — Прости, что я разозлилась. Меня зовут Джессика.

— А меня Оливия.

Две маленькие девочки пожали друг другу руки, как два джентльмена.

— Мне нравится твоя блузка, — сказала Оливия.

— Спасибо, — кивнула Джессика. — А мне нравится твоя... э-э... то, что у тебя на голове.

— Моя тиара! — Оливия подняла руку и коснулась украшения. — Но это не настоящее серебро.

— Все равно. Она красивая.

Я впервые видел, чтобы Оливия так широко улыбалась. Но тут раздался громкий свисток, и из громкоговорителя, перемежаясь треском, загремело:

— Всем детям садиться в поезда! — произнес чей-то голос. — Соблюдайте порядок!

Толпа снова пришла в движение. Некоторых детей сопровождали взрослые. Я услышал, как кто-то произнес:

— Не переживайте, вы скоро снова увидите своих мамочек и папочек!

Только сейчас я понял, почему здесь так много детей. Их эвакуировали. Из сотен детей, заполнивших сегодня утром этот вокзал, все, кроме меня и моих друзей, уезжали. Их увозили, спасая от бомбежек, и, судя по зимним пальто и раздутым чемоданам, вернуться им предстояло нескоро.

— Мне пора, — вздохнула Джессика.

Не успела Оливия попрощаться со своей новой подругой, как толпа уже увлекла ее к поезду. Вот так быстро Оливия нашла и потеряла единственную нормальную подругу, которая у нее когда-либо была.

Садясь в поезд, Джессика оглянулась. Ее угрюмое лицо, казалось, спрашивало: *Что со мной будет?*

Мы смотрели на нее, задаваясь тем же вопросом относительно себя.

* * *

Внутри будки хмурилась, глядя на трубку, Эмма.

— Никто не отвечает, — сообщила нам она. — Мы уже набрали все номера, но слышали только гудки.

— Остался последний, — уточнил Миллард, вручая ей очередную страницу. — Скрести пальцы.

Я смотрел, как Эмма набирает номер, и вдруг где-то позади поднялся шум. Обернувшись, я увидел, что нам машет зонтиком какой-то краснолицый гражданин.

— Что вы там ерундой занимаетесь? — кричал он. — Выйдите из

будки и немедленно садитесь в поезд!

— Мы только что приехали, — сообщил ему Хью, — и пока никуда не собираемся!

— И куда вы подевали свои таблички? — брызгая слюной, продолжал кричать мужчина. — Немедленно предъявите их мне или, богом клянусь, я отправлю вас в гораздо менее приятное место, чем Уэльс.

— Немедленно отвали, — фыркнул Енох, — или мы отправим тебяпрямоком в ад!

Лицо мужчины так налилось кровью, что мне показалось, еще немного, и у него на шее лопнет сосуд. Было ясно, что он не привык к тому, чтобы дети разговаривали с ним в таком тоне.

— Я сказал, *выйдите из телефонной будки!* — взревел он и, вскинув над головой зонтик, как топор палача, резко ударил им по проводу, протянувшемуся между будкой и стеной.

С громким хлопком провод оборвался.

Гудки в трубке смолкли. Эмма подняла глаза на мужчину, с трудом сдерживая ярость.

— Если ему так уж нужна эта будка, — произнесла она, — давайте ему ее предоставим.

Все трое выбрались наружу, а Бронвин схватила мужчину за руки и завела их ему за спину.

— Прекрати! — взвизгнул он. — Отпусти меня!

— О, я тебя отпускаю, — успокоила его Бронвин и, приподняв, сунула его в будку, после чего закрыла дверь снаружи зонтиком.

Мужчина вопил и колотил по стеклу кулаками. Он прыгал и метался, напоминая толстую муху, случайно угодившую в бутылку. Нам всем очень хотелось насладиться этим зрелищем, но мужчина привлекал к себе слишком много внимания, и к нам со всех сторон уже начинали сбегаться люди. Мы должны были как можно скорее покинуть вокзал.

Взявшись за руки, мы побежали к турникетам, расталкивая всех этих нормальных людей и оставляя их позади размахивать руками и что-то возмущенно кричать. Раздался пронзительный свисток паровоза, который эхом отозвался внутри чемодана Бронвин, где из стороны в сторону, как белье в барабане стиральной машины, швыряло мисс Сапсан. Оливия была слишком легкой, чтобы бежать, и потому просто крепко вцепилась в шею Бронвин, болтаясь у нее за спиной, как полуспушенный воздушный шарик на веревочке.

От турникетов нас отделяла группа взрослых, и, вместо того чтобы оббегать их вокруг, мы попытались пойти напролом.

Это не сработало.

Первой перехватила нас крупная женщина. Она сначала ударила Еноха по голове своей сумочкой, а затем вцепилась в его одежду. Когда Эмма попыталась оттащить ее от Еноха, двое мужчин схватили ее за руки и повалили на пол. Я бросился к ней на помощь, но тут третий мужчина схватил за руки *меня*.

— *Сделайте же что-нибудь!* — закричала Бронвин.

Мы все понимали, что она имеет в виду, но не знали, кто из нас еще свободен и способен прийти на выручку. Тут мимо носа Еноха прожужжала пчела. Она вонзила жало в бедро женщины, которая сидела верхом на нашем товарище, и толстуха с визгом вскочила на ноги.

— Да! — закричал Енох. — Давай еще пчел!

— Они устали! — закричал в ответ Хью. — Они только что уснули после того, как спасли вас в прошлый раз!

Но он понимал, что выхода все равно нет. Руки Эммы скрутили у нее за спиной, а Бронвин отбивала чемодан и Оливию у целой троицы разгневанных кондукторов. Видя все это, Хью начал колотить себя по груди, как будто пытаясь протолкнуть застрявшую в пищевode еду. Мгновение спустя он звучно рыгнул, и из его рта вылетело не менее десятка пчел. Сделав несколько кругов над нашими головами, они наконец сориентировались и начали жалить всех взрослых подряд.

Мужчины, державшие Эмму, выпустили ее и бросились наутек. Того, кто держал меня, пчела укусила прямо в кончик носа, и он, взревев, принялся размахивать руками, как одержимый демонами. Вскоре все взрослые бегали, прыгали и судорожно дергались, пытаясь спастись от крошечных жалящих врагов, — к восторгу всех детей, которые еще не успели сесть в поезд. Те хохотали, ликовали и вскидывали в воздух руки, подражая смехотворным ужимкам старших.

Воспользовавшись тем, что о нас все и думать забыли, мы пробежали через турникеты и выскочили в суетливый лондонский полдень.

* * *

Мы затерялись в хаосе улиц. Мне казалось, что нас погрузили в банку с какой-то жидкостью, в которой вперемешку плавали всевозможные частицы: джентльмены, дамы, рабочие, солдаты, уличная детвора и попрошайки — все целеустремленно спешили во всех направлениях одновременно. Воздух был заполнен неумолчным шумом крошечных

фыркающих автомобильчиков, криками уличных торговцев, во весь голос расхваливающих свой товар, музыкой, исполняемой уличными музыкантами, и клаксонами автобусов, которые, содрогаясь всем телом, останавливались у края тротуара, чтобы вывалить на него новую толпу людей. Все это было заключено в каньон из величественных зданий, исчезающих вдаль по обе стороны улицы и уже наполовину погрузившихся в тень. Полуденное солнце начало клониться к закату, и его неяркий свет еще больше приглушал дым лондонских труб, придававший светилу сходство с фонарем, проглядывающим сквозь туман.

От толчеи и шума у меня закружилась голова. Я прикрыл глаза и позволил Эмме тащить меня за собой по улице. Свободной рукой я нащупывал в кармане прохладный прямоугольник телефона. Каким-то необъяснимым образом прикосновение к его гладкому стеклу меня успокаивало. Мой телефон был бесполезной реликвией из будущего, и все же этот предмет продолжал излучать какую-то энергию, длинной тонкой нитью соединяя этот непонятный мир с тем, частью которого я некогда являлся. Всякий раз, когда я к нему прикасался, телефон сообщал мне: *Ты здесь, и все это реально, тебе это не снится, и ты остаешься самим собой.* Благодаря этому напоминанию все вокруг немного замедляло свое стремительное вращение.

Енох провел годы своего становления в Лондоне и утверждал, что до сих пор знает его улицы. Поэтому мы позволили ему нас вести. Мы старались выбирать боковые улочки и глухие переулки, отчего город поначалу выглядел как лабиринт серых стен и сточных канав. Его величие обрушивалось на нас лишь тогда, когда мы бегом пересекали широкие бульвары, поспешно ныряя в спасительные тени. Мы превратили это в игру, с хохотом гоняясь друг за другом по узким улочкам. Гораций сделал вид, что споткнулся о бордюр, ловко подпрыгнул и поклонился, как танцор, взмахнув цилиндром. Мы хохотали, как сумасшедшие. От осознания того, что нам удалось проделать такой путь и добраться до Лондона, переплыв море, миновав лес, прокравшись мимо кроважанных пустот и эскадронов смерти, высланных против нас тварями, — у всех шла кругом голова.

Нас отделяло от вокзала уже приличное расстояние, когда мы наконец остановились в каком-то переулке возле мусорных баков, чтобы перевести дух. Бронвин поставила чемодан на землю и извлекла из него мисс Сапсан, которая, покачиваясь, как пьяная, принялась вышагивать по булыжникам мостовой. Гораций и Миллард дружно расхохотались.

— Что смешного? — возмутилась Бронвин. — Разве мисс С. виновата, что у нее закружилась голова?

Гораций картинно взмахнул руками.

— Добро пожаловать в прекрасный Лондон, — пропел он. — Енох, он гораздо величественнее, чем ты нам рассказывал. О, как ты нам о нем рассказывал! Семьдесят пять лет подряд: Лондон, Лондон, Лондон! Лучший город на земле!

Миллард приподнял крышку бака.

— Лондон! Лучшего мусора вам не сыскать!

Гораций приподнял шляпу.

— Лондон! Тут даже крысы ходят в цилиндрах!

— О, в *такие* подробности я точно не вдавался, — запротестовал Енох.

— Вдавался! — заявила Оливия. — Ты говорил: *фи*, в *Лондон* так не делают. Или: в Лондоне еда *намного* изысканнее!

— Но мы приехали сюда не на экскурсию, — принялся защищаться Енох. — Или вы предпочли бы прогуливаться по главным улицам, где нас могли бы засечь твари?

Гораций его как будто не слышал:

— Лондон, где каждый день праздник... для мусорщиков!

Он расхохотался, и его смех оказался таким заразительным, что скоро почти все, включая Еноха, смеялись, сложившись пополам.

— Пожалуй, я действительно его приукрашивал... *чуть-чуть*, — признал Енох.

— А я нисколько не нахожу Лондон забавным, — вдруг нахмурилась Оливия. — Он грязный и вонючий, и в нем полно жестоких нехороших людей, которые заставляют детей плакать. Я его ненавижу! — Она сморщилась и добавила: — И я ужасно голодна, — что рассмешило нас еще больше.

— Эти люди на станции действительно были нехорошими, — кивнул Миллард. — Но они получили по заслугам! Я никогда не забуду, какое лицо было у того типа, когда Бронвин запихнула его в телефонную будку.

— Или ту жуткую женщину, когда ее укусила за задницу пчела! — поддержал его Енох. — Я готов заплатить, лишь бы еще раз полюбоваться этой картиной.

Я покосился на Хью, ожидая, что он подключится к этой игре, но он стоял, отвернувшись от нас, и его плечи вздрагивали.

— Хью? — окликнул его я. — Ты в порядке?

Он отошел еще дальше.

— Кому какое дело? — пробормотал он. — Не стоит волноваться за старину Хью. Он здесь только для того, чтобы спасти ваши задницы, не получая взамен даже слов благодарности!

Пристыженные, мы поспешили поблагодарить его и попросить у него прощения.

— Прости, Хью.

— Еще раз спасибо, Хью.

— Хью, ты наш спаситель.

Он обернулся к нам.

— Понимаете, они были моими друзьями.

— Но мы по-прежнему твои друзья, — возразила Оливия.

— Я не о вас, а о своих пчелах! Они могут ужалить только один раз, а затем все, темнота и большой улей на Небесах. А теперь у меня остался только Генри, но он не может летать, потому что у него не хватает одного крыла.

Он вытянул вперед руку и разжал ладонь. Мы увидели Генри, который махал нам своим единственным крылом.

— Ну, давай, дружище, — прошептал ему Хью. — Пора домой.

Он высунул язык, посадил на него пчелу и закрыл рот.

Енох похлопал его по плечу.

— Я бы их для тебя оживил, но не уверен, что это сработает с такими маленькими существами.

— Все равно спасибо, — произнес Хью, после чего откашлялся и резко вытер щеки, как будто досадуя на слезы за то, что они его выдали.

— Мы найдем тебе пчел, как только приведем в порядок мисс С., — пообещала ему Бронвин.

— Кстати, — обернулся к Эмме Енох, — тебе удалось дозвониться хоть до одной имбрины?

— Увы, — покачала головой Эмма и, ссутулившись, села на перевернутый бак. — Я так надеялась, что нам хоть тут улыбнется удача. Но нет, к телефону так никто и не подошел.

— В таком случае, похоже, пес был прав, — произнес Гораций. — Великие петли Лондона не устояли перед натиском врага. Он мрачно склонил голову. — Случилось худшее. Всех наших имбрин похитили.

Мы все понурились, куда и девалась наша смешливость.

— В таком случае, — подал голос Енох, — пусть Миллард нам расскажет о петлях наказаний. Если имбрины действительно там, нам придется провести спасательную операцию.

— Нет, — произнес Миллард, — нет, нет, нет.

— Что значит «нет»? — спросила Эмма.

Из горла Милларда вырвался странный сдавленный звук, и он начал часто и хрипло дышать.

— Это значит... мы не можем...

Казалось, он пытается что-то произнести, но ему это не удается.

— Что с ним? — насторожилась Бронвин. — Милл, что случилось?

— Ты лучше сразу нам объясни, что ты имел в виду, когда говорил «нет», — угрожающе произнесла Эмма.

— Я имел в виду, что мы умрем, только и всего! — срывающимся голосом пробормотал Миллард.

— Но там, в зверинце, у тебя все это звучало так просто! — вмешался я. — Как будто мы можем запросто попасть в петлю наказания...

Миллард задыхался и явно был на грани нервного срыва, что не на шутку меня напугало.

Бронвин нашла смятый бумажный пакет и приказала ему подышать в него. Немного успокоившись, он заговорил:

— Попасть в петлю довольно просто, — начал он, стараясь говорить медленно и контролировать свое дыхание. — Гораздо сложнее выбраться. Выбраться *живыми*, я хотел сказать. Петли наказания именно такие, как и рассказывал пес, если не хуже. Реки огня... кровожадные викинги... зачумленный воздух, которым сложно дышать... И в придачу ко всему этому одна птица ведает, сколько там тварей и пустот!

— Потрясающе! — воскликнул Гораций, воздевая к небу руки. — Знаешь ли, ты мог рассказать нам об этом раньше. Ну, там, в зверинце, когда мы все это только задумали!

— Скажи, Гораций, что бы это изменило? — Миллард сделал еще несколько вдохов из пакета. — Если бы я напугал вас еще там, вы в самом деле отказались бы от попытки помочь мисс Сапсан, позволив ее человеческому началу просто испариться?

— Конечно нет, — вздохнул Гораций. — Но ты все равно должен был рассказать нам правду.

Миллард выронил пакет. К нему уже возвращались силы, а с ними и его уверенность в себе.

— Я признаю, что несколько преуменьшил опасности, поджидающие нас в петлях наказаний. Но я не думал, что нам действительно придется в них войти! Несмотря на все мрачные пророчества этой несносной собаки, я был уверен, что мы найдем здесь хотя бы одну невзломанную петлю с целой и невредимой имбриной. И мы до сих пор не можем утверждать, что их нет! Как можно утверждать, что их всех похитили? Мы что, собственными глазами увидели их покинутые петли? Что, если телефоны имбрин просто были... отключены?

— Все? — фыркнул Енох.

Даже Оливия, неисправимая оптимистка Оливия, покачала головой.

— В таком случае, Миллард, что ты предлагаешь? — спросила Эмма. — Ты хочешь, чтобы мы осмотрели петли Лондона в надежде застать кого-то дома? Как ты думаешь, каковы шансы на то, что силы зла, *которые продолжают нас искать*, оставили все эти петли без присмотра?

— Я думаю, что у нас будет больше шансов пережить сегодняшнюю ночь, если мы проведем ее, играя в русскую рулетку, — проворчал Енох.

— Я всего лишь говорю, — пояснил Миллард, — что у нас нет *доказательств*...

— Какие еще тебе нужны доказательства? — спросила Эмма. — Реки крови? Гора перьев, выщипанных из имбрин? Мисс Зарянка сказала нам, что силы зла напали на Лондон несколько недель назад. Мисс Королек тоже не сомневалась в том, что всех лондонских имбрин похитили. Ты можешь что-то знать об этом лучше имбрины? К тому же мы в Лондоне, и ни один из их телефонов не отвечает. Поэтому прошу тебя, объясни мне, почему ты считаешь, что осмотр петель не превратится в напрасную и самоубийственно опасную трату времени.

— Погодите-ка, вот оно! — воскликнул Миллард. — Как насчет мисс Королек?

— А что насчет мисс Королек? — насторожилась Эмма.

— Разве ты забыла, что нам сказала собака? Мисс Королек несколько дней назад явилась в Лондон, узнав о похищении ее сестер-имбрин.

— И?

— Что, если она все еще здесь?

— В таком случае ее, скорее всего, уже похитили! — заявил Енох.

— А если нет? — В голосе Милларда звенела надежда. — Она могла бы помочь мисс Сапсан, и тогда нам не пришлось бы даже *приближаться* петлям наказаний.

— И как, по-твоему, мы будем ее искать? — пронзительным голосом поинтересовался Енох. — Залезем на крышу и начнем звать ее по имени? Мы не на Кэрнхолме, а в многомиллионном городе!

— Ее голуби, — произнес Миллард.

— Ну-ка, ну-ка?

— О похищении имбрин мисс Королек узнала от своих странных голубей. Если они знали, где находятся все остальные имбрины, то должны знать и где искать мисс Королек. В конце концов, это *ее* голуби.

— Ха! — воскликнул Енох. — Кого в Лондоне больше, чем некрасивых и немолодых дам, так это голубей! Ты собираешься обшарить весь Лондон в поисках *одной-единственной стаи*?

— Это действительно звучит несколько безумно, — согласилась с Енохом Эмма. — Прости, Милл, я просто не понимаю, как это может нам помочь.

— В таком случае вам всем повезло, что я провел нашу поездку на поезде не в праздной болтовне, а за серьезным занятием. Кто-нибудь, подайте мне «Истории».

Бронвин выудила книгу из чемодана и протянула ее Милларду, который принялся лихорадочно перелистывать страницы.

— Здесь можно найти ответы на множество вопросов, — говорил он, — если знать, где искать. — Он остановился на какой-то странице и торжествующе ткнул пальцем в верхние строчки. — Ага! — произнес он, разворачивая книгу, чтобы показать нам, что он нашел.

Заголовок на странице гласил: «Голуби Святого Павла».

— Вот это да! — воскликнула Бронвин. — Неужели речь о тех самых голубях, которые нам нужны?

— Если о них говорится в Историях, — отозвался Миллард, — значит, почти наверняка это странные голуби. Как, по-вашему, много ли в Лондоне стай странных голубей?

Оливия захлопала в ладоши.

— Миллард, ты гений! — воскликнула она.

— Спасибо, я в курсе.

— Погодите, — перебил их я, — я не совсем понимаю, о чем речь. Кто такой Святой Павел?

— Это знаю даже я! — хмыкнула Оливия. — Это собор!

Дойдя до угла, она ткнула пальцем в сторону вздымающегося вдали величественного купола.

— Это самый большой и самый великолепный собор в Лондоне, — кивнул Миллард. — И если моя догадка верна, это также место, где гнездятся голуби мисс Королек.

— Будем надеяться, что они дома, — произнесла Эмма. — И смогут сообщить нам что-то утешительное. А то последнее время у нас туго с утешительными новостями.

* * *

Мы в угрюмом молчании пробирались сквозь лабиринт улочек, держа курс на собор. Никто не произносил ни слова, и тишину нарушал только топот наших подошв по тротуару да шум города: гудение самолетов и

извечный гул заполненных автомобилями улиц. Время от времени воздух разрывал пронзительный вой сирен.

Чем дальше мы отходили от вокзала, тем больше нам встречалось признаков бомбежек, которые обрушивались на Лондон. Фасады зданий были изрешечены шрапнелью, многие окна вылетели и усеяли тротуары инеем рассыпавшихся в пыль стекол. Небо испещряли облачка серебристых аэростатов, соединенных с землей длинными проводами.

— Аэростатное заграждение, — пояснила Эмма, заметив, что я, запрокинув голову, разглядываю один из пузырей. — Немецкие бомбардировщики ночью запутываются в этих тросах и падают на землю.

Тут перед нами возникла сцена разрушения настолько странная, что я замер на месте, разинув рот, но не из стремления к нездоровому вуайеризму, а потому, что мой мозг был не в состоянии обработать эту информацию без дополнительного исследования. На всю ширину улицы зияла воронка от бомбы, напоминая чудовищный рот с обломками тротуара вместо зубов. На одном краю воронки взрыв снес фасад здания, оставив все, что было внутри, почти нетронутым. Это напоминало кукольный домик, позволявший разглядеть весь интерьер. Посреди столовой стоял все еще накрытый к обеду стол. Фотографии в рамках на стенах прихожей перекошились, но остались висеть. Рулон туалетной бумаги размотался и развеивался на ветру, напоминая длинный белый флаг.

— Кто-то забыл его достроить? — наивно поинтересовалась Оливия.

— Нет, дурочка, — буркнул Енох, — в него попала бомба.

Оливия сморщилась, и мне показалось, что она сейчас заплачет. Но тут же ее лицо окаменело, и она закричала, грозя кулаком небу:

— Гадкий Гитлер! Прекрати эту ужасную войну и убирайся отсюда!

Бронвин похлопала ее по руке.

— Тс-с, он тебя не слышит, детка.

— Так нечестно, — не унималась Оливия. — Я устала от самолетов, бомб и войны!

— Мы все устали, — ответил ей Енох. — Даже я.

И тут Гораций издал вопль. Развернувшись, я увидел, что он показывает на что-то на дороге. Я подбежал посмотреть, что его так испугало, но когда увидел, то замер, как вкопанный. И хотя мозг кричал мне: *Беги!* — ноги отказывались ему повиноваться.

Перед нами была пирамида из голов. Черепки почернели, рты зияли в вечном крике, глаза были запечатаны сварившейся плотью. Кучей, сплавившейся в единое целое, головы лежали в сточной канаве, напоминая какое-то многоголовое чудовище. Эмма подошла и, ахнув, отвернулась.

Бронвин застонала. Хью едва не вырвало, и он поспешил закрыть глаза ладонями. И, наконец, Енох, которого это зрелище, похоже, нисколько не встревожило, спокойно ткнул одну из голов носком туфли, чтобы показать нам, что это восковые головы, которые высыпались из разбитой взрывом витрины мастерской по изготовлению париков. Нам всем стало немного неловко, хотя ужас нисколько не ослабел, потому что даже если эти головы оказались ненастоящими, они олицетворяли собой нечто, скрывающееся в этих развалинах.

— Пойдемте, — поторопила нас Эмма. — Это место — самое настоящее кладбище.

Мы пошли дальше. Я пытался смотреть только себе под ноги, но защититься от окружающих нас жутких картин оказалось невозможно. Вот обугленная руина изрыгает дым, а рядом, ссутулившись и обессиленно опустив пересохший шланг, стоит единственный пожарный, которому было поручено тушить этот пожар. Его лицо и руки покрыты ожогами, а обреченная поза свидетельствует об отчаянии. И все же он продолжает смотреть, как будто в отсутствие воды его работа заключается в том, чтобы просто наблюдать за пожаром.

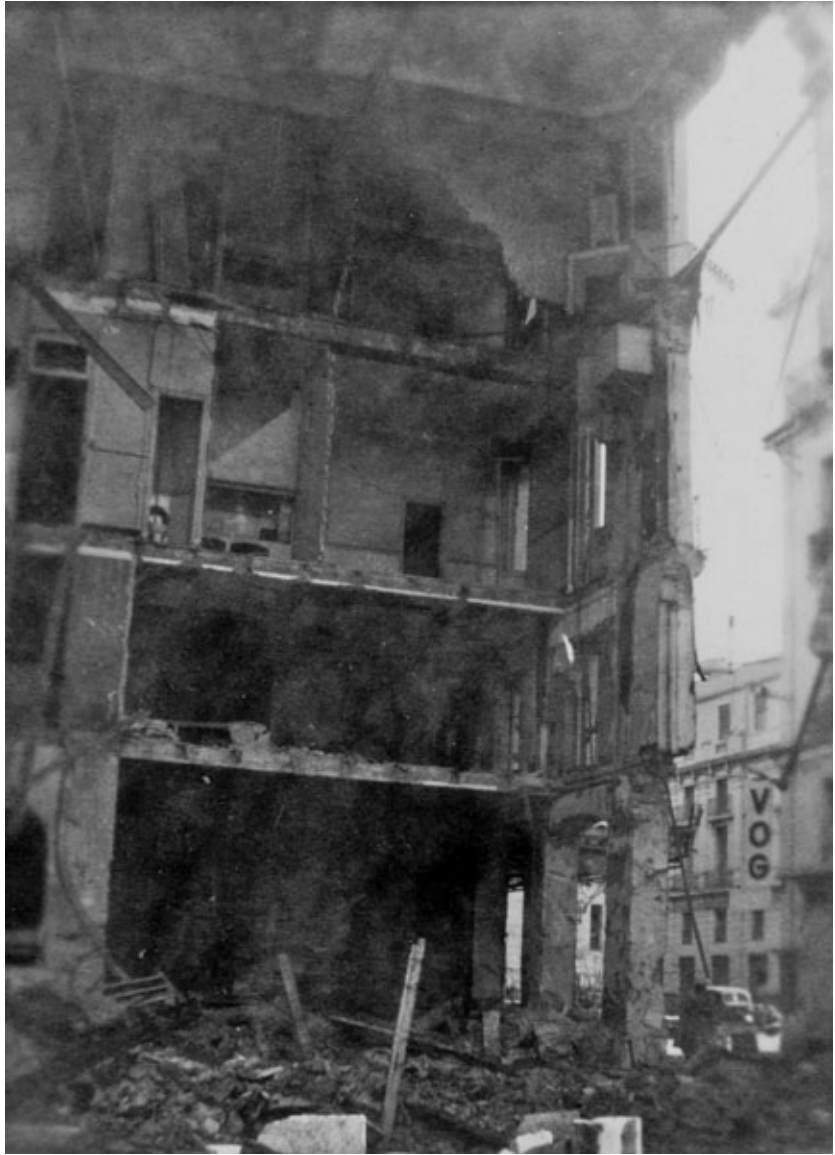
Посреди улицы кто-то бросил коляску с плачущим ребенком. Бронвин замедлила шаги.

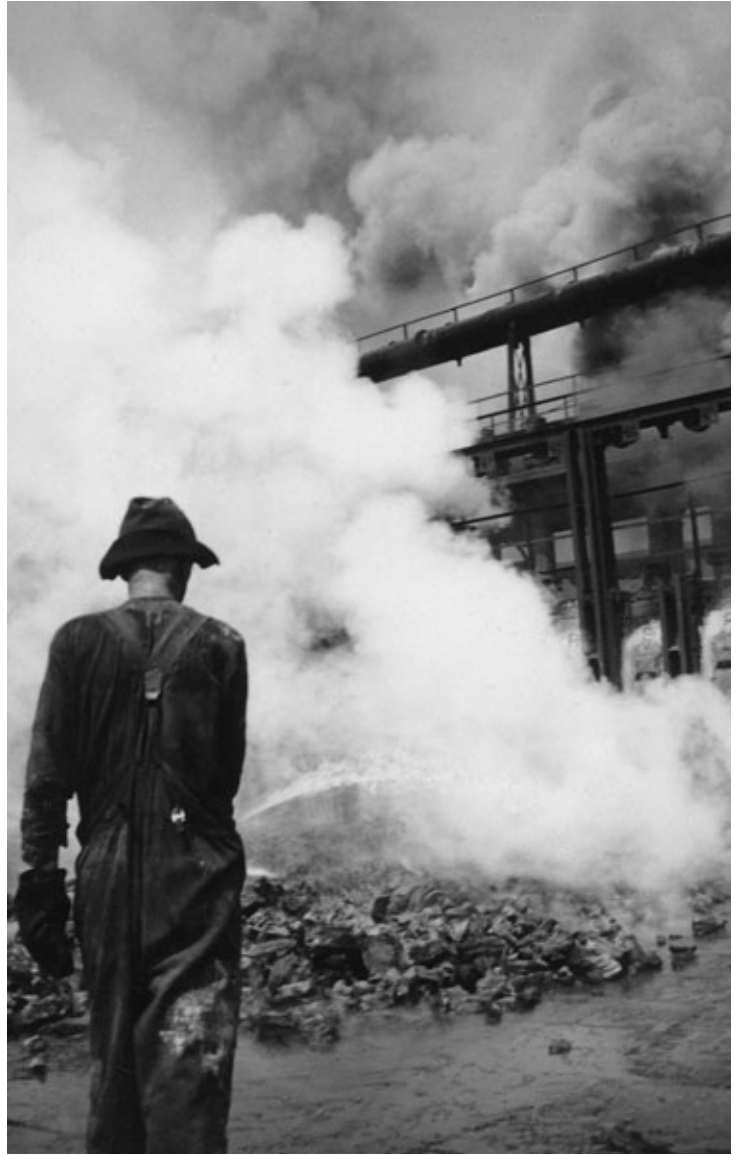
— Может, нам удастся чем-то им помочь? — борясь с охватившим ее волнением, спросила она.

— Это ничего не изменит, — ответил Миллард. — Эти люди принадлежат прошлому, а прошлое изменить невозможно.

Бронвин грустно кивнула. Она и сама это знала, но ей хотелось это услышать. Нас там почти не было, и толку от нас было не больше, чем от привидений.

Туча пепла взметнулась вверх, заслонив от нас и пожарного, и ребенка. Мы шли дальше, давясь пеплом и поднятой ветром пылью разрушенного здания. Бетонный порошок медленно оседал, убеляя нашу одежду и превращая наши лица в мертвенно-белые маски.

* * *

Мы стремились как можно скорее покинуть разрушенные кварталы, но остолбенели, когда улицы вокруг внезапно обрели нормальный облик. В нескольких шагах от ада люди занимались своими делами, жили в домах, по-прежнему обладающих не только окнами и стенами, но также электричеством.

Затем мы повернули за угол, и перед нами предстал горделивый и величественный купол собора, который не портили даже черные подпалины на стенах и несколько раскрошившихся арок. Чтобы сокрушить собор Святого Павла, так же как и дух Лондона, нескольких бомб явно

было недостаточно.

Наши поиски начались на прилегающей к собору площади, где старики сидели на скамейках и кормили голубей крошками.

Сначала мы устроили полный переполох. Мы подбегали и пытались судорожно хватать голубей, которые в панике разлетались во все стороны. Старики ворчали, а мы удалялись, поджидая возвращения птиц. И они возвращались, доказывая, что голуби не самые умные животные на земле.

Затем мы сменили тактику, по очереди небрежно заходя в середину стаи и пытаясь застать голубей врасплох. Я думал, что маленькая и быстрая Оливия или Хью с его странной связью с крылатыми созданиями окажутся успешнее других, но оба остались посрамлены. Миллард проявил себя не лучше, а ведь они его даже не *видели*.

Когда подошла моя очередь, голубям, наверное, уже так надоели наши попытки их поймать, что едва я приблизился, как они шумно взлетели и одновременно обрушили мне на голову бомбы из помета, вынудив меня ринуться к фонтану, дабы смыть последствия бомбардировки.

В конце концов поймать голубя удалось Горацию. Он сидел рядом со стариками, бросая птицам семечки, пока те не окружили его плотной толпой. Затем он медленно наклонился вперед, протянул руку к ближайшему голубю и уверенным движением схватил его за лапы.

— Есть! — закричал он.

Птица хлопала крыльями и пыталась вырваться, но Гораций держал ее очень крепко.

Осторожно держа голубя в ладонях, он подошел к нам.

— Как мы сможем узнать, странный он или нет? — спросил Гораций, переворачивая голубя, чтобы заглянуть ему под хвост, как будто ожидая увидеть там ярлык.

— Покажи его мисс Сапсан, — предложила Эмма. — Она это сразу поймет.

Итак, мы открыли чемодан Бронвин, сунули голубя внутрь и захлопнули крышку. Голубь заверещал так, как будто его живьем рвали на части.

Я поморщился и крикнул:

— Полегче, мисс С.!

Когда Бронвин снова открыла чемодан, в воздух взвилось облачко голубиных перьев, но самого голубя нигде не было.

— О нет, она его съела! — закричала Бронвин.

— Ничего подобного, — возразила Эмма. — Посмотрите под ней!

Мисс Сапсан поднялась и шагнула в сторону, и под ней действительно оказался голубь, оглушенный, но живой.

— Ну что? — спросил Енох. — Это один из голубей мисс Королек или нет?

Мисс Сапсан толкнула птицу клювом, и та улетела. Затем имбрина выпрыгнула из чемодана, проковыляла через площадь и громким криком разогнала всех остальных голубей. Она предельно ясно давала нам понять, что голубь, которого поймал Гораций, совершенно нормальный, как и *все остальные* голуби на этой площади. Нам предстояло продолжить поиски.

Мисс Сапсан направилась к собору, нетерпеливо хлопая здоровым крылом. Мы догнали ее на ступенях. Собор нависал над нами, взметнув в небо две колонны, обрамляющие его гигантский купол. С мраморных барельефов на нас гневно смотрели перепачканные сажей ангелы.

— Неужели нам придется осматривать весь собор? — вслух поинтересовался я. — Он ведь такой огромный.

— Ничего, справимся, — ответила Эмма.

Станный звук заставил нас замереть в дверях. Он напоминал доносящуюся издалека автосигнализацию и звучал то низко, то высоко, описывая плавные длинные дуги. Но в 1940-м году не было автосигнализаций. Это была сирена воздушной тревоги.

Гораций съежился.

— Немцы летят! — воскликнул он. — Смерть придет к нам с неба!

— Мы не знаем, что означает этот звук, — заупрямилась Эмма. — Вдруг это ложная тревога или просто проверка.

Но улицы и площадь стремительно опустели. Старики сложили газеты и тоже покинули скамьи.

— Они, похоже, не считают это проверкой, — кивнул в их сторону Гораций.

— С каких это пор мы боимся каких-то несчастных бомб? — поинтересовался Енох. — Хватит хныкать!

— Стоит ли напоминать, — подал голос Миллард, — что это не те бомбы, к которым мы привыкли в Кэрнхолме. Мы понятия не имеем, где разорвутся эти!

— Тем больше оснований хватать то, за чем мы сюда явились, и делать это как можно быстрее! — скомандовала Эмма и шагнула внутрь, вынуждая нас сделать то же самое.

Я был потрясен: изнутри собор выглядел еще более внушительным, чем снаружи. Несколько человек молчаливо молились перед алтарем, опустившись на колени, не обращая внимания на небольшие повреждения стен. Сам алтарь привалило грудой обломков. Сквозь оставленное бомбой отверстие в крыше в собор струился солнечный свет. На упавшей колонне сидел одинокий солдат. Он запрокинул голову и сквозь проломленный потолок смотрел на небо.

Мы медленно шли по проходу, и под ногами у нас хрустели обломки кафельной плитки и бетонная крошка.

— Я ничего не вижу, — пожаловался Гораций. — И вообще, здесь

совершенно спокойно могут спрятаться десять тысяч голубей!

— Не смотрите, — произнес Хью. — *Слушайте!*

Мы остановились, напрягая слух, но вместо характерного воркования голубей слышали неумолчный вой сирены, на фоне которого уже раздавался глухой треск, напоминающий раскаты грома. Я приказал себе сохранять спокойствие, хотя мое сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из грудной клетки.

Это падали бомбы.

— Надо уходить, — произнес я, чувствуя, как меня захлестывает паника. — Где-то поблизости должно быть убежище. Или другое безопасное место, где можно переждать налет.

— Но мы совсем близко! — воскликнула Бронвин. — Мы не можем все оставить!

Следующий взрыв раздался совсем рядом, и остальные тоже занервничали.

— Возможно, Джейкоб прав, — произнес Гораций. — Давайте переждем в безопасном месте и вернемся, когда бомбежка закончится.

— На самом деле безопасных мест не существует, — сообщил ему Енох. — Эти бомбы способны проникать даже в самые глубокие убежища.

— Они не могут проникнуть в петлю, — вмешалась Эмма. — И если об этом соборе написана история, то здесь должен быть и вход в петлю.

— Возможно, — протянул Миллард. — Очень даже возможно. Дайте мне книгу, и я попытаюсь это выяснить.

Бронвин открыла чемодан и вручила Милларду книгу.

— Посмотрим, — произнес он, переворачивая страницы.

Наконец он остановился на странице, озаглавленной как «Голуби Святого Павла».

Вокруг падают бомбы, а мы читаем сказки, — подумал я. — Я сошел с ума и угодил в страну безумцев.

— Слушайте внимательно! — произнес Миллард. — Если где-то поблизости есть вход в петлю, эта легенда может сообщить нам, где он находится. К счастью, это совсем короткая история.

Рядом с собором разорвалась бомба. Пол задрожал, а с потолка нам на головы посыпалась штукатурка. Я стиснул зубы и сосредоточил свое внимание на дыхании.

Миллард невозмутимо откашлялся.

— «Голуби Святого Павла»! — произнес он своим громким и звучным голосом.

— Название мы уже знаем! — проворчал Енох.

— Читай быстрее, пожалуйста, — поддержала его Бронвин.

— Если вы будете и дальше меня перебивать, мы проведем здесь всю ночь, — огрызнулся Миллард, а затем продолжил чтение: — «Много странных лет назад до того, как в Лондоне появились башни, шпили или другие высокие сооружения, там жила стая голубей, которые вбили себе в голову, что им хочется вить гнезда очень высоко, подальше от суеты и шума общества людей. Голуби даже знали, как построить высокую башню, потому что они прирожденные строители. Они вообще гораздо умнее, чем мы готовы признать. Но жителей древнего Лондона не интересовали высокие здания, поэтому однажды ночью птицы проникли в спальню самого трудолюбивого человека, которого им удалось найти, и нашептали ему на ухо план строительства величественной башни.

Утром этот человек проснулся взволнованным. Ему приснился — во всяком случае, он так считал — величественный храм с высоченным шпилем, возведенный на самом высоком холме города. Несколько лет спустя ценой невероятных усилий храм был построен. Он огромной башней возвышался над городом, и в нем было множество укромных уголков, где могли гнездиться голуби, которые остались очень довольны собой.

Но однажды на город напали викинги. Они сожгли башню до основания, и голубям пришлось найти другого архитектора, нашептать ему на ухо свой план и снова терпеливо ожидать, пока им возведут новую башню, еще выше и величественнее прежней. И башню построили, и она оказалась очень величественной и очень высокой. А потом сгорела и она.

Так продолжалось сотни лет. Башни уничтожались пожарами, а голуби нашептывали планы строительства еще более величественных и высоких башен все новым поколениям архитекторов, черпавших вдохновение в своих ночных видениях. Хотя эти архитекторы так ни разу и не осознали, в каком долгу перед птицами, все же они относились к ним с большой нежностью и позволяли им располагаться в нефах и звонницах подобно талисманам и хранителям храмов, которыми они и в самом деле являлись».

— Все это нам никак *не помогает*, — заметил Енох. — Переходи к той части, где говорится о входе в петли!

— Я перехожу к тому, к чему *перехожу*! — огрызнулся Миллард. — «Наконец, после того как было построено и уничтожено множество церквей, планы голубей стали настолько честолюбивыми, что они очень долго не могли найти человека, достаточно умного для их осуществления. Когда им это наконец удалось, человек долго сопротивлялся, пребывая в уверенности, что холм проклят, потому что до сих пор все построенные на

нем церкви сгорали. Он пытался выбросить эту идею из головы, но голуби возвращались и ночь за ночью шептали ему на ухо план строительства. И все же он продолжал бездействовать. Поэтому они прилетели к нему среди дня, чего никогда не делали прежде, и рассказали ему на своем странном смеющемся языке, что он единственный человек, которому под силу выстроить для них башню, а значит, он просто обязан это сделать. Но он отказался и выгнал их из своего дома с криками: „Кыш, кыш, пошли отсюда, грязные создания!“

Голуби так оскорбились, что решили отомстить. Они преследовали архитектора до тех пор, пока он не оказался на грани безумия, они сопровождали его всюду, куда бы он ни направлялся, дергая его за одежду и волосы, портя его пищу своим пухом. Они не давали ему покоя даже ночью, постоянно долбя в стекло клювами. И наконец наступил день, когда он упал на колени и воскликнул:

„О голуби! Я построю все, о чем вы попросите, при условии, что вы присмотрите за храмом и убережете его от пожара!“

Это очень озадачило голубей. Они посоветовались и решили, что могли бы и получше оберегать предыдущие башни, если бы им меньше понравилось их строить. Они поклялись сделать все от них зависящее, чтобы защитить будущий храм. И тогда человек построил необыкновенный собор с двумя башнями и куполом. Он был таким величественным! Человек и голуби остались так довольны тем, что у них получилось, что стали закадычными друзьями. С тех пор, куда бы ни шел наш архитектор, его повсюду сопровождал один из голубей, который в случае необходимости выступал в роли его помощника и советчика. Даже после того, как он умер, благополучно достигнув уважаемого преклонного возраста, птицы продолжали время от времени навещать его в подземном царстве. И по сей день вы можете увидеть построенный ими собор на самом высоком холме Лондона, и за ним по-прежнему присматривают голуби».

Миллард закрыл книгу.

— Конец.

Эмма издала досадливый взглас:

— Да, но откуда они за ним присматривают?

— Если бы ты прочитал сказку о котах на луне, с нее и то было бы больше толку для нашей нынешней ситуации, — раздосадованно проворчал Енох.

— Я ничего не поняла, — недоумевала Бронвин. — А вы поняли?

Я почти понял. Мне показалось, что нечто было сокрыто во фразе «в

подземном царстве»... Но вслед за этим я неизменно спотыкался о соображение: голуби в аду, что ли?

Тут раздался взрыв очередной бомбы, такой мощный, что все сооружение заходило ходуном, а откуда-то сверху неожиданно послышалось хлопанье крыльев. Мы подняли головы и увидели трех испуганных голубей, вылетевших из тайника над стропилами. Мисс Сапсан пронзительно заклекотала от радости, как будто хотела сказать: *Это они!* а Бронвин подхватила ее на руки, и мы бросились вдогонку за птицами. Голуби пролетели по всему нефу, резко повернули и исчезли за какой-то дверью.

Несколько секунд спустя мы тоже стояли у этой двери. К моему облегчению, она вела не наружу, где нам нечего было и надеяться поймать голубей, а на лестницу, спиралью уводившую куда-то вниз.

— Ха! — пришел в восторг Енох, хлопая своими пухлыми ладошками. — Попались! Теперь они в подвале, и им от нас не уйти!

Мы бросились бежать по лестнице. У ее подножия обнаружилась просторная, тускло освещенная комната с каменными стенами и полом. Тут царил холодная, сырая и почти непроницаемая темнота. Электричество явно давно отключили, поэтому Эмма зажгла огонек на своей ладони и посветила вокруг. Наконец нам стало ясно, где мы находимся. Под нашими ногами от стены до стены протянулись мраморные плиты, на которых были высечены какие-то слова. Та, на которой стоял я, гласила: **ЕПИСКОП ЭЛДРИДЖ ТОРНБРАШ, УМЕР В 1721 ГОДУ.**

— Это не подвал, — прошептала Эмма. — Это склеп.

По моей спине пополз холодок, и я шагнул к Эмме, стремясь оказаться поближе к ее свету и теплу.

— Ты хочешь сказать, что под этим полом похоронены люди? — дрожащим голосом уточнила Оливия.

— Ну и что? — пожал плечами Енох. — Давайте ловить этого чертова голубя, пока одна из бомб не похоронила тут нас.

Эмма поворачивалась вокруг своей оси, освещая стены.

— Они должны быть где-то здесь. Эта лестница — единственный выход наружу.

И тут мы снова услышали, как где-то захлопали крылья. Я напрягся. Эмма заставила свой факел гореть ярче и направила его в ту сторону, откуда раздавались звуки. Мерцающий свет упал на плоскую могилу, на несколько футов выступающую над полом. Между могилой и стеной имелась щель, заглянуть в которую с того места, где мы стояли, было невозможно. Это было идеальное убежище для птицы.

Эмма поднесла палец к губам и знаком пригласила нас следовать за ней. Мы повиновались. Крадучись, мы подошли к могиле, окружив ее с трех сторон.

— *Готовы?* — одними губами спросила Эмма.

Остальные кивнули. Я поднял вверх большой палец. Эмма на цыпочках подошла к могиле и заглянула за надгробие.

— Ничего, — разочарованно протянула она и с досадой топнула ногой.

— Я не понимаю, — воскликнул Енох. — *Они были здесь!*

Мы все подошли и заглянули за плиту. И тут Миллард прошептал:

— Эмма, посвети, пожалуйста, на надгробие.

Эмма исполнила его просьбу, и Миллард вслух прочитал надпись на плите:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ КРИСТОФЕР РЕН
СТРОИТЕЛЬ ЭТОГО СОБОРА

— Рен! [\[3\]](#) — воскликнула Эмма. — Какое странное совпадение!

— Я сомневаюсь, что это совпадение, — отозвался Миллард. — Должно быть, это родственник мисс Королек. Возможно, он ее отец!

— Это очень интересно! — пробормотал Енох. — Но хотел бы я знать, как это поможет нам найти ее саму или ее голубей!

— Именно это я и пытаюсь понять, — еле слышно произнес Миллард. Он немного походил, а затем процитировал строчку из истории: — «Птицы продолжали время от времени навещать его в подземном царстве».

Тут мне почудилось, что я слышу голубиное воркование.

— Тс-с, — произнес я, и все прислушались.

Спустя несколько секунд воркование послышалось снова. Оно доносилось из-за могилы. Я обошел надгробие и опустился на колени. И только тут я заметил у его основания небольшое, не больше кулака, отверстие, в которое могла бы пробраться только птица.

— Идите сюда! — позвал я друзей.

— Ничего себе! — воскликнула Эмма, поднося к отверстию огонек. — Возможно, именно там и находится подземное царство.

— Но оно такое маленькое, — прошептала Оливия. — Как же мы достанем оттуда птиц?

— Мы можем подождать, пока они выберутся оттуда сами, — предложил Гораций, но тут бомба разорвалась так близко, что у меня все поплыло перед глазами, а зубы лязгнули.

— Зачем же, — хмыкнул Миллард. — Бронвин, ты не могла бы

открыть могилу сэра Рена?

— Нет! — закричала Оливия. — Я не хочу видеть его сгнившие косточки!

— Не волнуйся, милая, — успокоила ее Бронвин. — Миллард знает, что делает.

Она уперлась ладонями в край могилы и налегла на плиту. Та неохотно сдвинулась с места, издавая хриплый скрежет.

Вопреки моим опасениям в воздухе запахло вовсе не смертью, а всего лишь плесенью и старой пылью. Мы столпились вокруг и заглянули в могилу.

— Ничего себе! — снова произнесла Эмма.

Глава девятая

Вместо гроба мы все увидели лестницу, уводящую куда-то вниз, в кромешную тьму. Потеряв дар речи, мы вглядывались в эту черноту.

— Я туда не полезу, и не просите! — воскликнул Гораций. Но тут же три взрыва подряд встряхнули здание, обрушив на наши головы осколки бетона, и внезапно Гораций оттолкнул меня и начал спускаться со словами: — Прошу прощения, нарядных пропускаем вперед! Прочь с дороги!

Эмма успела поймать его за рукав.

— Освещение у меня, поэтому вперед пойду я. За мной пойдет Джейкоб, на тот случай, если там внизу... *что-то* есть.

Я слабо улыбнулся, хотя от одной мысли о спуске в неизвестность у меня подкашивались ноги.

— Ты имеешь в виду что-то, *помимокрыс*, холеры и всяких сумасшедших гномов, обитающих под склепами? — уточнил Енох.

— Не имеет значения, что мы там увидим, — мрачно произнес Миллард. — Мы в любом случае вынуждены иметь с этим дело.

— Вот и хорошо, — кивнул Енох. — Но я очень надеюсь, что мисс Королек действительно там, внизу, потому что укусы крыс заживают очень медленно.

— А укусы пустот и того медленнее, — успокоила его Эмма и занесла ногу над лестницей.

— Будь осторожна, — предостерег ее я. — Я иду сразу за тобой.

Она помахала мне своей пылающей рукой и начала спускаться.

Наступила моя очередь.

— У вас когда-нибудь так бывает, что вы спускаетесь во время воздушного налета в открытую могилу, задаваясь вопросом: «И почему я не остался в постели?» — произнес я.

Енох пнул меня носком ботинка.

— Ты всех задерживаешь.

Схватившись за край могилы, я поставил ногу на лестницу. Промелькнула мысль обо всех приятных и скучных занятиях, которым я мог бы посвятить свое лето, если бы все пошло иначе. Я мог бы поехать в теннисный лагерь. Научиться управлять яхтой. Да раскладывал бы по полкам товар, наконец. Совершив над собой нечеловеческое усилие, я заставил себя начать спуск.

Лестница окончилась в тоннеле. С одной стороны был тупик, а с

другой — исчезающий в темноте коридор. В холодном воздухе стоял странный запах наподобие того, который спустя какое-то время начинает издавать старая одежда, забытая в затопленном погребе. С шероховатых каменных стен постоянно стекала влага загадочного происхождения.

Мы с Эммой ожидали остальных, и я чувствовал, как холод постепенно пробирает меня до костей. Мои друзья тоже это ощутили. Когда с лестницы сошла Бронвин, она открыла чемодан и раздала всем свитера из шерсти странных овец, которые нам подарили в зверинце. Я натянул свитер через голову, и он повис на мне, как мешок, закрыв руками даже пальцы. Но зато он был теплым.

Теперь чемодан Бронвин был пуст, и она оставила его у подножия лестницы. Мисс Сапсан ехала у нее за пазухой, практически свив там себе гнездо. Миллард настоял на том, чтобы ему доверили «Истории», несмотря на вес и объем издания, заявив, что у него в любой момент может возникнуть необходимость свериться с текстом. Но мне казалось, эта книга просто придает ему уверенности в себе. Кроме того, он относился к ней как к книге заклинаний, читать которую не умел никто, кроме него.

Все-таки мы представляли собой очень странную компанию.

Я медленно шел вперед, прощупывая темноту в поисках пустот. Но в этот раз я ощутил нечто неожиданное. Эта боль была еле ощутима, как будто вызвавшая ее пустота была здесь, но уже исчезла, и я чувствовал остатки ее присутствия. Я не стал об этом упоминать, чтобы не тревожить всех без особой необходимости.

Мы шли дальше. Шум наших шагов по мокрым камням эхом разносился по бесконечному коридору. Что бы ни ожидало нас впереди, подкрасться к нему незаметно нам все равно не удалось бы.

Время от времени до нас доносилось хлопанье крыльев и воркование, и мы несколько ускоряли шаги. Меня все сильнее охватывало ощущение, что ожидающий нас впереди сюрприз будет неприятным. В стенах виднелись каменные плиты, подобные тем, которые мы видели в склепе наверху. Впрочем, эти плиты были гораздо старше, и надписи на них истерлись и стали почти неразличимыми. Мы прошли мимо гроба, который не был погружен в могилу, а просто стоял на полу, затем наткнулись на несколько гробов, прислоненных к стене, как брошенные кем-то коробки для пакования вещей при переезде.

— Что все это означает? — прошептал Хью.

— Это означает, что кладбище переполнено, — ответил Енох. — Когда возникает необходимость освободить место для новых клиентов, они просто выкапывают старые гробы и складывают их здесь.

— Какой жуткий вход в петлю, — пробормотал я. — Представьте себе, что вам придется проходить здесь всякий раз, когда понадобится войти или выйти!

— Да не так уж этот тоннель отличается от входа в нашу собственную петлю, — возразил Миллард. — Входы в петли часто бывают неприятны не случайно. Нормальные люди их избегают, предоставляя их в наше полное распоряжение.

Вот так рационально. Мудро, я бы даже сказал. Но у меня в голове лихорадочно метались панические мысли: тут повсюду мертвые люди, кости, разложившиеся трупы и... о Господи...

— Ой! — прошептала Эмма и остановилась так резко, что я налетел на нее, а все остальные на меня и по очереди друг на друга.

Она поднесла свой огонь к стене и осветила резную дверь. Та была слегка приотворена, но за ней тоже виднелась лишь темнота. И тут до нас донесся звук, но не такой, как мы ожидали... не хлопанье крыльев или царапанье птичьих лап... Что-то человеческое.

Кто-то очень тихо плакал.

— Эгей? — позвала Эмма. — Кто здесь?

— Пожалуйста, не делайте мне больно, — произнес в ответ чей-то голос.

Или два голоса?

Огонек Эммы разгорелся поярче. Бронвин подкралась к двери и толкнула ее ногой. Она открылась, и нашему взгляду предстала маленькая комната, заполненная костями. Бедренные, берцовые кости и черепа — все эти розрозненные останки сотен людей были свалены здесь вперемешку.

Это зрелище так меня потрясло, что у меня закружилась голова, и я невольно попятился назад.

— Эй! — снова позвала Эмма. — Кто здесь? Покажитесь!

Сперва я не видел там ничего, кроме костей, но затем кто-то шмыгнул носом, и я поднял глаза на этот звук, донесшийся с вершины жуткой горы. Из глубины комнаты на нас, испуганно моргая, смотрели две пары глаз.

— Здесь никого нет, — произнес тихий голос.

— Уходите, — раздался второй голос. — Мы мертвы.

— Ничего подобного, — фыркнул Енох. — Я-то уж знаю!

— Выходите оттуда, — ласково позвала Эмма. — Мы вас не обидим.

— Обещаете? — хором спросили голоса.

— Обещаем, — кивнула Эмма.

Кости зашевелились. С кучи с грохотом свалился череп. Прокатившись по полу, он замер у моих ног, глядя на меня снизу вверх пустыми

глазницами.

Привет, будущее, — подумал я.

Затем на куче появились два маленьких мальчика. Они стояли на четвереньках, и их обведенные черными кругами глаза на фоне мертвенно-бледной кожи беспрестанно вращались в глазницах.

— Я Эмма, это Джейкоб, а это наши друзья, — сообщила им Эмма. — Мы странные, и мы не причиним вам вреда.

Мальчики ежились, как испуганные зверьки, и молчали. Лишь их глаза продолжали вращаться, одновременно глядя на все и ни на что.

— Что с ними? — прошептала Оливия.

— Нельзя так грубо, — шикнула на нее Бронвин.

— Вы можете нам сказать, как вас зовут? — очень мягким, увещающим тоном поинтересовалась у них Эмма.

— Я Джоэл и Питер, — сказал мальчик повыше.

— Так ты Джоэл или Питер? — уточнила Эмма.

— Я Питер и Джоэл, — сообщил ей младший мальчик.

— Нам некогда с вами играть, — раздосадованно произнес Енох. — У вас тут какие-нибудь птицы имеются? Никто не пролетал мимо?

— Голуби любят прятаться, — произнес мальчик повыше.

— На чердаке, — добавил младший.

— На каком чердаке? — спросила Эмма. — Где?

— В нашем доме, — хором ответили мальчики и, подняв руки, указали в глубину темного коридора.

Когда говорили, они как будто дополняли друг друга, и если предложение было достаточно длинным, один из них начинал, а второй заканчивал. При этом сколько-нибудь заметной паузы в их речи не возникало.

Я также заметил, что когда один из них говорил, второй беззвучно артикулировал, причем делалось это так синхронно, как будто у них был один мозг на двоих.

— Вы не могли бы показать нам дорогу к вашему дому? — спросила

Эмма. — Вы отведете нас на ваш чердак?

Джоэл-и-Питер покачали головами и попятились назад, в темноту.

— Что с вами? — спросила Бронвин. — Почему вы не хотите туда идти?

— Смерть и кровь! — воскликнул один мальчик.

— Кровь и крики! — воскликнул второй.

— Крики, и кровь, и тени, которые кусаются! — воскликнули они вместе.

— Пока-пока! — заявил Гораций, резко разворачиваясь и делая шаг обратно. — Увидимся наверху, в склепе. Надеюсь, что очередная бомба не разнесет меня на куски.

Эмма схватила его за рукав.

— Куда? Ты единственный, кому удалось поймать голубя!

— Ты что, их не слышала? — спросил Гораций. — В этой петле полно теней, которые кусаются, что может означать только одно — присутствие пустот!

— Их тут *было* полно, — вмешался я. — Но сейчас их здесь нет.

— Когда вы в последний раз были в своем доме? — спросила Эмма у мальчиков.

Все в той же странной манере они объяснили, что их петлю взломали, но им удалось бежать в катакомбы и спрятаться среди костей. Сколько времени они тут находятся, они сказать не могли. Два дня? А может, три? В полном мраке они полностью утратили счет времени.

— Бедняжки! — воскликнула Бронвин. — Какие ужасы вам пришлось пережить!

— Вы не сможете находиться здесь вечно, — произнесла Эмма. — Вы стремительно состаритесь, если как можно скорее не найдете другую петлю. Мы можем вам помочь, но сперва нам нужно поймать голубя.

Мальчики посмотрели друг другу во вращающиеся глаза и, похоже, поговорили, не произнеся ни слова.

— Идите за нами, — хором произнесли они.

Соскользнув с горы костей, они зашагали по тоннелю.

Мы пошли следом.

Я не мог отвести от них глаз. Эти мальчики были завораживающе странными. Они постоянно держались за руки и каждые несколько шагов делали диковинные щелкающие звуки языком.

— Что они делают?

— Я думаю, это их способ видеть, — ответил Миллард. — Точно так же видят в темноте летучие мыши. Звуки, которые они издают, отражаются

от окружающих предметов и возвращаются к ним, что создает у них в мозгу определенную картинку.

— Мы эхолокаторы, — произнесли Джоэл-и-Питер.

Судя по всему, слух у них был очень острый.

Мы дошли до развилки, затем еще до одной.

В какой-то момент я ощутил внезапное давление в ушах и был вынужден подвигать челюстью, чтобы от него избавиться. В этот момент я понял, что мы покинули 1940 год и вошли в петлю.

Наконец мы уперлись в тупик. В отвесной каменной стене были высечены ведущие вверх ступени.

Джоэл-и-Питер остановились и указали на крошечное пятнышко света высоко вверху.

— Наш дом, — произнес старший.

— Наверху, — закончил младший.

С этими словами они растворились в темноте.

* * *

Ступени были скользкими от мха, из-за чего подниматься приходилось очень медленно, чтобы не свалиться вниз. Лестница вела к круглой дверце в потолке, через которую мог пролезть взрослый человек. В щель этого люка проникал тусклый отблеск света. Поддев крышку пальцами, я толкнул ее в сторону, отчего она открылась подобно диафрагме фотоаппарата. Над нами возвышалась круглая кирпичная труба, которая на высоте двадцати или тридцати футов оканчивалась бледным кругом неба. Я находился на дне ложного колодца.

Я стал карабкаться наверх. На полпути мне пришлось остановиться и

передохнуть, уперевшись спиной в противоположную стенку. Когда жжение в бицепсах улеглось, я быстро преодолел остаток пути и, перевалившись через край колодца, рухнул в траву.

Колодец находился во дворе какого-то обветшалого дома. Небо над головой было нездорового желтоватого цвета, но его не затягивал дым, и гула самолетных двигателей я тоже не услышал. Мы явились в какой-то довольно отдаленный период еще до войны. Возможно, еще до появления автомобилей. В холодном воздухе порхали редкие снежинки. Впрочем, они таяли, едва коснувшись земли.

Из колодца выбралась Эмма, затем Гораций. Эмма решила, что именно мы втроем должны осмотреть дом. Мы не знали, что нас здесь ожидает, и в случае необходимости спастись бегством было бы проще небольшой группой, способной на гибкие маневры. Никто из тех, кто остался внизу, спорить с ее решением не стал. Предостережение Джоэла-и-Питера относительно крови и теней испугало всех. Недоволен остался один Гораций, который беспрестанно бормотал себе под нос, что лучше бы он не ловил того голубя на площади.

Бронвин помахала нам снизу и плотно закрыла круглую дверь на дне колодца. Верхняя ее часть была выкрашена таким образом, что напоминала поверхность воды. Только эта вода была такой темной и мутной, что никому и в голову не пришло бы пытаться ее зачерпывать. *Очень хитроумное решение*, — подумалось мне.

Сбившись в кучу, мы огляделись вокруг. И двор, и непосредственно дом выглядели совершенно запущенными. Трава вокруг колодца была утоптана, но в остальных частях двора ничто не сдерживало ее буйный рост, и местами она закрывала даже подоконники первого этажа. В углу двора стояла полусгнившая собачья будка, а рядом болталась провисшая бельевая веревка, которую постепенно поглощала зеленая поросль.

Мы замерли и прислушались в надежде услышать голубей. Из-за стен дома доносился стук лошадиных копыт. Нет, это определенно не 1940 год.

И тут я заметил, как шевельнулась штора в одном из окон второго этажа.

— Вон там, наверху, — прошипел я, указывая на окно.

Я не знал, кто дернул штору — человек или птица, но выяснить это было необходимо. Я направился к входной двери, поманив за собой друзей, но тут же споткнулся обо что-то в высокой траве.

На земле лежало тело, накрытое с головы до ног черным брезентом. Из-под одного края брезента носками в небо выглядывали сношенные туфли. В трещину на подошве была вставлена белая открытка, на которой аккуратным почерком было написано:

Мистер А. Ф. Крамбли.

В последние годы жил во внешних провинциях.

Скорее стремительно состарился, чем был забран живым.

Любезно просит поместить его останки в Темзу.

— Не повезло бедняге, — прошептал Гораций. — Он приехал сюда из деревни, видимо, когда его собственная петля была взломана, для того, чтобы попасть в новую петлю, которую тоже вскоре взломали.

— Но почему они не похоронили бедного мистера Крамбли, а оставили его лежать под открытым небом? — прошептала Эмма.

— Потому что они бежали отсюда в спешке, — ответил я.

Эмма наклонилась и потянулась к краю брезента на теле мистера Крамбли. Я не хотел на него смотреть, но любопытство пересилило.

Я отвернулся в сторону, но все равно продолжал коситься на него из-под растопыренных пальцев, которыми закрыл лицо. Я ожидал увидеть разложившийся труп, но мистер Крамбли был целехонек и на удивление молод, не более сорока или пятидесяти лет. Его черные волосы едва начали седеть на висках, глаза были закрыты, а лицо выглядело очень умиротворенным, как будто он просто уснул. Неужели он действительно состарился так же стремительно, как то яблоко, которое я вынес из петли мисс Сапсан?

— Эй, вы умерли или спите? — окликнула его Эмма.

Она коснулась уха мужчины носком ботинка, и вдруг полголовы откололось и рассыпалось в пыль.

Эмма ахнула и выпустила брезент из рук. Крамбли превратился в высохший гипсовый слепок самого себя, такой хрупкий, что сильный порыв ветра мог разнести его в прах.

Бедный рассыпающийся мистер Крамбли остался лежать на земле, а

мы подошли к входной двери. Взявшись за дверную ручку, я осторожно ее повернул, и дверь отворилась. Мы вошли в комнату, которая оказалась прачечной. В большой корзине лежала чистая с виду одежда, а над раковиной висела стиральная доска. Этот дом покинули совсем недавно.

Здесь Ощущение чувствовалось гораздо острее, и все же нас по-прежнему окружали лишь обрывки присутствия пустот. Открыв еще одну дверь, мы вошли в гостиную. У меня все сжалось в груди. Здесь были отчетливо видны следы борьбы: перевернутая и разбросанная мебель, сброшенные с каминной полки фотографии, изорванные в клочья обои.

— *О нет!* — услышал я возглас Горация.

Проследив за его взглядом, я увидел темное, округлой формы пятно, расплывшееся по потолку. Наверху произошло что-то ужасное.

Эмма зажмурилась.

— Просто слушай, — произнесла она. — Слушай, где воркуют птицы, и больше ни о чем не думай.

Мы закрыли глаза и прислушались. Прошла минута. Затем раздалось приглушенное голубиное воркование. Я открыл глаза и огляделся, пытаюсь понять, откуда оно доносится.

Лестница.

Мы начали осторожно подниматься вверх, стараясь не скрипеть ступенями. Мое сердце билось так громко, что его удары отдавались в висках и горле. Лицезрение старого раскрошившегося трупа я еще вынести мог, но не был уверен, что сцена убийства дастся мне так же легко.

Коридор второго этажа был усеян какими-то обломками. На полу лежала сорванная с петель и расколотая в щепы дверь. В пустом дверном проеме высилась опрокинутая башня из сундуков и комодов — кто-то безуспешно пытался забаррикадироваться изнутри.

В следующей комнате белый ковер был пропитан кровью. Это было то самое пятно, которое просочилось сквозь пол на потолок нижнего этажа. Но из кого бы ни вытекла эта кровь, его здесь давно уже не было.

На последней двери коридора не было ни малейших следов взлома. Я осторожно ее приотворил и обежал взглядом комнату. Тут стояли платяной шкаф и комод, на котором были аккуратно расставлены фарфоровые фигурки, а на окне трепетала кружевная занавеска. Ковер был чистым, и все находилось на своих местах.

Я перевел взгляд на кровать и на то, что в ней находилось, и попятился, прижавшись спиной к двери. Под чистыми белыми покрывалами лежали двое мужчин, которые, казалось, спали, а между ними «спали»... два скелета.

— Стремительное старение, — произнес Гораций, прижимая к горлу дрожащие руки. — У двоих оно было выражено гораздо отчетливее, чем у всех остальных.

Гораций пояснил, что мужчины, которые показались мне спящими, так же мертвы, как и мистер Крамли во дворе. Стоило нам к ним прикоснуться, и они точно так же рассыпались бы.

— Они сдались, — прошептала Эмма. — Они устали убегать и просто сдались.

Она смотрела на трупы со смешанным чувством жалости и отвращения.

Она считала их слабаками и трусами, которые предпочли самый легкий выход. Но у меня не шла из головы мысль о том, что, возможно, эти люди лучше нас знали, что делают твари со своими пленниками. Может быть, мы тоже предпочли бы смерть, если бы знали это.

Мы вернулись в коридор. У меня кружилась голова, и меня тошнило. Больше всего на свете мне хотелось покинуть этот дом. Но мы еще не сделали то, зачем сюда пришли. Нам предстояло подняться еще по одной лестнице.

Лестничная площадка наверху была закопчена дымом. Я представил себе странных людей, которым удалось отразить первую атаку пустот и которые собрались здесь для последнего боя. Возможно, они пытались

бороться с силами Зла с помощью огня. А может, это Зло их оттуда выкуривало. Как бы то ни было, похоже, дому едва удалось избежать пожара.

На узкий чердак с покатыми стенами вела низкая дверь. Мы пригнулись и вошли. Все здесь почернело от огня, который также прожег дыры в крыше.

Эмма ткнула Горация в бок.

— Это где-то здесь, — еле слышно произнесла она. — Включай свое волшебство, ловец птиц.

Гораций на цыпочках вышел на середину комнаты и нараспев произнес:

— Сюда, гули, гули, гули...

Вдруг где-то у нас за спиной раздалось хлопанье крыльев и сдавленный крик. Обернувшись, мы увидели в темноте под стропилами не голубя, а девочку в черном платье.

— Вам это нужно? — спросила девочка, поднимая одну руку к столбу солнечного света, струящегося из дыры в крыше. У нее в ладони извивался, пытаясь вырваться, голубь.

— Да! — воскликнула Эмма. — Слава Богу, что ты его поймала!

Она бросилась к голубю, вытянув вперед руки, чтобы взять птицу, но тут девочка закричала:

— Остановись! — И щелкнула пальцами.

Из-под Эммы вылетел обугленный половик, одновременно дернув ее за ноги, и она рухнула на пол.

Я поспешил к ней.

— Ты в порядке?

— На колени! — рывкнула на меня девочка. — Руки за голову!

— Все нормально, — успокоила меня Эмма. — Делай то, что она говорит. Она телекинетик, и у нее совершенно очевидно не все в порядке с нервами.

Я встал на колени рядом с Эммой, переплетя пальцы у себя на затылке. Эмма последовала моему примеру. Гораций, дрожа всем телом, тяжело опустился на пол и прижал ладони к обугленным доскам.

— Мы не хотим причинить тебе вреда, — произнесла Эмма. — Нам всего лишь нужен голубь.

— О, я отлично знаю, что вам нужно, — со злобной ухмылкой отозвалась девочка. — Такие, как вы, никогда не отказываются от задуманного, верно?

— Такие, как мы? — переспросил я.

— Положите оружие на пол и толкните его ко мне! — снова рывкнула девочка.

— У нас нет никакого оружия, — спокойно ответила Эмма, изо всех сил пытаясь не расстроить девочку еще больше.

— Вам же будет лучше, если вы не будете принимать меня за дуру! — закричала та. — Вы слабые и не обладаете собственной силой, поэтому вам приходится полагаться на пистолеты и прочее оружие. Быстро положите его на пол!

Эмма повернула голову ко мне и прошептала:

— Она принимает нас за тварей.

Я чуть не расхохотался.

— Мы не твари. Мы *странные* дети!

— Вы не первые пустоглазые, которые охотятся за голубями, — отрезала она, — и не первые, кто пытается выдать себя за странных детей. И вы будете не первыми, кого я убью! А теперь быстро положите оружие на пол, если не хотите, чтобы я сперва свернула шею этому голубю, а потом вам!

— Но мы не твари! — продолжал настаивать я. — Посмотри на наши глаза, если ты нам не веришь!

— Ваши глаза ничего не доказывают! — заявила девочка. — Цветные линзы — это старый трюк, и, можете мне поверить, я знаю все ваши хитрости.

Девочка сделала шаг вперед, к свету. В ее глазах пылала ненависть. У нее были короткие волосы и квадратный подбородок. Если бы не платье, ее можно было бы принять за мальчишку. И у нее были остекленевшие глаза человека, не спавшего уже много дней. Было ясно, что она держится на силе воли и адреналине. Никто на ее месте и в ее состоянии не был бы способен проявлять доброту или терпение.

— Клянусь тебе, мы действительно странные! — произнесла Эмма. — Смотри, я тебе докажу! — Она отвела одну руку от головы и уже собиралась зажечь пламя, как вдруг интуиция заставила меня схватить ее за запястье.

— Если где-то поблизости есть пустоты, они это почувствуют, — предостерег я ее. — Думаю, они ощущают нас приблизительно так же, как я ощущаю их. Но им гораздо легче нас найти, когда мы используем свои способности. Это все равно что включить сирену.

— Но ты же пользуешься *своими* способностями, — с досадой в голосе возразила Эмма. — А она своими!

— У меня пассивные способности, — пояснил я. — Я не могу их выключить, поэтому они не оставляют отчетливого следа. Что касается ее, им известно, что она находится здесь. Может быть, им нужна не она.

— Как удобно! — фыркнула девочка. — В этом и заключаются твои способности? Ты чувствуешь тени?

— Он также способен их видеть, — уточнила Эмма. — И убивать.

— Вам придется придумать что-нибудь получше, — ухмыльнулась девочка. — Надо быть совсем полоумным, чтобы в это поверить.

Пока мы все это обсуждали, у меня в животе болью вспыхнуло новое Ощущение. Это уже были не следы, оставшиеся после посещения пуст *о* ты, но активное присутствие кого-то из них.

— Где-то поблизости пуст *о* та, — обратился я к Эмме. — Пора выбираться отсюда.

— Без птицы мы никуда не уйдем, — так же шепотом ответила она.

Девочка уже направлялась к нам.

— Пора с этим кончать, — заявила она. — Я предоставила вам более чем достаточно возможностей оправдаться. И вообще, мне начинает *нравиться* вас убивать. После того что вы сделали с моими друзьями, я никак не могу насытиться этими новыми впечатлениями!

Она остановилась в нескольких футах от нас и подняла руку, возможно, собираясь обрушить нам на головы остатки крыши. Если мы хотели спастись, наступил решающий момент.

Я вскочил на ноги, выбросив руки вперед, и столкнулся с девочкой, сбив ее с ног. Она издала возглас гневного изумления. Я вжал кулак в ладонь ее свободной руки, чтобы она больше не щелкала пальцами. Она выпустила птицу, и в нее тут же вцепилась Эмма.

Мы с Эммой вскочили и ринулись к открытой двери. Гораций продолжал в трансе сидеть на полу.

— Вставай и беги! — закричала ему Эмма.

Я потянул Горация за руки, пытаясь поставить его на ноги, как вдруг в углу оторвался от пола обгоревший комод. Пролетев через всю комнату, он ударил меня в голову острым углом, и я растянулся на полу, сбив с ног и Эмму.

Девочка неистовствовала от ярости. Я был уверен, что жить нам осталось считанные секунды. Но тут Гораций встал и во все горло завопил:

— *Мелина Манон!*

Девочка замерла.

— Что ты сказал?

— Тебя зовут Мелина Манон, — повторил он. — Ты родилась в Люксембурге в 1899 году. Ты приехала к мисс Дрозд, когда тебе было шестнадцать лет, и с тех пор живешь здесь.

Гораций застал ее врасплох. Она нахмурилась, затем описала дугу рукой. Комод, из-за которого я едва не потерял сознание, проплыл по воздуху, а затем замер, повиснув непосредственно над головой Горация. Если бы она его упустила, он раздавил бы нашего друга.

— Домашнее задание ты выполнил, — произнесла девочка. — Любая тварь могла узнать мое имя и дату рождения. К несчастью для вас, ваше вранье мне надоело.

И все же мне показалось, что убивать она не готова.

— Твой отец был банковским клерком, — поспешно произнес Гораций. — Твоя мама была очень красивой, но от нее сильно пахло луком. Она всю жизнь пыталась, но так и не смогла избавиться от этого запаха.

Комод подрагивал над головой Горация. Девочка смотрела на него, сдвинув брови и занеся руку у себя над головой.

— Когда тебе было семь лет, ты мечтала иметь арабского скакуна, — продолжал Гораций. — Твои родители не могли позволить себе такое дорогое животное, поэтому тебе купили ослика. Ты назвала его Хабиб, что означает *возлюбленный*. И как же ты его любила!

От удивления девочка даже рот открыла.

Гораций продолжал:

— Тебе было тринадцать лет, когда ты поняла, что можешь управлять предметами с помощью только лишь мысли. Ты начала экспериментировать с такими вещами как бумага, скрепки и монетки, но постепенно переходила ко все более крупным и тяжелым предметам. Но тебе так и не удалось поднять Хабиба, потому что твоя способность не распространяется на живые существа. Когда вы переехали в другой дом, ты решила, что окончательно утратила свои способности, потому что предметы перестали тебе повиноваться. Но причина заключалась в том, что ты не успела еще познакомиться с новым домом. Как только ты его запомнила и создала у себя в мозгу соответствующую команду, передвигать предметы в его пределах стало несложно.

— Откуда ты все это знаешь? — застыв от удивления, спросила

Мелина.

— Ты мне приснилась, — ответил Гораций. — В этом заключаются мои способности.

— Боже мой! — прошептала девочка. — Вы действительно странные. Комод мягко опустился на пол.

* * *

Я, пошатываясь, поднялся на ноги. Голова в том месте, где в нее врезался комод, гудела и болела.

— У тебя кровь! — вскрикнула Эмма, подскакивая, чтобы осмотреть рану у меня на голове.

— Я в полном порядке, — заверил я, уворачиваясь от нее. Во мне шевелилось Ощущение, и, если бы она ко мне прикоснулась, мне было бы труднее определить его источник. Каким-то образом я знал, что любое прикосновение тут же прервет дальнейшее развитие Ощущения.

— Прости за голову, — произнесла Мелина Манон. — Я думала, что, кроме меня, странных людей больше не осталось.

— Нас целая толпа в вашем колодце, в катакомбах, — сообщила ей Эмма.

— Правда? — Лицо Мелины засветилось. — Значит, еще не все потеряно!

— Былоне все потеряно, — уточнил Гораций. — Но наша последняя надежда только что вылетела в дыру в твоей крыше.

— Вы имеете в виду Уиннифред?

Мелина сунула два пальца в рот и свистнула. Мгновение спустя в отверстие в крыше влетел голубь и мягко опустился на ее плечо.

— Изумительно! — захлопал в ладоши Гораций. — Как ты это сделала?

— Уинни — моя подружка, — отозвалась Мелина. — Ручная, как домашняя кошка.

Я вытер кровь со лба тыльной стороной руки и решил не обращать внимания на боль. На это просто не было времени.

— Ты сказала, что твари приходили сюда за голубями, — обратился я к девочке.

Мелина кивнула.

— Три ночи назад они явились сюда со своими тенями. Они нас окружили, потом привели сюда мисс Дрозд и половину наших

воспитанников, после чего подожгли дом. Я спряталась на крыше. С тех пор твари возвращаются каждый день. Им нужна Уиннифред и ее друзья.

— И ты их убивала? — спросила Эмма.

Мелина опустила глаза.

— Я же вам уже сказала.

Гордость не позволяла ей сознаться в том, что она солгала. Но это не имело значения.

— Значит, мисс Королек разыскиваем не только мы, — заметила Эмма.

— И это означает, что она еще на свободе, — поддержал ее я.

— Возможно, — отозвалась Эмма. — Возможно.

— Мы думаем, что твой голубь может нам помочь, — снова обратился я к Мелине. — Нам нужно найти мисс Королек, и мы думаем, что птица знает, как это сделать.

— Я никогда не слышала ни о какой мисс Королек, — ответила Мелина. — Я просто кормлю Уинни, когда она прилетает в наш двор. Мы с ней друзья. Верно, Уинни?

Птица на ее плече радостно заворковала.

Эмма подошла к Мелине и обратилась к голубю:

— Ты знаешь мисс Королек? — громко и отчетливо произнесла она. — Ты можешь помочь нам ее найти? *Мисс Королек?*

Голубка сорвалась с плеча Мелины и подлетела к двери. Там она заворковала и захлопала крыльями, потом вернулась к нам. *Сюда*, — казалось, говорит она.

Это окончательно убедило меня в том, что мы на правильном пути.

— Нам придется забрать птицу с собой, — сообщил я Мелине.

— Только вместе со мной, — отозвалась она. — Если Уинни знает, как найти эту имбрину, я тоже иду с вами.

— Это не очень хорошая идея, — возразил Гораций. — Перед нами стоит чрезвычайно опасная задача...

— Дай нам птицу, — оборвала его Эмма. — Я тебе обещаю, что мы за тобой вернемся.

Неожиданный приступ боли пронзил мои внутренности. Я ахнул и согнулся, обхватив живот обеими руками.

Эмма бросилась ко мне.

— Джейкоб! Ты в порядке?

Говорить я не мог. Вместо этого я доковылял до окна, заставил себя выпрямиться и направил свое Ощущение в сторону купола собора, который виднелся над крышами домов всего в нескольких кварталах от того места, где мы находились, после чего перевел взгляд на улицу, по которой

катились запряженные лошадьми экипажи.

Они были там. Я почувствовал, как они приближаются по боковой улочке.

Это были они. Пустот было двое.

— Мы должны уходить, — прошептал я. — *Немедленно.*

Мелина щелкнула пальцами, и едва не убивший меня комод снова оторвался от пола.

— Я этого не допущу, — произнесла она, прищурившись и косясь на комод. — Но если вы возьмете меня, в придачу вам достанется Уинни. В противном случае...

Комод сделал пируэт на одной ножке, затем наклонился и рухнул на бок.

— Ладно, — сквозь зубы процедила Эмма. — Но если ты будешь нас задерживать, то мы заберем птицу, а тебя бросим.

Мелина широко улыбнулась и взмахнула рукой. Дверь с грохотом распахнулась.

— Как скажешь.

* * *

Мы слетели по лестнице так быстро, что наши ноги, казалось, не касаются ступеней. Через двадцать секунд мы уже были во дворе и, перепрыгнув через мертвого мистера Крамбли, по очереди нырнули в сухой колодец. Я прыгнул первым и что было силы пнул ногой зеркальное дно, не желая тратить драгоценное время на его отодвигание. Дверь сорвалась с петель и разлетелась в щепки.

— Эй, вы там, внизу, осторожно! — крикнул я и, поскользнувшись на мокрых каменных ступенях, свалился в темноту.

Чьи-то сильные руки подхватили меня (разумеется, это была Бронвин) и поставили на ноги. Я поблагодарил ее, ощущая, как колотится мое сердце.

— Что там произошло? — спросила Бронвин. — Вы поймали голубя?

— Он у нас, — ответил я.

В следующую секунду рядом с нами оказались Эмма и Гораций. Друзья встретили мое сообщение радостными возгласами.

— А это Мелина, — добавил я, показывая вверх.

Она все еще была на самом верху лестницы и с чем-то возилась.

— Скорее! — закричал я. — Что ты делаешь?

— Выигрываю время! — крикнула в ответ она, после чего захлопнула и заперла на ключ деревянную крышку колодца, одновременно отрезав нас от последнего источника света.

Пока она в темноте спускалась вниз, я объяснил друзьям, что за нами уже гонятся пустоты. Я так нервничал, что все, что у меня получилось, прозвучало так:

— УХОДИТЕ СКОРЕЕ БЕГИТЕ ПУСТОТЫ СЕЙЧАС ЖЕ!

Несмотря на столь невнятное объяснение, этого оказалось достаточно, и дети запаниковали.

— Как мы можем бежать, если мы ничего не видим? — закричал Енох. — Эмма, зажги огонь!

Эмма не торопилась выполнять его просьбу, видимо, помня о моем предостережении на чердаке. Схватив ее за руку, я на всякий случай быстро проговорил:

— Не делай этого! Они тут же нас найдут!

Я подумал, что будет лучше всего, если мы оторвемся от них в этом бескрайнем лабиринте тоннелей.

— Но мы не можем бежать вслепую, — возразила Эмма.

— Конечно, — произнес младший эхолокатор.

— Можем, — закончил старший.

Мелина, спотыкаясь, побрела на их голоса.

— Мальчики! Вы живы! Это я... Мелина!

Джоэл-и-Питер произнесли:

— Мы думали, что вы...

— ...все до одного...

— ...умерли.

— Возьмитесь за руки! — обратилась Мелина к нам. — Пусть мальчики нас ведут!

Я взял за руку Мелину, а Эмма — меня. Затем она нащупала в темноте руку Бронвин, и так далее, пока мы не выстроились в цепочку, возглавили которую слепые братья. Эмма сообщила им, что мы готовы, и мальчишки пустились бежать, увлекая нас за собой во мрак. Добежав до первой развилки, мы повернули налево. Под ногами захлюпала стоячая вода. Из тоннеля у нас за спиной раздался оглушительный треск, который мог означать лишь одно — пустоты проломились сквозь крышку колодца.

— Они в колодце! — крикнул я.

Я почти физически ощущал, как они извиваются, протискиваясь в узкую трубу колодца. Как только они очутятся в тоннеле, им не составит никакого труда нас догнать. Мы прошли лишь одну развилку — этого было

недостаточно, чтобы от них оторваться. Совершенно недостаточно.

Именно поэтому неожиданное восклицание Милларда показалось мне полным безумием.

— Остановитесь! Все остановитесь!

Слепые мальчики его послушали, и мы, спотыкаясь и едва не падая, начали по очереди врезаться друг в друга.

— Да что с вами такое! — крикнул я. — *Бежим!*

— Приношу свои извинения, — провозгласил Миллард, — но мне тут кое-что пришло в голову. Одному из нас необходимо выйти из петли первым, прежде чем это сделают эхолокаторы или эта девочка. В противном случае они угодят в настоящее, а мы в 1940 год, и мы расстанемся. Чтобы они отправились в 1940 год с нами, необходимо, чтобы один из нас вошел первым и открыл проход.

— Так вы пришли не из настоящего? — растерянно спросила Мелина.

— Он уже сказал, что мы пришли из 1940-го года, — ответила Эмма. — Но там у нас с неба дождем падают бомбы. Возможно, вы предпочтете остаться.

— Неплохая попытка, — заявила Мелина. — Но от меня вам так легко не отделаться. В настоящем еще хуже. Там на каждом шагу твари! Это из-за них я никогда не выходила из петли мисс Дрозд.

Эмма шагнула вперед и потянула за собой меня.

— Хорошо! Мы пойдем первыми!

Я протянул вперед свободную руку, беспомощно обшаривая пространство впереди себя.

— Но я ничего не вижу!

Старший эхолокатор произнес:

— До выхода всего двадцать шагов, и...

— ...промахнуться невозможно, — закончил младший.

И мы снова тронулись вперед, вслепую размахивая руками перед собой. Сначала я обо что-то споткнулся, потом зацепился левым плечом о стену.

— Иди прямо! — прошептала Эмма, дергая меня вправо.

У меня в животе все перевернулось. Я ощутил, что пустоты уже спустились в колодезь. Теперь, даже если они нас не ощущали, вероятность того, что они выберут правильный поворот в тоннеле и найдут нас, была пятьдесят на пятьдесят. Красться и осторожничать было некогда. Надо было бежать.

— К черту, — заявил я. — Эмма, посвети!

— С удовольствием!

Она выпустила мою руку и зажгла такое пламя, что у меня чуть не вспыхнули волосы на правой стороне головы.

Я тут же увидел точку перехода. Она была прямо перед нами, отмеченная вертикальной линией, которую кто-то краской нанес на стену. Мы всей толпой бросились бежать к ней.

Как только мы ее миновали, я ощутил давление в ушах. Мы вернулись в 1940 год.

Очертя голову, мы бежали по катакомбам. Огонь Эммы отбрасывал на стены мечущиеся тени, а слепые мальчики громко щелкали языками и выкрикивали: «Влево!» или «Вправо!», как только мы подбегали к очередной развилке.

Мы пробежали мимо кучи гробов, затем мимо осыпи костей. И вот мы в тупике, у лестницы, ведущей наверх, в склеп. Я подтолкнул наверх Горация, затем Еноха, а потом Оливия сбросила туфли и взлетела вверх.

— Слишком долго! — кричал я. — Быстрее!

Я ощущал, что они приближаются. Слышал громкий топот их языков по каменному полу. Как будто воочию видел челюсти, в предвкушении убийства истекающие черной маслянистой жидкостью.

И тут я их увидел: мутные подвижные пятна в черноте тоннеля.

— *Скорее!* — крикнул я и последним прыгнул на лестницу.

Когда я уже был на самом верху, Бронвин дотянулась и выдернула меня из люка, заставив миновать последние несколько ступеней. В одно мгновение я оказался в склепе, где меня уже ожидали друзья.

С громким стоном Бронвин подняла каменную плиту, служившую надгробием на могиле Кристофера Рена, и уронила ее на место. Не прошло и двух секунд, как что-то с такой силой ударилось о плиту снизу, что тяжелая каменная глыба подпрыгнула. Было ясно, что надолго она их не задержит, особенно с учетом того, что чудовищ было двое.

Они были так близко! Во мне оглушительно выль сигнал тревоги, а живот болел так, будто я выпил стакан кислоты. Взбежав по винтовой лестнице, мы оказались в нефе. В соборе было темно, и единственным источником света служило зловещее оранжевое сияние, мерцающее за витражными окнами. На мгновение мне показалось, что это последние лучи заката, но когда мы бросились к выходу, я заметил сквозь пролом в крыше черное небо.

Спустилась ночь. Вокруг продолжали рваться бомбы, причем с такой регулярностью, что грохот напоминал биение какого-то огромного сердца.

Мы выбежали наружу.

Глава десятая

Мы замерли на ступенях собора, в благоговейном ужасе озираясь вокруг. Нам показалось, что весь город охвачен огнем. Небо пылало оранжевыми бликами, такими яркими, что можно было читать. Площадь, по которой мы гонялись за голубями, превратилась в дымящуюся черную воронку. Сирены продолжали завывать, своим пронзительным сопрано оттеняя неумолимый мощный бас бомб. Тональность этого воя так напоминала человеческий голос, что казалось, все жители Лондона взобрались на крыши, чтобы вместе выплакать свое отчаяние. Благоговение сменилось страхом. Инстинкт самосохранения властно напомнил о себе, и мы сбежали по заваленной какими-то обломками лестнице на улицу. Мы пробежали мимо изуродованной площади и обогнули двухэтажный автобус, который выглядел так, будто побывал в кулаке свирепого великана. Я не знал, куда мы бежим, да нам и не было до этого никакого дела. Все, чего я хотел, это оказаться подальше от Ощущения, которое с каждой секундой становилось все мучительнее и тошнотворнее.

Я оглянулся на Мелину, которая тащила за руки слепых братьев, беспрестанно щелкающих языками. Я хотел было попросить ее выпустить голубку, чтобы мы могли пойти за ней. Но что толку было бы обнаружить мисс Королек сейчас, когда нам на пятки наступали пустоты? Мы нашли бы ее только для того, чтобы погибнуть у ее двери. К тому же мы подвергли бы опасности и ее жизнь. Нет, сначала необходимо было оторваться от пустот. А еще лучше — убить их.

Из-за какой-то двери высунулся человек в каске и закричал:

— Я бы посоветовал вам спрятаться в укрытие, — и тут же исчез.

Ну да, конечно, — подумал я, — *только куда?* Можно было спрятаться в руинах разрушенных зданий в надежде на то, что в царящем вокруг шуме пуст **о** ты пройдут мимо. Но они настигали нас, а наш след был еще слишком свеж. Я предостерег своих друзей, чтобы они ни в коем случае не пользовались своими способностями, и мы с Эммой пустились бежать впереди, петляя и беспрестанно поворачивая в надежде сбить пустот со своего следа.

И все же я чувствовал, что они приближаются. Они уже покинули собор и бежали по улицам, невидимые для всех, кроме меня. Хотя я не был уверен, что даже я увижу эти тени в темноте полуразрушенного города.

Мы бежали, пока мои легкие не начали гореть огнем. Оливия уже не

успевала за нами, и Бронвин подхватила ее на руки. Мы спешили по бесконечным кварталам затемненных окон, уставившихся на нас подобно глазам, лишенным век. Мимо разбомбленной библиотеки, осыпающей улицы пеплом и горящими страницами книг. Бомбы, упавшие на кладбище, вырыли из земли давно позабытых лондонцев в строгих костюмах и платьях, разметав их по деревьям, откуда они ухмылялись нам лишенными плоти улыбками. Скрученные в причудливый узел качели покачивались на краю превращенной в кратер детской площадки. Ужасы громоздились друг на друге, а с бомбардировщиков время от времени падали осветительные ракеты, озаряющие все вокруг ослепительными вспышками тысяч прожекторов. Они как будто говорили: *Смотрите. Смотрите, что мы сделали.*

Ночные кошмары ожили и окружили меня со всех сторон.

Не смотри, не смотри, не смотри...

Я завидовал слепым братьям, схематичный мир которых был лишен всех этих ужасающих подробностей. *Интересно, что им снится? —* промелькнула мысль. *— И снится ли им что-нибудь вообще?*

Эмма бежала рядом, и ее засыпанные пеплом и пылью волнистые волосы летели за ней.

— Все выбились из сил, — задыхаясь, пробормотала она. — Надо остановиться.

Она была права. Даже самые подготовленные уже шатались от усталости. Еще немного, и пустоты нас настигли бы. Нам пришлось бы иметь с ними дело посреди улицы, а это означало кровопролитие. Мы должны были найти укрытие.

Я повел всех к ряду домов. Поскольку пилоты бомбардировщиков предпочитают освещенные здания, все дома были затемнены: света не было ни на крыльце, ни в окнах. Безопаснее всего было бы расположиться в брошенном доме, но по причине затемнения мы не могли определить, какой дом пуст, а где еще живут люди. Приходилось выбирать наугад.

Я остановился посреди дороги.

— Что ты делаешь? — спросила Эмма, с трудом переводя дух. — Ты сошел с ума?

— Возможно, — ответил я и, вцепившись в Горация, обвел рукой улицу. — Выбирай.

— Что? — удивился он. — Почему я?

— Потому что я доверяю твоей интуиции больше, чем своей.

— Но мне никогда не снились такие сны! — запротестовал он.

— Может быть, снились, но ты об этом забыл, — не унимался я. —

Выбирай.

Он понял, что я от него не отстану, и судорожно сглотнул. Закрыв глаза, он замер, а затем обернулся и показал на дом у нас за спиной.

— Вот этот.

— Почему этот? — спросил я.

— Потому что ты заставил меня выбирать! — разозлился Гораций.

Я понял, что большего мне от него не добиться.

* * *

Входная дверь была заперта. Это не составило для нас проблемы: Бронвин вырвала из двери ручку и швырнула ее на улицу, после чего дверь отворилась сама. Мы ввалились в темную прихожую, стены которой были увешаны фотографиями с неразличимыми в темноте лицами. Бронвин закрыла дверь и подперла ее обнаруженным поблизости столом.

— Кто там? — раздался голос откуда-то изнутри.

Черт! Мы были не одни.

— Ты должен был выбрать *пустой* дом, — прошипел я Горацию.

— Я тебя сейчас очень сильно ударю, — пробормотал тот.

Искать другой дом времени не было. Мы были вынуждены представиться хозяину, кем бы он ни был. Оставалось только надеяться на то, что нас встретят приветливо.

— *Кто там?* — уже более требовательно повторил голос.

— Мы не грабители и не фашисты, — ответила Эмма. — Мы просто спрятались!

Ответа не последовало.

— Ждите здесь, — приказала Эмма остальным и потащила меня за собой по коридору. — Мы идем, чтобы поздороваться с вами! — крикнула она громким и приветливым голосом. — Не стреляйте, пожалуйста!

Дойдя до конца коридора, мы повернули за угол и увидели девочку. Она стояла в дверном проеме, сжимая в одной руке фонарь, а в другой нож для вскрытия писем. Она пристально всматривалась в наши лица, переводя взгляд прищуренных черных глаз с одного на другого.

— Здесь нет ничего ценного! — произнесла она. — Мародеры здесь уже побывали.

— Я же сказала тебе, что мы не воры! — возмущенно воскликнула Эмма.

— А я сказала вам, чтобы вы уходили. Если вы не уйдете, я закричу

и... и мой отец прибежит... со своим ружьем!

Девочка выглядела маленькой, но вместе с тем преждевременно повзрослевшей. Она была коротко подстрижена и одета в платье с большими белыми пуговицами, но что-то в окаменевших чертах лица делало ее гораздо старше ее возраста, как будто в свои двенадцать или тринадцать лет она успела многое повидать и пережить.

— Пожалуйста, не надо кричать, — попросил я, думая не о ее несуществующем отце, но о других созданиях, вполне способных явиться на крик.

Тут из-за ее спины раздался тоненький голосок:

— Кто там, Сэм?

От беспокойства черты девочки как будто заострились.

— Какие-то дети, — ответила она. — Я попросила тебя сидеть тихо, Эсме.

— Они добрые? Я хочу с ними познакомиться!

— Они уже уходят.

— Нас много, а вас двое, — деловито сообщила ей Эмма. — Мы у вас немного погостим, и говорить больше не о чем. Ты не будешь кричать, а мы не собираемся ничего красть.

В глазах девочки вспыхнул и тут же потух гнев. Она поняла, что проиграла.

— Хорошо, — кивнула она. — Но если что, я могу закричать, а еще воткнуть это в чей-нибудь живот.

Она вяло помахала ножом и снова опустила его вниз.

— Справедливо, — согласился я.

— Сэм? — снова раздался тоненький голосок. — Что там опять?

Девочка — Сэм — неохотно отступила в сторону, и за ее спиной мы увидели ванную комнату, освещенную мерцающим светом свечей. Тут были раковина, унитаз и ванна, в которой сидела девочка лет пяти. Она с любопытством смотрела на нас поверх края ванны.

— Это моя сестра Эсме, — произнесла Сэм.

— Привет! — пропела Эсме, помахав нам резиновой уткой. — Бомбы не попадают в тех, кто сидит в ванне, вы это знали?

— Я не знала, — ответила Эмма.

— Она чувствует себя здесь в безопасности, — прошептала Сэм. — Мы сидим тут во время каждого налета.

— Разве в укрытии не было бы безопаснее? — спросила я.

— Там просто ужасно, — покачала головой Сэм.

Остальным надоело ждать, и они подошли к нам. Бронвин

прислонилась к дверному косяку и помахала девчушке.

— Заходи! — радостно воскликнула Эсме.

— Ты слишком доверчивая, — упрекнула ее Сэм. — Когда-нибудь ты столкнешься с плохим человеком, и вот тут тебе придется пожалеть.

— Они не плохие, — возразила Эсме.

— *С виду*этого не понять.

Тут Хью и Гораций тоже заглянули в ванную, горя желанием понять, с кем мы столкнулись. Оливия пробралась у них между ногами и уселась на пол. Вскоре мы все столпились в ванной комнате, даже Мелина и слепые братья. При виде такого количества людей у Сэм подкосились ноги, и она тяжело плюхнулась на закрытую крышку унитаза. Зато ее сестра пришла в восторг, и по мере того как в ванную входили все новые гости, она по очереди спрашивала, как их зовут.

— Где ваши родители? — спросила Бронвин.

— Папа убивает плохих людей на войне, — гордо заявила Эсме. Она сделала вид, что держит винтовку, и закричала: — Ба-бах!

Эмма посмотрела на Сэм.

— Ты сказала, что твой отец наверху, — прямолинейно напомнила она девочке.

— Вы вломились в наш дом, — ответила Сэм.

— Верно.

— А ваша мама? — вмешалась в разговор Бронвин. — Где она?

— Уже давно умерла, — равнодушно откликнулась Сэм. — Поэтому, когда отец ушел на войну, нас попытались отправить в другую семью. Но из-за того, что папина сестра в Девоне ужасно жадная и согласилась взять только одну из нас, нас хотели отправить в разные места. Мы спрыгнули с поезда и вернулись сюда.

— Нас нельзя разлучать, — провозгласила Эсме. — Мы *сестры*.

— И ты боишься, что, если вы пойдете в укрытие, вас найдут и снова куда-то отправят? — спросила Эмма.

Сэм кивнула.

— Я этого не допущу.

— В ванне безопасно, — добавила Эсме. — Может, вам тоже стоит сюда залезть? Тогда мы все будем в безопасности.

Бронвин прижала ладонь к сердцу.

— Спасибо, милая, но нам в ней не поместиться!

Пока все остальные говорили, я сосредоточился на своих внутренних ощущениях. Пустоты уже не бежали. Ощущение замерло на одном уровне, что означало, что они не приближаются и не удаляются. Скорее всего, они находились где-то поблизости, высматривая и вынюхивая. Для меня это было хорошим знаком: если бы они знали, где мы находимся, они уже были бы здесь. Наш след остыл. Все, что необходимо было сделать, это на некоторое время залечь на дно и переждать. После этого мы смогли бы вслед за голубем отправиться к мисс Королек.

Мы столпились в ванной, прислушиваясь к тому, как рвутся бомбы где-то в другой части города. Эмма нашла в аптечке на стене пузырек с медицинским спиртом и настояла на том, чтобы промыть и забинтовать рану у меня на голове. Затем Сэм начала напевать какую-то до боли знакомую песенку, которую я никак не мог припомнить. Эсме играла с

уткой в ванне. И постепенно, пусть и очень медленно, Ощущение начало ослабевать. На несколько скоротечных минут эта мерцающая ванная комната стала для нас целым миром, коконом вдали от бед и войны.

Но война за стенами дома не желала, чтобы о ней забывали надолго. Загрохотали зенитные орудия. По крыше защелкала шрапнель, и бомбы снова начали приближаться. Теперь к их разрывам присоединились более зловещие звуки — глухой грохот рушащихся стен. Оливия обхватила себя за плечи. Гораций заткнул уши пальцами. Слепые мальчики стонали и раскачивались из стороны в сторону. Мисс Сапсан поглубже зарылась в складки пальто Бронвин, а голубь дрожал на коленях своей подруги.

— В какое безумие вы нас втащили? — спросила Мелина.

— Я тебя предупреждала, — ответила Эмма.

От каждого взрыва по воде в ванне Эсме шла рябь. Малышка прижала к себе утку и начала плакать. Ее всхлипывания заполнили все тесное пространство ванной комнаты. Сэм начала напевать громче, но на мгновение замолчала, чтобы прошептать:

— Эсме, тебе ничего не угрожает, в ванне ты в безопасности.

Но та заплакала еще громче. Гораций вытащил пальцы из ушей и попытался развлечь Эсме, показывая ей то тень крокодила, щелкающего челюстями, то тень летящей птицы, но она ничего этого не замечала. И тогда к ванне подбежал последний, от кого я мог бы ожидать заботы о маленькой девочке.

— Смотри, — произнес Енох, — у меня тут есть человечек, который очень хочет прокатиться на твоей утке.

Он извлек из кармана глиняную фигурку трехдюймового роста, последнюю из тех, которые сделал на Кэрнхолме. Он согнул ножки человечка и посадил его на край ванны. Всхлипывания Эсме стихли. Енох нажал большим пальцем ему на грудь, и человечек ожил. Лицо Эсме вспыхнуло восторгом при виде того, как человечек вскочил на ноги и зашагал по краю ванны.

— Давай, покажи ей, что ты умеешь делать, — скомандовал Енох.

Глиняный человечек подпрыгнул и щелкнул пятками, после чего преувеличенно почтительно поклонился. Эсме засмеялась и захлопала в ладоши, и когда разорвавшаяся поблизости бомба так встряхнула дом, что человечек потерял равновесие и свалился в ванну, это насмешило ее еще больше.

Внезапно по моей спине пробежал мороз. Волосы на голове встали дыбом. Ощущение обрушилось на меня так внезапно и так мощно, что я застонал и сложился пополам. Остальные сразу поняли, что это означает.

Они нас нашли. И они были очень близко.

Ну, конечно, они напали на наш след. Енох применил свои способности, а мне даже в голову не пришло его остановить. С таким же успехом мы могли обозначить свое местоположение сигнальной ракетой.

Я с трудом поднялся на ноги. На меня одна за другой накатывали волны парализующей боли. Я хотел крикнуть: *Бегите! Скорее! Спасайтесь через заднюю дверь!*— но мне не удалось выдать из себя ни слова. Эмма положила руки мне на плечи.

— Соберись, милый, ты нам нужен!

И тут что-то начало ломиться во входную дверь, и каждый удар эхом разносился по всему дому.

— Это они! — удалось выговорить мне, хотя звук сотрясающейся на петлях двери говорил сам за себя.

Все вскочили на ноги и в панике выбежали в коридор. В ванной комнате остались только испуганные и растерянные Сэм и Эсме. Нам с Эммой пришлось отрывать Бронвин от ванны.

— Мы не можем оставить их здесь! — кричала она, пока мы тащили ее к двери.

— Конечно можем! — решительно заявила Эмма. — С ними все будет в порядке. Пустоты ищут не их!

Я знал, что она права, но я также знал, что пустоты разорвут все, что попадется им на пути, включая двух нормальных девочек.

Разгневанная Бронвин с силой ударила по стене, оставив в ней дыру в форме кулака.

— Простите меня, — сказала она девочкам, позволяя Эмме вытолкать себя в коридор.

Я побрел за ними, держась за живот, который скручивала невыносимая боль.

— Заприте эту дверь и никому не открывайте! — крикнул я и, обернувшись, успел заметить исчезающее за дверью лицо Сэм. В огромных глазах ее застыл ужас.

Из прихожей донесся звон разбитого окна. Какое-то самоубийственное любопытство заставило меня выглянуть из-за угла. Путаясь в черных портьерах, в дом вползала масса щупалец.

Эмма схватила меня за руку и потащила за собой. Мы пробежали по другому коридору, а затем через кухню и, распахнув заднюю дверь, оказались в засыпанном пеплом саду. Наши друзья уже бежали по садовой дорожке прочь от дома. Но тут кто-то крикнул:

— Смотрите! Смотрите!

Я на бегу оглянулся и увидел, что высоко над улицей парит большая белая птица.

— Мина! Это мина! — крикнул Енох.

Вдруг то, что секундой ранее походило на невесомые крылья, раскрылось в парашют, под которым покачивался толстый серебристый цилиндр, начиненный взрывчаткой. Казалось, на землю безмятежно спускается ангел смерти.

Пустоты выскочили из дома. Я видел, как они огромными скачками несутся по саду.

С нежным звоном мина коснулась земли возле дома.

— *Ложись!* — заорал я.

Времени на поиски укрытия у нас не было. Не успел я плюхнуться на живот, как все вокруг озарила ослепительная вспышка. Раздался такой грохот, как будто разверзлась сама земля. Волна обжигающе горячего ветра вышибла воздух из моих легких. Затем мне на спину обрушился град обломков, и я прижал колени к груди, пытаюсь занимать как можно меньше места.

После этого я не слышал уже ничего, кроме сирен и звона в ушах. Я задыхался, давясь окружившим меня вихрем пыли. Натянув воротник свитера на нос и рот, чтобы как-то защититься от этого пыльного смерча, я осторожно вдохнул.

Затем я пересчитал свои конечности: две руки, две ноги.

Отлично. Я медленно сел и огляделся. Сквозь пыль мало что можно было разглядеть, но я слышал, как окликают друг друга мои друзья. Я смог различить голоса Горация, Бронвин, Хью, Милларда...

Где Эмма?

Я громко позвал ее по имени. Попытался встать, но снова упал. Мои ноги были невредимы, но дрожали и отказывались держать мой вес.

— *Эмма!* — снова закричал я.

— Я здесь!

Я резко обернулся на ее голос. Она как будто из ниоткуда возникла рядом в клубах дыма.

— Джейкоб! О боже! Слава Богу!

Мы оба дрожали. Я обхватил ее обеими руками, проводя ладонями по ее телу в попытке убедиться, что она цела.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да. А ты?

У меня болезненно звенело в ушах, мне было больно дышать, а спина до сих пор ощущала удары свалившихся на нее обломков, но боль в животе

исчезла. Как только прогремел взрыв, кто-то будто щелкнул выключателем, и в ту же секунду Ощущение испарилось. Это испарились пустоты.

— Я в порядке, — пробормотал я. — В порядке.

Не считая порезов и ссадин, в порядке были и все остальные. Мы сбились в плотный круг и осмотрели друг друга. Все раны оказались незначительными.

— Это какое-то чудо, — произнесла Эмма, изумленно качая головой.

Насколько она права, мы поняли, оглядевшись и увидев, что все пространство вокруг нас усеяно гвоздями, кусками бетона и острыми как нож обломками дерева, многие из которых на несколько дюймов вонзились в землю.

Енох, пошатываясь, подошел к припаркованному поблизости автомобилю, окна которого были разбиты, а корпус так испещрила шрапнель, что казалось, его обстреляли из пулемета.

— Мы должны были умереть, — пробормотал он, сунув палец в одно из отверстий. — Почему таких дырок нет в *наших* телах?

— Твоя одежда, дружище, — произнес Хью и, подойдя к Еноху, вырвал изогнутый гвоздь из спины его покрытого грязью свитера.

— И твоя, — отозвался Енох, вытаскивая зазубренный кусок металла из свитера на груди Хью.

Мы все начали проверять свои свитера. В каждом застряли длинные осколки стекла и куски металла, которые должны были пронзить наши тела. Тем не менее этого не произошло. Наши кусачие вытянутые свитера не защищали от огня и не были водонепроницаемыми, как предполагала эму-раф. Они оказались *пуленепробиваемыми*. И они нас спасли.

— Я никогда не думал, что буду обязан жизнью такому возмутительно безобразному предмету одежды, — изумлялся Гораций, ощупывая вязку свитера. — Может, мне удалось бы сшить из него пиджак?

Тут появилась Мелина с голубем на плече. Рядом с ней шли слепые братья. При помощи своих способностей братья обнаружили низкую стену из укрепленного бетона. Она *звучала* очень крепкой, и братья спрятали за нее Мелину за мгновение до взрыва мины. Таким образом, оставалось выяснить судьбу только двух нормальных девочек. Но когда осела пыль, которая скрывала из виду их дом, или то, что от него осталось, мне показалось, что надежды на их спасение нет. Верхний этаж обрушился, распластавшись по нижнему. Все, что осталось, это скелет из обгоревших балок и куча дымящегося мусора.

Тем не менее Бронвин бросилась бежать к этим руинам, выкрикивая имена сестер. Я, онемев от ужаса, смотрел ей вслед.

— Мы могли им помочь, но мы этого не сделали, — убитым голосом пробормотала Эмма. — Мы оставили их умирать.

— Мы ничего не смогли бы изменить, — вмешался Миллард. — Их смерти записаны в истории. Даже если бы мы спасли их сегодня, завтра случилось бы что-то еще. Еще одна бомба. Крушение автобуса. Они принадлежали прошлому, а прошлое всегда остается прошлым, как бы мы в него ни вмешивались.

— Именно поэтому невозможно вернуться и убить маленького Гитлера, чтобы предотвратить войну, — кивнул Енох. — История исцеляет себя сама. Не правда ли, интересно?

— Нет, — огрызнулась Эмма. — И только бессердечный ублюдок может рассуждать об убийстве маленьких детей в такое время... В любое время.

— Маленького *Гитлера*, — уточнил Енох. — И рассуждать о теории петель гораздо лучше, чем биться в бессмысленной истерике.

Он смотрел на Бронвин, которая карабкалась на груды обломков, расшвыривая в разные стороны кирпичи и доски.

Она обернулась и замахала нам руками.

— Идите сюда! — кричала она.

Енох изумленно покрутил головой.

— Кто-нибудь, заберите ее оттуда. Нам надо искать имбрину.

— Идите сюда! — снова закричала Бронвин, уже громче. — Я слышу одну из них!

Эмма посмотрела на меня.

— Погоди... Что она сказала?

В следующую секунду мы все бежали к ней.

* * *

Мы нашли малышку под плитой обрушившегося потолка. Та упала на ванну, искорежив, но не раздавив крепкий металл. Внутри сидела съезжившаяся Эсме — мокрая, грязная, перепуганная, но живая. Ванна защитила ее, как и обещала ей сестра.

Бронвин приподняла плиту достаточно высоко, чтобы Эмма смогла вытащить девочку наружу. Та, дрожа, прижалась к Эмме.

— Где моя сестра? Где Сэм? — бормотала она.

— Тс-с, малышка, тс-с, — успокаивала Эмма, покачивая ее на руках. — Мы отнесем тебя в больницу. А потом туда придет Сэм.

Разумеется, это была ложь, и я видел, как от необходимости обманывать Эсме сердце Эммы разрывается на части. То, что и нам, и малышке удалось выжить, означало два чуда за одну ночь. Мне казалось, что рассчитывать на третье не стоит.

Но все же произошло и третье чудо или что-то очень близкое к нему. Ее сестра отозвалась.

— Эсме, я здесь, — раздался откуда-то сверху ее голос.

— Сэм! — закричала малышка, и мы все задрали головы.

Сэм висела на одном из деревянных стропил. Балка сломалась и свисала под углом в сорок пять градусов. Сэм болталась на нижнем конце, но дотянуться до нее мы все равно не могли.

— Отпускай руки! — крикнула Эмма. — Мы тебя поймаем!

— Я не могу!

Я присмотрелся повнимательнее. Когда я увидел, что мешает ей прыгнуть вниз, я едва не упал в обморок.

Руки и ноги Сэм болтались совершенно свободно. Она ни за что ими не цеплялась. Она вообще не висела *набалке*. Толстое стропило пронзило ее туловище посередине. Тем не менее ее глаза были открыты, и она моргала, внимательно всматриваясь в нас.

— Похоже, я застряла, — совершенно спокойно сообщила нам она.

Я был уверен, что Сэм в любую секунду может умереть. Она была в шоке, и поэтому не чувствовала боли. Но когда адреналин, гуляющий по ее крови, рассосется, она сникнет и покинет нас.

— Снимите же ее, кто-нибудь! — заплакала Эсме.

Бронвин полезла наверх. По осыпающейся лестнице она поднялась к проваленному потолку и потянулась к балке. Она тянула и тянула, нагибая обломанное стропило, пока оно почти не коснулось засыпанного мусором пола. Это позволило Еноху и Хью схватить болтающиеся ноги Сэм и очень осторожно подтянуть ее к себе. С тихим шлепком она соскочила с балки и приземлилась на ноги.

Сэм угрюмо разглядывала дыру у себя в груди. Она представляла собой идеальный круг около шести дюймов в диаметре, но почему-то не особенно ее беспокоила.

Эсме вырвалась из рук Эммы и подбежала к сестре.

— Сэм! — кричала она, обхватив раненую девочку за талию. — Слава Богу, ты в порядке!

— Я не думаю, что она в порядке! — возразила Оливия. — Более того, я думаю совершенно иначе!

Но Сэм беспокоилась только об Эсме, даже не думая о своем ранении.

Едва не задушив ее в объятиях, Сэм опустилась на колени и отстранила девчушку на расстояние вытянутой руки, высматривая синяки и порезы.

— Где у тебя болит? — наконец спросила она.

— У меня звенят уши, я ободрала коленки, и мне в глаз попала какая-то грязь...

Тут Эсме начала дрожать и плакать, ее настиг шок от всего, что здесь происходило. Сэм обнимала ее, приговаривая на ухо:

— Ну, будет, моя хорошая, будет...

Казалось непостижимым, что тело Сэм продолжает действовать в каком бы то ни было качестве. Более того, ее рана даже не кровоточила, и в ней не было видно обрывков плоти или внутренностей, чего я ожидал, насмотревшись фильмов ужасов. Честно говоря, больше всего Сэм напоминала бумажную куклу, подвергнувшуюся нападению гигантского дырокола.

Хотя всем не терпелось услышать объяснение этому феномену, мы решили предоставить сестрам несколько минут уединения, в немом изумлении наблюдая за их встречах со стороны.

Впрочем, Еноха весь этот этикет нисколько не интересовал.

— Прошу прощения! — заявил он, вторгаясь в их личное пространство. — Ты не могла бы объяснить нам, как так получилось, что ты до сих пор жива?

— Да ведь ничего серьезного не произошло, — успокоила его Сэм. — Хотя, возможно, мое платье этого не переживет.

— Ничего серьезного?! — воскликнул Енох. — Да я в буквальном смысле вижу тебя насквозь!

— Ну, разве что немного саднит, — призналась она. — Но буквально через пару дней все заполнится. Такие раны всегда затягиваются.

Енох захохотал, как безумный.

— *Такие раны?*

— Во имя всего странного, — тихо произнес Миллард. — Вы ведь понимаете, что это означает, верно?

— Она одна из нас, — кивнул я.

* * *

У нас были вопросы. Множество вопросов. Эсме уже не плакала навзрыд, и мы набрались смелости их задать.

Осознавала ли Сэм то, что она странная?

Она знала, что не такая, как все, но впервые услышала термин «странный».

Жила ли она когда-нибудь в петле?

Не жила («В чем?»), и это означало, что ей именно столько лет, на сколько она выглядит. («Двенадцать», — сообщила нам она).

За ней никогда не приходили имбрины?

— Кто-то когда-то заходил. Говорил, что где-то живут такие люди, как я, но, чтобы присоединиться к ним, мне пришлось бы бросить Эсме.

— Может, Эсме умеет... что-нибудь *делать*? — спросил я.

— Я умею считать от ста обратно голосом утенка, — пробормотала Эсме, чередуя слова с громким шмыганьем носом, и тут же закричала, демонстрируя свой талант: — Сто, девяносто девять, девяносто восемь...

Продолжить ей не позволил вой сирены. Он был необыкновенно пронзительным и быстро приближался. В переулок влетела карета скорой помощи. Ее фары были затемнены так, что свет едва пробивался наружу. Машина резко затормозила рядом с нами, и из нее выскочил водитель.

— Кто-нибудь ранен? — спросил он, подбегая к нам.

Он был одет в «жеваную» серую форму и такую же мятую каску. Казалось, его переполняет энергия, хотя, судя по осунувшемуся лицу, он не ложился спать уже несколько дней.

Его взгляд упал на дыру в груди Сэм, и он остановился как вкопанный.

— Бог ты мой!

Сэм поднялась со словами:

— Да ничего страшного! Я в порядке!

Чтобы продемонстрировать, насколько она в порядке, она несколько раз вставила в дыру кулак, а потом подпрыгнула на месте.

Медик упал в обморок.

— Хм, — пробормотал Хью, потрогав лежащего на земле мужчину ногой. — Я думал, эти ребята покрепче.

— Поскольку он явно непригоден к службе, — провозгласил Енох, — я предлагаю одолжить у него машину. Кто знает, куда сейчас полетит этот голубь? Если мисс Королек находится далеко, то пешком мы будем идти к ней всю ночь.

Гораций, который сидел на обломке разрушенной стены, вскочил на ноги.

— Отличная идея! — воскликнул он.

— Это идея, достойная *порицания*! — возразила Бронвин. — Скорую помощь красть нельзя. Она нужна раненым!

— Мы и есть раненые, — заныл Гораций. — Она нужна *нам*!

— Это совсем не одно и то же!

— Святая Бронвин! — саркастично воскликнул Енох. — Тебя так тревожит благополучие нормальных людей, что ты готова рискнуть жизнью мисс Сапсан. Только ради спасения нескольких человек? Тысяча нормальных людей не стоит одной имбрины! Или, если уж на то пошло, одного из нас!

— Как ты можешь говорить такое в присутствии... — ахнула Бронвин.

Сэм вплотную подошла к Еноху, и выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Послушай меня, мальчик, — произнесла она. — Если ты намекаешь на то, что жизнь моей сестры ничего не стоит, мне придется тебя избить.

— Прости, если я задел твои нежные чувства, — от отчаяния повысив голос, ответил Енох, — но ты никогда не видела имбрину, никогда не жила в петле, и поэтому тебе не понять, что все это, вот в этот самый момент, строго говоря, *нереально*. Это все *прошлое*. Жизнь всех нормальных людей этого города уже прожита. Их судьбы предопределены, сколько бы карет скорой помощи мы ни украли! Поэтому, все это, черт побери, действительно не имеет значения!

На лице Сэм отразилась растерянность, но она промолчала, хотя не перестала злобно коситься в сторону Еноха.

— Все равно, — упорствовала Бронвин. — Мы не должны причинять людям страданий. Мы *не можем* забрать скорую помощь!

— Все это просто замечательно, — вмешался Миллард, — но необходимо подумать и о мисс Сапсан! У нее осталось не больше дня.

Похоже, мнения нашей группы разделились. Одни считали, что надо ехать на скорой помощи, другие — что следует идти пешком. Поэтому мы решили проголосовать. Сам я был против угона машины, но в основном из-за того, что дороги были изуродованы воронками и я понятия не имел, как по ним ехать.

Голосование проводила Эмма.

— Кто за то, чтобы угнать скорую помощь? — громко спросила она.

Поднялось несколько рук.

— Кто против?

Внезапно со стороны машины донесся громкий хлопок. Обернувшись, мы увидели мисс Сапсан. Она стояла возле одного из задних колес, шину которого с шипением покидал воздух. Мисс Сапсан проголосовала клювом, воткнув его в шину. Теперь этим автомобилем не мог воспользоваться *никто* — ни мы, ни раненые — и смысла продолжать споры и терять время больше не было.

— Ну что ж, — произнес Миллард, — это все упрощает. Идем пешком.

— Мисс Сапсан! — воскликнула Бронвин. — Как вы могли?

Не обращая внимания на возмущение Бронвин, мисс Сапсан подскочила к Мелине и, глядя на сидящего у нее на плече голубя, пронзительно закричала. Нам было предельно ясно, что она хочет этим сказать: *Пойдемте скорее!*

— Пойдем с нами, — обратилась Эмма к Сэм. — Если в этом мире существует справедливость, еще до утра мы окажемся там, где нам ничто не будет угрожать.

— Я вам уже сказала, что не брошу сестру, — ответила Сэм. — Вы идете в такое место, куда она войти не сможет, верно?

— Я... Я не знаю, — заикаясь, ответила Эмма. — Возможно...

— Да мне все равно, — холодно произнесла Сэм. — После того, что я только что увидела, я не хочу даже стоять рядом с вами.

Эмма отшатнулась и слегка побледнела.

— Почему? — едва слышно спросила она.

— Если даже такие изгои, как вы, не способны испытывать сострадание к другим людям, этому миру больше не на что надеяться.

С этими словами она отвернулась и понесла Эсме к машине скорой помощи.

Щеки Эммы вспыхнули, как будто Сэм отвесила ей пощечину. Она бросилась догонять девочку.

— Мы не все думаем так, как Енох! А что касается нашей имбрины, я уверена, что она сделала это нечаянно!

Сэм резко развернулась к ней.

— Это не было случайностью! Я рада, что моя сестра не такая, как вы все. Очень жаль, что я не могу сказать того же о себе.

Она снова отвернулась, и на этот раз Эмма за ней не пошла. Проводив Сэм взглядом, она, ссутулившись, побрела за всеми остальными. Каким-то образом оливковая ветвь мира, которую она протянула этой странной девочке, превратилась в змею и больно ее укусила.

Бронвин стянула с себя свитер и положила его на засыпанную мусором землю.

— Когда снова начнут падать бомбы, надень это на сестру! — окликнула она Сэм. — Это защитит ее лучше всякой ванны.

Сэм ничего не ответила. Она даже не посмотрела в ее сторону, потому что стояла, склонившись над водителем скорой помощи, который уже сидел и бормотал: «Мне приснился совершенно ужасный сон...»

— Это очень глупо, — заявил Енох Бронвин. — Теперь свитера нет у тебя.

— Заткни свою жирную глотку, — огрызнулась Бронвин. — Если бы ты хоть когда-нибудь сделал хоть что-то хорошее для другого человека, ты смог бы меня понять.

— Я сделал что-то хорошее для другого человека, — возразил Енох. — И в результате нас чуть не сожрали пустоты!

Мы сбивчиво попрощались с сестрами и, не дождавшись ответа, тихо скользнули в ночной мрак. Мелина сняла голубя с плеча и подбросила его в воздух. Он пролетел совсем немного, прежде чем шнурок, который она привязала к его лапке, натянулся, и он повис над нами, похожий на собаку, натягивающую поводок.

— К мисс Королек — туда, — произнесла Мелина, кивая в ту сторону, куда тянула ее птица.

Мы гурьбой двинулись вдоль переулка за девочкой и ее подружкой-голубкой.

Я уже собирался занять привычное место впереди и возобновить свою вахту по охране детей от пустот, но что-то заставило меня бросить последний взгляд на сестер. Я обернулся вовремя, чтобы заметить, как Сэм усаживает Эсме в карету скорой помощи и наклоняется, чтобы поцеловать ее оцарапанные коленки. Мне очень хотелось знать, что их ждет. Позже Миллард объяснит мне: тот факт, что ни один из них никогда ничего не слышал о Сэм — а человек с такой уникальной странностью непременно обрел бы широкую известность — означал, что она, скорее всего, погибла во время войны.

Весь этот эпизод удручающе подействовал на Эмму. Я не знаю, почему для нее было так важно доказать незнакомому человеку, что на самом деле мы добрые, но, похоже, ее отчаянно беспокоила вероятность того, что мы не ангелы, спустившиеся на землю, что суть каждого из нас оказалась достаточно сложной и состояла не только из ярких и светлых красок.

— Они не понимают, — беспрестанно бормотала она на ходу.

А может, как раз наоборот, слишком хорошо понимают, — подумалось мне.

Глава одиннадцатая

Так уж вышло, что теперь все зависело от голубя. Окажемся ли мы к восходу солнца в безопасности или угодим в черную бездну чрева пуст о ты; удастся ли нам спасти мисс Сапсан или мы будем блуждать по этому адскому пепелищу, пока время, отведенное на ее спасение, окончательно не истечет; вернусь ли я домой и увижу ли когда-нибудь своих родителей — все это зависело от одного-единственного тощего странного голубя.

Я шел перед группой, обшаривая окружающее пространство в поисках пустот. Но на самом деле нас вел голубь, натягивая поводок, как идущая по следу гончая. Мы поворачивали налево, когда птица летела налево, и шли направо, когда туда разворачивалась она. Мы брели покорно, как овцы, даже когда для этого приходилось пробираться по изрытым воронками улицам с останками разрушенных зданий. В мерцающем зареве пожаров обломки железных прутьев, торчащие из этих руин, напоминали зазубренные копыя, устремленные нам в грудь.

После всех ужасающих событий этого вечера я уже едва держался на ногах, а голову странно покалывало. Рокот взрывов стих, и сирены наконец-то тоже замолчали. Мне начинало казаться, что только весь этот апокалиптический шум до сих пор не позволял мне отключиться прямо на ходу. Теперь наполненный гарью воздух был насыщен другими, более приглушенными звуками — шумом воды, льющейся из лопнувших труб, жалобным лаем угодившей в ловушку собаки, хриплыми голосами зовущих на помощь людей. Время от времени в темноте возникали призрачные фигуры других пешеходов. В их глазах светился страх, и они подозрительно озирались на нас, прижимая к груди какие-то вещи — радиоприемник, ворованное серебро, позолоченную шкатулку, похоронную урну... Мертвые несли мертвых.

Мы подошли к Т-образному перекрестку и остановились, потому что голубь никак не мог определиться, куда ему лететь — направо или налево.

— Ну же, Уинни, — подбадривала птицу девочка. — Хорошая моя. Покажи нам дорогу.

Енох наклонился вперед и прошептал:

— Если ты не поможешь нам найти мисс Королек, я лично поджарю тебя на вертеле.

Птица встрепенулась и потянула налево.

Мелина свирепо сверкнула на Еноха глазами.

— Какой же ты засранец, — прошипела она.

— Главное — результат, — невозмутимо отозвался он.

Наконец мы подошли к станции подземки. Сквозь арку входа мы вслед за голубем вошли в вестибюль билетной кассы. Я уже хотел заявить: *Какая умная птица. Мы поедem на подземке*, — как вдруг осознал, что вестибюль пуст, а сами кассы закрыты. Хотя ничто не указывало на то, что на эту станцию в ближайшем будущем войдут поезда, мы продолжали идти вперед. Ворота оказались незаперты, и мы прошли по коридору, облицованному выщербленной кафельной плиткой, к лестнице, ведущей в освещенные электрическим светом внутренности города.

Мы начали медленно спускаться, хотя на каждой площадке нам приходилось осторожно обходить спящих людей, которые лежали прямо на полу, плотно укутавшись в одеяла. Поначалу они напоминали рассыпанные из коробка спички, но постепенно их становилось все больше, а непосредственно подземную платформу прямо-таки затопило людьми. Сотни людей лежали на полу и скамьях, были втиснуты между рельсами и стенами, сидели на складных стульях. Те, кто не спал, покачивали на руках младенцев, читали книги в бумажном переплете, играли в карты или молились. Они не ожидали поезда. Никаких поездов в подземке уже давно не было. Люди бежали от бомб, обретая здесь убежище.

Я попытался прощупать станцию на предмет пустот, но здесь было слишком много теней и лиц. Нам ничего не оставалось, кроме как положиться на удачу, если она еще нам не изменила.

Но что же теперь?

Голубь, на которого мы всецело полагались, похоже, был в растерянности. Его, как и меня, видимо, смущала вся эта толпа. Поэтому мы просто стояли и ожидали, прислушиваясь к коллективному дыханию, храпу и шепоту, окружившему нас зловещим облаком.

Не прошло и минуты, как голубь дернулся в сторону путей, после чего натянул шнур и, подобно йо-йо, нырнул обратно в ладони Мелины.

Мы на цыпочках обошли тела спящих людей и прыгнули в желоб, по которому проходили рельсы. Они разбегались в двух противоположных направлениях, с каждой стороны исчезая в тоннеле. Меня охватило нехорошее предчувствие, что наше будущее лежит где-то в этих черных расщелинах.

— Я надеюсь, что нам не придется бродить *там*, — прошептала Оливия.

— Еще как придется, — заверил ее Енох. — Что это за праздник, если мы не поползаем по всем имеющимся в наличии сточным канавам!

Голубь вспорхнул и полетел направо. Мы поплелись по колее за ним.

Я перепрыгнул через какую-то маслянистую лужу, и из-под моих ног с писком разбежалась стая крыс, заставивших Оливию с визгом взлететь на руки Бронвин. Перед нами зиял пугающе черный вход в тоннель. Мне пришло в голову, что было бы очень скверно повстречаться в нем с пустотами. Здесь не было ни стен, на которые мы могли бы вскарабкаться, ни домов, в которых можно было бы укрыться, ни надгробных плит, преграждающих путь нашим потенциальным преследователям. Тоннель был длинным и прямым, к тому же его лишь изредка освещали красные лампочки, которые слабо поблескивали в угрожающем мраке.

Я пошел быстрее.

Темнота снова сомкнулась вокруг нас.

* * *

Когда я был ребенком, я часто играл с папой в прятки. Я всегда прятался, а он меня искал. У меня это отлично получалось, прежде всего потому, что, в отличие от большинства четырех-пятилетних детишек, я умел подолгу сидеть, не издавая ни звука, изумляя этой своей способностью окружающих. Кроме того, у меня не было ни малейшего намека на клаустрофобию. Я умел втиснуться в самое незначительное пространство в каком-нибудь чулане и с огромным удовольствием провести таким образом двадцать или тридцать минут, не обнаруживая себя ни единым шорохом. Все это обнадеживало и позволяло предположить, что с более просторными, хотя и темными пространствами тоннелей подземки проблем у меня возникнуть не должно. Во всяком случае, этот тоннель предназначался всего лишь для поездов, а значит, войти в него было значительно проще, чем в тот, который по сути представлял собой открытое кладбище, до отказа заполненное всевозможными ужасами. Тем не менее, чем дальше мы углублялись в этот тоннель, тем сильнее меня одолевал до омерзения липкий и противный страх. И страх этот в корне отличался от Ощущения, которое охватывало меня при приближении пустот. То, что я испытывал сейчас, по сути являлось *дурным предчувствием*. Поэтому я вел группу настолько быстро, насколько позволяли возможности самых медленных наших ходяков. Я подгонял Мелину, пока она не наорала на меня. Гуляющий по моей кровеносной системе адреналин заставлял меня забыть об изнеможении.

Идти пришлось долго. Мы миновали несколько развилок, пока голубь

не привел нас к заброшенному участку путей, на котором шпалы покособились и прогнили, а под ногами хлюпали лужи стоячей воды. Поезда, проезжавшие по отдаленным тоннелям, выталкивали сюда воздух, движение которого напоминало дыхание какого-то гигантского существа.

Затем далеко впереди мигнула вспышка света. Крошечная поначалу, она стремительно росла и приближалась.

— Поезд! — закричала Эмма.

Мы стремглав рассыпались в стороны и прижались спиной к стене. Я даже уши закрыл ладонями в ожидании оглушительного рева, но его не было. Все, что я услышал, так это тихий пронзительный визг, который — в этом я был почти уверен — раздавался непосредственно у меня в голове. Когда свет заполнил весь тоннель, со всех сторон окружив нас своим белым сиянием, я внезапно ощутил давление в ушах, и свет исчез.

Мы, как оглушенные, спотыкаясь, отошли от стен. Теперь и рельсы, и шпалы у нас под ногами были новыми, как будто их только что проложили. В тоннеле уже не стоял резкий запах мочи. Лампы на стенах стали ярче, и вместо ровного света от них исходило мерцание, потому что вместо электрических ламп там теперь были закреплены газовые рожки.

— Что это было? — спросил я.

— Мы вошли в петлю, — ответила Эмма. — Но что это был за свет? Я никогда не видела ничего подобного.

— Вход в каждую петлю имеет свои особенности, — произнес Миллард.

— Кто-нибудь знает, что это за время? — спросил я.

— Рискну предположить, что мы попали во вторую половину девятнадцатого века, — снова отозвался Миллард. — До 1863 года в Лондоне не существовало подземной железной дороги.

И тут у нас за спиной снова возник свет. На этот раз он сопровождался порывом горячего ветра и громоподобным ревом.

— Поезд! — снова закричала Эмма, и на этот раз это действительно было так.

Мы распластались по стенам за мгновение до того, как он пронесся мимо нас циклоном грохота, изрыгающим клубы дыма. Но он не был похож на современный поезд подземки, а скорее напоминал миниатюрный паровоз. При нем даже имелся служебный вагон, из которого на нас изумленно уставился человек с густой черной бородой и слабо мерцающим фонарем в руке.

Поезд скрылся за поворотом, и Хью бросился подбирать свою кепку, которую сдуло ветром. Увидев, что она изорвана в клочья, он досадливо

отшвырнул в сторону ставший бесполезным головной убор.

— Не нравится мне эта петля, — произнес он. — Мы не провели здесь и десяти секунд, как она попыталась нас убить. Давайте скорее сделаем то, зачем мы сюда пришли, и вернемся обратно.

— Поддерживаю обеими руками, — буркнул Енох.

Голубь повел нас дальше вдоль путей. Минут через десять он остановился, потянув нас к стене, с виду гладкой. Мы не понимали, что это означает, пока я не поднял голову и не заметил замаскированную дверь на стыке стены и потолка, в двадцати футах у нас над головой. Поскольку другого способа попасть туда не было, Оливия сняла туфли и взлетела, чтобы рассмотреть ее поближе.

— Тут замок, — сообщила нам она. — И он кодовый.

В нижнем углу двери проржавело отверстие, в которое мог бы пробраться голубь, но нам все равно был нужен код.

— Что бы это могло быть? — задумчиво произнесла Эмма, обращаясь ко всем сразу.

Ответом ей стали только недоуменные взгляды.

— Понятия не имею, — пробормотал Миллард.

— Нам придется догадаться, — заявила она.

— Может, это мой день рождения? — предположил Енох. — Попробуйте набрать три-двенадцать-девять-ноль-два.

— Почему кто-то должен знать твой день рождения? — поинтересовался Хью.

Енох нахмурился.

— Просто попробуйте.

Оливия покрутила диск взад и вперед, затем подергала дверцу.

— Извини, Енох, — пожала плечами она.

— Как насчет дня нашей петли? — предложил Гораций. — Девять-три-сорок.

Это тоже не сработало.

— Это не может быть чем-то настолько простым, как дата, — вмешался Миллард. — Это свело бы на нет все назначение замка.

Оливия начала набирать случайные комбинации. Мы стояли рядом, наблюдая за ней и отчаиваясь все больше с каждой неудачной попыткой. Тем временем мисс Сапсан осторожно выскользнула из-за пазухи Бронвин и поковыляла к голубю, который бродил на поводке и что-то клевал на земле. Увидев мисс Сапсан, он попытался убежать, но директриса пошла за ним, издавая низкий угрожающий звук горлом.

Голубь захлопал крыльями и вспорхнул на плечо Мелины, подальше

от мисс Сапсан. Та стала у ног девочки и пронзительно закричала, глядя на голубя и заставляя его нервничать.

— Мисс С., что вы затеяли? — спросила Эмма.

— Мне кажется, она чего-то добивается от твоей птицы, — сообщил я Мелине.

— Если голубь знает дорогу, он может знать и код, — вмешался Миллард.

Мисс Сапсан обернулась к нему и издала очередной крик, после чего перевела взгляд на голубя и закричала еще громче. Уинни попыталась спрятаться за шею Мелины.

— Возможно, голубь знает код, но не знает, как нам его сообщить? — предположила Бронвин. — Зато он мог бы сказать его мисс Сапсан, потому что у них общий птичий язык. А потом мисс Сапсан сообщила бы код нам.

— Заставь своего голубя поговорить с нашей птицей, — буркнул Енох.

— Ваша птица в два раза больше Уинни, и у нее острый клюв и когти, — пробормотала Мелина, отступая на шаг назад. — Она боится, и я ее понимаю.

— Ей незачем бояться, — успокоила ее Эмма. — Мисс Сапсан никогда не причинит вреда другой птице. Это противоречит кодексу имбрин.

Мелина широко открыла глаза и тут же прищурилась.

— Эта птица — *имбрина*?

— Она наша директриса! — гордо заявила Бронвин. — Алма ЛеФэй Сапсан.

— Вы не перестаете меня удивлять! — воскликнула Мелина и издала не особенно дружелюбный смешок. — Если у вас есть имбрина, зачем вам понадобилась вторая?

— Долго рассказывать, — откликнулся Миллард. — Достаточно сказать, что нашей имбрине нужна помощь, которую может оказать только другая имбрина.

— Да посади ты этого проклятого голубя на землю, чтобы мисс Сапсан могла с ним поговорить! — не выдержал Енох.

Наконец Мелина неохотно уступила.

— Ну давай, Уинни, будь хорошей девочкой.

Она сняла голубя с плеча и осторожно опустила его на землю у своих ног, после чего наступила на поводок, чтобы птица не смогла улететь.

Все столпились вокруг, наблюдая за тем, как идет к голубю мисс Сапсан. Он попытался убежать, но его остановил натянувшийся поводок. Мисс Сапсан приблизилась к нему вплотную, клекоча и булькая. Мне показалось, что мы наблюдаем за допросом. Голубь сунул голову под крыло

и начал дрожать. И тогда мисс Сапсан клюнула его.

— Эй! — возмутилась Мелина. — Прекрати немедленно!

Голубь продолжал прятать голову под крыло и не шевелился. Поэтому мисс Сапсан клюнула его еще раз, сильнее.

— Довольно! — воскликнула Мелина и, приподняв ногу с поводка, наклонилась к птице. Но не успела она обхватить Уинни пальцами, как мисс Сапсан разорвала поводок быстрыми движениями когтей, захлопнула клюв на одной из сухопарых лапок птицы и, подскакивая, пошла прочь, увлекая за собой отчаянно сопротивляющегося и кричащего голубя.

Это не на шутку перепугало Мелину.

— Вернись немедленно! — в ярости закричала она и рванулась к птицам, но Бронвин схватила ее за руки.

— погоди! — попросила она. — Я уверена, что директриса знает, что делает...

Мисс С. остановилась на некотором расстоянии от нас, там, где никто не мог до нее дотянуться. Голубь трепыхался у нее в клюве, а Мелина трепыхалась, пытаясь вырваться из рук Бронвин. В обоих случаях усилия их оказались совершенно тщетными. Мне показалось, что мисс Сапсан ожидает, когда голубь выбьется из сил и сдастся. Но вдруг ей это надоело. И она принялась вращать голубем над головой, продолжая удерживать его за лапу.

— Пожалуйста, мисс С.! — закричала Оливия. — Вы его убьете!

Я сам едва удержался от того, чтобы не броситься их разнимать, но птицы превратились в сплошной клубок когтей и клювов, к которому никто не смел даже приблизиться. Мы кричали и умоляли мисс Сапсан прекратить терзать несчастного голубя.

Наконец она это сделала. Голубь выпал из ее клюва и замер рядом, покачиваясь. Он был так потрясен, что даже не пытался спастись. Мисс Сапсан снова заклекотала на него, так же, как делала это совсем недавно, и на этот раз голубь что-то проворковал в ответ. Затем мисс Сапсан три раза стукнула клювом по земле, потом десять раз, потом еще пять.

Три-десять-пять. Оливия набрала эту комбинацию. Замок щелкнул и открылся, дверь распахнулась внутрь, и сверху размоталась веревочная лестница, нижний край которой лег на землю.

Допрос, который учинила голубке мисс Сапсан, сработал. Она сделала то, что должна была сделать, чтобы помочь нам всем. С учетом этого, мы могли бы закрыть глаза на ее поведение. Но никто не ожидал того, что произошло вслед за этим. Она снова взяла оглушенного голубя за лапу и изо всех сил швырнула его о стену.

Мы громко ахнули от ужаса, а я был так шокирован, что просто потерял дар речи.

Мелина наконец вырвалась из хватки Бронвин и бросилась поднимать безжизненное тельце птицы, которой мисс Сапсан сломала шею.

— О птица! Она его убила! — прошептала Бронвин.

— Подумать только, через что нам пришлось пройти, чтобы поймать это существо, — произнес Хью, — и что теперь?

— Я разобью вашей имбрине голову, — обезумев от ярости, взвизгнула Мелина.

Бронвин снова схватила ее за руки.

— Ты этого не сделаешь! Прекрати!

— Ваша имбрина дикая тварь! Если она всегда так себя ведет, то лучше уж быть с настоящими тварями!

— Забери свои слова обратно! — закричал Хью.

— И не подумаю! — крикнула в ответ Мелина.

Последовала перепалка, едва не перешедшая в кулачный бой. Бронвин держала Мелину, а мы с Эммой повисли на Хью, пока их не покинула если не обида, то хотя бы желание драться.

Никто не мог поверить в то, что сделала мисс Сапсан.

— Из-за чего столько шума? — поинтересовался Енох. — Это был обычный тупой голубь.

— Нет, не обычный, — возразила Эмма, в упор глядя на мисс Сапсан и обращаясь лично к ней. — Это был друг мисс Королек. Ему уже исполнилась не одна сотня лет. О нем написали в «Историях». И вот теперь он мертв.

— Убит, — уточнила Мелина и сплюнула на землю. — Это было убийство.

Мисс Сапсан невозмутимо чистила перья, делая вид, что ничего не слышит.

— В нее вселилось какое-то зло, — пробормотала сверху Оливия. — Это совершенно не похоже на мисс Сапсан.

— Она меняется, — кивнул Хью. — В ней все больше звериного.

— Я надеюсь, что в ней еще осталось что-то человеческое, и мы сможем его спасти, — мрачно произнес Миллард.

Мы тоже на это надеялись.

Когда мы выбрались из тоннеля, каждый из нас был погружен в свои собственные тревожные мысли.

За дверью оказался коридор, который привел нас к лестнице, та в свою очередь привела нас в другой коридор и к другой двери, которая открылась в комнату, залитую дневным светом и от пола до потолка забитую одеждой. Одежда висела на вешалках, лежала на полках и в шкафах. Еще тут стояли две ширмы, спрятавшись за которые, можно было переодеться, несколько больших зеркал и рабочий стол со швейными машинами. Рядом с машинами лежали мотки сырой пряжи. Это помещение представляло собой наполовину бутик, наполовину швейную мастерскую. Кроме того, это был настоящий рай для Горация.

— Я попал на небо! — пропел он, озираясь по сторонам.

Мелина угрюмо стояла в углу, ни с кем не разговаривая.

— Что это? — изумился я.

— Это комната для переодевания, — отозвался Миллард. — Ее назначение — помочь заезжим странным людям не выделяться среди нормальных обитателей этой петли.

Он кивнул на стену, где висела рамочка с иллюстрациями, показывающими, как носили одежду того периода.

— Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не ходят! — заметил Гораций, подсказывая к вешалке с одеждой.

Эмма попросила всех переодеться. Новая одежда должна была не только помочь нам затеряться в толпе. Она также могла сбить со следа охотящихся на нас тварей.

— Но наденьте под эту одежду свои свитера, — напомнила она нам. — Кто знает, в какую еще переделку мы можем угодить.

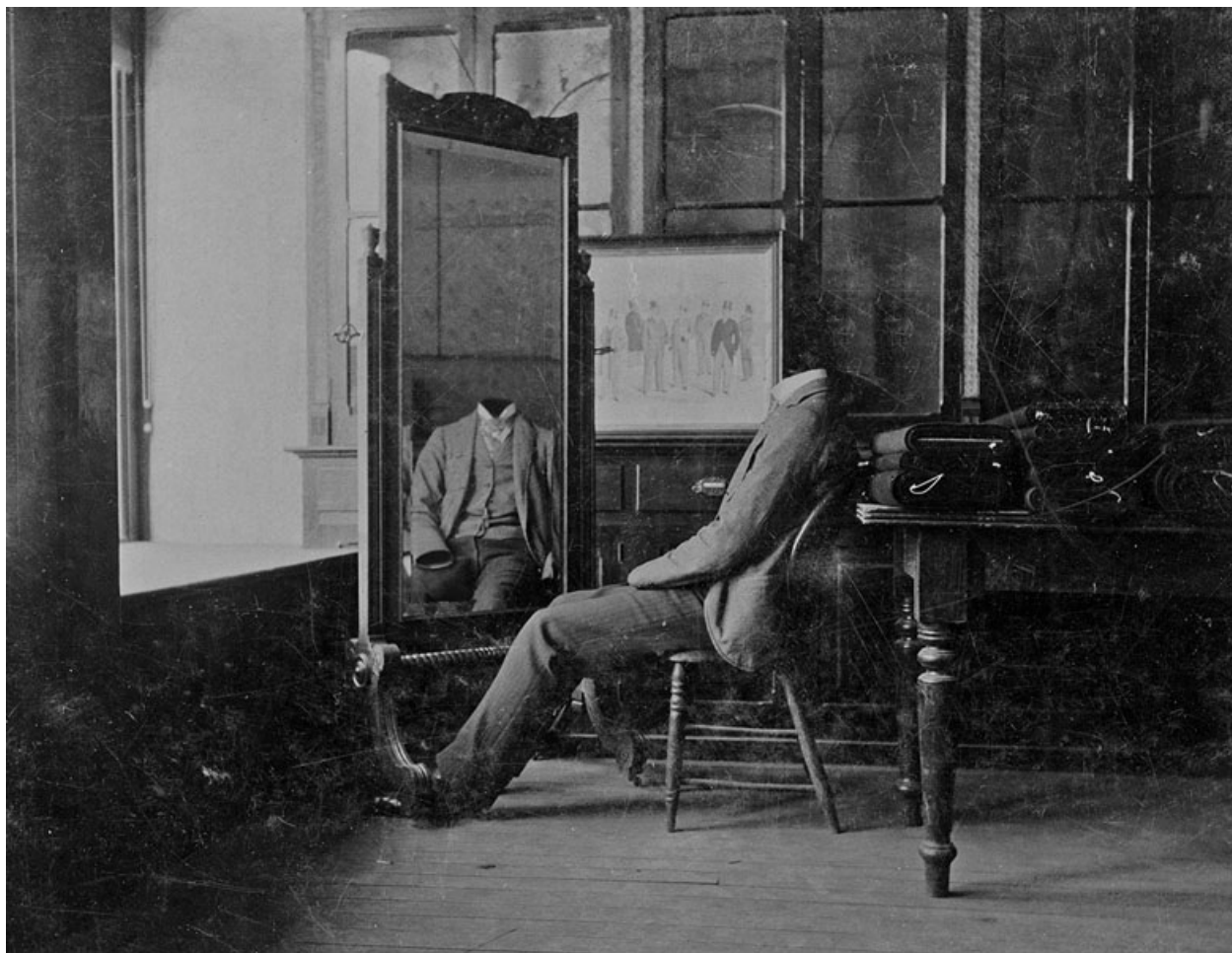
Бронвин и Оливия выбрали платья простого покроя и скрылись за ширмой. Я сменил свои выпачканные пеплом и пропотевшие брюки и пиджак на относительно чистый, хотя и разрозненный костюм. Он так сковывал движения, что я тут же задался вопросом, сколько столетий люди постоянно носили такую неудобную и официальную одежду.

Миллард тоже надел костюм и уселся перед зеркалом.

— Как я выгляжу? — поинтересовался он.

— Как невидимый юноша в одежде, — отозвался Гораций.

Миллард вздохнул, еще немного посидел перед зеркалом, затем разделся и снова исчез.

Осмотрев одежду, Гораций приуныл.

— Тут нечего выбрать! — пожаловался он. — Если удастся найти какую-нибудь вещь, которую не побила моль, она обязательно залатана совершенно неподходящей по цвету тканью! Мне надоело выглядеть, как беспризорник.

— Беспризорники не привлекают ничего внимания, — отозвалась Эмма. — А вот маленькие джентльмены в цилиндрах бросаются в глаза.

Она вышла из-за ширмы в блестящих красных лодочках на плоской подошве и синем платье с короткими рукавами, едва прикрывающем колени.

— Как тебе? — поинтересовалась она, кружась на месте.

Подол платья взлетел колокольчиком вокруг ее ног.

Она была похожа на Дороти из «Волшебника страны Оз», только гораздо красивее. Я не знал, как сообщить ей об этом при всех, поэтому только смущенно улыбнулся и показал поднятый вверх большой палец.

Она засмеялась.

— Тебе нравится? Тем хуже, — с лукавой улыбкой произнесла она. —

Я буду чересчур выделяться.

Но тут же на ее лице мелькнуло страдальческое выражение, как будто на фоне того, через что нам пришлось пройти, и того, что нам еще предстояло, ей стало неловко за собственное веселье и шутки. Досадливо поморщившись, она снова нырнула за ширму.

Меня тоже угнетало все, чему мы стали свидетелями. Все ужасы, которые мы увидели, продолжали нескончаемой вереницей скользить перед моими глазами. Но нельзя же переживать *беспрестанно*, — хотел крикнуть я ей. Невозможно усугубить ситуацию смехом, точно так же, как нельзя помочь горю слезами. И смех не означает, что тебе безразлично или что ты о чем-то забыл. Он означает только, что ты человек. Но этого произнести я тоже не сумел.

Когда Эмма снова вышла из-за ширмы, она была одета в похожую на мешок блузу с разорванными рукавами и узкую юбку до щиколоток. Теперь она гораздо больше походила на нищенку. Впрочем, на ее ногах по-прежнему поблескивали красные туфли, от которых Эмма так и не смогла отказаться.

— Как насчет этого? — спросил Гораций, размахивая пышным рыжим париком, обнаруженным в одном из ящиков. — Как это помогает затеряться среди нормальных людей?

— Похоже, мы собираемся на ярмарку, — добавил Хью, глядя на стену, на которой висел плакат с соответствующим объявлением.

— Секундочку! — воскликнул Гораций, присоединяясь к Хью у плаката. — Я слышал об этом месте! Это старая туристическая петля.

— Что такое туристическая петля? — спросил я.

— Таких петель раньше было много, — пояснил Миллард. — Они были расположены в особенно важных местах и периодах истории и представляли собой нечто вроде Гран-тура, ^[4]который когда-то считался неотъемлемой частью образования любого странного человека. Разумеется, это было много лет назад, когда выезжать за границу все еще было относительно безопасно. Я и не знал, что они до сих пор существуют.

Произнеся это, он затих, погружившись в воспоминания о лучших временах.

Завершив переодевание, мы сложили свою одежду из двадцатого века в кучу и вслед за Эммой вышли в другую дверь, которая открывалась в узкий переулочек, заваленный мусором и пустыми ящиками. Я узнал доносящиеся издали характерные звуки ярмарки — музыка, глухой ропот толпы. Несмотря на валившую меня с ног усталость, я ощутил, как в моей крови закипает волнение. Когда-то на эту ярмарку отовсюду съезжались

странные люди. Мои родители ни разу не возили меня даже в Диснейленд.

Эмма напостила основные правила поведения:

— Держитесь вместе. Следите за мной и Джейкобом в ожидании сигнала и будьте начеку. Ни с кем не разговаривайте и никому не смотрите в глаза.

— Как мы узнаем, куда идти? — спросила Оливия.

— Нам придется мыслить, как имбрины, — ответила Эмма. — Где бы вы спрятались на месте мисс Королек?

— Где угодно, только не в Лондоне, — произнес Енох.

— Если бы только кое-кто не убил голубя... — пробормотала Бронвин, с горечью глядя на мисс Сапсан.

Директриса стояла на булыжной мостовой и, задрав голову, смотрела на нас, но никто не хотел к ней прикасаться. Впрочем, мы должны были ее спрятать, поэтому Гораций вернулся в маскировочную комнату и нашел там холщовую сумку. Мисс Сапсан это в восторг не привело, но, когда стало ясно, что никто не хочет брать ее на руки, а меньше всех Бронвин, у которой ее поступок вызвал неопишное возмущение, она забралась в мешок и позволила Горацию завязать его кожаным шнурком.

* * *

Мы пошли на пьяный шум ярмарки, пробираясь по лабиринту тесных улочек, где прямо с повозок торговали овощами, зерном в пыльных мешках и крольчатинной. Дети и тощие коты голодными глазами смотрели на еду, а женщины с гордыми грязными лицами чистили картошку, сидя на обочине, и перед ними стремительно вырастали маленькие холмики кожур. Хотя мы изо всех сил старались проскользнуть мимо незамеченными, мне показалось, что в нашу сторону оборачивались все без исключения — торговцы, дети, женщины, коты и мертвые кролики с молочно-белыми глазами.

Даже в своей новой, соответствующей данному времени одежде я чувствовал себя совершенно не в своей тарелке. Чтобы смешаться с толпой, правильной одежды было недостаточно. Необходимо было еще и уметь соответствующим образом себя вести. Я осознал, что и я, и мои друзья разительно отличаемся от всех этих людей с их ссутуленными спинами и бегающими глазами. Я решил, что для того, чтобы скрываться так же эффективно, как твари, мне придется отточить свои актерские навыки.

А тем временем ярмарка становилась все более шумной, а ее запахи —

более резкими. В воздухе смешивались ароматы пережаренного мяса, каленых орехов, конского навоза, человеческих фекалий и дыма костров — невыносимое зловоние, от которого даже глаза слезились. Наконец мы вышли на просторную площадь, где веселье было в разгаре. Люди толпились среди ярко раскрашенных палаток, и от разнообразия развлечений у меня глаза разбежались. Ярмарка своей шумливо-пестрой массой обрушилась на все мои органы чувств. Тут были акробаты и канатоходцы, метатели ножей и пожиратели огня, а также множество уличных музыкантов с самыми разнообразными инструментами. Лекаршарлатан расхваливал свои «патентованные» лекарства, стоя в открытом дверном проеме грязного фургона:

— Этот удивительный бальзам укрепляет внутренние органы, помогает избавиться от инфекционных паразитов, преодолеть вредоносное уныние и злокачественную алопецию!

За внимание зрителей с ним боролся владелец соседнего фургона — облаченный во фрак крикливый балаганщик, рядом с которым сидело крупное доисторического вида существо, чья кожа висела на костлявом теле серыми складками. Мне потребовалось не меньше десяти секунд, прежде чем я смог узнать в этом звере медведя. Его обрили, обрядили в женское платье и привязали к стулу. Он беспомощно вращал глазами, а балаганщик ухмылялся и делал вид, что угощает его чаем, выкрикивая:

— Леди и джентльмены! Позвольте представить вам самую прекрасную леди Уэльса! — что заставляло покатываться со смеху собравшуюся перед его фургоном толпу, через которую нам никак не удавалось протолкаться.

В глубине души я надеялся, что медведь разорвет свои цепи и сожрет балаганщика у всех на глазах.

От всего этого фантастического безумия у меня закружилась голова, и в попытке совладать с накатившей на меня дурнотой я сунул руку в карман, чтобы ощупать гладкое стекло своего телефона. На мгновение зажмурив глаза, я прошептал себе под нос:

— Я путешественник во времени. Это все реально. Я, Джейкоб Портман, путешествую во времени.

Этот факт был поразителен сам по себе. Но еще более поразительным было то, что, путешествуя во времени, я не повредился умом и не превратился в несущего бессвязную околесицу лунатика. Человеческая психика оказалась более гибкой, чем я себе представлял. Выяснилось, что психическое сознание способно расшириться, включив в себя разнообразные противоречия и совершенно невозможные явления. Я

мысленно поблагодарил за это Всевышнего.

— Оливия! — закричала Бронвин. — Живо иди сюда!

Я поднял голову вовремя, чтобы заметить, как она оттаскивает Оливию от клоуна, который наклонился и заговорил с ней.

— Сколько раз я тебе говорила: *никогда* не разговаривай с нормальными людьми! — принялась она отчитывать малышку.

Наша группа была достаточно велика, и держаться вместе нам было весьма сложно, особенно в таком оживленном и переполненном развлечениями месте, специально созданном для того, чтобы кружить голову детям. Бронвин вела себя как воспитательница, зорко следившая за тем, чтобы никто из нас не отстал, засмотревшись на лоток с красочными вертушками или леденцами из жженого сахара. Особенно легко отвлекалась Оливия, которая, казалось, постоянно забывала, какой серьезной опасности мы подвергаемся. Держать в руках так много детей Бронвин удавалось только потому, что на самом деле они не были детьми: внутри каждого из них находился человек гораздо более старшего возраста, который постоянно оспаривал и уравнивал их детские побуждения. Я был уверен, что с настоящими детьми у нее ничего не вышло бы.

Какое-то время мы бесцельно бродили по ярмарке, высматривая женщину, напоминающую мисс Королек, или пытаясь определить место, где могли бы спрятаться странные люди. Но здесь всеказалось странным — вся эта петля с ее странным хаосом являлась превосходной маскировкой для странных людей. Но даже здесь на нас обращали внимание. Все, мимо кого мы проходили, неумовимо поворачивали головы, провожая нас удивленными взглядами. Я почувствовал, что у меня разыгрывается приступ паранойи. Кто из этих людей работал на тварей или сам являлся тварью? Особенно меня настораживал клоун — тот самый, от которого Бронвин оттащила Оливию. Он то и дело встречался нам на пути. Всего за пять минут мы прошли мимо него не меньше пяти раз. Он то околачивался в начале переулка, то выглядывал из окна, то наблюдал за нами из палатки фотографа, где его взлохмаченные волосы и жуткий макияж странным образом контрастировали с буколическим пейзажем, написанным на задней стене этой палатки. Мне казалось, что я вижу его всюду, куда бы ни упал мой взгляд.

— Мне не нравится, что мы тут у всех на виду, — обратился я к Эмме. — И мы не сможем бродить кругами бесконечно долго. Эти клоуны...

— Клоуны? — переспросила она. — Как бы то ни было, я с тобой согласна. Просто в этом безумии очень трудно понять, с чего следует

начать.

— Нам следует начать с того, что всегда является самой странной частью *любого* карнавала, — произнес Енох, втискиваясь между нами. — С балагана. — Он показал на высокое аляповатое сооружение на краю площади. — Балаган и странные люди неразлучны, как молоко с печеньем. Или пустоты с тварями.

— Обычно так и бывает, — согласилась с ним Эмма, — но тварям это тоже отлично известно. Я уверена, что мисс Королек не удалось бы так долго сохранять свою свободу, спрячась она в таком очевидном месте.

— У вас есть идея получше? — поинтересовался Енох.

Такой идеи у нас не было, и мы переключили все внимание на балаган. Я озирался, пытаюсь разыскать глазами ухмыляющегося клоуна, но он растворился в толпе.

У цирка обтрепанный ярмарочный зазывала кричал в мегафон, суля толпе возможность за ничтожную оплату взглянуть на «самые шокирующие ошибки природы, которые только не запрещается лицезреть законом». Шоу называлось Конгрессом человеческих отклонений.

— Как званые обеды, на которые меня приглашали, — заметил Гораций.

— Некоторые из этих «отклонений» могут оказаться странными людьми, — заметил Миллард. — И в этом случае они могут что-то знать о мисс Королек. Я думаю, за это стоит заплатить.

— Нам нечем платить, — произнес Гораций, извлекая из кармана единственную монету, облепленную нитками и пухом.

— Когда это мы платили, чтобы пробраться в цирк? — поинтересовался в ответ Енох.

Вслед за Енохом мы обошли похожий на настоящую стену фасад балагана и увидели, что он сменяется большим, но шатким тентом. Мы начали искать вход, как вдруг полы палатки распахнулись, и из нее вышли хорошо одетый джентльмен и дама. Дама обмахивалась веером, а мужчина рявкнул на нас:

— С дороги, даме необходим свежий воздух!

Надпись над входом гласила: ТОЛЬКО ДЛЯ АРТИСТОВ.

Мы скользнули внутрь, но нас тут же остановил некрасивый мальчик, который сидел на табурете возле входа, судя по всему, в некоем официальном качестве.

— Вы артисты? — спросил он. — Если вы не артисты, вход запрещен.

— *Разумеется*, мы артисты, — с оскорбленным видом произнесла Эмма и для убедительности зажгла крохотный огонек на кончике пальца, после чего затушила его о собственный глаз.

Похоже, на мальчика это не произвело никакого впечатления. Все же он пожал плечами.

— Ну, раз так, проходите.

Мы зашаркали по коридору, часто моргая, потому что глазам было трудно приспособиться к темноте.

Балаган представлял собой лабиринт брезентовых коридоров с невероятно низким потолком. Единственный освещенный факелами коридор вел куда-то вглубь, делая резкие повороты через каждые двадцать-тридцать футов. При этом за каждым поворотом нас ожидала новая ошибка природы. Нам навстречу шли зрители. Одни смеялись, другие были бледны и дрожали всем телом.

Первые несколько уродов представляли собой стандартный набор любого бродячего цирка, и ничего странного я не заметил ни в «иллюстрированном» человеке, тело которого сплошь покрывали наколки, ни в бородатой женщине, которая самодовольно поглаживала свои длинные бакенбарды, ни в человеке-булавочной подушечке, пронзающем свое лицо иголками и забивающем гвозди себе в ноздри при помощи молотка. Тем не менее на меня это все произвело невероятное впечатление, хотя мои друзья, многие из которых вместе с мисс Сапсан объездили весь Египет в составе бродячего цирка, откровенно скучали.

Под плакатом, надпись на котором гласила: НЕПОВТОРИМЫЕ ЛЮДИ-СПИЧКИ, мужчина в костюме, сплошь заклеенном спичечными книжками, толкал второго, одежда которого была сходным образом украшена спичками. От этих толчков по груди второго начинали метаться

язычки пламени, которые он в притворном ужасе пытался загасить руками.

— Любительщина, — пробормотала Эмма, направляясь к следующему аттракциону.

Странности становились все более странными. Тут была девочка в длинном платье с бахромой, вокруг тела которой обвился гигантский питон, по ее команде начинавший танцевать и извиваться. Эмма признала, что в этом номере действительно присутствует доля странности, поскольку умением заклинать змей обладали только *syndrigasti*.

Но когда Эмма начала расспрашивать ее о мисс Королек, девочка окинула нас уничтожающим взглядом, а ее змея зашипела и показала нам свои клыки, после чего мы тут же заспешили дальше.

— Мы тут попусту тратим свое время, — вздохнул Енох. — Время мисс Сапсан истекает, а мы разгуливаем по ярмарке! Почему бы не купить сладостей и не повеселиться как следует?

Впрочем, нам оставалось увидеть только одного уродца, поэтому мы пошли дальше. Последняя сцена была пуста, не считая самого простого инвентаря: маленького столика, на котором стояла ваза с цветами, и афиши, буквально кричавшей: ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ СКЛАДЫВАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК.

На сцену вышел служащий цирка. В руке у него был чемодан. Он поставил чемодан посреди сцены и ушел.

Тут уже собралась толпа. Чемодан продолжал одиноко стоять на сцене. — Где представление? — кричали зрители. — Уродца на сцену!

Чемодан завибрировал. Он дрожал все сильнее, раскачиваясь взад-

вперед, и наконец опрокинулся набок.

Заинтригованная публика подалась вперед, не сводя с чемодана глаз.

Щелкнули замки, и чемодан начал медленно открываться. Сначала, внимательно обшаривая толпу, из него выглянули светлые глаза. Затем крышка приоткрылась чуть шире, позволив разглядеть все лицо. Внутри чемодана находился взрослый мужчина с аккуратно подстриженными усами, в маленьких круглых очках, который каким-то образом умудрился поместиться в чемодане размером не больше моего торса.

Толпа разразилась аплодисментами, которые становились все громче по мере того, как уродец раскладывался. Когда он вышел наконец из своего невероятно маленького чемодана, мы увидели, что он очень высокий и тощий, как жердь. Его худоба пугала, потому что казалось, что еще немного, и кости проткнут его кожу. Он напоминал восклицательный знак, но держался с таким достоинством, что смеяться над ним я не мог. С мрачным видом он оглядел улюлюкающую толпу, прежде чем отвесить ей глубокий поклон.

Затем человек некоторое время демонстрировал гибкость своих суставов, способных выворачиваться в самых невероятных направлениях. Его колено сгибалось таким образом, что верхняя часть стопы касалась бедра. Его бедра тоже складывались, и колени касались груди. Наконец он снова раскланялся под оглушительные аплодисменты, и представление закончилось.

Толпа разбрелась, но мы дождались, пока мужчина начнет спускаться со сцены, и подошли к нему.

— Вы странный? — напрямик поинтересовалась Эмма.

Мужчина остановился и медленно повернулся к ней.

— Прошу прощения? — произнес он с сильным русским акцентом, окинув ее высокомерным взглядом, в котором сквозило раздражение.

— Простите нам нашу навязчивость, но нам необходимо срочно разыскать мисс Королек, — произнесла Эмма. — Мы знаем, что она где-то здесь.

— Пхе! — отмахнулся от нее мужчина, издав смешок, скорее напоминавший попытку отхаркнуть мокроту.

— Это очень важно! — взмолилась Бронвин.

Складывающийся мужчина сложил руки на груди в форме костлявой буквы Х и произнес:

— Я совершенно не знаю, о чем вы говорить.

С этими словами он спустился со сцены и ушел.

— Что дальше? — спросила Бронвин.

— Продолжаем искать, — ответила Эмма.

— А если мы не найдем мисс Королек? — спросил Енох.

— Мы *продолжаем* искать, — процедила сквозь зубы Эмма. — Все поняли?

Все всё прекрасно поняли. Выбора у нас не было. Если ничего не выйдет — если мисс Королек здесь нет, или нам не удастся быстро ее найти — все наши усилия окажутся напрасными, и мисс Сапсан будет потеряна для нас так же, как если бы мы вообще не приезжали в Лондон. Наша компания вышла из балагана тем же путем, которым в него зашла, уныло миновав опустевшие сцены и мальчика-вахтера. Оказавшись снаружи, мы остановились, не понимая, как нам быть дальше. Но тут мальчишка-вахтер выглянул из палатки и поинтересовался:

— Что стряслось? Представление пришлось вам не по вкусу?
— Оно было... неплохое, — отмахнулся я от мальчишки.
— Оно показалось вам недостаточно странным? — не унимался он.
Теперь все наше внимание было приковано к нему.
— Что ты сказал? — спросила Эмма.
— Уэйклинг и Рукери, — произнес он, махнув в дальний конец площади. — Вот там *настоящее* представление.
С этими словами он подмигнул нам и нырнул обратно в палатку.
— Загадочный мальчик, — прокомментировал Хью.
— Он сказал «странным»? — уточнила Бронвин.
— Что такое Уэйклинг и Рукери? — спросил я.
— Это место, — ответил Гораций. — Где-то в этой петле, по всей видимости.
— Возможно, это перекресток двух улиц, — предположила Эмма.
Она немедленно подняла полу шатра, чтобы уточнить у мальчика, что он имел в виду, но тот уже исчез.
Поэтому мы снова начали проталкиваться сквозь толпу, направляясь туда, куда показал мальчик. Все наши надежды вдруг оказались связаны с парой улиц с такими странными названиями, что само их существование вызывало большие сомнения.

* * *

Всего в нескольких кварталах от площади шум толпы внезапно стих, сменившись промышленным лязгом и грохотом, а запах жареного мяса и конского навоза вытеснила куда худшая вонь, происхождение которой определить было невозможно. Мы пересекли закованную в желоб реку стигийской слякоти и оказались в районе фабрик, рабочих домов и целого леса труб, изрыгающих клубы черного маслянистого дыма. Именно тут мы и обнаружили улицу Уэйклинг. Мы шли вдоль нее, высматривая улицу Рукери, пока не уперлись в открытую сточную канаву, которая, по утверждению Еноха, именовалась рекой Флит. Пришлось развернуться и идти в обратную сторону. Когда мы прошли мимо того места на улице Уэйклинг, где вышли на нее, она начала петлять и извиваться. Фабрики и рабочие дома съежились, превратившись в приземистые конторы и безликие здания без вывесок. Казалось, кто-то специально позаботился о том, чтобы сохранить анонимность всех этих построек.

Дурное предчувствие, не покидавшее меня уже несколько часов,

внезапно обострилось. Что, если это засада? Что, если нас специально заслали в эту заброшенную часть города, чтобы разделаться с нами подалеже от любопытствующих взглядов его обитателей?

Улица в очередной раз изогнулась, а затем резко выпрямилась, и тут я налетел на Эмму, которая шла впереди, а теперь неожиданно остановилась.

— Что случилось? — спросил я.

Вместо ответа она просто подняла руку и куда-то указала. Впереди, на Т-образном перекрестке, виднелась толпа. Тогда, над ярмарочной площадью, стояла удушающе липкая жара, многие же из этих людей кутались в пальто и шарфы. Они собрались вокруг какого-то здания и стояли, глядя на него снизу вверх в немом изумлении. Так же, как и мы сейчас. Само по себе здание не представляло собой ничего особенного. Оно было четырехэтажным, причем окна верхних трех этажей были узкими и закругленными, вызывая в памяти старые офисные здания. Вообще-то оно практически ничем не отличалось бы от соседних строений, если бы не одна крохотная особенность — оно было полностью покрыто льдом. Ледяная корка покрывала его окна и двери. Со всех выступов и подоконников, подобно острым клыкам, свисали сосульки. Из открытых дверей вывалились кучи снега, собравшиеся в огромные сугробы на тротуаре. Я подумал, что это здание накрыла метель. Вот только сделала она это *изнутри*.

Я присмотрелся к облепленной снегом табличке с названием улицы. УЛИЦА Р...КЕРИ.

— Я знаю это место, — вмешалась Мелина. — Это странные архивы. Тут хранится вся официальная информация о нас.

— Откуда ты это знаешь? — поинтересовалась Эмма.

— Мисс Дрозд хотела, чтобы я заняла место второй помощницы омбудсмена. ^[5]Экзамен очень серьезный и трудный. Я готовилась двадцать один год.

— Эти архивы так и должны быть покрыты льдом? — поинтересовалась Бронвин.

— Насколько мне известно, нет, — покачала головой Мелина.

— И еще здесь проходит ежегодное заседание Совета Имбрин, — добавил Миллард.

— Совет Имбрин заседает здесь? — удивился Гораций. — Это так скромно с их стороны. Я ожидал увидеть замок или что-нибудь в этом роде.

— Это здание не должно выделяться, — пояснила Мелина. — Ты вообще не должен его замечать.

— Они избрали не самый удачный способ спрятать свои архивы, — буркнул Енох.

— Я уже сказала, что обычно оно не покрыто льдом.

— Как, по-вашему, что здесь произошло? — спросил я.

— Ничего хорошего, — откликнулся Миллард. — Совершенно ничего хорошего.

Тот факт, что нам все равно придется подойти поближе и исследовать эту местность, ни у кого не вызывал сомнений. Однако это не означало, что мы должны врываться в здание с громкими ликующими криками. Мы наблюдали за всем происходящим издалека, не смешиваясь с толпой. Люди приходили и уходили. Кто-то подергал за дверную ручку. Дверь примерзла к косяку и не поддавалась. Толпа немного поредела.

— Тик-так, тик-так, тик-так, — прошептал Енох. — Мы попусту теряем время.

Пробравшись через остатки толпы, мы оказались на обледеневшем тротуаре. От здания исходил такой холод, что нас бросило в дрожь и мы поспешно сунули руки в карманы. Бронвин изо всех сил налегла на дверь плечом, и та с треском слетела с петель. Впрочем, тут же оказалось, что она ведет в коридор, от стены до стены и от пола до потолка забитый льдом. Мутной голубоватой массой лед уходил вглубь здания. То же самое

касалось и окон. Я отер иней со стекла одного из них, затем другого. За каждым я видел только лед. Казалось, этот ледник рождается где-то в сердце здания, и его замороженные языки стремятся проникнуть во все доступные отверстия и помещения.

В попытке проникнуть внутрь мы кружили вокруг дома и тщетно искали дверь или окно, не заблокированные льдом. Подобрал кирпичи и булыжники, мы били по льду, но он был почти сверхъестественно твердым. Даже Бронвин удалось проникнуть внутрь всего на несколько дюймов. Миллард пролистал «Истории» в поисках упоминания об этом здании, но так ничего и не обнаружил.

Нам оставалось только идти на риск. Мы окружили Эмму полукругом, заслонив ее от чужих взглядов, после чего она разогрела ладони и приложила их к стене льда, заполнившей коридор. Спустя минуту ее руки начали погружаться в лед, а талая вода лужами собралась вокруг наших ног. Но это таяние было мучительно медленным. Спустя пять минут она смогла углубиться только по локти.

— С такой скоростью мы в лучшем случае к концу недели дойдем до конца коридора, — вздохнула Эмма, извлекая руки из льда.

— Как ты думаешь, мисс Королек действительно может находиться внутри? — спросила Бронвин.

— Она *должна* быть здесь, — твердо ответила Эмма.

— Подобный оптимизм кажется мне непостижимым, — подал голос Енох. — Если мисс Королек где-то здесь, она представляет собой кусок льда.

Это стало последней каплей, и Эмма взорвалась:

— Рок и мрак! Разрушение и разорение! Мне кажется, ты был бы счастлив, если бы завтра наступил конец света. Тогда ты смог бы сказать: *А я вам говорил!*

Енох удивленно моргнул и очень спокойно ответил:

— Ты, моя дорогая, можешь жить в мире фантазий, если тебе так хочется, но я — реалист.

— Может, я и смогла бы терпеть твой бесконечный пессимизм, если бы ты *хоть раз* внес *хоть одно* полезное предложение в критической ситуации! Но нет, всякий раз, когда мы оказываемся перед лицом опасности, ты способен только критиковать, а еще пожимать плечами. Но дело в том, что...

— Мы уже все испробовали, — вставил Енох. — Что еще тут можно предложить?

— Мы не испробовали только *одно*, — вмешалась Оливия, все это

время стоявшая в стороне.

— И что же это? — обернулась к ней Эмма.

Вместо того чтобы объяснять что-либо, Оливия решила продемонстрировать нам свою идею. Покинув тротуар, она вошла в толпу на дороге, обернулась к зданию и во весь голос закричала:

— *Здравствуйте, мисс Королек! Если вы там, пожалуйста, выходите! Нам нужна ваша...*

Она не успела закончить, потому что ее сгребла в охапку Бронвин, и остаток ее фразы поглотила подмышка крупной подруги.

— *Ты сошла с ума!* — прошипела Бронвин, таща Оливию обратно к группе. — Ты нас всех выдашь!

Она поставила Оливию на тротуар и уже хотела отчитать ее по полной, как вдруг по лицу малышки хлынули слезы.

— Какое это имеет значение? — всхлипывала она. — Если мы не можем найти мисс Королек и не можем спасти мисс Сапсан, то, даже если на нас прямо сейчас набросится целая армия тварей, это уже неважно.

Из толпы вышла какая-то женщина. Она была немолода, и возраст сгорбил ее спину. Капюшон накидки скрывал ее лицо.

— С ней все хорошо? — спросила женщина, подходя к нам.

— Да, все в порядке, спасибо, — вежливо ответила Эмма, пытаясь избавиться от нежеланной собеседницы.

— Нет, *нев* порядке! — заявила Оливия. — Все очень *плохо*! Мы просто хотели мирно и спокойно жить на своем острове, но потом пришли плохие люди. Они ранили нашу директрису. Мы просто хотим ей помочь. Но мы даже *этого* не можем сделать!

Оливия опустила голову и начала жалобно всхлипывать.

— Ну что ж, — ответила женщина. — Вы поступили очень правильно, придя ко мне.

Оливия подняла глаза и шмыгнула носом.

— Почему это?

И тут женщина испарилась.

Вот так просто взяла и испарилась.

Она исчезла из своей одежды. Ее накидка, внезапно опустев, улеглась на мостовую. От изумления мы потеряли дар речи. Мы не могли проронить ни слова, пока из складок плаща не выпорхнула маленькая птичка.

Я замер на месте, не зная, что мне делать. Следует ли попытаться ее поймать?

— Кто-нибудь знает, что это за птица? — спросил Гораций.

— Я полагаю, что это королек, — ответил Миллард.

Птица захлопала крыльями, вспорхнула и улетела, исчезнув за углом здания.

— За ней! — крикнула Эмма, и мы все бросились вдогонку за птицей, поскользываясь на льду и с трудом держась на ногах.

За углом мы оказались в забитом снегом переулке, который отделял обледеневшее здание от того, что стояло напротив.

Птицы нигде не было.

— О черт! — выругалась Эмма. — Куда она подевалась?

Тут из-под земли у нас под ногами раздались странные звуки: металлический лязг, голоса и шум, похожий на слив воды. Мы разгребли снег и обнаружили в кирпичной стене двойную деревянную дверь, напоминающую вход в угольный погреб.

Дверь была незаперта, и мы поспешили ее отворить. Внутри находилась лестница, ступени которой были покрыты стремительно тающим льдом и вели куда-то вниз, в крошечную тьму. Талая вода с громким журчанием стекала в невидимую канаву.

Эмма присела на корточки и крикнула в темноту:

— Эй! Тут есть кто-нибудь?

— Если вы идете, — отозвался издалика чей-то голос, — спускайтесь быстрее!

Эмма удивленно выпрямилась, а потом крикнула:

— Кто вы?

Несколько секунд мы напряженно прислушивались, но ответа не последовало.

— Чего мы ждем? — воскликнула Оливия. — Это мисс Королек!

— Мы этого не знаем, — возразил Миллард. — Мы не знаем, что здесь произошло.

— Вот я сейчас и узнаю! — заявила Оливия и, прежде чем кто-нибудь успел ее остановить, подскочила к двери подвала и прыгнула вниз, плавно

опустившись в темноту.

— Я все еще жива! — поддразнила она нас снизу.

Нам стало стыдно, и мы поспешили последовать за ней. Спустившись по лестнице, мы обнаружили проход, протаявший в толще льда. Ледяная вода капала с потолка и ручьями стекала со стен. Да и темнота оказалась не такой уж абсолютной — далеко впереди, где-то за поворотом мерцал рассеянный свет.

Мы услышали чьи-то шаги. Они медленно приближались. По стене скользнула тень, и из-за поворота показалась фигура, темный силуэт которой четко выделялся на светлом фоне.

— Здравствуйте, дети, — произнесла фигура. — Я Баленсяга Королек, и я очень рада видеть вас здесь.

Глава двенадцатая

Я Баленсьяга Королек.

Эти слова оказались подобны пробке, с силой выскочившей из бутылки, в которой так долго таились наши чувства. Первым из них стало облегчение — удивленные возгласы, смех, за которым хлынула радость. Мы с Эммой прыгали и обнимались. Гораций упал на колени и воздел руки к небу в безмолвном «аллилуйя»! Оливия так разволновалась, что оторвалась от земли даже в своих утяжеленных туфлях.

— Мы-мы-мы-мы думали, что никогда-никогда уже-уже не увидим живую имбрину!

Наконец-то перед нами стояла мисс Королек. Несколько дней назад она была для нас незнакомой имбриной малоизвестной петли. С тех пор, однако, она обрела статус легендарной личности.

Насколько мы знали, она была последней свободной и полноценной имбриной, живым символом надежды, тем, чего нам всем отчаянно не хватало.

И вот, наконец, она оказалась прямо перед нами, такая человеческая и хрупкая.

Я узнал ее по фотографии Эддисона. Только сейчас в ее серебряных волосах уже не осталось черных прядей. Тревога заложила глубокие морщины на ее лбу и будто взяла в скобки ее рот. Ее плечи сутулились так сильно, как будто помимо преклонного возраста их пригибала к земле какая-то огромная ноша, к весу которой теперь добавились и все наши отчаянные надежды.

Имбрина откинула капюшон накидки и произнесла:

— Я тоже очень рада видеть всех вас, мои дорогие. Но вам необходимо как можно скорее войти внутрь. Оставаться снаружи небезопасно.

Она повернулась и захромала обратно по коридору. Мы потянулись следом, бредя за ней по ледяному тоннелю подобно веренице утят, ковыляющих за мамой-уткой. Чтобы не поскользнуться и не растянуться на льду, мы неуклюже волочили ноги и нелепо растопыривали руки в попытке сохранить равновесие. Но всем нам было удивительно спокойно. Таково было влияние имбрины на странных детей. Одного присутствия этой необыкновенной личности, несмотря на то что мы только что с ней познакомились, оказалось достаточно для того, чтобы мы все немедленно успокоились.

Коридор неуклонно вел вверх. Мы прошли мимо умолкших топок, с которых нынче свисали бороды наледей, и вошли в просторную комнату, заполненную льдом от пола до потолка и от стены до стены. Пройти через нее нам позволил тоннель, проложенный прямо через ее середину. Лед был толстым, но прозрачным. В некоторых местах он позволял почти без искажений рассмотреть вещи, находящиеся на расстоянии двадцати или тридцати футов. Заключенные в многотонной толще льда стулья с прямыми спинками перед массивным письменным столом и шкафчиками с картотекой позволяли предположить, что когда-то эта комната представляла собой нечто вроде вестибюля.

Голубоватый дневной свет проникал сюда из окон, подойти к которым не было ни малейшей возможности. Здания на противоположной стороне улицы представляли собой неопределенной формы серые пятна на фоне этого свечения.

Сотня пустот могла неделю ломиться сквозь весь этот лед, но так до нас и не добраться. Если бы не тоннель входа, это место могло бы представлять собой идеальную крепость. Либо идеальную тюрьму.

На стенах были развешаны десятки часов. Их замершие стрелки указывали куда попало. (Возможно, для того, чтобы следить за временем в разных петлях?) Над ними располагались указатели, помогавшие найти дорогу в те или иные кабинеты.

← МЛАДШИЙ СЕКРЕТАРЬ ПО ВОПРОСАМ ВРЕМЕНИ
← ХРАНИТЕЛЬ ГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ
СРОЧНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО СВОЙСТВА →
ОТДЕЛ СПУТАННОСТИ СОЗНАНИЯ И ОТСРОЧЕК →

За дверью кабинета по вопросам времени я увидел пойманного в ловушку льда мужчину. Он замерз в склоненной позе, как будто в тот момент, когда лед сковал все его тело, он пытался высвободить ноги. Было ясно, что он находится здесь уже давно. Я с содроганием отвернулся.

Тоннель окончился на изящной лестнице с балюстрадой. Вместо льда лестницу покрывал ворох рассыпанных документов. На одной из нижних ступеней, без особого энтузиазма наблюдая за нашим неловким приближением, стояла девочка. У нее были длинные, ниспадающие ниже талии волосы, разделенные на строгий прямой пробор, маленькие круглые очки, которые она беспрестанно поправляла, и тонкие губы, с виду не ведающие, что такое улыбка.

— Алтеа, — резко произнесла мисс Королек, — ты не должна тут

бродить, когда проход открыт. Сюда могло войти все, что угодно!

— Да, госпожа, — откликнулась девочка и слегка наклонила голову. — Госпожа, кто они?

— Это подопечные мисс Сапсан. Те самые, о которых я тебе рассказывала.

— Они принесли с собой какую-нибудь еду? Или лекарства? Или хоть что-нибудь полезное?

Девочка говорила невыносимо медленно, и ее голос был таким же бесцветным, как и выражение ее лица.

— Больше никаких вопросов, пока ты не закрыла проход, — отрезала мисс Королек. — Быстро!

— Да, госпожа, — отозвалась девочка и, судя по всему, никуда не спеша, побрела прочь по тоннелю, скользя ладонями по его ледяным стенам.

— Приношу свои извинения, — вздохнула мисс Королек. — Алтеа страдает врожденным упрямством. Но она не позволяет волкам подобраться к нам, и нам без нее никак не обойтись. Мы подождем ее возвращения здесь.

Мисс Королек села на нижнюю ступеньку, и, пока она сгибала колени, мне показалось, что я слышу, как скрипят ее старые кости. Я не понимал, что она имеет в виду, говоря «не позволяет волкам подобраться», но у нас было столько вопросов, что именно этот мог немного подождать.

— Мисс Королек, как вы узнали, кто мы такие? — спросила Эмма. — Мы ведь вам так и не представились.

— Имбринам все положено знать, — последовал ответ. — У меня наблюдатели на деревьях отсюда и до Ирландского моря. Кроме того, вы прославились! Кроме вас, никому не удалось ускользнуть от сил зла. И мне

прекрасно известно, что вашу имбрину зовут мисс Сапсан. Но я понятия не имею, как вам удалось добраться сюда и как, о странный мир, вы меня нашли!

— Нас направил сюда какой-то мальчик с ярмарки, — ответил Енох. Он поднял ладонь до уровня подбородка. — Вот такого роста. В дурацкой шляпе.

— Один из наших постовых, — кивнула мисс Королек. — Но как вы нашли *его*?

— Мы поймали одного из ваших голубей-шпионов, — гордо заявила Эмма, — и он привел нас в эту петлю. (Она умолчала о том, что мисс Сапсан убила голубку).

— Мои голуби! — воскликнула мисс Королек. — Но как вы о них узнали? И тем более *поймали* одного из них?

И тут вперед шагнул Миллард. Чтобы не замерзнуть, он одолжил у Горация пальто, в которое тот облачился в маскировочной комнате. И хотя мисс Королек, похоже, вид парящего в воздухе пальто несколько не удивил, она изумилась, когда невидимый мальчик внутри этого пальто произнес:

— Я вычислил местонахождение ваших птиц, изучив «Истории о странном и неизведанном». Но впервые мы услышали о них в вашем горном зверинце от одного чрезвычайно чванливого пса.

— Но *никто* не знает, где находится мой зверинец!

От изумления мисс Королек едва не утратила дар речи, и, поскольку все наши ответы лишь порождали новые вопросы, мы поспешили как можно скорее изложить ей всю нашу историю, начиная с побега с острова в крошечных утлых лодчонках.

— Мы чуть не утонули! — воскликнула Оливия.

— В нас стреляли, мы попали под бомбы, и нас чуть не съели пустоты, — добавила Бронвин.

— И чуть не переехал поезд подземки, — вставил Енох.

— И чуть не раздавил комод, — пробормотал Гораций, недовольно покосившись на девочку-телекинетика.

— Мы проделали долгий путь по очень опасной стране, — произнесла Эмма, — и все ради того, чтобы найти кого-то, кто смог бы помочь мисс Сапсан. Мы очень надеялись, что таким человеком станете вы, мисс Королек.

— Если честно, мы на это очень рассчитывали, — подтвердил Миллард.

Мисс Королек потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя после нашего рассказа. Когда к ней вернулся голос, он дрожал от

волнения.

— Какие же вы смелые и удивительные дети! Вы настоящее чудо! Вы все! Любая имбрина гордилась бы такими подопечными. — Рукавом накидки она промокнула слезу и продолжила: — Когда я узнала, что стряслось с вашей имбриной, я очень переживала. Я была едва знакома с мисс Сапсан, потому что уже почти удалилась на покой, но я вам твердо обещаю: мы ее вернем. Ее и всех наших сестер!

Мы ее вернем?

Только тут я осознал, что мисс Сапсан до сих пор сидит в мешке, который нес Гораций. Мисс Королек ее просто не видела!

— Она здесь! — воскликнул Гораций.

Поставив мешок на пол, он поспешно развязал тесемки.

Мгновение спустя из мешка, покачиваясь, вышла мисс Сапсан. Видимо, от долгого пребывания в темноте у нее закружилась голова.

— Клянусь предками! — воскликнула мисс Королек. — Но... я слышала, что она попала в руки к тварям!

— Да, они ее захватили, — подтвердила Эмма, — но мы ее отбили!

Мисс Королек так разволновалась, что вскочила на ноги, забыв о трости, и я поспешил поддержать ее под локоть, чтобы не позволить ей упасть.

— Алма, это действительно ты? — задыхаясь, произнесла мисс Королек. Восстановив утраченное было равновесие, она поспешила навстречу мисс Сапсан и подхватила ее на руки. — Привет, Алма! Это ты? — повторила она.

— Это она! — подтвердила Эмма. — Мисс Сапсан!

Мисс Королек держала птицу на вытянутой руке, поворачивая ее в разные стороны. Мисс Сапсан, видимо, это не особенно понравилось, потому что она ерошила перья и ежилась.

— Хм, хм, хм, — бормотала мисс Королек себе под нос, прищурившись и поджав губы. — С вашей директрисой явно что-то не так.

— Она ранена, — пояснила Оливия. — Внутри.

— Она больше не может превращаться в человека, — добавила Оливия.

Мисс Королек мрачно кивнула, как будто уже и сама это поняла.

— Сколько времени прошло?

— Три дня, — ответила Эмма. — С того момента, как мы отняли ее у тварей.

— Ваша собака сказала нам, что если мисс Сапсан в скором времени не превратится в человека, она уже никогда не сможет этого сделать, —

вмешался я.

— Да, — подтвердила мисс Королек. — Эддисон был прав.

— Еще он сказал, что ту помощь, в которой она нуждается, ей сможет оказать только другая имбрина, — с надеждой в голосе произнесла Эмма.

— И это тоже верно.

— Она изменилась, — пробормотала Бронвин. — Она уже не та, что прежде. Мы хотим, чтобы к нам вернулась прежняя мисс Сапсан!

— Мы не можем смириться с тем, что с ней произошло! — произнес Гораций.

— Ну так как? — спросила Оливия. — Вы можете снова превратить ее в человека?

Мы все окружили мисс Королек и начали хором умолять ее помочь нам.

Она подняла руки, прося тишины.

— Если бы это было так просто, — заговорила она, — или так быстро... Когда имбрина надолго задерживается в теле птицы, она застывает и становится жесткой, как холодная мышца. Если попытаться вернуть ее обратно в тело человека слишком быстро, она сломается. Ее необходимо осторожно массировать, разогревать и разминать, как глину, пока она не примет свой истинный облик. Если я поработаю с ней всю ночь, возможно, к утру я сумею это сделать.

— Если у нее есть это время.

— Молитесь о том, чтобы это было так, — ответила мисс Королек.

Девочка с длинными волосами вернулась и медленно приблизилась к нам, ведя руками по стенам тоннеля. Везде, где она прикасалась, тут же образовывались новые слои льда. Тоннель за ее спиной уже превратился в узкую трубу всего несколько футов в диаметре. Было ясно, что вскоре он окончательно закроется и мы будем отрезаны от остального мира.

Мисс Королек помахала девочке рукой.

— Алтеа! Беги наверх и поручи санитарке приготовить процедурную. Мне понадобятся все мои лекарственные средства.

— Когда вы говорите «лекарственные средства», вы имеете в виду растворы, настойки или суспензии?

— Я имею в виду все сразу! — закричала мисс Королек. — И быстрее, это очень срочно!

Тут девочка заметила мисс Сапсан, и ее глаза слегка расширились. Это была ее самая мощная реакция из тех, что я успел увидеть. Алтеа поспешила выполнить задание.

На этот раз она действительно бежала.

Пока мы поднимались по лестнице, я поддерживал мисс Королек под руку. Здание было четырехэтажным, и мы направлялись на самый верхний этаж. Не считая лестницы, это была единственная все еще доступная часть дома. Комнаты и коридоры всех остальных этажей были закупорены льдом. По сути мы пробирались через полый центр гигантского ледяного куба.

По пути я успевал заглянуть в замороженные комнаты. Раздутые языки льда сорвали двери с петель, и сквозь растрескавшиеся доски были видны следы налета: перевернутая мебель, вырванные из столов ящики, сугробы бумаги на полу... К столу был прислонен пулемет, а рядом стоял закованный в прозрачную глыбу пулеметчик. В углу, ссутулившись, сидел один из наших, скошенный градом пуль. Это напоминало сцену гибели Помпеи со льдом вместо пепла.

Мне с трудом верилось, что все это сумела сделать одна-единственная девочка. Не считая имбрин, Алтеа была одним из самых сильных странных существ, которых я когда-либо встречал. Я поднял голову как раз вовремя, чтобы заметить, как девочка скрывается за поворотом площадки этажом выше, а за ней вихрем летит бесконечная грива волос.

Я отломил со стены сосульку.

— Все это действительно сделала она? — спросил я, крутя ее в руке.

— Ну конечно, — отозвалась мисс Королек, пыхтя рядом со мной. — Она учится, или, если точнее, училась у министра по вопросам спутанности сознания и отсрочек и находилась здесь в тот день, когда силы зла совершили налет на здание. Тогда она еще не знала о своих возможностях, знала лишь, что ее ладони излучают противоестественный холод. Как об этом рассказывает сама Алтеа, она относилась к своим способностям как к чему-то очень полезному в жаркие летние дни, но она никогда не считала это защитным оружием, пока две пустоты не начали пожирать министра прямо у нее на глазах. В смертельном ужасе она обнаружила в себе такой бездонный колодец силы, о существовании которого раньше и не подозревала, и заморозила комнату — и пустот — а затем и все здание, уложившись всего в несколько минут.

— Минут! — воскликнула Эмма. — Не могу поверить!

— Я до сих пор сожалею, что меня тогда здесь еще не было и я не видела этого изумительного действия. Впрочем, если бы я здесь была, меня, скорее всего, похитили бы вместе с остальными имбринами, которые здесь находились. Это были мисс Козодой, мисс Зяблик и мисс Ворона.

— Ее лед не остановил тварей? — спросил я.

— Многих остановил, — кивнула мисс Королек. — Некоторые из них все еще здесь, заморожены где-то на задворках здания. Но несмотря на все потери, твари получили то, за чем явились. Прежде, чем здание успело окончательно замерзнуть, они унесли имбрин через крышу. — Мисс Королек горестно покачала головой. — Клянусь жизнью, когда-нибудь я лично отправлю тех, кто причинил боль моим сестрам, в ад.

— Выходит, что от всей ее силы не было никакого толка, — буркнул Енох.

— Ей не удалось спасти имбрин, — согласилась мисс Королек. — Но она создала это место, а это уже само по себе счастье. Не будь его, нам вообще негде было бы укрыться. На протяжении нескольких последних дней я пользуюсь им как базовым лагерем и привожу сюда тех, кого нахожу во взломанных тварями петлях. Это наша крепость, единственное место во всем Лондоне, где странные люди могут чувствовать себя в безопасности.

— А как насчет ваших усилий, мадам? — спросил Миллард. — Пес сказал, что вы отправились в Лондон помогать своим сестрам. У вас что-нибудь получилось?

— Нет, — тихо ответила она. — Мои усилия успехом не увенчались.

— Мисс Королек, — раздался сзади голосок Оливии, — может быть, вам сумеет помочь Джейкоб. Он совершенно особенный.

Мисс Королек оценивающе покосилась на меня.

— В самом деле? И какой же у вас талант, юноша?

— Я вижу пустот, — немного смущенно отозвался я. — И чувствую их приближение.

— И иногда убиваешь их, — вставила Бронвин. — Мисс Королек, если бы мы не нашли вас, Джейкоб помог бы нам пробраться мимо пустот, охраняющих вход в петли наказания. Мы хотели спасти кого-нибудь из содержащихся там имбрин. Вообще-то, он мог бы помочь...

— Вы очень добры, — покачала головой мисс Королек, — но моих сестер не держат в петлях наказания. Их вообще нет в окрестностях Лондона.

— Вы уверены? — спросил я.

— Уверена. Я точно знаю, что их здесь нет и никогда не было. Все эти разговоры о петлях наказания были всего лишь хитростью, призванной выманить сюда тех имбрин, которых силам зла не удалось захватить в ходе своих налетов. А если конкретнее, то меня. И это чуть было не сработало. Я, как последняя дура, прилетела прямо в расставленную для меня ловушку. В конце концов, петли наказания — это настоящие тюрьмы! Мне

посчастливилось вырваться на волю, отделавшись несколькими шрамами.

— Куда же в таком случае они отвезли захваченных имбрин? — спросила Эмма.

— Я бы тебе не сказала, даже если бы знала, — ответила мисс Королек, — потому что тебя это не касается. Странные дети не обязаны волноваться о благополучии имбрин. Это *наш* долг заботиться о вас.

— Но, мисс Королек, — возразил Миллард, — так нечестно...

— Я больше не желаю об этом слышать! — коротко оборвала его она.

На этом разговор о спасении имбрин был закончен.

Я был потрясен ее неожиданным отказом от нашей помощи, особенно с учетом того, что, если бы мы не побеспокоились о благополучии мисс Сапсан и, рискуя собственной жизнью, не доставили ее в Лондон, она была бы обречена провести всю оставшуюся жизнь в теле птицы. Мне казалось, что мы не имеем права стоять в стороне, поскольку имбрины явно не справились с защитой своих петель от налета. Мне не понравился покровительственный тон мисс Королек, и, судя по нахмуренным бровям Эммы, она испытывала сходные чувства. Тем не менее заявить об этом вслух мы не могли, поскольку это сочли бы проявлением неслыханной грубости, и остаток пути вверх прошел в неловком молчании.

Мы поднялись на верхнюю площадку лестницы. На этом этаже виднелось всего несколько запечатанных льдом дверей. Мисс Королек взяла мисс Сапсан из рук Горация и произнесла:

— Итак, Алма, давай посмотрим, что мы сможем для тебя сделать.

В открытой двери одной из комнат появилась раскрасневшаяся Алтеа.

— Ваша комната готова, госпожа, — с трудом переводя дыхание, произнесла она. — Тут есть все, о чем вы просили.

— Хорошо, хорошо, — кивнула мисс Королек.

— Может, мы сумеем чем-нибудь вам помочь, — подала голос Бронвин. — Мы сделаем все, что вы скажете...

— Все, что мне необходимо — это время и тишина, — отозвалась мисс Королек. — Я спасу вашу имбрину, дети. Клянусь жизнью.

С этими словами она отвернулась и вместе с Алтеа скрылась за дверью комнаты.

Не зная, чем еще себя занять, мы пошли за ней. Собравшись у приоткрытой двери, мы принялись по очереди заглядывать в щелку. В уютной комнате, озаренной светом газовых ламп, сидела в кресле-качалке мисс Королек, держа на коленях мисс Сапсан. Алтеа стояла у лабораторного стола и смешивала какие-то разлитые по флаконам жидкости. Время от времени она поднимала один из флаконов и вращала

им в воздухе. Затем она подходила к мисс Сапсан и совала его той под клюв, как суют нюхательную соль под нос потерявшему сознание человеку. Все это время мисс Королек покачивалась в кресле и поглаживала перья мисс Сапсан, негромко напевая колыбельную.

— *Ефт каа ванган сооркен, ефт каа ванган сооркен, малаайя...*

— Это древний язык странных людей, — шепотом пояснил Миллард. — Возвращайся домой, возвращайся домой... помни, кто ты на самом деле... Что-то в этом роде.

Мисс Королек услышала его слова и подняла голову, а затем знаком показала, чтобы мы уходили. Алтеа подошла к двери и плотно ее закрыла.

— Ну что ж, — пожал плечами Енох, — совершенно ясно, что мы здесь не нужны.

Целых три дня наша директриса полностью зависела от своих подопечных, и теперь, когда нас оттолкнули, мы остро ощутили свою ненужность. Впрочем, мы были благодарны мисс Королек за то, что она заставила нас всех почувствовать себя детьми, которым велели ложиться спать.

— Мисс Королек свое дело знать, — раздался позади нас голос с сильным русским акцентом. — Лучше ей не мешать.

Обернувшись, мы увидели худого как палка складывающегося мужчину с ярмарки, который смотрел на нас, скрестив на груди руки.

— Это вы! — воскликнула Эмма.

— Вот мы и встречаться, — глубоким, как океанская расщелина, голосом произнес мужчина. — Меня зовут Сергей Андропов, я капитан армии сопротивления странных людей. Пойдемте, я вам все показывать.

* * *

— Я так и знала, что он из странных! — прощепетала Оливия.

— Ничего такого ты не знала, — возразил Енох. — Ты только думала, что он странный.

— Я понять, что вы странный, как только увидеть вас, — произнес складывающийся человек. — Но вас должны уже давно поймать. Как вам удалось избежать?

— Просто мы *изобретательные*, — сообщил ему Хью.

— Он хотел сказать удачливые, — уточнил я.

— А самое главное — очень голодные, — заявил Енох. — У вас тут имеется что-нибудь съестное? Я готов съесть эму-рафа.

При упоминании о еде мой живот заворчал диким зверем. Все мы в последний раз ели в поезде, когда ехали в Лондон. Мне показалось, что с тех пор прошла целая вечность.

— Конечно, — кивнул складывающийся человек. — Сюда, пожалуйста.

Мы пошли вслед за ним по коридору.

— Так расскажите же нам об этой вашей странной армии, — попросила его Эмма.

— Мы уничтожим тварей и отнимем у них то, что принадлежать нам по праву. Мы наказать их за похищение наших имбрин.

Он открыл одну из дверей и провел нас через разгромленный кабинет, в котором на полу и под столами спали люди. Осторожно обходя спящих, я узнал в некоторых из них людей, которых мы встретили на ярмарке. В частности, здесь были некрасивый мальчик из балагана и кудрявая заклинательница змей.

— Они все странные? — спросил я.

Складывающийся человек кивнул.

— Мы спасали их из других петель, — пояснил он, придерживая для нас дверь в соседнюю комнату.

— А вы? — заинтересовался Миллард. — Откуда приехали вы?

Складывающийся человек вывел нас в вестибюль, где мы могли побеседовать, не мешая спящим. Это была просторная комната, главной отличительной чертой которой были две огромные деревянные двери, испещренные десятками изображений птиц.

— Я приехать из страны застывшей пустыни за Ледяной Пустошью, — сообщил он нам. — Сто лет назад, когда пустоты едва родиться на свет, они первыми напасть на мой дом. Уничтожить все. Всех в деревне убить. Старая женщина. Младенец. Всех. — Он коротко взмахнул рукой, продемонстрировав рубящее движение. — Я прятаться в маслбойке, дышать через соломинка, а мой брат убили в том же доме. Потом я ехать в Лондон, чтобы спастись от пустот. Но они тоже приезжать.

— Это ужасно, — прошептала Бронвин. — Я так вам сочувствую.

— Когда-нибудь мы отомстить, — с потемневшим лицом ответил он.

— Вы об этом уже говорили, — напомнил ему Енох. — Сколько людей сейчас в вашей армии?

— Пока шесть, — ответил он, кивнув на комнату, из которой мы только что вышли.

— Шестеро?! — ахнула Эмма. — Вы говорите о... *них*?

Я не знал, смеяться мне или плакать.

— С вами будет уже семнадцать. Мы быстро растем.

— Эй, эй, эй, — покачал головой я. — Мы приехали сюда не для того, чтобы вступать в какие-то армии.

Человек окинул меня взглядом, способным вызвать оледенение в аду, после чего распахнул двойную дверь.

Вслед за ним мы вошли в большой зал, посреди которого стоял массивный овальный стол с отполированной до зеркального блеска крышкой.

— Это то самое место, где заседает Совет Имбрин, — произнес складывающийся человек.

Со всех стен на нас смотрели портреты странных людей древности. Они не висели там в рамах, а были написаны прямо на стенах при помощи масла, угля и восковых карандашей. Ближе других ко мне было изображение лица с широко раскрытыми глазами и открытым ртом, в котором находился настоящий действующий фонтан. Вокруг рта по-голландски был написан какой-то девиз, который тут же перевел расположившийся рядом со мной Миллард.

— «Изо рта наших старейшин бьет фонтан мудрости».

Рядом была другая надпись, на этот раз на латыни: *Ardet nec consumitur*.

— Горит, но не сгорает, — перевела Мелина.

— В яблочко, — заметил Енох.

— Мне не верится, что я в самом деле здесь, — вздохнула Мелина. — Я столько лет изучала это здание, что оно мне даже снилось.

— Это всего лишь комната, — заметил Енох.

— Возможно, для тебя это так. Но для меня это сердце целого мира странных людей.

— Сердце, которое вырвали из груди, — произнес чей-то голос, и, подняв глаза, я увидел шагающего к нам клоуна. Того самого, который преследовал нас на ярмарке. — Мисс Галка стояла там, где стоите вы, когда они ее схватили. Мы обнаружили на полу целую гору ее перьев. — В речи клоуна явственно слышался американский акцент. Он остановился в нескольких футах от нас и принялся разглядывать, жуя и поставив одну руку на пояс. — Это они? — спросил он у складывающегося человека, ткнув в нас ножкой индейки. — Нам нужны *солдаты*, а не детишки.

— Мне сто двенадцать лет! — заявила Мелина.

— Да, да, я все это уже слышал, — кивнул клоун. — Кстати, я понял, что вы странные, заметив вас с противоположного конца ярмарки. Я еще не видел компании странных людей, странность которых настолько бросалась бы в глаза.

— Я сказал им то же самое, — хмыкнул складывающийся человек.

— Как они добрались сюда из Уэльса, не угодив в лапы тварей, — это выше моего понимания, — произнес клоун. — Я бы даже сказал, что это подозрительно. Вы уверены, что один из вас не является тварью?

— Да как вы смеете! — возмутилась Эмма.

— Вообще-то, мы им *попались*, — гордо заявил Хью. — Но твари, которые нас схватили, не прожили достаточно долго, чтобы иметь возможность этим похвастаться.

— Ага, а я король Боливии, — кивнул клоун.

— *Это правда!* — рявкнул Хью, и его лицо налилось кровью.

Клоун вскинул руки.

— Хорошо, хорошо, малыш, успокойся! Я уверен, что Королек не выпустила бы вас сюда, если бы вы не были настоящими. Давайте дружить. Пойдемте, я угощу вас индюшиными ножками.

Уговаривать нас ему не пришлось. Мы были слишком голодны, чтобы долго на него обижаться.

Клоун подвел нас к столу, заваленному едой — теми же орехами и жареным мясом, запах которых дразнил нас на ярмарке. Столпившись вокруг стола, мы начали без зазрения совести насыщаться всем, что на нем лежало. Складывающийся человек съел пять вишен и кусочек хлеба, после чего объявил, что еще никогда так не объедался. Бронвин расхаживала вдоль стены и грызла ногти, снедаемая тревогой, не позволявшей ей даже поест.

Когда с обедом было покончено, а стол превратился в поле битвы, заваленное обглоданными костями и покрытое жирными пятнами, клоун откинулся на спинку стула и произнес:

— Итак, странные дети, может, поделитесь своей историей? Что привело вас сюда из самого Уэльса?

— Мы хотели помочь своей имбрине, — вытерев губы, ответила Эмма.

— А когда ей помогут? — не унимался клоун. — Что тогда?

Я увлеченно вымакивал остатки соуса кусочком хлеба, но, услышав эти слова, поднял голову и посмотрел на клоуна. Очевидность его вопроса удивила всех, и я не мог поверить, что никто из нас не успел задаться им раньше.

— Не говори так, — попросил Горацій. — А то сглазишь.

— Королек настоящая волшебница, — отмахнулся клоун. — Вам не о чем волноваться.

— Я надеюсь, что вы правы, — вздохнула Эмма.

— Ну конечно, я прав. Итак, какие у вас планы? Понятное дело, вы

останетесь и присоединитесь к нашей борьбе, но я не понимаю, где вы будете спать. Только не со мной. У меня комната на одного человека, и исключения я делаю очень редко. — Он посмотрел на Эмму и поднял бровь. — Обрати внимание на то, что я сказал *редко*.

Все принялись разглядывать картины на стенах или поправлять воротнички. Все, кроме Эммы, лицо которой стремительно обретало один из оттенков зеленого. Возможно, наш врожденный пессимизм не позволял нам по-настоящему верить в успех, из-за чего нам и в голову не приходило думать о том, что мы станем делать, если и в самом деле спасем мисс Сапсан. Возможно, напряжение последних дней было таким непреходящим и сильным, что у нас и возможности такой не было. В любом случае вопрос клоуна застал нас врасплох.

Что, если у нас действительно все получится? Что мы станем делать, если через мгновение в комнату войдет мисс Сапсан, такая, какой мы привыкли ее видеть?

Наконец за всех ответил Миллард:

— Полагаю, мы снова вернемся на запад, туда, откуда явились. Мисс Сапсан могла бы сделать нам другую петлю. Такую, в которой нас никогда не найдут.

— И это все? — спросил клоун. — Вы *спрячетесь*? Как насчет всех остальных имбрин, тех, которым повезло меньше? Как насчет *моей* имбрины?

— Мы не ставили перед собой задачу спасти весь мир, — поддержал Милларда Гораций.

— Мы не пытаемся спасти весь мир. Только весь странный мир.

— Это тоже не наше дело.

Слова Горация прозвучали так беспомощно, как будто он защищался, стыдясь того, что вынужден был их произнести.

Клоун наклонился вперед и пристально уставился на нас.

— А чье это дело?

— Должен же быть кто-то, кроме нас, — ответил ему Енох. — Тот, кто лучше оснащен и подготовлен для такого...

— Первым, что совершили силы зла три недели назад, стало нападение на Внутреннюю Охрану Странного мира. Им хватило дня, чтобы развеять ее по ветру. В отсутствие охраны, а теперь и наших имбрин, кто должен защищать странный мир, а? Такие люди, как вы и я, вот кто. — Клоун бросил на стол индюшину ножку. — Ваша трусость омерзительна. У меня даже аппетит пропал.

— Они устать после долгого путешествия, — вмешался

складывающийся человек. — Будь больше снисходительный.

Клоун помахал в воздухе пальцем, как училка.

— Не-а. Даром ничего не будет. Мне все равно, пробудете вы здесь месяц или час. Пока вы здесь, вы должны быть готовы сражаться. Честно говоря, вид у вас жалкий, но вы странные люди, так что у каждого имеются скрытые таланты. Покажите мне, что вы умеете!

Он встал и подошел к Еноху, вытянув одну руку вперед с таким видом, будто собрался обшарить его карманы в поисках странных способностей.

— Эй, ты! — окликнул он Еноха. — Исполни свой трюк!

— Чтобы его исполнить, мне нужен мертвый человек, — отозвался Енох, — и им вполне можешь стать ты, если хоть пальцем ко мне прикоснешься.

Клоун обернулся к Эмме.

— В таком случае как насчет тебя, милая? — поинтересовался он, и Эмма подняла вверх средний палец, на кончике которого, как на свече праздничного торта, плясал язычок пламени. — Чувство юмора на месте! — расхохотался клоун. — Мне это нравится.

Он перешел к слепым братьям.

— У них мысленная связь, — произнесла Мелина, становясь между братьями и клоуном. — Они видят своими ушами и всегда знают, о чем думает другой.

Клоун захлопал в ладоши.

— Наконец-то что-то полезное! Они будут нашими часовыми. Одного можно отвести на ярмарку, а второй останется здесь. Если там что-то произойдет, мы об этом сразу узнаем!

Он обошел Мелину, и братья попятились от него.

— Их нельзя разлучать! — воскликнула Мелина. — Джоэл-и-Питер не любят расставаться.

— А я не люблю, когда на меня охотятся невидимые чудовища, — ответил клоун и попытался оттащить старшего брата от младшего.

Мальчики схватились за руки и застонали. Их языки громко щелкали, а глаза бешено вращались в глазницах. Я уже хотел вмешаться, как вдруг братья разомкнули руки и издали двойной вопль, такой громкий и пронзительный, что мне показалось, у меня лопнул череп. Тарелки на столе разлетелись вдребезги, все присели, схватившись за уши, и мне почудилось, что я слышу, как по нижним этажам разбегаются трещины, пронизывая весь ледяной массив.

Наконец эхо этого крика стихло, и Джоэл-и-Питер упали на пол, съездившись и прижимаясь друг к другу.

— Видите, что вы натворили! — закричала на клоуна Мелина.

— Бог ты мой! Вот это да! — только и сказал клоун.

Бронвин одной рукой взяла его за шею и подняла вверх.

— Если ты от нас не отстанешь, — спокойно произнесла она, — я проломлю твоей головой стену.

— Простите... пожалуйста... — задыхаясь, прохрипел клоун. — Поставьте... меня... на пол?

— Поставь его, Вин, — вмешалась Оливия. — Он попросил прощения.

Бронвин неохотно опустила клоуна вниз. Он закашлялся и поправил одежду.

— Похоже, я вас недооценил, — произнес он. — Вы станете отличным пополнением для нашей армии.

— Я вам уже сказал, что мы не собираемся вступать в вашу дурацкую армию, — напомнил ему я.

— Да и какой в ней смысл? — спросила Эмма. — Вы ведь даже не знаете, где находятся имбрины.

Складывающийся человек навис над нами.

— Дело в том, — произнес он, — что если силы зла доберутся до последних свободных имбрин, остановить их уже никому не удастся.

— Похоже, их уже не остановить, — заметил я.

— Если ты так думаешь, то ты еще ничего не видел, — ответил клоун. — И если ты думаешь, что они когда-нибудь прекратят на вас охотиться, поскольку ваша имбрина свободна, то ты тупее, чем кажешься.

Гораций встал и откашлялся.

— Вы только что изложили нам самый худший сценарий развития событий, — произнес он. — За последнее время я услышал огромное количество всевозможных наихудших сценариев. Но я так и не услышал ни единого *наилучшего* сценария.

— О, это звучит многообещающе, — хмыкнул клоун. — Давай, модник, выкладывай.

Гораций глубоко вздохнул, набираясь храбрости.

— Тварям были нужны имбрины, и теперь они их получили. Во всяком случае, большинство из них. Предположим, что это все, что нужно тварям, и теперь они могут приступить к осуществлению своего дьявольского плана. И они своего достигают: становятся супертварями, полубогами или к чему они там стремятся. И перестают нуждаться в имбринах, странных детях и временных петлях. В этом случае они отправляются восвояси по своим делам, чтобы где-то там быть полубогами, и оставляют нас в покое.

И в этом случае жизнь не просто возвращается в прежнее русло. Она становится *лучше*, чем прежде, потому что никто больше не пытается съесть нас или похитить наших имбрин. И тогда, возможно, мы сможем, как раньше, хоть изредка выезжать за границу. Мы посмотрим мир и побываем в таких местах, где холодный дождь не идет триста дней в году. И в таком случае какой смысл оставаться здесь и сражаться? Мы бросимся на их мечи и погибнем, в то время как все может обойтись и без нашего вмешательства.

Несколько мгновений все молчали. Затем клоун начал смеяться. Он смеялся и смеялся, и его хохот отражался от стен, пока, корчась от смеха, клоун не рухнул на пол.

И тогда заговорил Енох:

— У меня просто нет слов. Хотя, нет, погодите, они у меня есть! Гораций, я еще никогда не слышал, чтобы желаемое за действительное выдавали таким наивным и трусливым образом.

— Но такой вариант *возможен*, — продолжал настаивать Гораций.

— Конечно. А еще возможно, что Луна сделана из сыра. Просто это чертовски маловероятно.

— Я могу положить конец этот спор прямо сейчас, — вмешался складывающийся человек. — Вы хотите знать, что твари сделать с нами, как только смогут делать все, что им вздумается? Пойдемте, я вам показать.

— Зрелище не для слабонервных, — добавил клоун, покосившись на Оливию.

— Если это зрелище под силу *им*, значит, и мне тоже, — ответила она.

— Тебя предупредили, — пожал плечами клоун. — Идите за нами.

— Я даже с тонущего корабля за вами не пошла бы, — отозвалась Мелина, которой наконец снова удалось поставить на ноги трясущихся слепых братьев.

— Тогда оставайся, — ответил клоун. — А те, кто не хочет затонуть вместе с кораблем, пойдете с нами.

* * *

Раненые лежали в разнокалиберных кроватях в импровизированной больничной палате под присмотром медсестры с выпирающим наружу стеклянным глазом. Пациентов, если их можно было так назвать, было трое — мужчина и две женщины. Мужчина лежал на боку в полубессознательном состоянии. Он что-то шептал и пускал слюни. Одна

из женщин безразлично смотрела в потолок, а другая извивалась под простынями и тихо стонала, всецело пребывая во власти какого-то кошмара. Мы остановились за дверью, не желая приближаться к этим людям. Каким бы недугом они ни страдали, их заболевание могло оказаться заразным, и нам не хотелось его подцепить.

— Как они сегодня? — спросил складывающийся человек у медсестры.

— Еще хуже, — ответила та, суется между кроватями. — Теперь они постоянно на успокоительных. В противном случае они просто безудержно рыдают.

Никаких заметных ран на их телах не было. Не было окровавленных бинтов, закованных в гипс конечностей, мисок, до краев наполненных красноватой жидкостью. Комната скорее напоминала палату психиатрической клиники, чем обычной больницы.

— Что с ними такое? — спросил я. — Они были ранены во время налета?

— Нет, их привезла сюда мисс Королек, — ответила медсестра. — Она нашла их в больнице, которую твари превратили в некое подобие медицинской лаборатории. Этих несчастных они использовали в качестве подопытных кроликов для своих невообразимых экспериментов. То, что вы видите — это результат их усилий.

— Мы нашли их старые документы, — добавил клоун. — Твари похитили этих людей много лет назад. Их все считали погибшими.

Медсестра сняла планшет со стены возле кровати шепчущего мужчины.

— Этого парня зовут Бентерет. Предполагается, что он бегло говорит на сотне языков. Но сейчас он только и делает, что снова и снова повторяет одно-единственное слово.

Я подошел ближе, пристально следя за его губами. Зов, зов, зов, — шептал он. — Зов, зов, зов.

Тарабарщина какая-то. Разум его покинул.

— А она, — продолжала медсестра, показывая планшетом на стонущую девушку, — согласно документам может летать. Но я ни разу не видела, чтобы она хоть на дюйм приподнялась из своей кровати. Что касается второй, то она должна быть невидимкой. Но мы видим ее совершенно отчетливо.

— Их пытали? — спросила Эмма.

— Совершенно очевидно, что их пытали, пока они не утратили рассудок, — ответил клоун. — Пытали, пока они не забыли, как это — быть странными!

— Да вы хоть целый день меня пытайте, — включился в разговор Миллард. — Я все равно не сумею забыть, как это — быть невидимкой.

— Покажи им шрамы, — обратился клоун к медсестре.

Медсестра подошла к неподвижной женщине и откинула простыни. Тонкие красные шрамы длиной с сигарету пересекали ее живот, виднелись на шее и под подбородком.

— Это вряд ли может служить доказательством пыток, — с сомнением произнес Миллард.

— В таком случае чем это *может* служить? — возмущенно поинтересовалась медсестра.

Миллард не обратил внимания на ее реплику.

— У нее есть еще шрамы, или это все?

— Ничего себе все! — откликнулась медсестра и, сдернув простыни, обнажила ноги женщины, чтобы продемонстрировать такие же шрамы на задней части ноги под коленом, на внутренней стороне бедра и подошве.

Миллард наклонился, разглядывая стопу.

— Какое странное место, вы не находите?

— К чему ты клонишь, Милл? — спросила Эмма.

— Тихо! — шикнул на нее Енох. — Пусть изображает из себя Шерлока, если ему так хочется. Мне это очень даже нравится.

— Почему бы нам не порезать его в десяти местах? — предложил клоун. — Тогда посмотрим, покажется ли ему это пыткой!

Миллард подошел к кровати шепчущего мужчины.

— Можно мне его осмотреть?

— Я уверена, что он возражать не будет, — кивнула медсестра.

Миллард приподнял простыни над ногами мужчины. На подошве одной из его босых ног виднелся шрам, подобный шраму у неподвижной женщины.

Медсестра кивнула в сторону третьей несчастной.

— У нее имеется такой же, если это то, что тебя интересует.

— Довольно, — вмешался складывающийся человек. — Если это не пытка, тогда что?

— Исследование, — ответил Миллард. — Эти надрезы тонкие и хирургически точные. Они не рассчитаны на то, чтобы причинять боль. Скорее всего, их даже делали с применением анестетика. Твари что-то искали.

— И что же они могли искать? — спросила Эмма дрогнувшим голосом, в котором слышался страх перед ответом.

— Существует старая поговорка о стопе странного человека, — ответил Миллард. — Кто-нибудь из вас ее помнит?

— Стопа странного человека — это дверь к его душе, — отчеканил Гораций. — Но это говорят детям только для того, чтобы они не разувались, играя на улице.

— Может, это так, а может, и нет, — пробормотал Миллард.

— Не смейся! Ты думаешь, что они искали...

— Их души. И они нашли их.

Клоун громко расхохотался.

— Что за бред сивой кобылы! Только потому, что они утратили свои способности, ты считаешь, что у них удалили вторую душу?

— Частично. Нам известно, что вопрос второй души занимает тварей уже много лет.

Тут я вспомнил наш с Миллардом разговор в поезде и вмешался:

— Но ты сам говорил мне, что душа странного человека — это именно то, что позволяет нам входить в петли. Таким образом, если у этих людей нет души, как могли они оказаться здесь?

— Но ведь *на самом деле* их здесь нет, ты не находишь? — откликнулся Миллард. — Я хочу сказать, что их *разум* совершенно определенно находится где-то в другом месте.

— Ты притягиваешь объяснение за уши, — покачала головой Эмма. — Миллард, я думаю, что все это уже слишком.

— Потерпите меня еще немного, — попросил Миллард. Он разволновался и быстро ходил по комнате взад-вперед. — Я не думаю, что вам известно о том случае, когда нормальный человек однажды все-таки *вошел* в петлю.

— Нет, потому что всем известно, что это невозможно, — ответил Енох.

— *Почти* невозможно, — уточнил Миллард. — Это нелегко и очень неэстетично, но это произошло, пусть и единожды. Речь идет о нелегальном эксперименте, который провел родной брат мисс Сапсан незадолго до того, как обезумел и образовал группу, члены которой позднее стали тварями.

— В таком случае почему я никогда и ничего об этом не слышал? — поинтересовался Енох.

— Потому что это был очень неоднозначный эксперимент, результаты которого были тут же скрыты, чтобы никто не попытался его повторить. Как бы то ни было, оказалось, что провести нормального человека в петлю *возможно*, вот только его придется в нее пропихивать силой, и сделать это может только тот, кто наделен силой имбрины. Но поскольку у нормального человека нет второй души, он не в состоянии справиться с присущими временным петлям парадоксами, и его рассудок неизбежно превращается в кашу. Стоит ему войти в петлю, как он становится бессознательным, пускающим слюну овощем. Одним словом, он становится очень похож на этих несчастных людей перед нами.

Переваривая слова Милларда, все молчали. Затем Эмма прижала ладони ко рту и прошептала:

— О черт. Он прав.

— Что ж, в таком случае, — произнес клоун, — все еще хуже, чем мы предполагали.

Мне показалось, что весь воздух внезапно покинул комнату, потому что дышать мне стало нечем.

— Я не уверен, что понял, о чем вы говорите, — произнес Гораций.

— Он сказал, что чудовища похитили их души! — закричала Оливия и, в слезах подбежав к Бронвин, зарылась лицом в полы ее пальто.

— Эти странные люди не утратили своих способностей, — продолжал

Миллард. — Их у них похитили, изъяли, вместе с их душами, которые затем скормили пустотам. Это позволило пустотам развиваться достаточно для того, чтобы получить возможность входить в петли. Это достижение и позволило осуществить недавнее наступление на странный мир и снабдить тварей еще большим количеством странных людей, у которых они могли изъять души, способствуя эволюции еще большего количества пустот, и так далее, по порочному и беспрерывному кругу.

— Значит, им нужны не только имбрины, — заключила Эмма, — но также и мы... то есть наши души.

Хью стоял в ногах кровати шепчущего мужчины, и мне казалось, что я слышу разгневанное жужжание его последней пчелы.

— Все странные дети, которых они похитили за долгие годы... Вот, значит, что они с ними делали? Я думал, что они просто были едой для пустот. Но это... *гораздо* страшнее.

— Кто сказал, что они и у имбрин не планируют извлекать души? — заметил Енох.

Эта мысль заставила нас всех похолодеть. Обернувшись к Горацию, клоун поинтересовался:

— Как выглядит твой наилучший сценарий теперь, дружище?

— Не надо меня дразнить, — огрызнулся Гораций. — Я кусаюсь.

— Все в коридор! — распорядилась медсестра. — Есть у них души или нет, но эти люди больны, и здесь не место для перебранок.

Мы угрюмо вышли из палаты.

— Ну хорошо, вы продемонстрировали нам, что такое настоящий кошмар, — обратилась к клоуну и складывающемуся человеку Эмма. — Можете считать, что вам удалось нас напугать. А теперь скажите нам, что вам от нас нужно.

— Все очень просто, — ответил Сергей Андропов. — Мы хотим, чтобы вы остались и сражаться вместе с нами.

— Мы просто хотели показать вам, насколько это в ваших собственных интересах, — пояснил клоун. — Но ваш друг, — добавил он, похлопав Милларда по спине, — сообщил нам то, до чего мы сами ни за что не додумались бы.

— Если мы останемся, за что мы будем сражаться? — поинтересовался Енох. — Имбрины даже не в Лондоне. Во всяком случае, так утверждает мисс Королек.

— Забудьте о Лондоне! С Лондоном покончено! — ответил ему клоун. — Здесь битва завершена, и мы ее проиграли. Как только Королек спасет всех, кто еще остается в этих взломанных петлях, мы вооружимся и

отправимся в другие места и в другие петли. Там тоже наверняка есть странные люди, которым удалось выжить, и они горят желанием драться.

— Мы создавать армию, — кивнул складывающийся человек. — *Настоящую армию.*

— Что касается местонахождения имбрин, — добавил клоун, — то это не проблема. Мы поймаем тварь и будем ее пытаться, пока она нам все не расскажет. Она сама нам все покажет на Карте Дней.

— У вас есть Карта Дней? — спросил Миллард.

— Целых две. Внизу расположены архивы, если вы не в курсе.

— Но это замечательная новость! — звенящим от волнения голосом воскликнул Миллард.

— Поймать тварь будет непросто, — засомневалась Эмма. — Это гораздо легче сказать, чем сделать. К тому же они постоянно лгут. Ложь — это их конек.

— Значит, мы поймаем двоих и будем сравнивать их ложь, — ответил клоун. — Они тут часто крутятся, так что в следующий раз, когда мы кого-то из них заметим, мы его бац, и схватим.

— Совершенно незачем ждать, пока они сюда явятся, — сообщил ему Енох. — Если я не ошибаюсь, мисс Королек говорила, что твари имеются в этом самом здании?

— Разумеется, — подтвердил клоун. — Но они заморожены. Мертвы, как дверные гвозди.

— Это не означает, что их нельзя допросить, — возразил Енох, по лицу которого медленно расползалась довольная ухмылка.

— Значит, вы с нами? — спросил складывающийся человек. — Вы оставаться и бороться?

— Я этого не сказала, — ответила Эмма. — Позвольте нам это обсудить.

— Что тут можно обсуждать? — удивился клоун.

— Конечно, обсуждать. Не торопить, — кивнул складывающийся человек и ушел, таща за собой клоуна. — Пойдем, я приготовить кофе.

— Ну *ладно*, — неохотно согласился клоун.

Мы сбились в кружок, как делали уже много раз с тех пор, как начались наши беды. Только теперь, вместо того чтобы кричать друг на друга, мы говорили спокойно и по очереди. Серьезность проблемы придавала обстановке определенной торжественности, заставляя нас вести себя с достоинством.

— Я думаю, мы должны бороться, — произнес Хью. — Теперь, когда мы знаем, что делают с нами твари, я не смогу просто вернуться к

прежнему образу жизни и попытаться сделать вид, что ничего этого на самом деле не было. Единственный достойный выход — это борьба.

— Выжить тоже почетно, — заметил Миллард. — Такие, как мы, сумели выжить в двадцатом веке, прячась, а не сражаясь. Поэтому, возможно, все, что нам необходимо, это спрятаться получше.

Бронвин обернулась к Эмме и сказала:

— Я хочу знать, что думаешь *ты*.

— Да, я тоже хочу знать, что думает Эмма, — поддержала ее Оливия.

— И я, — удивив всех, присоединился к девочкам Енох.

Эмма глубоко вздохнула, а затем произнесла:

— Я ужасно переживаю за остальных имбрин. То, что с ними сделали — это преступление, и выживание таких, как мы, может зависеть от их спасения. Но прежде всего я предана не другим имбринам и не другим странным детям. Чувство долга велит мне заботиться о женщине, которой я обязана жизнью — о мисс Сапсан, и ни о ком более. — Она помолчала и кивнула, как будто еще раз обдумав собственные слова и убедившись в их справедливости, а затем продолжила: — А когда, с птичьего благословения, она снова станет собой, я сделаю все, что она от меня потребует. Если она скажет, что нужно бороться, я буду бороться. Если она захочет спрятать нас в какой-нибудь петле, я тоже подчинюсь. Как бы то ни было, мое кредо остается неизменным: мисс Сапсан виднее.

Остальные задумались над ее словами. Наконец Миллард произнес:

— Очень мудрые доводы, мисс Блум.

— Мисс Сапсан виднее! — прошептала Оливия.

— Мисс Сапсан виднее! — эхом вторил ей Хью.

— А мне все равно, что скажет мисс Сапсан, — заявил Гораций. — Я буду сражаться.

— Ты? — подавив смешок, буркнул Енох.

— Все считают меня трусом. Это мой шанс доказать вам, что вы ошибаетесь.

— Не разбрасывайся жизнью из-за нескольких шуток, отпущенных в твой адрес, — очень серьезно произнес Хью. — Плевать, кто и что думает.

— Дело не только в этом, — покачал головой Гораций. — Помните то видение, которое было у меня на Кэрнхолме? Я тогда увидел, где держат имбрин. Я не смогу показать вам это место на карте, но в одном я уверен — стоит мне его увидеть, и я тут же его узнаю. — Он постучал себя по лбу указательным пальцем. — То, что у меня тут имеется, может избавить этих ребят от кучи проблем. А также спасти остальных имбрин.

— Если кто-то решит сражаться, а кто-то останется, — произнесла

Бронвин, — я буду опекать тех, кто останется. Опека всегда была моим призванием.

И тут Хью обернулся ко мне и спросил:

— А как насчет тебя, Джейкоб? — И у меня мгновенно пересохло во рту.

— Вот именно, — кивнул Енох, — как насчет тебя?

— Видите ли, — начал я, — я...

— Давай пройдемся, — вмешалась Эмма, беря меня под руку. — Нам с тобой необходимо кое о чем поболтать.

* * *

Мы медленно спустились по лестнице, не проронив ни слова, пока не оказались у ее подножия, у вогнутой ледяной стены, которой Алтеа закрыла тоннель, ведущий наружу. Мы сидели рядом и долго смотрели на лед и его мутноватые узоры, в сумерках напоминающие насекомых, парящих в голубом янтаре. Мы молчали, и молчание скапливалось между нами, как нечто плотное и осязаемое, вселяя в меня уверенность в том, что разговор будет трудным. Именно поэтому ни один из нас не хотел его начинать.

— Ну что? — наконец спросила Эмма.

— Я как другие, — ответил я. — Я хочу знать, что думаешь *ты*.

Она рассмеялась, но не весело и беззаботно, а так, как смеются, испытывая неловкость.

— Я не вполне уверена, что это так, — произнесла она.

Она была права, разумеется, но я все равно попросил ее ответить на мой вопрос.

Эмма положила ладонь мне на колено, но затем отняла руку. Она не решалась заговорить, и у меня все сжалось в груди.

— Я думаю, тебе пора вернуться домой, — наконец произнесла она.

Я моргнул. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы убедить себя в том, что я не ослышался и она действительно сказала то, что сказала.

— Я не понимаю, — пробормотал я.

— Ты сам сказал, что появился здесь с определенной миссией, — быстро заговорила Эмма, оперев взгляд себе в колени. — И эта миссия заключалась в помощи мисс Сапсан. Сейчас все указывает на то, что ее удастся спасти. Если ты считал себя в долгу перед ней, то теперь полностью рассчитался. Ты даже не подозреваешь, как сильно ты нам всем

помог. Но теперь тебе пора вернуться домой.

Она выпалила все это так поспешно, как будто эти слова уже давно причиняли ей боль и ей не терпелось наконец-то от них избавиться.

— Мой дом здесь, — возразил я.

— Нет, Джейкоб, — настойчиво повторила она, на этот раз глядя мне в глаза. — Станный мир умирает. Это уже утраченная мечта. И даже если каким-то образом, каким-то чудом мы поднимем оружие против сил зла и сумеем одержать победу, у нас останется лишь тень того, что когда-то было. Это будут жалкие осколки разрушенного мира. У тебя *есть* дом. Настоящий, не разрушенный. И живые родители, которые тебя любят... в какой-то степени.

— Я тебе уже сказал. Мне все это не нужно. Я выбрал *другое*.

— Ты дал мне обещание, и ты его сдержал. Но теперь все окончено, и тебе пора вернуться домой.

— Прекрати это повторять! — закричал я. — Почему ты меня прогоняешь?

— Потому что у тебя есть настоящий дом и настоящая семья. И если ты думаешь, что хоть один из нас предпочел бы *этот* мир всему, что есть у тебя, не отказался бы от петель, долгожительства и странных способностей ради возможности хотя бы *попробовать* жить твоей жизнью, — то ты действительно обитаешь в мире фантазий. Мне становится плохо от одной мысли о том, что ты можешь все это вышвырнуть прочь — и ради чего?

— Ради *тебя*, дурочка! Я тебя люблю!

Я не мог поверить в то, что произнес это. Эмма тоже, потому что у нее даже рот приоткрылся.

— Нет, — прошептала она, трясая головой, как будто это могло стереть мои слова. — Нет, это только все усложняет.

— Но это *правда*! — возразил я. — Как ты думаешь, почему я остался, вместо того чтобы вернуться домой? Я сделал это не из-за бабушки или какого-то дурацкого чувства долга... то есть *не совсем* из-за этого... Не потому что я ненавижу своих родителей или не ценил свой дом и все, что у меня там было. Я остался из-за тебя!

Несколько мгновений Эмма молчала. Она только кивнула, а затем отвернулась и запустила пальцы в волосы, тем самым обнаружив прядь, покрытую белой бетонной пылью, которую я не заметил раньше и благодаря которой она внезапно показалась мне старше.

— Это я во всем виновата, — наконец произнесла она. — Я не должна была тебя целовать. Возможно, я заставила тебя поверить в то, чего на самом деле не существует.

Это причинило мне такую боль, что я отшатнулся, как будто пытаюсь защититься.

— Не надо говорить мне этого, если ты сама в это не веришь, — ответил я. — Возможно, мой опыт общения с девушками невелик, но не пытайся обращаться со мной как с каким-то жалким типом, готовым пасть к ногам любой хорошенькой девушки. Ты не *заставила* меня остаться. Я остался, потому что сам этого хотел и потому что те чувства, которые я к тебе испытываю, гораздо реальнее всего, что я когда-либо знал. — Я помолчал, пытаюсь прочувствовать искренность собственных слов. — И ты тоже это чувствуешь, — наконец произнес я. — Я это знаю.

— Прости, — пробормотала она. — Прости, это было жестоко, и я не должна была этого говорить. — Ее глаза немного увлажнились, и она отерла их тыльной стороной кисти. Она пыталась казаться каменной, но теперь защитная оболочка рассыпалась на глазах. — Ты прав, — шепнула она. — Ты мне очень дорог. Именно поэтому мне так тяжело смотреть, как ты вышвыриваешь свою жизнь на свалку непонятно ради чего.

— Я не собираюсь этого делать!

— Черт побери, Джейкоб, собираешься!

Она так разнервничалась, что ненароком зажгла огонь в ладони, которую, к счастью, успела убрать с моего колена. Хлопнув в ладоши, она потушила пламя и встала. Указывая в толщу льда, она произнесла:

— Видишь вон тот цветок в горшке на столе?

Я посмотрел туда и кивнул.

— Сейчас он зеленый, потому что его сохраняет лед. Но внутри он мертв. И как только лед растает, он потемнеет и превратится в коричневую жижу. — Она пристально смотрела мне в глаза. — Я как этот цветок.

— Неправда, — возразил я. — Ты... идеальна.

На ее лице застыло выражение бесконечного терпения, как будто она пыталась что-то объяснить тупоголовому ребенку. Она снова села на ступеньку и взяла меня за руку. Проведя моей ладонью по своей гладкой щеке, она произнесла:

— Вот это? Это ложь. На самом деле это не я. Если бы ты мог увидеть меня такой, какой я являюсь на самом деле, я стала бы тебе не нужна.

— Мне нет *дела*до всей этой ерунды...

— Я старуха! — произнесла она. — Ты думаешь, что мы одинаковые, но это не так. Этот человек, которого, по твоим словам, ты любишь... На самом деле она старая карга, которая прячется в теле девушки. Ты молодой человек... *мальчик*...младенец по сравнению со мной. Тебе никогда не понять, что это такое — всегда жить на волосок от смерти. И незачем тебе

это понимать. Я не хочу, чтобы ты это понял. Джейкоб, перед тобой по-прежнему расстилается вся твоя жизнь. Я свою уже прожила. И однажды — возможно, уже совсем скоро — я умру и обращусь в прах.

Она произнесла это с такой леденящей душу бесповоротностью, что я понял — она и в самом деле в это верит. Ей было больно все это говорить, так же, как мне было больно это слушать. Но я понимал, почему она это делает. На свой собственный манер она пыталась меня спасти.

И все же мне было обидно. Отчасти потому, что я понимал, насколько она права. Если мисс Сапсан поправится, это будет означать, что я выполнил свою задачу: разгадал загадку собственного деда, выплатил наш общий семейный долг мисс Сапсан, пожил необыкновенной жизнью, о которой всегда втайне мечтал. Это означало, что теперь я должен вспомнить о своих обязательствах перед родителями. Что касается Эммы, то мне совершенно не было дела до того, что она старше, как и до различий между нами. Но она твердо решила, что я должен все это учитывать, и я не знал, как мне ее разубедить.

— Может быть, когда все закончится, — произнесла она, — я напишу тебе письмо, и ты пришьешь мне ответ. И, может быть, когда-нибудь ты сможешь приехать ко мне в гости.

Письмо. Я вспомнил пыльную коробку, которую обнаружил в ее комнате, коробку с письмами, написанными моим дедушкой. Неужели это все, чем мне было суждено для нее стать? Стариком, живущим где-то за океаном? Воспоминанием? И я понял, что нахожусь за шаг от того, чтобы последовать по стопам своего деда. Сам того не подозревая, я уже во многих отношениях проживал его жизнь. И, возможно, когда-нибудь я расслаблюсь и допущу ошибку. Я стану старым и медлительным. Любая мелочь будет способна рассеять мое внимание. И я умру его смертью. А Эмма будет продолжать жить без меня, без нас обоих, и когда-нибудь, возможно, кто-то найдет мои письма у нее в шкафу. Они будут лежать в коробке рядом с письмами дедушки. И тот, кто их найдет, будет пытаться понять, кем мы ей приходились.

— Что если я вам понадобится? — спросил я. — Что если пустоты вернутся?

У нее в глазах блеснули слезы.

— Мы справимся, — ответила она. — Послушай, я больше не могу об этом говорить. Мое сердце может этого не выдержать. Давай поднимемся наверх и объявим остальным о твоём решении.

Я стиснул зубы, борясь с внезапно нахлынувшей волной раздражения. Она толкала меня слишком сильно.

— Я еще ничего не решил, — ответил я. — Это *ты* решила.
— Джейкоб, я тебе только что сказала...
— Это точно, ты сказала мне. Но я еще не принял решения.
Она скрестила руки на груди.
— Тогда я подожду.
— Нет, — вставая, произнес я. — Я должен немного побыть один.
И я начал подниматься по лестнице без нее.

Глава тринадцатая

Я молча шел по коридорам. Постоял у двери в комнату совещаний имбрин, прислушиваясь к приглушенным голосам внутри, но входить не стал. Заглянув в «госпиталь», увидел, что медсестра дремлет, сидя на табурете между пациентами, лишенными второй души. Я приотворил дверь в комнату мисс Королек и увидел, что она по-прежнему покачивает мисс Сапсан на коленях, осторожно запуская пальцы в оперение птицы. Я ни с кем не разговаривал.

Блуждая по пустым коридорам и перевернутым вверх дном кабинетам, я пытался представить себе, как буду чувствовать себя дома, если после всего этого решу туда вернуться. Что я скажу родителям? Скорее всего, ничего. Все равно они никогда мне не поверят. Лучше всего было бы сообщить им, что я разозлился, написал отцу письмо с безумными историями, после чего сбежал. Они назовут это реакцией на стресс. Спишут на какое-нибудь новомодное расстройство и предложат мне новенькое лекарство. Обвинят доктора Голана в том, что он поддержал мое решение отправиться в Уэльс. Доктора Голана, о котором они, разумеется, больше никогда ничего не услышат. Они скажут, что он сбежал из города, потому что оказался мошенником, жуликом, которому ни в коем случае нельзя было доверять. И я снова стану несчастным, страдающим от психологической травмы Джейкобом, богатым мальчиком с душевным расстройством.

Это показалось мне тюремным приговором. И все же, если основная причина, по которой я остался в странном мире, во мне больше не нуждалась, я не собирался унижаться и лгнуть к ней, несмотря ни на что. У меня тоже была гордость.

Как долго я смогу выносить существование во Флориде после того, как мне довелось пожить жизнью странных людей? Я теперь и сам был далеко не таким обычным, как прежде. Или, если я всегда был странным, теперь я точно об этом знал. В любом случае я изменился. И уже одно это вселяло в меня надежду. Я не сомневался в том, что даже в самых обычных обстоятельствах смогу найти способ жить необычной жизнью.

Да, лучше всего было уехать. Так действительно было бы лучше для всех. Я говорил себе: если этот мир умирает и это уже не исправить, то что буду делать здесь я? Прятаться, пока на земле не исчезнут все безопасные места и петли, способные поддерживать искусственную молодость моих

друзей? Мне предстояло наблюдать за их смертями. Держать в объятиях рассыпающуюся в прах Эмму.

Это могло убить меня быстрее любой пуст о ты.

Итак, я решил уйти. Спасти то, что еще оставалось от моей прежней жизни. До свидания, странные люди. До свидания, странный мир.

Так, казалось, будет лучше для всех.

Я бродил по зданию, пока не дошел до помещений, замороженных не полностью. Лед здесь поднялся только до половины, подобно тому, как поднимается вода в тонущем судне. На его поверхности виднелись только крышки столов и абажуры настольных ламп, напоминающие головы выбившихся из сил пловцов. За обледеневшими окнами садилось солнце. По стенам комнат протянулись тени, продолжаясь на лестнице за открытыми дверями. По мере того как сгущались сумерки, тени становились все более темными и отчетливыми. Вскоре все окружающее меня пространство окрасилось в темно-синий цвет.

Мне пришло в голову, что, возможно, это мой прощальный вечер в странном мире. Последний вечер с новыми друзьями. С лучшими друзьями в моей жизни. Последний вечер с Эммой.

Почему же я проводил его в одиночестве? Потому что мне было грустно, а Эмма зацепила мое самолюбие, после чего мне захотелось похандрить.

Но довольно хандры!

И едва я развернулся, чтобы выйти из комнаты, как ощутил знакомые тошнотворные спазмы в животе.

Пуст о та.

Я замер, ожидая нового приступа боли. Мне нужна была дополнительная информация. Чем ближе находилась пуст о та, тем сильнее болел у меня живот. Чем чаще повторялись приступы, тем сильнее было приближающееся чудовище. Когда на нас охотились две сильные пуст о ты, я ощущал один мощный непрерывный спазм. Но сейчас прошло очень много времени, прежде чем спазм повторился, да и то, такой слабый, что я даже не был уверен, что действительно его ощутил.

Я медленно вышел из комнаты и пошел по коридору. Проходя мимо следующей комнаты, я ощутил третий спазм, чуть более сильный, но все равно едва ощутимый.

Я попытался осторожно и бесшумно открыть дверь, но она примерзла и не поддавалась. Я изо всех сил дернул за ручку, затем потряс дверь, затем несколько раз ударил по ней ногой. Наконец она распахнулась, и моему взгляду предстала комната, заполненная льдом мне по грудь. И даже в

тусклом освещении я сразу увидел пуст о ту. Она на корточках сидела на полу, закованная в лед по самые чернильно-черные глазные яблоки. Надо льдом торчала только верхняя часть ее головы. Все остальное, в том числе самое опасное — открытые челюсти, зубы и языки — находилось под его поверхностью.

Это существо едва дышало. Его сердечная деятельность замедлилась настолько, что свелась к одному удару в минуту. И с каждым слабым ударом я ощущал и соответствующий ему импульс боли.

Я стоял у входа в комнату и смотрел на пуст о ту, испытывая восхищение и отвращение одновременно. Она была обездвижена, совершенно беспомощна и ничего не осознавала. Было бы нетрудно взобраться на лед и вогнать острие сосульки ей в макушку. Если бы кто-нибудь знал, что она здесь, то наверняка сделал бы именно так. Но что-то не позволяло мне так поступить. Это существо уже ни для кого не представляло опасности. Все пустоты, с которыми мне пришлось вступить в контакт, оставили на мне свой след. Их разлагающиеся лица преследовали меня во снах. Вскоре мне предстояло вернуться домой, где я уже не буду Джейкобом Убийцей Пустот. Я не хотел забирать с собой еще и это чудовище. Меня это больше не касалось.

Я, пятясь, вышел из комнаты и затворил за собой дверь.

* * *

Когда я вернулся в зал совещаний, последние отблески дня за окнами уже погасли, и в комнате было темно, как ночью. Поскольку мисс Королек не позволяла жечь газовые лампы, опасаясь, что их заметят снаружи, все сгрудилось вокруг нескольких свечей, расставленных на большом овальном столе. Некоторые сидели на стульях, а кое-кто расположился, скрестив ноги, непосредственно на столе. Собравшиеся тихо переговаривались и что-то разглядывали.

Скрип тяжелой двери заставил их резко обернуться в мою сторону.

— Мисс Королек? — с надеждой в голосе спросила Бронвин, выпрямляясь на стуле и щурясь в темноту.

— Это всего лишь Джейкоб, — произнесла чья-то неясная тень.

Когда отзвучал хор разочарованных возгласов, Бронвин кивнула в мою сторону:

— Привет, Джейкоб, — и тут же вернулась к изучению чего-то, лежащего на столе.

Приближаясь к столу, я не сводил глаз с Эммы. Пристально глядя ей в глаза, я увидел в них что-то мучительное и беззащитное. Мне показалось, она боится, что я действительно решил сделать то, к чему она меня подталкивала. Затем ее взгляд потускнел, и она снова опустила глаза.

Я надеялся, что Эмма сжалилась надо мной и уже сообщила остальным, что я уйду. Но, разумеется, она этого не сделала, ведь я даже ей еще этого не сказал. Однако сама она, похоже, все уже прочитала на моем лице.

Мне было ясно, что остальные ни о чем не подозревают. Они уже так привыкли к моему присутствию, что успели забыть о том, что оно находится под вопросом. Я собрался с духом и попросил их уделить мне минуту внимания.

— Подождите секундочку, — раздался чей-то голос. Это с сильным акцентом произнесла девочка со змеей. Теперь она и ее питон в упор смотрели на меня. — Вот этот юноша изрыгает полную ерунду о тех местах, откуда я родом. — Обернувшись к единственному пустому стулу у стола, она продолжала: — Мой народ называет их *Симхаладвина* — обиталище львов.

Со стула прозвучал голос Милларда:

— Простите, но вот тут четко говорится: *Земля Серендина*. Составившие карту странные картографы не были склонны фантазировать!

Подойдя ближе, я увидел то, что послужило основанием для этого спора. Это была Карта Дней — гораздо более масштабное издание, чем то, которое мы утратили в море. Эта карта занимала практически весь стол и была толстой, как поставленный на торец кирпич.

— Я знаю свой родной дом лучше, и он называется *Симхаладвина*! — настаивала девочка. Питон внезапно распутал кольца вокруг ее шеи и метнулся по столу, чтобы ткнуть носом в каплевидный остров рядом с побережьем Индии. Впрочем, на этой карте Индия называлась Малабар, а поверх острова, который был известен мне под названием Шри-Ланка, изящным почерком было выведено — *Земля Серендина*.

— Какой смысл спорить? — произнес Миллард. — У некоторых мест имеется множество названий в соответствии с количеством народностей их жителей. А теперь, пожалуйста, отзови своего дружка, пока он не измял все страницы.

Девочка фыркнула и что-то пробормотала. Питон медленно скользнул обратно, чтобы снова обвиться вокруг ее шеи. Все это время я не мог отвести взгляда от книги. Та, которую потеряли мы, была достаточно

внушительной, хотя при мне ее открывали лишь однажды, и то ночью. Я видел ее залитой оранжевым заревом горящего дома странных детей. Но эта карта представляла собой нечто совершенно иное. Она была на несколько порядков больше и так изысканно украшена, что наша рядом с ней показалась бы туалетной бумагой в кожаном переплете. Красочные карты раскинулись на ее страницах с золотым обрезом, материал которых представлял собой нечто гораздо более прочное, чем бумага. Возможно, это была телячья кожа. На полях теснились роскошные иллюстрации, легенды и всевозможные пояснения.

Миллард заметил мое восхищение и произнес:

— Изумительная книга, верно? За исключением, возможно, *Codex Peculiaris*, это издание Карты — самая чудесная книга во всем странном мире. Целая команда картографов, художников и печатников посвятила ее созданию всю жизнь. Говорят, что некоторые карты нарисовал сам Перплексус Аномалус. Я с детства мечтал увидеть ее собственными глазами. О, я так счастлив!

— Это действительно нечто! — произнес я.

И я не кривил душой.

— Миллард показывал нам свои любимые страницы, — пояснила Оливия. — Мне больше всего понравились картинки!

— Я пытаюсь немного их отвлечь, — пояснил Миллард, — облегчить ожидание. Джейкоб, ты не поможешь мне переворачивать страницы?

Мне не хотелось разрушать усилия Милларда своим заявлением, и я решил, что с ним можно немного подождать. Я все равно никуда не мог отправиться как минимум до утра, и мне хотелось насладиться обществом друзей, не обременяя их дополнительными проблемами. Встав рядом с Миллардом, я сунул ладони под страницу, которая была такой большой, что перевернуть ее мы смогли только в четыре руки.

Мы снова принялись изучать Карту. Я был полностью поглощен ею, особенно отдаленными и малоизученными частями мира. Разумеется, Европа с ее множеством петель была прорисована во всех подробностях, но чем дальше от нее, тем более схематичными становились обозначения. Огромные территории Африки являли собой совершенно пустые пространства. *Terra incognita*. То же самое можно было сказать о Сибири, хотя для Дальнего Востока России у Карты было собственное название — Великое Далеко-Простирающееся Уединение.

— В тех местах есть петли? — спросил я, указывая на пустующее пространство большей части Китая. — Там есть странные люди наподобие нас?

— Разумеется, есть, — ответил Миллард. — Странности обуславливаются генетическими, а не географическими факторами. Но странный мир исследован очень плохо, и в нем все еще остается много неизвестных науке мест.

— Почему?

— Полагаю, потому, что мы были слишком заняты выживанием.

Мне пришло в голову, что усилия, затрачиваемые на выживание, мешают странным людям не только заниматься исследованием собственного мира, но также и просто влюбляться.

Мы перевернули еще несколько страниц, выискивая пустые места. Их было очень много, и у всех были замысловатые названия. Скорбное Королевство Песка. Земля, Созданная в Гневе. Звездное Высокогорье. Я беззвучно произносил эти слова, наслаждаясь их наполненностью.

Порой перед нашими глазами мелькали жутковатые местности, которые на Карте назывались Пустошами. Крайний север Скандинавии был *Ледяной Пустошью*. Центральная часть Борнео представляла собой *Удушающую Пустошь*. Большая часть Аравийского полуострова именовалась *Безжалостной Пустошью*, а южная оконечность Патагонии — *Безрадостной Пустошью*. Некоторых мест здесь не было вовсе. Отсутствовали, к примеру, Новая Зеландия, Гавайи и Флорида, которая представляла собой лишь крохотный и в высшей степени схематичный отросточек в ногах Америки.

Глядя на Карту Дней, я чувствовал, что даже самые неприступные места пробуждают во мне какую-то непривычную тоску. Это чувство напоминало мне те давно позабытые дни, которые мы с дедушкой проводили, склонившись над историческими картами в «Нэшнл Джеографик», картами, которые были нарисованы задолго до появления самолетов и спутников, когда не существовало камер высокого разрешения, способных заглянуть в самые укромные уголки этого мира. Когда о хорошо известных каждому школьнику очертаниях береговых линий можно было только догадываться. Когда глубина и площадь ледяных морей и непроходимых джунглей устанавливались на основании слухов, легенд и малодостоверных рассказов обезумевших исследователей, которые во время странствий утратили большую часть своих экспедиций.

Слушая вполуха рассказ Милларда об истории Карты, я вел пальцем по одной из огромных и неисследованных пустынь Азии. *Где Крылатое Создание Не Оканчивает Свой Полет*. Целый мир продолжал ожидать своих исследователей, а я едва успел отковырнуть песчинку с его поверхности. Эта мысль наполнила мою душу сожалениями, но

одновременно и постыдным облегчением. В конце концов, я снова увижу свой дом и своих родителей. Возможно, это старое стремление к исследованиям ради исследований по своей сути было детским. В неизвестности всегда присутствовала романтика, но стоило какую-то местность открыть и занести в каталоги и на карты, как она съеживалась, превращаясь в очередной пыльный факт из учебника, напрочь лишенный малейшего намека на таинственность. Поэтому, возможно, было бы лучше оставить несколько точек на карте неисследованными. Пусть мир хранит толику своей магии. Не стоит вынуждать его выдавать все свои тайны до последней.

Возможно, было бы лучше время от времени задаваться вопросами и изумляться загадочности мира?

А потом я им рассказал. Не было никакого смысла в том, чтобы тянуть с объявлением. И я просто выпалил:

— Я уйду. Когда все это закончится, я вернусь домой.

Воцарилась потрясенная тишина. Эмма наконец-то смогла встретиться со мной взглядом, и я увидел в ее глазах слезы.

Потом Бронвин встала из-за стола и обхватила меня обеими руками.

— Брат, — произнесла она. — Нам будет тебя не хватать.

— Мне тоже будет вас не хватать, — ответил я. — Больше, чем я могу выразить.

— Но почему? — спросила Оливия, приподнимаясь над полом так, чтобы заглянуть мне в глаза. — Неужели я так сильно тебя раздражала?

Я положил ладонь ей на макушку и опустил ее обратно на пол.

— Нет, нет, Оливия, это не имеет к тебе никакого отношения, — заверил я ее. — Ты была бесподобна.

Эмма вышла вперед.

— Джейкоб пошел с нами, чтобы помочь, — произнесла она. — Но он должен вернуться назад, к своей прежней жизни, пока она у него еще есть и ему не поздно ее догнать.

Похоже, дети это понимали. Они на меня не сердились. Большинство из них искренне за меня радовались.

Мисс Королек заглянула в комнату, чтобы ввести нас в курс дела. Она сказала, что все идет прекрасно. Мисс Сапсан поправляется и к утру должна вновь стать самой собой. С этими словами мисс Королек исчезла.

— Хвала богам! — воскликнул Гораций.

— Хвала птицам! — поддержал его Хью.

— Хвала богам и птицам, — добавила Бронвин. — Всем птицам на всех деревьях во всех лесах.

— Спасибо и Джейкобу, — произнес Миллард. — Мы ни за что не сумели бы проделать этот путь без него.

— Да мы и с *острова* без него ни за что не сумели бы выбраться, — вставила Бронвин. — Джейкоб, ты так много сделал для всех нас.

Ребята подошли и начали по очереди меня обнимать. Затем они разбрелись, и осталась одна Эмма. Она обняла меня самой последней. Это было долгое объятие, в котором нежность слилась с горечью и которое слишком напоминало прощальное.

— Еще никогда мне не было так трудно, как в тот момент, когда я попросила тебя нас покинуть, — произнесла она. — Я рада, что ты меня послушал. Вряд ли у меня хватило бы сил попросить тебя об этом еще раз.

— Как я все это ненавижу, — ответил я. — Как я хотел бы найти мир, в котором мы смогли бы спокойно жить вместе.

— Я знаю, — отозвалась она, — знаю, знаю.

— Я хотел бы... — снова начал я.

— Не надо, — ответила она.

Но я все равно произнес то, что собирался:

— Я хотел бы, чтобы ты могла уйти со мной.

Она отвела глаза.

— Ты знаешь, что случилось бы со мной, если бы я это сделала.

— Да, знаю.

Эмма терпеть не могла долгие прощания. Я видел, как она собирается с духом, пытаясь скрыть свою боль, пряча ее глубоко внутри.

— Итак, — деловито произнесла она, — материально-техническая часть плана. Когда мисс Сапсан превратится в человека, она проведет тебя обратно через ярмарку, и вы спуститесь в подземку. Как только пройдешь через порог перемены, ты окажешься в настоящем. Дальше, я полагаю, ты справишься и сам.

— Думаю, да, — кивнул я. — Я позвоню родителям. Или пойду в полицейский участок, или еще что-нибудь придумаю. Зная папу, я не сомневаюсь, что моя фотография имеется во всех полицейских участках Британии.

Я засмеялся, потому что если бы не сделал этого, то мог бы расплакаться.

— Ну ладно, — произнесла Эмма.

— Ну ладно, — произнес я.

Мы смотрели друг на друга, не чувствуя, что готовы расстаться, не зная, что делать дальше. Мне хотелось ее поцеловать, но я запретил себе и думать об этом. Теперь это было недопустимо.

— Иди, — произнесла Эмма. — Если ты больше никогда ничего о нас не услышишь, то хотя бы сможешь рассказать нашу историю. Ты расскажешь о нас своим детям. Или своим внукам. И мы не будем окончательно забыты.

И я понял, что с этого момента каждое произнесенное нами слово будет причинять боль, оно будет окутано страданием этих мгновений. И я понимал, что должен отстраниться, если хочу положить этому конец. Я грустно кивнул, коротко обнял ее еще один раз и ушел в угол, чтобы немного поспать, потому что я очень, очень устал.

Спустя какое-то время остальные дети притащили в комнату матрасы и одеяла и устроили вокруг меня некое подобие гнезда. Мы сбились вместе, согревая друг друга и своим теплом отгоняя надвигающийся на нас холод. Вскоре мои друзья уже дремали, но мне заснуть не удавалось. Несмотря на крайнюю степень усталости, я встал и начал мерять шагами комнату, издали наблюдая за спящими.

С тех пор как началось наше путешествие, я испытывал множество всяких чувств — радость, страх, надежду, ужас... Но до этого момента мне ни разу не было одиноко. Бронвин назвала меня братом, но мне это казалось неправильным. В лучшем случае я приходился им *троюродным* братом. Эмма была права: мне никогда их не понять. Они были такими старыми и так много повидали. А я принадлежал другому миру. И для меня наступило время в него вернуться.

* * *

Наконец я уснул под звуки льда, стонущего и потрескивающего на нижних этажах и на чердаке над нашими головами. Здание казалось живым.

В ту ночь мне снились странные и тревожные сны.

Я дома, делаю все то, что привык делать. Вгрызаюсь в фастфудовский гамбургер — большой, коричневый и жирный. Еду на пассажирском сиденье «Краун-Вики» моего друга Рики. Из радиоприемника несется оглушительная музыка вперемешку с помехами. Иду по продуктовому магазину вместе с родителями. Ряды между полками длинные, чересчур хорошо освещенные. Я вижу Эмму, которая охлаждает ладони в холодильнике с замороженной рыбой. Повсюду растекается талая вода. Она меня не узнает. Затем я оказываюсь в галерее игровых автоматов, где отмечал свой двенадцатый день рождения. Я стреляю из пластмассового

ружья. Взрываются тела. Это наполненные кровью воздушные шары.

Джейкоб, где ты?

Потом школа. Учитель что-то пишет на доске, но вместо слов получаются какие-то бессмысленные буквосочетания. Потом все вскакивают и спешат наружу. Что-то случилось. Какой-то громкий выбрирующий звук. Все замерли, запрокинув головы и глядя в небо.

Воздушный налет.

Джейкоб, Джейкоб, где ты?

Ладони на моих плечах. Это старик. Старик, у которого нет глаз. Пришел украсть мои. И это не человек. Это чудовище.

Я бегу. Догоняю свою старую собаку. (Много лет назад она убежала от меня вместе с поводком. Каким-то образом он зацепился за куст, пока она пыталась загнать на дерево белку. Она себя задушила. Мы две недели прочесывали округу, громко окликая ее по имени. Нашли только через три. Мою старушку Снаффлс).

Вой сирены просто оглушительны. Я бегу, но рядом со мной останавливается машина. Внутри сидят мои родители в нарядной одежде. Я сажусь в машину, но они на меня не смотрят. Замок защелкивается. Мы куда-то едем, и снаружи царит ужасающая жара. Но в машине работает печка, и все окна подняты. Радио громко слышно что-то вещает, но волна сбилась, и я слышу только какое-то невнятное бормотание.

Мама, куда мы идем?

Она не отвечает.

Папа, почему мы тут останавливаемся?

Но мы уже вышли и идем пешком, и я снова могу дышать. Хорошенькое зеленое местечко. Аромат свежескошенной травы. Люди в черном собираются вокруг вырытой в земле ямы.

На возвышении стоит открытый гроб. Я заглядываю внутрь. Он пуст, если не считать черного маслянистого пятна, медленно расползающегося по обтянутому белым атласом дну. *Скорее закройте крышку!* Черная смола начинает пузыриться сквозь щели. Она капает на траву и впитывается в землю.

Джейкоб, где ты? Скажи что-нибудь...

На надгробной плите высечена надпись: АБРАХАМ ЭЗРА ПОРТМАН. И я падаю в его открытую могилу, и возвращающаяся темнота заглатывает меня целиком. Я продолжаю падать, и могила кажется бездонной, а потом я оказываюсь где-то под землей, в полном одиночестве, и блуждаю по тысяче сплетающихся тоннелей, я бреду по ним, и мне холодно, так холодно... Мне кажется, что моя кожа застывает, а кости потрескаются, а вокруг, куда

ни глянь, желтые глаза, которые наблюдают за мной из темноты.

Я иду на его голос. *Якоб, иди сюда. Не бойся.*

Тоннель уводит наверх, и в его конце виднеется свет. У выхода стоит и совершенно спокойно читает книгу молодой человек. И он как две капли воды похож на меня, возможно, он и есть я. Но тут он начинает говорить, и я слышу голос своего деда. *Я хочу кое-что тебе показать.*

Через мгновение я вздрогнул и проснулся в темноте. Я понял, что это был сон, но не понял, где нахожусь. Однако я был уже не в кровати и не в зале для совещаний вместе с другими детьми. Я куда-то ушел, и комната, в которой я находился, была совершенно черной. Подо мной был лед, и мой живот сводило спазмами...

Джейкоб, иди сюда... Где ты?

Голос снаружи, из коридора... Настоящий голос, не часть сна.

Но вот я уже снова во сне, у канатов боксерского ринга, а на ринге, в слепящем свете прожекторов, я вижу своего дедушку и его соперника — пустоту.

Они начинают кружить друг вокруг друга. Мой дед молод и подвижен. Он обнажен по пояс, а в руке держит нож. Пустота согнута и искорежена. Ее языки развеваются в воздухе, из открытого рта на ринг капает что-то

черное. Она выстреливает одним из языков, и дедушка от него уклоняется.

Самое главное — не бороться с болью, — говорит дед. — Она хочет тебе что-то сообщить. Вместо того чтобы ее прогонять, внимательно ее выслушай. Боль говорит: «Привет, я неотделима от тебя. Я исхожу от пустоты, но я — это также ты».

Пуст **о** та снова пытается хлестнуть его языком. Но дедушка успевает это предугадать и еще до удара отскочить в сторону. Противник нападает в третий раз, и дедушка взмахивает ножом. Кончик черного языка падает на ринг и отчаянно там извивается.

Они тупые создания. И очень легко внушаемые. Разговаривай с ними, Якоб. И дедушка начинает говорить, но не на английском, не на польском... В реальной жизни я никогда не слышал такого языка. Мне кажется, что в создании этих гортанных звуков не принимают участия ни горло, ни рот.

И существо перестает двигаться. Теперь оно просто раскачивается на месте, будто загипнотизированное. Продолжая говорить на своем жутком тарабарском языке, дедушка опускает нож и крадется к пуст **о** те. Чем ближе он подходит, тем более кротким становится чудовище. Вот оно уже опустилось на колени, у него закрываются глаза, кажется, еще немного, и оно уснет... Но вдруг пуст **о** та стряхивает с себя чары, которыми опутал ее мой дедушка, и пронзает его. Он падает, а я перепрыгиваю через канаты и бегу к нему. Тем временем пуст **о** та ускользает прочь. Дедушка лежит на спине посреди ринга, а я стою на коленях рядом с ним. Я прижимаю ладонь к его щеке, а он что-то шепчет мне. На его губах пузырится кровь, и чтобы услышать его, мне приходится склониться совсем низко. *Ты сильнее меня, Якоб, — говорит он. — Ты гораздо сильнее меня. У меня никогда не было твоей силы.*

Я чувствую, как замедляется биение его сердца. Я каким-то образом слышу его удары, хотя они повторяются лишь через несколько секунд. Потом через несколько десятков секунд. А потом...

Джейкоб, где ты?

Я снова вскинулся и проснулся. На этот раз в помещении было светлее. Наступило утро, и забрезжил голубоватый рассвет. Я стоял на коленях в комнате, до половины заполненной льдом, и моя рука лежала не на щеке деда, а на черепе заключенной в лед пуст **о** ты. Ее глаза были открыты и в упор смотрели на меня. А я смотрел в них. *Я тебя вижу.*

— Джейкоб! Что ты делаешь? Я искала тебя повсюду!

Это была Эмма. Она в отчаянии звала меня из коридора.

— Что ты делаешь? — повторила она.

Она не видела пуст **о** ту и не знала о ее присутствии. Я снял руку с

головы чудовища и соскользнул со льда.

— Я не знаю, — ответил я. — Наверное, я ходил во сне.

— Это не имеет значения, — отмахнулась она. — Пойдем скорее — мисс Сапсан вот-вот изменится!

* * *

В маленькой комнате толпились все дети и все артисты из балагана. Бледные и взволнованные, странные люди прижимались спиной к стене и сидели на корточках, стараясь держаться как можно дальше от двух имбрин и при этом напоминая игроков на петушиных боях. Мы с Эммой незаметно скользнули в комнату и забились в угол, не спуская глаз с магического действия. В комнате царил беспорядок: кресло-качалка, в котором всю ночь сидела мисс Королек, держа на коленях мисс Сапсан, лежало на боку, столик с пузырьками и флаконами кто-то придвинул к стене, и теперь на нем стояла Алтеа, стискивая в руках длинный шест с сачком и готовясь пустить его в ход.

Посреди комнаты находились две имбрины. Мисс Королек стояла на коленях, руками в плотных сокольных перчатках прижимая к дощатому полу мисс Сапсан. Она взмокла от пота и что-то декламировала на древнестранном языке. Мисс Сапсан пронзительно кричала и пыталась ударить ее когтями. Но как бы сильно она ни билась, мисс Королек не выпускала ее из рук.

В какой-то момент ночи осторожный массаж мисс Королек превратился в нечто среднее между матчем по рукопашному бою и сеансом экзорцизма. Птичья половина мисс Сапсан успела так основательно взять верх над ее основной сущностью, что теперь она не желала сдаваться без боя. Обе имбрины получили небольшие травмы: по всей комнате летали перья мисс Сапсан, а по щеке мисс Королек протянулась длинная кровавая царапина. Это было очень пугающее зрелище, и многие дети смотрели на происходящее, открыв рот и не пытаясь скрыть своего потрясения. Птица, которую вжимала в пол мисс Королек, была такой дикой, что ее было трудно узнать, как и поверить в то, что из этой безумной схватки может возникнуть прежняя мисс Сапсан. Впрочем, Алтеа продолжала улыбаться и ободряюще кивать нам, как будто говорила: *Почти готово, потерпите немного!*

Как для хрупкой старушки, мисс Королек задала нашей директрисе совсем недурную взбучку. Но в какой-то момент птица сильно ударила

мисс Королек клювом, и хватка последней ослабла. Мощно взмахнув крыльями, мисс Сапсан чуть было не высвободилась. Дети отреагировали на это испуганными возгласами и криками. Но мисс Королек оказалась очень проворной. Она вскочила и успела схватить нашу имбрину за лапу, после чего снова швырнула ее на дощатый пол — дети ахнули еще громче. Мы не привыкли к тому, чтобы с нашей имбриной так обращались, и Бронвин пришлось сгрести Хью, который ринулся было к мисс Сапсан на выручку.

Было видно, что обе имбрины устали, хотя меньше сил осталось у нашей. Я видел, что ее силы на исходе. Ее человеческая натура, похоже, одерживала верх над птичьей сущностью.

— Ну же, мисс Королек! Давайте!

— Вы сможете, мисс Королек! — подал голос и Гораций. — Верните ее нам!

— Прошу вас! — произнесла Алтеа. — Нам нужна абсолютная тишина!

Длительная борьба обессилила мисс Сапсан, и теперь она лежала на полу, распластав крылья, а ее покрытая перьями грудь высоко вздымалась от учащенного тяжелого дыхания. Мисс Королек села на пятки.

— Это вот-вот произойдет, — произнесла она, — и когда это случится, вы не должны бежать к ней и хватать ее. Вероятнее всего, ваша имбрина будет очень растеряна, и я хочу, чтобы первое лицо, которое она увидит, и первый голос, который она услышит, принадлежали мне. Мне придется ей все подробно объяснить. — С этими словами она прижала ладони к груди и прошептала: — Вернись к нам, Алма. Ну же, сестра. Возвращайся.

Алтеа сошла со стола и подхватила простыню, которую затем развернула и расправила перед мисс Сапсан, чтобы заслонить ее от наших взглядов. Когда имбрины превращались из птиц в людей, они всегда были обнажены и нуждались в уединении.

Затаив дыхание, мы напряженно прислушивались к серии странных звуков, доносящихся из-за простыни. Шипение, затем что-то, напоминающее отрывистые хлопки... Вдруг мисс Королек вскочила на ноги и попятилась назад.

На ее лице был написан испуг, а ее рот, как и рот Алтеа, был открыт в беззвучном крике. А затем мисс Королек произнесла:

— Нет, этого не может быть.

Алтеа споткнулась и упала в обморок, уронив простыню. На полу мы увидели тело человека. Но оно было не женским.

Он был обнажен и лежал спиной к нам, свернувшись калачиком. Он

зашевелился, выпрямился, а затем поднялся на ноги.

— Это мисс Сапсан? — прошептала Оливия. — Она какая-то необычная.

Было совершенно очевидно, что перед нами не мисс Сапсан. Между этим человеком и нашей имбриной не было ничего общего. Перед нами стоял лысеющий коротышка с узловатыми коленями и носом, похожим на старый истертый ластик. Он был абсолютно голым, и все его тело с головы до пят покрывал какой-то липкий прозрачный гель. Пока мисс Королек в ужасе смотрела на него, шаря руками вокруг себя в поисках опоры, остальные подняли крик.

— Кто ты? Кто ты? Что ты сделал с мисс Сапсан?! — в гневе и ужасе кричали странные люди.

Медленно, очень медленно мужчина поднял руки к лицу и потер глаза. Затем он наконец открыл их.

Его зрачки были пустыми и белыми.

Кто-то закричал.

А потом мужчина очень спокойно произнес:

— Меня зовут Каул. А вы все теперь мои пленники.

* * *

— Пленники! — рассмеявшись, повторил складывающийся человек. — Что он иметь в виду — мы пленники?

Эмма закричала на мисс Королек:

— Кто этот человек, и что вы сделали с мисс Сапсан?

Но та, похоже, потеряла дар речи.

Наша растерянность стремительно сменилась шоком и гневом, и мы забросали пришельца вопросами. Он со скучающим видом выслушал их, стоя посреди комнаты и скромно прикрывая ладонями пах.

— Если вы позволите мне говорить, я вам все объясню, — произнес он.

— Где мисс Сапсан? — снова закричала Эмма, дрожа от ярости.

— Не волнуйтесь, — отозвался Каул, — она под нашим присмотром, и ей ничто не угрожает. Мы похитили ее несколько дней назад на вашем острове.

— Выходит, что птица, спасенная нами на воде, — произнес я, — это был...

— Это был я, — подтвердил Каул.

— Невозможно! — заявила мисс Королек, к которой наконец вернулся голос. — Твари не могут превращаться в птиц!

— Это верно, как правило, не могут. Но, видите ли, Алма — моя сестра. И хотя мне повезло меньше и я не наделен ее талантами и способностью управлять временем, мне все же досталась ее самая полезная черта — умение превращаться в маленькую и злобную хищную птицу. Вы не находите, что я мастерски справился с задачей убедительно сыграть вашу директрису? — Он слегка поклонился. — А теперь позвольте побеспокоить вас просьбой одолжить мне какие-нибудь штаны. Без них я чересчур уязвим.

Его просьбу проигнорировали. Я тщетно пытался прийти в себя. У меня голова шла кругом. Я вспомнил, как мисс Сапсан однажды упомянула, что у нее есть два брата. Я даже видел их фотографию, сделанную в те времена, когда они все находились под опекой мисс Зарянки. Затем я припомнил все дни, проведенные нами с птицей, которую мы принимали за мисс Сапсан, все, через что нам пришлось пройти, все, что мы видели. Голан бросил в океан клетку с настоящей мисс Сапсан, но «спасли» мы уже ее брата. Теперь получили объяснение и те жестокости, которые в последнее время совершила мисс Сапсан — это была вовсе не она, — но у меня все еще оставалось множество вопросов.

— Все это время, — заговорил я, — почему ты оставался птицей? Только ради того, чтобы следить за нами?

— Наблюдать за тем, как вы постоянно переругиваетесь, было необыкновенно увлекательно, но я также надеялся, что вы поможете мне завершить одно неоконченное дельце. То, как вы убили моих людей в том поле, произвело на меня неизгладимое впечатление. Вы проявили незаурядную изобретательность и находчивость. Разумеется, после этого мои люди могли в любой момент вас захватить, но я подумал, что будет лучше позволить вам некоторое время поболтаться в свободном плавании. Я надеялся, что ваши таланты приведут нас к имбрине, которой прежде удавалось улизнуть. — С этими словами он обернулся к мисс Королек и расплылся в широкой улыбке: — Привет, Баленсяга. Как я рад снова тебя видеть.

Мисс Королек застонала и принялась обмахиваться ладонью.

— Вы идиоты, вы кретины, вы дебилы! — закричал клоун. — Вы привели их прямиком к нам!

— А в качестве милого бонуса, — заявил Каул, — мы нанесли визит в ваш зверинец! Мои люди явились туда вскоре после вашего ухода. Головы этого миленького эму-рафа и очкастого пса будут смотреться просто

восхитительно над моим камином!

— Ты чудовище! — взвизгнула мисс Королек.

Ее колени подкосились, и она упала, ударившись спиной о стол.

— О птица! — широко раскрыв глаза, воскликнула Бронвин. — Фиона и Клэр!

— Вы их скоро увидите, — заверил ее Каул. — Они находятся в надежном месте.

Все начинало самым ужасающим образом становиться на свои места. Каул знал, что в облике мисс Сапсан ему удастся без труда проникнуть в зверинец мисс Королек. Не застав ее дома, он побудил нас ехать за ней в Лондон. С самого начала он нами манипулировал, начиная с того момента, когда мы решили покинуть остров и я примкнул к странным детям. Даже та история, которую он выбрал для Бронвин в ту первую ночь в лесу, — легенда о каменном великане — была манипуляцией. Он хотел, чтобы мы нашли петлю мисс Королек, и вышло так, что мы в самом деле разгадали ее секрет.

Те из нас, кто не застыл в немом ужасе, были вне себя от ярости. Несколько человек выкрикивали призывы убить Каула и уже принялись за розыски острых предметов, которыми это можно было бы сделать. Одновременно те, кто сохранил головы на плечах, пытались отговорить приятелей от опасной затеи. Все это время Каул стоял, совершенно спокойно ожидая, пока мы утихомиримся.

— Вы позволите? — наконец подал голос он. — На вашем месте я отказался бы от намерения меня убить. Разумеется, вы *в силах* это сделать, и никто не сможет вас остановить. Но скоро здесь появятся мои люди, и ваша участь будет гораздо легче, если они обнаружат, что мне не причинили вреда. — Он сделал вид, что смотрит на несуществующие часы на своем запястье. — О да, — кивнул он, — они уже должны быть здесь. Да, да, именно сейчас они окружают здание, блокируя все мыслимые пути отступления, включая крышу. Позволю себе сообщить вам, что их пятьдесят шесть человек, пятьдесят шесть вооруженных до зубов солдат. Нет, пожалуй, не до зубов. Гораздо лучше. Вы когда-нибудь видели, что способен сделать мини-пистолет с телом человеческого детеныша? — Он в упор посмотрел на Оливию и отчетливо произнес: — Он превратит тебя в кошачий корм, дорогая.

— Ты блефуешь, — заявил Енох. — Там никого нет!

— Уверяю тебя, есть. Они пристально следили за мной с тех пор, как мы покинули ваш омерзительный маленький остров. И как только Баленсьяга нам представилась, я тут же подал им сигнал. Это произошло

больше двенадцати часов назад. Этого времени вполне достаточно, чтобы собрать боеспособный отряд.

— Позвольте мне убедиться в этом лично, — произнесла мисс Королек и направилась в комнату для совещаний имбрин, окна которой были покрыты льдом в основном снаружи. В некоторых из них имелись отверстия, оснащенные системой зеркал, позволявших осматривать улицу перед зданием.

В ожидании ее возвращения клоун и девочка со змеей обсуждали, какие пытки лучше применить по отношению к этому Каулу.

— Я предлагаю первым делом вырвать у него все ногти на ногах, — заявил клоун. — После этого мы выколем ему глаза раскаленной кочергой.

— Там, откуда я родом, — отозвалась девочка со змеей, — в наказание за измену человека обмазывают медом, привязывают к лодке и оставляют посреди стоячего пруда. Мухи съедают его заживо.

Каул лениво вращал шеей и со скучающим видом потягивался.

— Приношу свои извинения, — пробормотал он. — Пробыв так долго птицей, никак не могу избавиться от судорог в мышцах.

— Ты думаешь, мы шутим? — поинтересовался клоун.

— Я думаю, что вы любители, — ответил Каул. — Если бы вы нашли несколько молодых бамбуковых побегов, я показал бы вам кое-что по-настоящему ужасное. Впрочем, какими бы сладостными ни были эти фантазии, я рекомендую вам растопить весь этот лед. Так будет лучше для вас. Впрочем, нам тоже лишние проблемы не нужны, хотя в первую очередь я искренне забочусь о вашем благополучии.

— Ну да, конечно, — кивнула Эмма. — И где же была ваша забота, когда вы похищали души странных людей?

— Ах да. Наши трое первопроходцев. Их жертва была абсолютно необходимой. Все это было сделано исключительно во имя прогресса, мои дорогие. Мы ведь пытаемся развивать странную разновидность людей.

— Это смешно, — ответила Эмма. — Вы просто рвущиеся к власти садисты!

— Я знаю, что все вы ведете очень уединенную жизнь и, как следствие, очень ограничены, — произнес Каул. — Но разве имбрины не рассказывали вам историю нашего народа? Мы, странные люди, были полубогами и правили этой землей! Мы были гигантами, королями, полноправными ее хозяевами! Но с веками и тысячелетиями мы пришли в упадок. Мы до такой степени перемешались с нормальными людьми и так сильно разбавили нашу кровь, что от нее почти ничего не осталось. А теперь взгляните на нас! Как же мы обмельчали! Мы прячемся в этих

временных болотах, опасаясь тех самых людей, которыми должны управлять. И эта кучка назойливых кумушек заморозила нас в состоянии вечного детства. Разве вы не видите, что именно они сокращают нашу численность? Вам не стыдно? Вы имеете хоть малейшее представление о той власти, которая принадлежит вам по праву? Разве вы не ощущаете, что по вашим венам струится кровь *гигантов*? — Он покраснелся, постепенно утрачивая хладнокровие. — Мы не пытаемся стереть с лица земли странный мир. Мы пытаемся его *спасти*!

— Да неужели? — поинтересовался клоун, после чего подошел к Каулу и плюнул ему в лицо. — Что ж, вы избрали для этого весьма извращенный способ.

Каул отер щеку тыльной стороной кисти.

— Я знал, что с вами бесполезно спорить. Имбрины на протяжении ста лет потчевали вас ложью и пропагандой. Я думаю, будет правильнее взять ваши души и все начать сначала.

В комнату вернулась мисс Королек.

— Он говорит правду, — произнесла она. — Там не менее пятидесяти солдат, и все они вооружены.

— О-о-о... — простонала Бронвин. — Что же нам делать?

— Сдавайтесь, — подсказал Каул. — И тихо выходите отсюда.

— Не имеет значения, сколько там солдат, — возразила Алтеа. — Им никогда не удастся проломиться сквозь мой лед.

Лед! Как же я забыл! Мы находились внутри ледяной крепости!

— Это верно! — жизнерадостно согласился Каул. — Она абсолютно права: мои люди не могут сюда войти. Поэтому существует быстрый и безболезненный способ с этим покончить. Вы либо добровольно растопите лед, либо вас ждет продолжительная, упорная, медленная борьба с нами, именуемая грустным словом «осада». Мои люди будут неделями и месяцами стоять вокруг этого здания, а мы будем сидеть здесь, умирая от голода. Возможно, вы сдадитесь, когда голод доведет вас до отчаяния. Или же начнете поедать друг друга. Как бы то ни было, если вы принудите моих людей к такому долгому ожиданию, они замучают вас насмерть, как только войдут сюда, что рано или поздно непременно случится. И если уж мы *должны* идти этим медленным, скучным и грустным путем, то прошу вас, хотя бы ради детей принесите мне какие-нибудь брюки.

— Алтеа, принеси этому человеку чертовы штаны! — распорядилась мисс Королек. — Но *ни в коем случае*, ни при каких обстоятельствах не топи лед!

— Да, мадам, — ответила Алтеа, выходя из комнаты.

— Итак, — произнесла мисс Королек, оборачиваясь к врагу, — вот как мы поступим. Вы прикажете своим людям беспрепятственно выпустить нас отсюда, или мы вас убьем. Если мы будем вынуждены это сделать, я вас уверяю, мы это сделаем. А после этого раскроем ваш вонючий труп на куски и начнем выбрасывать их в отверстия во льду. Я уверена, вашим людям это вряд ли придется по вкусу, зато у нас будет полным-полно времени, чтобы решить, что нам делать дальше.

Каул пожал плечами.

— Ну ладно.

— Вы о чем? — поинтересовалась мисс Королек.

— Я думал, что сумею вас запугать, — ответил он, — но вы правы, я предпочитаю остаться в живых. Так что отведите меня к одному из этих ваших отверстий во льду, и я сделаю то, о чем вы просите. Я прокричу своим людям внизу все ваши требования.

Вошла Алтеа с брюками в руках и бросила их Каулу, который наконец-то смог одеться. Мисс Королек, вооружив Бронвин, клоуна и Сергея Андропова обломками сосулек, поручила им охранять тварь. Устремив острые ледышки Каулу в спину, наши друзья вывели его в коридор. Но когда мы все проходили через тесный темный кабинет, ведущий в комнату совещаний имбрин, все пошло не по плану. Кто-то споткнулся о матрац и упал, затем откуда-то из темноты послышались звуки борьбы. Эмма зажгла огонь как раз вовремя, чтобы успеть заметить, что Каул куда-то тащит за волосы Алтеа, которая размахивала руками и пыталась ударить его ногой. Не обращая на ее сопротивление никакого внимания, он поднес к ее горлу сосульку и объявил:

— Держитесь подальше, если не хотите, чтобы я проткнул ей яремную вену.

Мы пошли за Каулом, держась от него на почтительном расстоянии. Он втащил Алтеа в зал совещаний, а затем на овальный стол. Обхватив ее шею удушающим захватом, он поднес сосульку к ее глазу и закричал:

— *Слушайте мои требования!*

Впрочем, больше он ничего не успел произнести, потому что Алтеа выбила сосульку у него из рук. Та взлетела и вонзилась острым концом в страницы Карты Дней. Пока губы Каула складывались в изумленное «о», ладонь Алтеа сомкнулась вокруг ширины его брюк, и «о» расплзлось в стороны, превратившись в гримасу шока.

— *Вперед!* — завопила Эмма, и мы — я, Эмма и Бронвин — бросились к ним.

Но пока мы бежали, эта и без того просторная комната начала как

будто увеличиваться в размерах. Всего несколько секунд спустя сражение между Алтеа и Каулом обрело иной оборот. Каул выпустил девочку и упал на стол, вытянув руки и пытаясь дотянуться до сосульки. Алтеа упала с ним, но продолжала крепко держаться за его ногу. Теперь обе ее ладони плотно сжимали его бедро. По нижней половине тела Каула стремительно расползлась ледяная корка, парализуя его от пояса и ниже и примораживая руки девочки к его ноге. Он дотянулся до сосульки одним пальцем, затем всей ладонью. Застонав от усилия и боли, он вырвал ледышку из Карты и изогнул свое тело таким образом, что острие почти касалось спины Алтеи. Он визжал, требуя, чтобы она прекратила, отпустила его и растопила лед, и угрожал в противном случае вонзить сосульку прямо в ее тело.

До них оставалось каких-то несколько ярдов, но Бронвин схватила меня и Эмму и остановила нас, не позволяя бежать дальше.

— Прекрати! Немедленно прекрати это! — визжал Каул.

Его лицо было искажено болью, лед стремительно наползал на его грудь и плечи. Еще несколько секунд, и его руки от плеч до самых кистей тоже оледенели бы.

Алтеа не прекратила.

И тогда Каул исполнил свою угрозу. Он воткнул сосульку прямо ей в спину. Девочка напряглась от шока, а затем застонала. Мисс Королек подбежала к ним. Она звала Алтеа по имени, но лед, успевший захватить в плен бо льшую часть тела Каула, уже стремительно отступал. К тому времени, как мисс Королек оказалась рядом с ними, тварь уже была почти свободна. Тут мы увидели, что весь лед вокруг нас тоже тает. Он исчезал и испарялся так же быстро, как жизнь покидала Алтеа. С чердака дождем струилась талая вода, а по обмякшему телу Алтеа стекала кровь. Девочка покидала нас, лежа на руках мисс Королек.

Бронвин сжимала одной рукой горло Каула, а второй его тающее оружие. Мы также слышали, как тает снег и лед на нижних этажах. Вот он уже исчез со стекол. Мы бросились к окнам и увидели, как вода хлещет из здания на улицу, где солдаты в серой форме повисли на фонарных столбах и пожарных кранах, спасаясь от потока ледяной воды, угрожающего смыть их своими мутными волнами.

Затем мы слышали грохот их сапог на лестнице под нами и на крыше. Мгновение спустя они ворвались в комнату, держа наготове ружья и выкрикивая угрозы. Некоторые из них были в очках ночного видения, и все они буквально топорщились оружием — ручными пулеметами, пистолетами с лазерными прицелами, боевыми ножами. Чтобы оторвать Бронвин от Каула, потребовались усилия трех солдат. Держась за свою

почти раздавленную трахею, он с трудом просипел:

— Уведите их и не церемоньтесь!

Мисс Королек кричала, умоляя нас подчиниться.

— Делайте то, что они говорят, чтобы они вас не ранили!

Она продолжала сжимать в объятиях тело Алтеа, и твари начали с нее. Вырвав девочку у нее из рук, они пинками повалили имбрину на пол. Один из солдат выпустил пулеметную очередь в потолок, чтобы запугать всех остальных. Когда я увидел, что Эмма собирается сделать ладонями огненный шар, я схватил ее за руку и взмолился, чтобы она остановилась.

— Прошу тебя, не надо, они тебя убьют!

Тут же мне в грудь врезался приклад винтовки, и я, задыхаясь, упал на пол. Один из солдат связал мне руки за спиной.

Я услышал, как они нас пересчитывают. Каул лично называл наши имена, позаботившись о том, чтобы нашли даже Милларда. Разумеется, проведя с нами последние три дня, он не только знал всех нас поименно. Он знал все о каждом из нас.

Меня рывком поставили на ноги и вытолкали в коридор вместе с остальными. Рядом со мной, спотыкаясь, брела Эмма. У нее в волосах была кровь, и я прошептал ей:

— Пожалуйста, не перечь им, делай все, что они скажут.

Эмма не ответила, но я знал, что она меня услышала. На ее лице застыло смешанное выражение ярости, страха и шока. Мне почудилось также, что она жалеет обо всем отнятом у меня только что.

На лестнице, пенясь, бушевала река — бешеный водоворот сливающихся в один поток каскадов. Путь вниз был отрезан, оставалось идти вверх. Нас пинками погнали по лестнице и вытолкали на крышу, под лучи яркого дневного света. Все мои друзья были мокрыми, замерзшими и насмерть перепуганными. Все хранили угрюмое молчание. Все, кроме Эммы.

— Куда вы нас ведете? — громко поинтересовалась она, одновременно пытаясь освободить скованные за спиной руки.

Каул подошел и ухмыльнулся ей прямо в лицо.

— В совершенно особое место, — ответил он. — Туда, где пригодятся ваши странные души, все до последней капли.

Эмма вздрогнула, а он захохотал и отвернулся, продолжая потягиваться и зевать. Из его лопаток торчали странные узловатые выросты, похожие на обрубки крыльев, — единственный внешний признак того, что этот извращенец состоял в родстве с имбриной.

С крыши соседнего здания раздались голоса. Там тоже были солдаты. Они прокладывали между крышами раскладной мост.

— Что делать с мертвой девочкой? — спросил один из солдат.

— Ах, какая потеря! — прищелкнул языком Каул. — Я с удовольствием пообедал бы ее душой. Душа как таковая совершенно безвкусна, — продолжал он, обернувшись к нам. — Ее естественная структура похожа на желатин или какую-то пасту. Но если ее хорошенько взбить с толикой провансаля и подать к белому мясу, она весьма съедобна.

Он громко расхохотался и еще долго не мог успокоиться.

Когда твари начали по очереди проводить нас по раскладному мосту, я ощутил уже знакомый спазм внутренностей, очень слабый, но набирающий силу. Это размороженная пустота постепенно возвращалась к жизни.

* * *

Десять солдат вывели нас из петли под прицелами автоматов. Мы

прошли мимо ярких палаток, балаганов и посетителей ярмарки, наблюдавших за происходящим с открытыми ртами; миновали паутину грязных переулков с их лотками, торговцами и оборванными детишками; склад с горами ношеной одежды — и спустились в подземку. Солдаты подгоняли нас прикладами и окриками, требуя идти быстрее и молчать, хотя и без этого на протяжении последних нескольких минут никто не проронил ни слова. Также от нас требовали не поднимать головы и, во избежание новых ударов, следовать строго друг за другом.

Каула с нами уже не было. Он остался в оттаявшем здании с большой группой солдат, которой, по его словам, предстояло «осушить территорию», что, судя по всему, означало прочесывание петли на предмет отбившихся от общей компании странных людей. Когда мы видели его в последний раз, он натягивал вполне современные ботинки и армейский китель. Он сообщил нам, что его уже тошнит от нашего вида, и пообещал встретиться с нами «по ту сторону», что бы это ни означало.

Мы прошли через временной порог и совершили скачок вперед, снова оказавшись в системе подземных тоннелей, которая, однако, сильно отличалась от той, которую мы недавно покинули. Теперь и пути, и шпалы были металлическими, а вместо красноватого зарева от ламп накаливания все вокруг заливало болезненно-зеленоватое свечение флюоресцентных трубок. Чем это объяснялось, я понял, когда мы вышли на платформу: теперь мы были не в девятнадцатом и даже не в двадцатом веке. Толпа укрывающихся от бомбежки беженцев исчезла, и станция была почти пуста. Винтовую лестницу, по которой мы сюда спустились, сменил эскалатор. На экране жидкокристаллического дисплея над платформой мерцала надпись: **ПРИБЫТИЕ СЛЕДУЮЩЕГО ПОЕЗДА ЧЕРЕЗ 2 МИНУТЫ**. На стене висела афиша с названием фильма, который я видел в начале лета, незадолго до смерти дедушки.

1940 год остался позади. Я снова оказался в настоящем.

Некоторые из моих друзей отметили это с удивлением и даже страхом, как будто опасаясь того, что их в считанные минуты настигнет ускоренное старение. Но я подумал, что для большинства из них потрясение от внезапного пленения затмило шок от неожиданного визита в настоящее. Их больше волновала перспектива утратить душу, чем приобрести седые волосы и старческие пятна.

В ожидании поезда солдаты согнали нас в центр платформы. Послышался стук твердых подошв по плитам пола. Я рискнул покоситься через плечо и увидел, что к нам идет полицейский. За его спиной с эскалатора сходило еще трое стражей порядка.

— Эй! — закричал Енох. — Полиция, на помощь!

Солдат ударил его прикладом в живот, и Енох сложился пополам.

— Здесь все в порядке? — спросил ближайший к нам полицейский.

— Они взяли нас в плен, — заявила Бронвин. — На самом деле это не солдаты, это...

Тут она тоже получила удар прикладом в живот, хотя, похоже, ей это не причинило ни боли, ни вреда. Что заставило ее замолчать, так это сам полицейский, который снял зеркальные очки, демонстрируя совершенно белые глаза. Бронвин в ужасе отпрянула.

— Небольшой совет, — произнес полицейский. — Помощи вам ожидать неоткуда. Мы повсюду. Смиритесь ради своей же пользы.

Станцию начали заполнять нормальные люди. Солдаты окружили нас со всех сторон, тщательно скрывая оружие.

К платформе с шипением подполз переполненный людьми поезд. Электрические двери с громким хлопком разъехались в стороны, и толпа вывалилась наружу. Солдаты начали теснить нас в сторону ближайшего вагона. Полицейские вошли в него, чтобы разогнать тех немногих пассажиров, которые в нем оставались.

— Найдите себе другой вагон! — рявкнул один из них. — Вон отсюда!

Что-то недовольно бормоча себе под нос, пассажиры повиновались. Но позади нас тоже стояли люди, и они намеревались войти в этот же вагон. Некоторым из окружавших нас солдат пришлось отвлечься на них. И тут возникла небольшая толчея — двери пытались закрыться, но полицейские продолжали их удерживать, пока не включилась сирена. Солдаты заспешили и толкнули нас вперед так сильно, что Енох споткнулся и упал. Другие дети начали спотыкаться о него и тоже падать, напоминая рассыпающийся карточный домик. Русский странный, запястья которого были такими тонкими, что он легко сбросил наручники, воспользовался возникшим замешательством и бросился бежать.

Прогремел выстрел, затем второй, и складывающийся человек упал, распластавшись на полу. Толпа колыхнулась, и охваченные паникой люди начали с громкими криками разбегаться в разные стороны, спасаясь от выстрелов. То, что секунду назад было небольшой заминкой у дверей вагона, превратилось в полный хаос.

Солдаты начали бить нас ногами и заталкивать в вагон. Рядом со мной сопротивлялась Эмма, тем самым вынуждая толкавшего ее солдата подойти ближе. Внезапно ее руки полыхнули огнем, и, потянувшись назад, она схватила солдата за ногу. Тот с громким воплем упал на пол. В его камуфляже чернела дыра в форме человеческой кисти. Тогда солдат,

заталкивавший в двери *меня*, замахнулся прикладом автомата и уже собирался опустить его на шею Эммы, как вдруг инстинкт заставил меня толкнуть его плечом в спину.

Он споткнулся.

Эмма расплавила свои металлические наручники, и они свалились с ее кистей бесформенным комком раскаленно-алого металла. «Мой» солдат взвыл от боли и, развернувшись, прицелился в меня из пистолета. К счастью, выстрелить он не успел, потому что сзади на него прыгнула Эмма, прижав ладони к его лицу. Ее пальцы были такими горячими, что расплавили его щеки, как масло. Он уронил пистолет и с воплем рухнул на платформу.

Все это произошло очень быстро, буквально в считанные секунды.

Тут на нас бросились два других солдата. К этому моменту почти все уже были в вагоне. Все, кроме Бронвин и слепых братьев, которых никто не стал заковывать в наручники и которые спокойно стояли рядом, держась за руки. Увидев, что еще секунда, и нас застрелят, Бронвин сделала то, чего никогда не сделала бы при иных обстоятельствах. Она с силой ударила старшего брата по лицу, после чего схватила младшего и дернула к себе, заставив их разомкнуть руки.

Едва их связь была разорвана, они издали вопль настолько мощный, что по платформе пронесся вихрь звуковой волны. Это был настоящий ураган энергии звука в ее чистом виде. Нас с Эммой отшвырнуло назад, а стекла в очках солдат разлетелись вдребезги. Вопль затмил все остальные воспринимаемые моими ушами частоты, я слышал только этот неправдоподобно высокий визг: *Иииииииии...*

Все окна в поезде покрылись трещинами и рассыпались, жидкокристаллические экраны разбились на узкие полосы острого, как ножи, стекла, а трубки освещения взорвались, так что на мгновение мы оказались в полной темноте, после чего истерически замигали красные аварийные фонари.

Поток сбил меня с ног, и я упал на спину. Я задыхался, а в ушах стоял оглушительный звон. Что-то тянуло меня назад за воротник, прочь от поезда, а я не сопротивлялся, поскольку никак не мог припомнить, как следует пользоваться руками и ногами. Поверх звона в ушах я слышал отчаянные голоса, которые выкрикивали:

— *Бегите, скорее бегите!*

Я ощутил у себя на затылке что-то холодное и мокрое, и меня втащили в телефонную будку. Тут уже лежала Эмма. Она свернулась клубочком в углу и, казалось, почти потеряла сознание.

— Подтяни колени к груди, — услышал я знакомый голос у самого уха, и из-за моей спины выбежало покрытое шерстью существо с вдавленной мордой и отвисшими щеками.

Собака. Эддисон.

Я втянул ноги в будку. Способность соображать вернулась в достаточной степени для того, чтобы шевелиться, но говорить я пока не мог.

Последним, что я увидел в ярких вспышках этого дьявольски красного света, была мисс Королек. Ее втокнули в вагон поезда, после чего двери с громким щелчком захлопнулись. Все наши друзья были уже там, под прицелами автоматов. Я отчетливо видел их в обрамлении разбившегося окна и окружении людей с белыми глазами.

Затем поезд взревел и скрылся в темноте тоннеля.

* * *

Я очнулся от того, что мое лицо лизал чей-то язык.

Собака. Дверь будки была закрыта, и мы, все трое, лежали внутри, на полу.

— Ты потерял сознание, — сообщил мне пес.

— Они уехали, — отозвался я.

— Да, но нам нельзя здесь оставаться. Они за вами вернутся. Надо уходить.

— Мне кажется, я не смогу встать.

У пса был порезан нос и не доставало изрядного куска одного уха. Что бы он ни предпринял, дабы попасть сюда, было ясно — он тоже прошел через ад.

Я ощутил, что мою ногу что-то щекочет, но от усталости не мог даже опустить голову и взглянуть, что там такое. Мне казалось, что голова стала огромной и тяжелой, как валун.

— Только не надо снова засыпать, — предостерег пес, после чего обернулся к Эмме и принялся лизать лицо ей.

Снова это щекотание. На этот раз я немного повернулся и потянулся к ноге.

Это был мой телефон, и он вибрировал. Я не мог в это поверить. Я выхватил его из кармана. Он почти разрядился, прием тоже был практически на нуле. «ПАПА (177 ПРОПУЩЕННЫХ ЗВОНКОВ)», — прочитал я на экране.

Если бы не близкое к сумеречному состояние моего сознания, я бы, скорее всего, не ответил. В любой момент рядом с нами мог появиться человек с оружием и намерением нас прикончить. Не самый лучший момент для беседы с отцом. Но соображал я плохо, а когда звонил телефон, я обычно рефлекторно, как собака Павлова, отвечал на звонок.

Я нажал на клавишу «ОТВЕТИТЬ».

— Да?

В трубке послышался сдавленный взглас. Затем:

— Джейкоб? Это ты?

— Это я.

Должно быть, мой голос звучал просто ужасно, больше всего напоминая еле слышный хрип.

— О боже, о боже, — произнес отец.

Он не ожидал, что я отвечу, скорее всего, уже смирившись с моей смертью, и звонил, повинуюсь какому-то инстинкту, который ему в его горе не удавалось отключить.

— Я не... где ты... что случилось... где ты находишься, сынок?

— Я в порядке, — прошептал я. — Я жив. В Лондоне.

Я не знаю, зачем я сообщил ему эту, последнюю информацию. Наверное, мне казалось, что я обязан сказать ему хоть что-то.

Папа, видимо, отстранился от трубки и крикнул кому-то:

— Это Джейкоб! Он в Лондоне! — И тут же вернулся ко мне: — Мы думали, ты умер.

— Я знаю. Я хотел сказать, ничего удивительного. Простите за то, что я исчез. Я надеюсь, что не слишком сильно вас напугал.

— Ты напугал нас до смерти, Джейкоб. — Отец вздохнул, и в этом длинном дрожащем звуке отчетливо слышались облегчение, изумление и гнев. — Мы с твоей мамой тоже в Лондоне. После того как полиции не удалось найти тебя на острове... но сейчас это не имеет значения, просто скажи мне, где ты, и мы за тобой приедем!

Эмма начала шевелиться. Ее глаза открылись, и она посмотрела на меня таким затуманенным взглядом, как будто находилась где-то глубоко внутри себя и выглядывала оттуда, преодолевая многие мили.

— Хорошо, будь с нами, — произнес Эддисон и, оставив в покое ее лицо, принялся лизать ее руку.

— Папа, я не могу вернуться, — произнес я в трубку. — Я не могу втягивать вас в эту историю.

— О боже, я так и знал. Ты на наркотиках, я угадал? Послушай, с кем бы ты ни спутался, мы можем тебе помочь. Мы не станем привлекать к

делу полицию. Мы просто хотим, чтобы ты вернулся.

На секунду у меня в голове все потемнело, а когда снова очнулся, я ощутил такую резкую боль в животе, что уронил телефон.

Эддисон вскинул голову и посмотрел на меня.

— Что случилось? — спросил он.

И в это мгновение я увидел длинный черный язык, прижавшийся снаружи к стеклу будки. К нему тут же присоединился второй, а затем и третий омерзительный отросток.

Пуст **о** та. Разморозившаяся пустота. Она нас настигла.

Пес ее не видел, но без труда истолковал выражение моего лица.

— Это одна из них?

— Да, — одними губами произнес я, и Эддисон забился в угол.

— Джейкоб? — доносился из трубки голос отца. — Джейкоб, ты меня слышишь?

Языки начали оборачиваться вокруг будки, беря нас в кольцо. Я не знал, что делать, но понимал, что должен сделать хоть *что-то*. Поэтому я подогнул ноги под себя, оперся ладонями о стены будки и с трудом выпрямился.

И оказался лицом к лицу с пуст **о** той. Из ее раскрытого рта струились жуткие языки. Ее глаза, в нескольких дюймах от стекла, источали черноту. Наши взгляды встретились. Эта мерзость издала низкий гортанный рык, от которого у меня все внутренности превратились в желе. Я уже почти сожалел, что пустоты до сих пор меня не убили и не покончили с этой болью и этим ужасом.

— Просыпайся! — залаял пес прямо в лицо Эмме. — Ты нам нужна, дорогуша! Зажги свой огонь!

Но Эмма не могла ни говорить, ни стоять, и на станции подземки уже не осталось никого, кроме нас да еще двух женщин в плащах, которые пятились от будки, зажав носы, чтобы защититься от ужасающего смрада, исходящего от пуст **о** той.

И тут будка, вся будка, со всеми нами внутри, качнулась в одну сторону, а затем в другую, и я услышал, как болты, крепившие ее к полу, застонали и лопнули. Существо медленно приподняло будку над полом — на шесть дюймов, потом на фут, потом на два — только для того, чтобы снова резко ударить ею о каменные плиты. Окна будки разбились, и на нас посыпались осколки.

Теперь уже ничто не разделяло нас с пуст **о** той. Ни расстояние, ни стекло. Ее языки погрузились в будку, обвивая мою руку, мою талию, а затем мою шею, сжимая все крепче и крепче... И вот мне уже нечем

дышать.

Именно в этот момент я понял, что уже умер. И поскольку я все равно был мертв и уже ничего не мог с этим поделать, я перестал сопротивляться. Я расслабил все мышцы и закрыл глаза, отдавшись на милость боли, подобной бешеному фейерверку у меня в животе.

И тут произошло странное. Боль перестала причинять мне страдания. Она изменилась, превратившись в нечто иное. Я вошел в нее, и она окутала меня со всех сторон, и под ее бурлящей поверхностью я обнаружил нечто тихое и ласковое.

Шепот.

Я снова открыл глаза. Пуст *о* та, казалось, застыла, глядя на меня. Я смотрел на нее, и мне не было страшно. Перед моими глазами от недостатка кислорода плавали черные точки, но боли не было.

Хватка на моем горле ослабла. Я сделал свой первый вдох за несколько минут. И тут шепот, который я обнаружил внутри себя, поднялся из моего живота, прошел сквозь горло и вырвался изо рта, образовав слова, не напоминающие ни один из известных мне языков. Однако значение этих слов я знал.

Пошел.

Вон.

Пуст *о* та втянула свои языки обратно в свой огромный рот и захлопнула челюсти. Она даже склонила голову, как будто демонстрируя мне свою покорность.

А потом она села.

Эмма и Эддисон смотрели на меня с пола будки, пытаясь понять причину внезапной тишины.

— Что только что случилось? — спросил пес.

— Бояться нечего, — ответил я.

— Она ушла?

— Нет, но она больше не причинит нам вреда.

Он не стал спрашивать, откуда мне это известно. Он просто кивнул, удовлетворенный уверенностью, прозвучавшей в моем голосе.

Я открыл дверь будки и помог Эмме подняться на ноги.

— Ты можешь идти? — спросил я.

Она обняла меня за талию, прислонившись ко мне всем телом, и мы вместе сделали первый шаг.

— Я тебя не оставляю, — сообщил ей я. — Нравится тебе это или нет.

Прижавшись губами к моему уху, она прошептала:

— Я люблю тебя, Джейкоб.

— Я тоже тебя люблю, — прошептал я в ответ.

Я наклонился и поднял телефон.

— Папа?

— Что это был за шум? С кем ты?

— Я здесь, и я в порядке.

— Нет, не в порядке. Жди нас там, никуда не уходи.

— Папа, я должен идти. Прости меня.

— Подожди. Не вешай трубку, — попросил он. — Джейк, ты не в себе.

— Нет. Я такой, как дедушка. У меня есть то, что было у него.

Длинная пауза. Затем:

— Прошу тебя, вернись домой.

Я глубоко вздохнул. Мне слишком многое нужно было ему сказать, но совершенно не было на это времени. Я понял, что придется ограничиться несколькими предложениями.

— Я надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуться домой. Но сначала мне предстоит многое сделать. Я просто хочу, чтобы ты знал: я люблю вас с мамой и не допущу, чтобы то, с чем мне приходится иметь дело, причинило вам вред.

— Мы тоже тебя любим, Джейкоб. И нам все равно, на наркотиках ты или это что-то другое. Мы сразу же за тобой приедем. Как я и думал, ты не в себе.

— Нет, папа. Я странный.

Я нажал на клавишу окончания разговора и обратился к пустой телефонной трубке на незнакомом языке, о владении которым еще пять минут назад и не догадывался. Я приказал ей встать.

И она встала, покорная, как тень.

О фотографиях

Как и снимки из первой книги, «Дом странных детей», все фотографии в «Городе пустых» являются подлинными и старинными. Изображения лишь на некоторых из них я был вынужден подвергнуть цифровой обработке. В остальном же они опубликованы здесь без изменений. Я терпеливо собирал их на протяжении нескольких лет, прерывая блошинные рынки, посещая выставки старых газет, но чаще всего находя их в коллекциях людей, преуспевших на этом поприще гораздо больше меня. К счастью, они оказались достаточно благосклонными, чтобы расстаться с некоторыми из своих самых странных сокровищ ради того, чтобы помочь мне создать эту книгу.

Следующие снимки мне любезно позволили использовать их владельцы:

Силуэт Джейкоба — из коллекции Розелин Лейбовиц

Эмма Блум — из коллекции Мюриела Маутета

Енох О'Коннор — из коллекции Дэвида Басса

Клэр Денсмор — из коллекции Дэвида Басса

Фиона — из коллекции Джона Ван Ноата

Мисс Зарянка — из коллекции Эрин Уотерс

Девочка, сажающаяся в поезд — из коллекции Джона Ван Ноата

Плачущий младенец — из коллекции Джона Ван Ноата

Странные братья — из коллекции Джона Ван Ноата

Сэм — из коллекции Джона Ван Ноата

Миллард в зеркале — из коллекции Джона Ван Ноата

Часовой — из коллекции Джона Ван Ноата

Благодарности

В конце книги «Дом странных детей» я поблагодарил своего издателя Джейсона Рекулака за его «бесконечное терпение». Теперь, после второй книги, на написание которой у меня ушло вдвое больше времени, я должен поблагодарить его за легендарное, нет, святое терпение. Воистину, он наделен терпением Иова! Надеюсь, ожидание того стоило, и я буду вечно благодарен ему за то, что он помог мне обрести свой путь.

Благодарю команду издательства «Кверк Букс» — Бретта, Дэвида, Николь, Монеку, Кэтрин, Дуги, Ерика, Джона, Мэри-Элен и Блэра — за то, что они являются одновременно самыми здравомыслящими и самыми творческими людьми во всем издательском деле. Спасибо также всем в издательстве «Рэндом-Хаус» и моим издателям за границы, которым удалось так изящно перевести мое эксцентричное творение на другие языки (и за то, что вы изредка приглашаете к себе высокого, бледного и слегка растерянного американского писателя; приношу свои извинения за беспорядок, устроенный мною в вашей комнате для гостей).

Благодарю своего агента Джоди Ример за вычитывание множества черновых вариантов этой книги и дельные замечания, значительно улучшающие текст. Она всегда (или почти всегда) использовала свой первоклассный черный пояс во имя торжества добра, а не зла.

От всей души благодарю всех моих друзей-коллекционеров, которые помогли создать эту книгу: Роберта Е. Джексона, Питера Дж. Коэна, Стива Банноса, Майкла Фэйрли, Стейси Уолдман, Джона Ван Ноата, Дэвида Басса, Ефима Товбиса и Фабиена Брюарта. Без вас у меня ничего не вышло бы.

Благодарю учителей, которые ставили передо мной трудные задачи и подбадривали меня на моем пути: Дональда Рогана, Перри Лентца, П. Ф. Ключе, Джонатана Тейзвелла, Ким Мак-Маллен, Линду Джанофф, Нину Фох, Льюиса Хайда и Джона Кинселлу в числе многих других.

Но больше всех я хочу поблагодарить Тахерен, которая озарила мою жизнь. Я люблю тебя, *азизам*.

Примечания

Перевод М. Лозинского. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Слова white — *белый* wight — *тварь* звучат по-английски одинаково.

Так произносится английское слово *wren*, что в переводе означает «королек».

Продолжительное путешествие, включавшее поездку по Франции, Нидерландам и Италии, что являлось общепринятой составной частью образования английского джентльмена в XVIII в.

О мбудсмен — гражданское или должностное лицо, контролирующее соблюдение интересов определенных гражданских групп в деятельности органов исполнительной власти. *(Прим. ред.)*